

ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

2025, Том 5, № 11

Подписано к публикации: 25.11.2025

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Атаев Борис Махачевич (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Биданюк Марзият Мугдиновна (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Горишунов Юрий Владимирович (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор
Гумовская Галина Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жирова Ирина Григорьевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Закирова Елена Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимова Марица Оглановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент
Лисицкая Лариса Григорьевна (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор
Лиходкина Ирина Александровна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Мазирка Ирина Олеговна (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Мощева Светлана Васильевна (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Елена Касимовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Рогалёва Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Степанова Надежда Сергеевна (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Толкачев Сергей Петрович (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022г., [Elibrary.ru](http://elibrary.ru).

Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2782-5329 (online)

DOI: 10.62257/2782-5329-2025-11

E-mail: info@vfn-journal.ru

Сайт: <https://vfn-journal.ru>

© Вестник филологических наук, 2025

Содержание

Барышева А.И. Репрезентация концепта Баба-яга в современном медиадискурсе	6-11
Гаджимурадова Т.Э., Магомедова А.О. Флористическая символика в повести Джебрана Халиля Джебрана «Сломанные крылья»	12-17
Гаспарян Л.А. Специфика литературного и культурного трансфера в эссе Вирджинии Вульф «Своя комната»	18-24
Гусейханова З.С., Кокова М.М. Когнитивное моделирование значения глагола ‘advise’	25-30
Дун Лие Когнитивно-прагматические механизмы конструирования образа «чужого» в спортивном дискурсе и их воздействие на вторичную языковую личность	31-36
Кедяркин С.Н., Кедяркина Н.В., Степин С.Н. Модели и практики совершенствования профессиональной компетентности журналистов местной прессы: опыт Нижегородской области	37-45
Крашенинников А.Е., Нарбут Е.В., Щептева В.Э. Эволюция понимания символа в китайской литературе	46-51
Сади Али Саниге, Короченский А.П. Социальные сети как инструмент политической мобилизации и участия в Республике Чад	52-56
Саганджиев Э.Р. История крымскотатарской поэзии XV-XVIII веков в исторической прозе периода Крымского ханства	57-62
Чжан Чэньтун Построение лингвокультурологического поля концепта МОЛОДОСТЬ в русском языковом сознании	63-69
Бай Жу Словообразовательная прозрачность и морфемная насыщенность как параметры сложности лексики в заданиях по РКИ (китайская выборка)	70-76
Гаджимурадова Т.Э., Муртазалиева Б.М. Дневниковый нарратив повести Тауфика аль-Хакима «Записки провинциального следователя»	77-82
Глебова Я.А. Конголезские заимствования во французском языке Кот-д’Ивуара	83-87
Гусейнова М.Б., Маллаева С.Д. Словообразовательный и семантический анализ окказионализмов русского языка с префиксом без-	88-91
Бобровская Н.А., Езерих А.С., Манухина И.А., Хребтова Т.С. Ризоматичность и интертекстуальность романа Чигози Обиомы «Рыбаки» (на английском языке)	92-98
Кабакова С.А., Амренова С.Б., Знаменщикова Д.А. Исследование гендерных особенностей письменной речи на основе вступительных эссе абитуриентов Ишимского педагогического института им. П.П. Ершова (филиала) ТюмГУ	99-105
Лавренюк О.С. Английские заимствования в общеупотребительном составе современного русского языка: необходимость или неизбежность?	106-113

Пайзуллаева П.Г., Агавова З.Ш.

Структурно-семантическая характеристика окказионализмов русского языка с приставкой не- 114-117

Вьюшкова И.Г., Сильченко Г.В.

Образ сердца в поэтическом сознании П.П. Ершова 118-123

Смирнова Е.Е., Лебедева О.А.

Профессионально-ориентированный проект в практике преподавания русского языка как иностранного как способ формирования профессионально-коммуникативной компетенции у иностранных студентов медицинских направлений подготовки 124-130

Чэн Цзин, Шэнь Цыци

Исследование русского перевода идей Си Цзиньпина о государственном управлении 131-140

Щербина П.А.

Динамическая модель языковой личности критика (на примере эссе У.Х. Одена «Американская поэзия») 141-148

Белова А.М., Васюкович Э.И., Чаунина Н.В.

Образ ребенка в произведениях современных писателей 149-154

Юань Юйсинь

Лингвопрагматические особенности выражения экспрессии эмоциональности в художественном тексте (на материале рассказа А. Матвеевой «На картине») 155-161

Гаджимурадова Т.Э., Султанбегова З.З.

Мотивы дома / театра в романе Нагиба Махфуза «Торжество возвышенного» 162-169

Власова О.В.

Персонажи русских народных сказок в креолизованных текстах (на материале рекламы и карикатуры) 170-179

Горбач С.Р.

Многоязычие и его роль в современных обществах: язык как средство интеграции и конфликта 180-188

Горшков И.П.

Влияние доминантности текстовых категорий на интерпретацию немецкой религиозной притчи 189-195

Извольская Д.Р.

Авторские и читательские интенции в текстах немецких СМИ о Д. Трампе 196-202

Акимова А.С.

О якутском кузнечном термине суохапчы 203-208

Чучалин В.В., Ефремов Д.А.

Использование Telegram-каналов для продвижения веб-сайтов: инструменты, стратегии и кейсы 209-214

Кельбеханова М.Р.

Природа художественной детали и ее функции в литературе 215-218

Магомедова А.Н.

Деструктивное влияние Интернет-ресурсов на студенческую молодежь 219-226

Мокшенинова О.М.

Дискурсивные практики как знак репрезентации знания русско-церковнославянской языковой личности 227-232

Стрижкова О.В.

Лингвистическое исследование юмористического контента, содержащего признаки запрещенной информации 233-237

Шестов Н.А.

Использование видео блогеров в маркетинговой стратегии компаниями на рынке видеоигр 238-242

Гаджимурадова Т.Э., Исаева М.М.

Проблематика и образность цикла рассказов Махмуда Теймура о суевериях 243-249

Мокшенинова О.М.

Коммуникативная перспектива высказывания на материале церковнославянского языка 250-256

Мисиева Л.А., Ястребова А.Э.

Гендерно-нейтральный перевод и явление инклюзивности в языке современной корпоративной культуры 257-263

Глухов И.Ю., Передерий С.Н.

Лингвистические особенности поэтического языка (на примере Российского художника Владимира Боровиковского) 264-269

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1'37

¹ Барышева А.И.

¹ Уфимский университет науки и технологий

Репрезентация концепта Баба-яга в современном медиадискурсе

Аннотация: в статье анализируется трансформация концепта Баба-яга в современном медиадискурсе на фоне переосмысления образа героини русской сказки. На материале исследований результатов психолингвистического эксперимента и изучения медиатекстов выделяются основные значения концептуального поля Баба-яга. Методология исследования, помимо психолингвистического эксперимента, включает семантический и дискурсивный анализ, а также обзор и изучение современных работ в области когнитивистики. Результаты исследования позволяют сделать вывод о реинтерпретации концепта Баба-яга в медиадискурсе.

Ключевые слова: Баба-яга, концепт, дискурс, медиадискурс

Для цитирования: Барышева А.И. Репрезентация концепта Баба-яга в современном медиадискурсе // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 6 – 11.

Поступила в редакцию: 02 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Barysheva A.I.

¹ Ufa University of Science and Technology

Representation of the Baba Yaga concept in modern media discourse

Abstract: the article analyzes the transformation of the concept of Baba Yaga in modern media discourse against the background of the reinterpretation of the image of the heroine of a Russian fairy tale. Based on the results of a psycholinguistic experiment and the study of media texts, the main meanings of the concept of Baba Yaga are identified. In addition to the psycholinguistic experiment, the research methodology includes semantic and discourse analysis, as well as a review and study of contemporary works in the field of cognitive science. The results of the study suggest a reinterpretation of the concept of Baba Yaga in media discourse.

Keywords: Baba Yaga, concept, discourse, media discourse

For citation: Barysheva A.I. Representation of the Baba Yaga concept in modern media discourse. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 6 – 11.

The article was submitted: October 02, 2025; Approved after reviewing: October 16, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена тем, что под влиянием лингвистических факторов современный медиадискурс претерпевает значительные изменения и, в свою очередь, воздействует на восприятие концептов в языковом сознании народа. Относительная устойчивость и воспроизводимость, с одной стороны, и тенденция концепта к изменчивости, с другой, становятся источником противоречия между

разными способами представления концептов в языковом сознании и таким образом способствуют расширению концептуального поля.

Цель исследования – проследить способы представления концепта Баба-яга в современном медиадискурсе. Гипотеза исследования состоит в том, что концепт Баба-яга как изменчивое ментальное образование [3, с. 95] трансформируется под воздействием современных представлений о сказочных героях и вследствие переосмысления функций некоторых персонажей.

Образ Бабы-яги в языковом сознании прочно связан не только с присущими персонажу атрибутами (метла, ступа, избушка на курьих ножках), но и теми характеристиками, которые закрепились в русской народной сказке: Баба-яга – это злая ведьма, которая чинит препятствия положительному герою сказки. Как отмечают исследователи, первоначально в древней русской мифологии Баба-яга была положительным персонажем, прародительницей и хранительницей рода, однако с укоренением на Руси христианства данный образ претерпевает изменения, и Бабе-яге уже приписываются отрицательные черты: «Из берегини рода Баба-Яга трансформировалась в гнусную, зловедную старуху» [5, с. 149]. Из хранительницы жизненного пространства Баба-Яга постепенно превращается в многоипостасного персонажа, образ которого подвергается нейтральной или негативной оценке. Как отмечает В.Я. Пропп, «в основной сказке знает три разных формы Яги. Она знает, например, Ягу-дарительницу, к которой приходит герой. Она его выпрашивает, от нее он (или героиня) получает коня, богатые дары и т.д. Иной тип – Яга-похитительница. Она похищает детей и пытается их изжарить, после чего следует бегство и спасение. Наконец, сказка знает еще Ягу-воительницу. Она прилетает к героям в избушку, вырезает у них из спины ремень и пр.» [7, с. 47]. Более поздние исследования связывают этимологию слова яга с праславянским «яга – персонифицированное ‘удушье, кошмар’» [8, с. 87].

Тем не менее образ Бабы-яги оказывается важным для формирования культурного кода русского национального сознания. Сегодня мы наблюдаем тенденцию к переосмыслению знакомых образов, героизации персонажей, которым традиционно отводилась второстепенная роль. Об этом, в частности, свидетельствует появление образа Бабы-яги как отечественного супергероя в кино (фильмы «Баба Яга спасает мир» (2023) и «Баба Яга спасает Новый год» (2024)) и рекламе (Яга – часть проекта бренда ВУ «Русские супергерои»).

Материалы и методы исследований

В целях всестороннего рассмотрения концептуального поля Баба-яга применялись следующие методы: обзор, изучение и анализ научных работ в области когнитивной лингвистики, эксперимент, дискурсивный и семантический анализ.

Результаты и обсуждения

Для проверки предложенной гипотезы был проведен психолингвистический эксперимент среди студентов 1 курса гуманитарных специальностей. Количество респондентов составило 60 человек в возрасте от 17 до 18 лет. Студентам в качестве слова-стимула был предъявлен оним Баба-яга, на который респондентами было дано от 5 до 10 реакций.

Анализ реакций показал, что в сознании молодежи сохраняется тесная связь образа Бабы-яги с её традиционными атрибутами – метлой, избушкой на курьих ножках, ступой, а также с местами привычного обитания героини (сказка, лес, болото), что подтверждается набором частотных реакций (рис. 1).

В то же время ряд реакций является нетипичным для традиционного образа Бабы-яги, какой она представляется в массовом сознании. Такие реакции как «одиночество», «баланс», «добро» (рис. 2) свидетельствуют о трансформации представления о Бабе-яге только лишь как о злой ведьме, навеянном в том числе эксплуатацией образа колдуньи из популярных зарубежных мультфильмов. В современной отечественной мультипликации и в кино Баба-яга уже не ассоциируется с коварной ведьмой или колдуньей (ср. фильмы «Баба Яга спасает мир» (2023) и «Баба Яга спасает Новый год» (2024)).

Рис. 1. Наиболее частотные реакции на слово-стимул Баба-яга.
Fig. 1. The most frequent reactions to the stimulus word Baba Yaga.

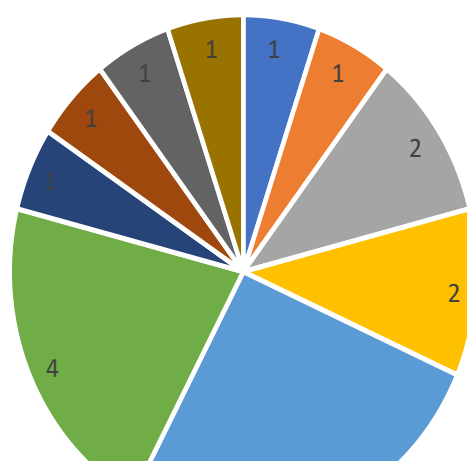

Рис. 2. Наименее частотные реакции на слово-стимул Баба-яга.
Fig. 2. The least frequent reactions to the stimulus word Baba Yaga.

На наш взгляд, происходит не только трансформация, но и эволюция концепта Баба-яга, представленная частичным возвратом к некоторым языческим представлениям о сказочном персонаже, а также ассоциативным переносом положительных коннотаций со сказочных атрибутов и реалий (дом, сказка, добро и др.). Подобный перенос возможен благодаря особой форме знания – ассоциативной и имплицитной [1, с. 19]: понимание образа Бабы-яги неотделимо от русской сказки, а русская сказка связана в сознании с понятиями добра и зла. Данный процесс связан с активной эксплуатацией образа героини сказок в медиапространстве: концепт трансформируется, видоизменяется и эволюционирует под воздействием в первую очередь нелингвистических факторов, вследствие чего приобретает или теряет отдельные признаки [6, с. 46].

Принимая классификацию концептов В.И. Карасика, мы относим концепт Баба-яга к группе специализированных этнокультурных концептов, «в концентрированном виде выражающих особенности соответствующей культуры» [3, с. 96]. Семантическое наполнение таких концептов определяет потенциальный набор «типизируемых фрагментов опыта», или ассоциаций, которые выбирают представители того или иного национально-лингво-культурного сообщества [4, с. 268].

Тем интереснее смешение концептуального поля Баба-яги и, например, современной игрушки Лабубу: уже упомянутый бренд ВУ представил игрушку Лабубусю, переосмыслив образ Бабы-яги «в милую и

доброжелательную героиню, которая понравится детям и взрослым»: Лабубуся – это не просто игрушка, а настоящий символ русской культуры и доброты!

Рассмотрим основные значения, которыми представлено концептуальное поле Баба-яга, в свете трех основных репрезентаций Бабы-яги как дарительницы, пожирательницы и воительницы, первая из которых одаривает своего гостя не просто так, а после прохождения испытаний, вторая справедливо карает, а третья является по сути воинствующей защитницей.

1. Яга – богиня. Уход от репрезентации Бабы-яги как злой ведьмы возвращает к истокам образа персонажа как языческой богини-прародительницы, но с актуализацией значения слова богиня – ‘высокое об очень красивой и величественной женщине. Обычно как предмете поклонения’.

В таком понимании Баба-яга, или Яга, выступает как символ красоты и возвращения к её природному источнику.

В первую очередь, Яга – это наименование нескольких отечественных брендов натуральной косметики: «YA-GA – это не просто косметика, это философия здорового ухода за кожей и телом» (<https://www.ya-ga.ru/about-us-2>) (выделено полужирным здесь и далее автором статьи); «“Яга” – это исключительно авторская косметика ручной работы, выполненная из растений, цветов и плодов с особой любовью и заботой» (<https://yaga-russia.ru/>).

Образ Бабы-яги связан с одеждой, но это уже не лохмотья, а стильная одежда, характеризующая стильную женщину, богиню, близкую природе: «Бренд YAGA считается пионером в области использования современных нетканых технологий в моде и текстильном дизайне интерьера» (<https://yaga.store/>), капсульная коллекция бренда Lapatanova и художницы Ульяны Подкорытовой «Ега-бихины одёжи», линия одежды «BEAUTIFUL CRIMINALS», вдохновленная образом Бабы-яги: YAGA TOP, футболка IZBUSHENOK + 1, IZBUSHKA HOODIE, бренды одежды «BABA – YAGA», «Baba Yaga».

2. Яга – берегиня, защитница, хранительница жизненного пространства, обычаев и традиций рода, присматривавшая при этом и за подрастающим поколением.

Так, в сборнике рассказов «Адвокатка Бабы-яги» Баба-яга – богиня-труженица, которая ежедневно своей тихой работой спасает устоявшийся уклад этого мира, другими словами, спасает мир, о чем уже прямо говорят названия последних новинок отечественного кинематографа «Баба Яга спасает мир» (2023) и «Баба Яга спасает Новый год» (2024).

Образ строгой, но справедливой умной женщины с необычной судьбой, самостоятельной, статной и самобытной, появляется и в рекламе крема для рук «Баба-Яга» из серии «Сказочная коллекция» бренда «ГЕЛЬТЕК». Эта героиня способна сопереживать, она проникательна, мудра, обладает глубоким знанием природных и магических сил и обширным жизненным опытом.

3. Яга – целительница. Баба-яга как источник самоисцеления для женщины, образ, вызывающий к природному началу: Яжье место – это «живописное место, созданное служить Женщине для исцеления многих аспектов Женской Жизни» (<https://elena-yoga.ru/Iam>).

В разное время на рынке появляются продукты локальных брендов и частных мастеров: чай «От Бабы Яги», конфеты «БАБА ЯГА» с разными традиционными и не только вкусами (яблоко, апельсин).

Показательно, что Баба-яга уже не предстает страшилищем из русской сказки, а скорее способствует выздоровлению не только духовному, но и физическому. Интересна эксплуатация образа и онима Баба-яга при производстве конфет, целевой аудиторией для покупки которых в первую очередь являются дети, в сознании которых и начинается процесс переосмысления.

4. Яга – сила: «Почему Светлана-Яга? Всё просто: одна нога здесь, другая – там. Просто обожаю погружаться в мир тонкий, дабы поймать причину и вытащить её на поверхность. Только так меняется ситуация в мире плотном. Одно без другого не существует! Яжья работа, как в индивидуальных сессиях, так и в групповых ретритах, всегда где-то посередине» (<https://yaga-russia.ru/яжье-место-ретрит-центр/>).

Бренд косметики для волос «Estel» выпустил магическую лимитированную серию средств «BABAYAGA, KIKIMORA и VEDMA» с говорящим слоганом «KRASOTA – STRASHNAYA SILA».

Представленные примеры отражают по-прежнему актуальную тенденцию к использованию наименований бренда на латинице, особенно в случаях выхода бренда на зарубежный рынок. С одной стороны, такой нейминг способствует успешному продвижению продукции на зарубежном рынке, с другой – позволяет производителю презентовать свою продукцию как продукт зарубежного производства, более «качественный», «элитный». В то же время, онимы Баба-яга, Яга не переводятся (ввиду отсутствия аналога в других языках), а передаются посредством транслитерации. Ввиду сильной культурной обусловленности, с одной стороны, и узнаваемости на международном рынке, концепт Баба-яга эффективно встраивается в глокализацию, понимаемую как «процесс, при котором маркетинговые стратегии и продукты или услуги

адаптируются к конкретным условиям для удовлетворения специфики спроса со стороны местного населения, при этом также учитываются глобальные тренды или особенности стандартизации» [9, с. 112-114].

Национальная обусловленность концепта Баба-яга позволяет, с одной стороны, подчеркнуть происхождение продукта, с другой – благодаря богатому ассоциативному потенциалу актуализировать или переосмыслить те или иные оттенки значения: ср. «BABAYAGA: KRASOTA – STRASHNAYA SILA» и «Баба-яга или яга-баба, сказочное страшилище, большуха над ведьмами, подружница сатаны» [2, с. 88].

Гибридный нейминг, состоящий в использовании транслитерации и иностранного слова, не только привлекает внимание к записанному таким образом слову, но и становится источником дополнительных смыслов.

Так, YAGA TOP прописными буквами латиницей в совокупности с визуальным образом – фотографией модели в одежде, позиционируемой как стильной и модной, актуализирует как основное значение топ – ‘предмет женской одежды, женская блузка’, так и дополнительные: ТОП – ‘верхняя позиция в рейтинге’ и, следовательно, ‘жарг. Что-то в высшей степени хорошее’.

Перенос семантического фокуса с наименования предмета одежды на его качественную характеристику позволяет эксплицировать скрытые смыслы путем выведения имплицатур ‘Яга занимает верхнюю позицию в рейтинге’ и ‘Яга – это что-то в высшей степени хорошее’. Одновременно в этой же коллекции одежды представлены футболка и худи IZBUSHKA, на которых изображена избушка Бабы-яги: «Избушка-на-курьих-ножках – страж между миром мертвых и миром живых, вход в потустороннее, знакомый нам с детства из народных сказок (https://beautifulcriminals.com/catalog/futbolki_topy_bluzy/izbushka_t_shirt/)». В данном случае происходит метонимический перенос, и функция стража переходит не к субъекту – Бабе-яге, а к одному из атрибутов её присутствия в народной сказке. Переосмыслению подвергается и цель, ради которой нужно посетить избушку – теперь это не просто одно из испытаний, а непереносимое условие для тех, кто хочет двигаться дальше.

Наконец, на футболке IZBUSHENOK + 1 изображены большая и маленькая избушки Бабы-яги (взрослая избушка и «избушка-ребенок» – окказиональный оним «избушённок»), символизирующие любовь и дружбу.

На примере данной коллекции одежды можно проследить расширение семантического поля концепта Баба-яга и связанных с ним атрибутов от значения ‘что-то хорошее’ до ‘инструмент развития’ и ‘символ любви и дружбы’.

Выводы

Представленный материал позволяет сделать вывод о значительной трансформации концепта Баба-яга в современном массовом сознании, обусловленной реинтерпретацией образа сказочного персонажа в массовой культуре и в медиадискурсе, в частности. Семантическое поле концепта расширяется за счет включения положительно окрашенных коннотативных компонентов значения и новых значений, ранее не соотносимых с данным онимом. Мы наблюдаем процесс изменения традиционной оценки известного образа, который, в свою очередь, моделирует новую реальность русской народной сказки.

Список источников

1. Барышева А.И. Имплицитность в тексте и аспекты ее анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50). С. 18 – 20.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 08.09.2025).
3. Карасик В.И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 95 – 108.
4. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
5. Иванов В.А., Иванов В.В. Мифы языческой Руси: словарь. Ярославль: Академия холдинг, 2001. 206 с.
6. Подкопаева О.И. Концептологические исследования в российском языкознании: опыт системного анализа: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5. Ижевск, 2022. 262 с.
7. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
8. Степанов Ю.С. Баба-Яга // Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
9. Терских М.В., Зайцева О.А. Вербальные инструменты глокализации рекламных трендов (на примере рекламы российских брендов экокосметики). Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 1. С. 112 – 124.

References

1. Barysheva A.I. Implicitness in the Text and Aspects of Its Analysis. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. Tambov: Gramota, 2015, No. 8 (50). P. 18 – 20.
2. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. URL: <https://gufo.me/dict/dal> (date of accessed: 08.09.2025).
3. Karasik V.I. Regulatory Concepts. Language, Consciousness, Communication: Collection of Articles. Ed. A.I. Izotov. Moscow: MAKSS Press, 2005. Iss. 30. P. 95 – 108.
4. Krasnykh V.V. "Ours" Among "Strangers": Myth or Reality? Moscow: ITDGK "Gnosis", 2003. 375 p.
5. Ivanov V.A., Ivanov V.V. Myths of Pagan Rus: Dictionary. Yaroslavl: Academy Holding, 2001. 206 p.
6. Podkopaeva O.I. Conceptual Studies in Russian Linguistics: An Experience of Systems Analysis: Diss. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.5. Izhevsk, 2022. 262 p.
7. Propp V.Ya. Historical Roots of the Fairy Tale. Moscow: Labyrinth, 2000. 336 p.
8. Stepanov Yu.S. Baba Yaga. Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience. Moscow: Languages of Russian Culture, 1997. 824 p.
9. Terskikh M.V., Zaitseva O.A. Verbal tools for glocalization of advertising trends (using the example of advertising Russian eco-cosmetics brands). Actual problems of philology and pedagogical linguistics. 2024. No. 1. P. 112 – 124.

Информация об авторах

Барышева А.И., кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», baryshevaai@uust.ru

© Барышева А.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.411.21

¹ Гаджимурадова Т.Э., ¹ Магомедова А.О.

¹ Дагестанский государственный университет

Флористическая символика в повести Джеброна Халиля Джеброна «Сломанные крылья»

Аннотация: в статье рассматривается символика цветов в повести арабского писателя, представителя сиро-американской школы Джеброна Халиля Джеброна «Сломанные крылья». Произведение относится к раннему периоду творчества писателя и содержит элементы автобиографии, отражает период его пребывания на родине. В повести поднимаются проблемы Ливана, «застывшего в Средневековье», в том числе пережитки прошлого, социальная несправедливость, произвол богатых, лицемерие духовенства, нищенское существование народа и др. Через символику обнажается сущность проблемных ситуаций и сложная природа общественных катаклизмов, социальных противоречий. Отмечается пристрастие писателя к многозначной образности, что является следствием его приверженности неосуфизму. Особое внимание уделяется символике лилии, которая отличается многовариантностью. Представляет интерес трансформация образности других растений в повести. Цветы раскрывают душевное состояние героев, особенно когда они даются в контрастном сопоставлении. Символический уровень реализует идею взросления героев, возмужания, борьбы и освобождения от жестоких общественных законов. Флористическая образность активна только в отношении молодых людей, влюбленных друг в друга. Старшее поколение, отличающееся благородством мыслей, поступков, в повести изображается через символику дерева, «увешанного осенними плодами», т. е. опытом, мудростью, знанием жизни.

Ключевые слова: современная арабская литература, сиро-американская литературная школа, Ливан, Джеброн Халиль Джеброн, повесть, флористическая символика, образность, герои

Для цитирования: Гаджимурадова Т.Э., Магомедова А.О. Флористическая символика в повести Джеброна Халиля Джеброна «Сломанные крылья» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 12 – 17.

Поступила в редакцию: 02 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Gadzhimuradova T.E., ¹ Magomedova A.O.

¹ Dagestan State University

Floral symbolism in Gibran Khalil Gibran's novella "The Broken Wings"

Abstract: the article explores the symbolism of flowers in the novella "The Broken Wings" by Gibran Khalil Gibran, a representative of the Syro-American literary school. The work belongs to the early period of the writer's creativity and contains autobiographical elements reflecting his time in his homeland. The novella depicts the problems of Lebanon "stuck in the Middle Ages," including vestiges of the past, social injustice, the arbitrariness of the rich, the hypocrisy of the clergy, and the impoverished existence of the people. Through symbolism, the essence of these social contradictions and the complex nature of social upheavals are revealed. The writer's inclination toward multi-layered imagery, stemming from his affinity with neo-Sufism, is emphasized. Special attention is given to the symbolism of the lily, which demonstrates multiple interpretations. The transformation of other floral images in the novella is also of interest. Flowers reveal the inner emotional state of the characters, particularly when they are presented in contrasting comparison. The symbolic level embodies the idea of the characters' matu-

ration, their struggle, and liberation from cruel social laws. Floral imagery is active only in relation to young people in love. The older generation, characterized by nobility of thought and action, is represented through the symbolism of the tree "laden with autumn fruits," symbolizing experience, wisdom, and knowledge of life.

Keywords: modern Arabic literature, Syro-American literary school, Lebanon, Gibran Khalil Gibran, novella, floral symbolism, imagery, characters

For citation: Gadzhimuradova T.E., Magomedova A.O. Floral symbolism in Gibran Khalil Gibran's novella "The Broken Wings". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 12 – 17.

The article was submitted: October 02, 2025; Approved after reviewing: October 16, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

К началу XX века относится возникновение сиро-американской литературной школы, созданной сирийскими и ливанскими писателями, эмигрировавшими в США. С этим направлением были связаны судьбы Джебрана Халиля Джебрана, Амина Рейхани, Михаила Нуайме, Рашида Айюба и мн. др. [9]. Их объединяла любовь к Родине, ненависть к угнетателям, к цивилизации насилия и жестокости. На литературном поприще их отличали отказ от традиционных жанров, смелое использование новых литературных форм – бытовой новеллы, художественного очерка, стихотворений в прозе и др. По мнению В. Волосатова, «сиро-американская школа около трёх десятилетий была одним из ведущих направлений в арабской литературе» [1, с. 5].

Естественно, творчество эмигрировавшего в Америку ещё мальчиком Джебрана развивалось под непосредственным впечатлением проблем, волновавших его соотечественников-эмигрантов, которые говорили о застрявшем в средневековье Ливане, пережитках прошлого, социальной несправедливости, лицемерии духовенства, произволе богатых и нищенском, униженном состоянии простого народа [5]. Все эти темы не были обойдены вниманием писателя. Часто интуитивно, постигая проблемную ситуацию методом проб и ошибок, писатель подходил к пониманию сложной природы общественных катаклизмов, социальных противоречий.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования является повесть ливанского писателя Джебрана Х. Джебрана «Сломанные крылья». Написанная в 1912 году, она относится к раннему периоду его творчества и отражает поиски содержательной формы, ответов на актуальные вопросы современности, ярких и запоминающихся героев, жизненный путь которых является примером преодоления, побед над испытаниями, разлукой и смертью. Анализ флористических мотивов и образности, исходя из их символической трактовки, представляется важным и не исследованным аспектом, позволяющим не только увидеть внутреннюю красоту явлений, но и понять сложный и противоречивый путь героев, отстаивающих своё право на любовь и счастье.

Методы исследования: в процессе написания статьи были использованы сравнительно-исторический, культурно-исторический и аналитический методы.

Результаты и обсуждения

Повесть «Сломанные крылья» относится к раннему периоду творчества Джебрана и отражает одну из актуальнейших проблем начала XX века – положение женщины на мусульманском Востоке. Повесть считается автобиографичной, так как в ней в образе героя – молодого интеллигента – отражена история жизни самого писателя, который на родине столкнулся «с моралью хищников, приносящих в жертву своему кумиру-золоту слёзы и кровь ближних. Хелла Загер, дочь землевладельца из Бшарре, послужила прообразом Сельмы Караме – девушки, выданной замуж за человека, которого прельстило богатство её отца» [1, с. 7]. На автобиографичность повествования косвенно указывает и отсутствие имени самого героя в тексте произведения.

Повесть состоит из пролога и десяти глав. «Выходом» (послесловием) завершается повествование. В прологе сообщается, что в восемнадцать лет герой впервые влюбился, и «любовь открыла ему глаза своими волшебными лучами и огненными перстами коснулась... духа» [4, с. 209]. Человеком, пробудившим в сердце героя чувства, стала Сельма Караме, которая привела его «в рай возвышенных чувств, где дни как мечты, а ночи как свадьбы» [4, с. 209]. Жизнь до встречи с ней была скучна, не интересна, пуста и холодна, «как жизнь Адама в раю» [4, с. 210]. Сельма была Евой сердца поэта, открывшей ему тайны жизни [4, с. 210].

Годы отрочества и юности, обычно отличающиеся легкостью в отношении трудностей и тревог, полные радости бытия, у героя – «век тайных немых страданий, которые скрывались в сердце и бушевали в нём, как бури» [4, с. 212]. Показательно, что герой говорит о веке страданий, так как счастье – краткий миг, в котором молчащая дотоле душа «заговорила» вздохами и слезами.

Джебран «не боится пышности сравнений, парадоксальной образности, построенной на доверии к семантической глубине слова», сложных ассоциаций [2, с. 350]. Пристрастия писателя являются следствием его приверженности неосуфизму. В свою очередь символика в его произведениях часто отличается многозначностью. Так, например, «душа героя, томящаяся от одиночества и грусти», подобна «распустившейся белой лилии» [4, с. 213]. Показательно, что сначала данный образ применяется в отношении героя, а затем активно используется для характеристики Сельмы. Белый цвет – «символ чистоты, моральной невинности и обусловленного ею спокойствия» [11, с. 937-938]. Действительно, душа героя чиста и невинна. А чувства спрятаны глубоко и проявляются только в общении с возлюбленной, для окружающих же он спокоен и уравновешен. Никто не может догадаться, какие бури бушуют в его сердце, уже испытавшем сполна и сладость, и горечь этого мира.

Достаточно сложной символикой отличается цветок лилии, которая олицетворяет «чистоту и искренние намерения», является «символом верности и глубокой любви» [10]. «Древнейшее семантическое значение лилии – воплощение богини-матери, рождающей мир природы, образ Солнца и олицетворение непорочности» [10].

В повести лилия – олицетворение духовных качеств юноши, возвышенной целомудренности, выражает надежды и печали [10], всё то, чем живёт душа героя.

Символика лилии приобретает иносказательную значимость и для героини. Знакомясь с молодым человеком, Сельма «протянула... руку, нежную и белую, как полевая лилия» [4, с. 219]. Оба героя олицетворяют собой целомудренность, чистоту и «возвышенный дух, призывающий к безмолвному благоговению» [4, с. 219].

Прошло совсем немного времени, и Сельма стала смотреть на молодого человека «нежными и ласковыми глазами» [4, с. 226]. «... в своём белоснежном платье она напоминала лилию, склонившую свой стебелёк к траве от дуновения утреннего зефира» [4, с. 227].

Писатель возвращается к литературно-изобразительному образу лилии, описывая страдания девушки, стоящей у изголовья умирающего отца. Пройдя через расставания и душевные переживания, она напоминает «лилию со срезанной серпом головкой» [4, с. 256]. А юноша, разделяя с нею боль, становится похожим «на слабое растение, засыпанное снегом» [4, с. 256]. Отец, обращаясь к дочери, называет её цветком: «Ты росла как цветок» [4, с. 256].

Жизнь Сельмы сложилась трагически. Она стала пленницей Мансур-бека, его роскошного и одновременно мрачного дома. Её муж был «низким материалистом, жестоким, как железо, ненасытным, как кладбище» [4, с. 275]. Он презирал свою жену. И её добродетели вызывали у него только ненависть.

Влюбленный в Сельму молодой человек сразу при встрече замечает произошедшие в ней перемены. Страдания наложили отпечаток на её внешности: «... кожа, которая ещё вчера могла сравниться белизной с лепестками лилии, радующейся поцелуям солнца, пожелтела и поблекла, словно хранила на себе печать отчаяния...». Здесь сопрягаются белый цвет, уже привычный в описании героини, с желтым, семантика которого достаточно противоречива. С одной стороны, это цвет солнца, символ божественности, в то же время может олицетворять разлуку, потери. Пожелтевшее лицо Сельмы реализует семантику скорой разлуки, утраты и даже смерти [6, с. 12-13].

К образу-символу лилии в описании героини, испытывавшей расставания, добавляется символика розы: «... губы напоминали две осенние розы» [4, с. 239]. Семантика этого цветка отличается сложностью. Он может олицетворять радость, любовь. Но также становится воплощением печали, разлуки и смерти.

Роза в повести Джебрана выступает в прямом значении – красота, величие, радость, любовь. В «осенних розах» губ Сельмы – предчувствие конца, скорой разлуки, возможно, навсегда. Всё позднее в жизни – самое дорогое, самое трепетное и самое любимое [3].

Перемены, случившиеся с Сельмой, сделали ещё более красивым и величественным её лицо. Дух страдания возвышает. «Благородный дух, впервые взлетевший на белых крыльях любви в пространство, освещённое лунным светом и благоухающее ароматами цветов» [4, с. 237], оставляет неизгладимое впечатление на тех, кто с ним соприкасается.

Обращаясь к Всевышнему, Сельма говорит: «Ты взрастил в моей душе белую розу, а рядом – колючий терновник...» [4, с. 254]. «В исламе роза символизировала святость и милосердие» [8]. Таким образом воплощается тема чистой и искренней любви, верности.

Колючий терновник в данном отрывке обозначает нелегкую жизнь, полную страданий и лишений («постелено на терниях, а не на розах»). Героине придется не один раз проявить стойкость и силу духа в преодолении свалившихся на неё несчастий.

Вспоминая о своей первой любви, герой просит друзей юности возложить венки на могилу женщины, которую он любил. «... и каждый цветок будет подобен капле росы, роняемой очами утра на лепестки увядшей розы» [4, с. 211]. Вновь становится значимой символика угасания и смерти в «увядшей розе».

«Дерево, растущее в пещере, не приносит плодов» [4, с. 276]. Сельма, живущая в золотой клетке, долгое время вымаливает у Всевышнего ребенка. «Цветы долины – это дети, рождаемые любовью солнца и страстью природы; дети людей – цветы, рожденные любовью отца и нежностью матери» [4, с. 276].

Небеса услышали её отчаянные молитвы, и чудо случилось «на шестой год замужества». Наконец, она получила этот цветок жизни, в котором, однако, были только её любовь и нежность. Но счастье оказалось кратким, как миг. Писатель вновь возвращается к образу лилии, раздавленной «стопою смерти, едва лишь она распустилась из чашечки жизни» [4, с. 279].

Цветочная тематика продолжается в ярком описании весны в Бейруте, в котором цветы распустились, «как тайны, которые земля открыла небу» [4, с. 214]. Встреча с Сельмой происходит весной. Так же, как в природе, просыпаются чувства молодого человека, который приобщается к великой тайне любви. Сельма «прочла мне первый стих из поэмы души» [4, с. 209]. «Она скрашивает радостью его дни, музыкой заполняет для него ночную тишину» [4, с. 210] и «придает поэтический смысл его одиночеству» [4, с. 210].

К символике цветов добавляется «белое благоуханное одеяние» миндаля и яблони, которые стояли, «как гурии в белоснежных одеждах, посланные природой в невесты и жены сынам поэзии и грёз» [4, с. 215]. Влюбленному, как «сыну поэзии и грёз», хочется бумаге поверить свои тайные мысли и чувства.

Дом возлюбленной расположен в глубине густого сада, где «благоухали розы и жасмин» [4, с. 218]. «Вокруг покачивались на ветру виноградные лозы, колыхались травы, нежно кивали головками апрельские цветы, улыбаясь своими яхонтовыми, золотистыми и изумрудными устами» [4, с. 218]. Влюбленный признается, что красота Сельмы недоступна резцу ваятеля и кисти художника. «Золотистые уста цветов» и золотистые волосы возлюбленной [4, с. 223] удивительно перекликаются друг с другом. А ещё и большие глаза, белоснежная шея [4, с. 223]. И при этом «красота Сельмы заключалась не в совершенстве её тела, а в благородстве духа» [4, с. 224].

Встреча с молодым человеком тоже изменила жизнь Сельмы, разделив её на до и после. Она поняла, что «в мире существует нечто более высокое, чем небо...» [4, с. 231]. «Лицо её озарилось радостью, в глазах сверкнули слёзы, словно капли росы на листьях нарцисса...» [4, с. 231].

Цветочная тематика неслучайно становится доминирующей в повести. На это намекает и сам автор, говоря, что «любовь – это единственный цветок, растущий во все времена года» [4, с. 232]. Так же, как цветок, любовь нежна, хрупка и нуждается в защите.

Цветы в повести раскрывают душевное состояние героев, особенно когда они используются в контрастном сопоставлении: «цветущая молодость» и «печальная... увядающая старость» [4, с. 234]; «слёзы стариков – последние капли жизни, источаемые очами. Слёзы в глазах молодого подобны каплям росы на лепестках розы» [4, с. 234] и др.

Обращает на себя внимание то, что флористическая символика используется только в отношении молодых людей, влюбленных друг в друга. А старшее поколение, отличающееся благородством мыслей, поступков, в повести изображается через символику дерева, «увешанного осенними плодами». Так подчеркиваются их опыт, мудрость, знание жизни. «Старое дерево, прочно ушедшее в землю корнями...» [4, с. 220], сравнивается с молодыми деревцами, полными «слепой решимости и дремлющей жизни» [4, с. 220], когда речь идет о молодых людях, в которых бурлят чувства и жажда жизни.

Сельма, став женой жестокого и лицемерного человека, тоже теряет легкость, воздушность, наивность цветка. Она становится подобна «ветви, сорванной с дерева порывом бури и брошенной на землю, чтобы быть растоптанной ногами вечности» [4, с. 274]. Она же – «дерево, растущее в пещере» [4, с. 276].

И всё же в конце повествования, оплакивая гибель своей героини и её сына, писатель в лирическом отступлении о судьбе восточной женщины вновь говорит о ней как «о жертве своей эпохи», которая подобно цветку, похищенному течением реки, была брошена в бурный поток жизни, который неудержимо увлёл её к несчастью» [4, с. 250]. Возвращение к флористической символике – как цветы на могилу возлюбленной, как память о самом чистом и высоком чувстве.

Цветок делают уязвимым те, кто его окружают, – «подобные насекомым» [4, с. 266], волки, змеи [4, с. 267], кроты [4, с. 254-255], «хищные звери» [4, с. 271]. Попутно заметим, что сама Сельма называет себя «птицей со сломанными крыльями» [4, с. 271], которая «может только прыгать по земле и никогда не взлетит в небо» [4, с. 271]. Но это уже другой аспект исследования, имеющий отношение к анималистической образности произведения.

Сложная символическая композиция повести передает бесконечную гамму чувств и настроений, показывает путь двух влюблённых, отстаивающих своё право на счастье. Пройдя через множество испытаний, они остались стойкими, страдания не сломили их дух. И «палачи» оказались бессильны, так как сила любви несокрушима. Хотя произведение имеет трагическую развязку, всё же идея освобождения от пут рабства придаёт ему жизнеутверждающее звучание – любовь побеждает смерть.

Выводы

Таким образом, используемая в повести «Сломанные крылья» флористическая символика позволяет раскрыть характеры главных героев, символически персонифицировать определенные человеческие качества, показать трансформацию образности, её многовариантность, описать атмосферу, царящую вокруг (как часть пейзажной зарисовки, элемент ассоциативного ряда и др.).

Список источников

1. Волосатов В. Джебран Халиль Джебран: Вступ. ст. // Джебран Халиль Джебран. Сломанные крылья: Избр. произведения / пер. с араб. В. Волосатова. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1962. С. 3 – 13.
2. Гаджимурадова Т.Э., Хасамирзаева З.З. Особенности мировидения в философском наследии Джеброна Халиля Джеброна // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 350 – 352.
3. Горбовская С.Г. Индивидуализация символа. «Роза» Г. де Лорриса и «Роза» Ж. Жене // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 340. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualizatsiya-simvola-roza-g-de-lorrisa-i-roza-zh-zhene/viewer> (дата обращения: 18.07.2025).
4. Джебран Халиль Джебран. Сломанные крылья: Избр. произведения / пер. с араб. В. Волосатова. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1962. С. 209 – 286.
5. Замэнягрэ В.С. Сиро-американская школа и новые тенденции в арабской литературе. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sufizm-i-modernizatsiya-v-islamskom-mire> (дата обращения: 15.03.2025).
6. Кухарева Е.В. Символика цвета в этнической картине мира арабов. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/0c6/simvolika-cveta-v-ehnticheskoy-kartine-mira-arabov.pdf?utm> (дата обращения: 18.07.2025).
7. Папченко Е.В. Аксиология цвета в культуре // Система ценностей современного общества. 2009. С. 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologiya-tsveta-v-kulture/viewer>.
8. Сафие Абдураманова. Орнаменты Бахчисарайского дворца. Роза в исламском искусстве. URL: <https://handvorec.ru/novosti/ornamenty-bahchisarajskogo-dvortsa-roza-v-islamskom-iskusstve/> (дата обращения: 08.03.2025).
9. Сирийская и ливанская литературы (на рубеже XIX и XX веков) // История всемирной литературы: в 8 т. М.: Наука, 1994. URL: <http://feb-web.ru/feb/ivl/vl8/vl8-6772.htm> (дата обращения: 08.03.2025).
10. Солоницына М.Н. Символика лилии в европейской художественной культуре // Концепт. 2015. № 18. URL: <http://e-koncept.ru/2015/75262.htm> (дата обращения: 18.03.2025).
11. Истомина Н.А. Энциклопедический словарь символов. М.: Изд-во АСТ: Изд-во «Астрель», 2003. 1056 с.

References

1. Volosatov V. Gibran Khalil Gibran: Introduction. Gibran Khalil Gibran. Broken Wings: Selected Works. translated from Arabic by V. Volosatov. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1962. P. 3 – 13.
2. Gadzhimuradova T.E., Khasamirzaeva Z.Z. Features of the Worldview in the Philosophical Heritage of Gibran Khalil Gibran. The World of Science, Culture, Education. 2020. No. 4 (83). P. 350 – 352.
3. Gorbovskaia S.G. Individualization of the Symbol. "The Rose" by G. de Lorriss and "The Rose" by J. Genet. Bulletin of Tomsk State University. 2010. No. 340. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualizatsiya-simvola-roza-g-de-lorrisa-i-roza-zh-zhene/viewer> (date of accessed: 18.07.2025).
4. Gibran Khalil Gibran. Broken Wings: Selected Works. Translated from Arabic by V. Volosatov. Moscow: State Publishing House of Art. Literature, 1962. P. 209 – 286.
5. Zamenyagre V.S. The Syrian-American School and New Trends in Arabic Literature. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sufizm-i-modernizatsiya-v-islamskom-mire> (date of accessed: 15.03.2025).
6. Kukhareva E.V. Symbolism of Color in the Ethnic Picture of the Arab World. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/0c6/simvolika-cveta-v-ehnticheskoy-kartine-mira-arabov.pdf?utm> (date of accessed: 18.07.2025).
7. Papchenko E.V. Axiology of Color in Culture. The System of Values of Modern Society. 2009. 29 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologiya-tsveta-v-kulture/viewer>.

8. Safiye Abduramanova. Ornaments of the Bakhchisarai Palace. Rose in Islamic Art. URL: <https://handvorec.ru/novosti/ornamenty-bahchisarajskogo-dvortsa-roza-v-islamskom-iskusstve/> (date of accessed: 08.03.2025).

9. Syrian and Lebanese Literature (at the Turn of the 19th and 20th Centuries). History of World Literature: in 8 vol. Moscow: Nauka, 1994. URL: <http://feb-web.ru/feb/ivl/vl8/vl8-6772.htm> (date of accessed: 08.03.2025).

10. Solonitsyna M.N. Symbolism of the Lily in European Artistic Culture. Concept. 2015. No. 18. URL: <http://e-koncept.ru/2015/75262.htm> (date of accessed: 18.03.2025).

11. Istomina N.A. Encyclopedic Dictionary of Symbols. Moscow: AST Publishing House: Astrel Publishing House, 2003. 1056 p.

Информация об авторах

Гаджимурадова Т.Э., кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, taiba1970@mail.ru

Магомедова А.О., ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, aishammm41@gmail.com

© Гаджимурадова Т.Э., Магомедова А.О., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литература народов мира (филологические науки)

УДК 82.091:821.111+821.161.1+821.19

¹ Гаспарян Л.А.

¹ Институт литературы им. М. Абегьяна
Национальной Академии наук

Специфика литературного и культурного трансфера в эссе Вирджинии Вульф «Своя комната»

Аннотация: цель исследования – представить специфику литературного и культурного трансфера на материале эссе Вирджинии Вульф «Своя комната» в русских и армянских переводах. В этом ключе механизм культурного трансфера, предложенная компаративистом М. Эспанем, фокусируется на передаче микроструктурных сегментов художественного текста, выявляя различные переводческие сдвиги и преломления. На конкретных примерах показано стратегии «импортирования» понятий, переводческих сдвигов, а также готовность целевой литературной культуры к восприятию / невосприятию и адаптации идей и артефактов, которые отражают новаторские подходы Вульф. Результаты микроанализа позволяют сделать вывод, что процесс трансфера художественного текста зависит от разных аспектов: всестороннего синтеза контекста, (транс)креативности и намерения переводчиков. Немаловажным фактором является региональный платформ носителей целевой культуры (британо-русско-армянский), мировосприятие и литературные тенденции. В целом, окказионально сконструированные сегменты в эссе «Своя комната» местами труднопереводимы и весьма чувствительны при аналогичном структурно-семантическом трансфере, которые могут повлиять на целевую рецепцию.

Ключевые слова: литературный трансфер, культурный трансфер, Вирджиния Вульф, модернизм, русские и армянские переводы, эссе «Своя комната», микроструктура и макроструктура

Для цитирования: Гаспарян Л.А. Специфика литературного и культурного трансфера в эссе Вирджинии Вульф «Своя комната» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 18 – 24.

Поступила в редакцию: 02 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Gasparyan L.A.

¹ Institute of Literature named after M. Abeghyan
of the National Academy of Sciences

The specifics of literary and cultural transfer of Virginia Woolf's essay "A Room of One's Own"

Abstract: the purpose of the study is to present the specifics of literary and cultural transfer on the material of Virginia Woolf's essay "A Room of One's Own" in Russian and Armenian translations. In this vein, the mechanism of cultural transfer proposed by comparatist M. Espagne focuses on the transfer of microstructural segments of the literary text, revealing various translation shifts and fractions. Through the lens of analyzed examples, the strategies of "importing" concepts, translation shifts are presented. Moreover, the study reveals the readiness of the target literary culture to perceive / not perceive and adapt ideas and artifacts. The results of the microanalysis allow us to conclude that the process of transferring a literary text depends on various aspects: a comprehensive synthesis of the context, (trans)creativity and the intention of the translators. An important factor is the regional platform of the target culture (British-Russian/Armenian), worldview and literary trends. In gen-

eral, the occasionally constructed segments in Woolf's essay are very sensitive to similar structural-semantic transfer, which may cause certain difficulty and affect the target reader reception.

Keywords: literary transfer, cultural transfer, Virginia Woolf, modernism, Russian and Armenian translations, essay "The Room of One's Own", microstructure and macrostructure

For citation: Gasparyan L.A. The specifics of literary and cultural transfer of Virginia Woolf's essay "A Room of One's Own". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 18 – 24.

The article was submitted: October 02, 2025; Approved after reviewing: October 16, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Хотя Вирджиния Вульф известна своими романами, благодаря нелинейного и изысканного повествовательного стиля, ценным литературным материалом также являются ее новаторские эссе в стиле авангард, которые отличаются импрессионистической техникой письма и вращаются вокруг теории художественной литературы, истории литературы, женскому письму и т.д. В данной связи эссе Вульф «Своя комната» (1929) представляет социально-психологическую и эстетическую текстовую фактуру, одновременно отражая попытку писательницы экспериментировать с несколькими формами биографического повествования [14].

Материалы и методы исследований

Современная филология фокусируется не только на исследовании оригинала в «своем» литературном пространстве, но на рецепцию перевода в «чужом» культурном ареале через парадигму понятия «культурного трансфера». На основе теории и механизма «культурного трансфера», предложенная компаративистом М. Эспанем [11], данный анализ направлен на специфику репрезентации трансфера эссе Вирджинии Вульф «Своя комната» в русских и армянских переводах (евразийская платформа рецепции). В этом ключе методология «культурного трансфера» основывается на передаче «часть через целое и целое через часть» на уровне микроструктурных и макроструктурных сегментов, а также на отражения экстра-текстуальных (контекстуальных) факторов.

При решении поставленных задач методологическими основаниями исследования выступают теория и методология «культурного трансфера» для представления «импортированных» понятий и переводческих «сдвигов»; сравнительный анализ – цель которого выявить результаты функционально-коммуникативной динамики и готовность «принимающей» культуры к восприятию и адаптации культурных реалий оригинала. А также метод обратного перевода с целью проецирования проблематики исследования на единую плоскость.

Эссе «Своя комната» имеет более чем пять русских переводческих версий среди них: Наталия Бушманова-Рейнгольд (1989/1992; 2002), Дарья Горянина (2019), Ольга Акопян (2019). На армянский язык эссе перевела Маник Еганян (2014 / переиздана в 2024). Первый русский перевод эссе со значительными пропусками / сокращениями был опубликован в журнале «Литературная учеба» (Literary Studies) в 1989 году: переводчица была Наталия Бушманова (которая сменила фамилию на Рейнгольд). Позднее Наталия Бушманова-Рейнгольд переиздала полную версию перевода эссе в 1992 году (с последующими переизданиями) в антологии «Эти загадочные англичанки...» (These Mysterious Englishwomen).

Результаты и обсуждения

«Своя комната» – эссе Вирджинии Вульф, разделенное на шесть глав, основано на двух лекциях, прочитанных в женских колледжах Ньюнхэм и Гертон в Кембридже в 1928 году [17]. В эссе Вульф анализирует тему женщины и художественной литературы, очерчивая социально-исторические рамки и значимость женщин в обществе и искусстве, начиная с периода Чосера до конца XIX века. В труде Вульф реализует новаторскую нарратологию в первом лице единственного числа, как рассказчик, ссылаясь на реальные исторические события, имен и фигур, а также на другие социо-культурологические метаданные. Происходя из семьи с викторианским укладом, Вульф осознает социально-исторические потрясения послевоенного периода, в котором традиционная роль женщины не может ограничиваться сугубо на бытовом уровне. Через призму авторского «потока сознания», читатели раскрывают одиссею мыслей и идей писательницы модернистского периода относительно женщины и их связь с художественной литературой. Шаг за шагом Вульф разворачивает последовательность событий, онтологически сопоставляет вымышленных персонажей или события с историческими реальными фигурами и действиями, убеждая читателей, что Fiction must stick to facts, and the truer the facts the better the fiction – Литература должен оперяться на фактах, и чем правдивые факты, тем реалистична художественная литература.

В переводе эссе «Своя комната», нельзя не заметить, что последующие повествовательные решения переводчика представляют характерные для процесса культурного трансфера «сдвиги» или «преломления» в силу инстанции целевого коммуникативного ареала и культуры [1].

Для комплексной «диагностики» закономерностей культурного переноса в переводческих текстах необходимо акцентировать на микроструктурные и макроструктурные стратегические предпочтения, «преломления» (неравенства) и «видимость vs. невидимость» переводчика в рамках лексико-грамматического, функционально-стилистического, коммуникативного уровня, выбора пунктуации, и т.д. Видимость переводчика преимущественно отражается через микроструктурные предпочтения, которые в свою очередь могут повлиять на глобальную текстовую структуру и соответственно на рецепцию целевого читателя. В переводах эссе «Своя комната» существуют случаи «видимости» переводчиков на уровне трансфера стилистических приемов, которые менее «чувствительные» для целевого восприятия и имеют малое влияние на глобальную семантику целевого текста (и соответственно целевого контекста). К примеру, представляя трудную жизненную одиссею Маргарет Ньюкасл, Вульф сравнивает ее с гигантским огурцом, душившего розы и гвоздики (перевод Н. Бушмановой, 1989/1992 г. и перевод О. Акопян 2024: 109) (as if some giant cucumber had spread itself over all the roses and carnations in the garden and choked them to death). Если в русских переводах в повествовании сохранилась образная фигура огурца, то в армянском варианте наблюдается семантический «сдвиг» с огурца на кактус (լիւլիւնիւ), который «пронзил роз и гвоздик кровавым мечом, как шипами, и задушил их» (աղյուծիւն փշէ թրերով ծաււ էր նրանց ու խեղդորոյն: перевод М. Еганян 2024: 76). В армянском варианте представляется «преломление» метафорического образа возможно в силу целевого культурного.

Однако выявляются различные переводческие стратегии и подходы, которые обусловлены намерением - интенции переводчиков. В статье Н. Прието, сопоставляя эссе «Своя комната» с переводами Хорхе Луиса Борхеса и Риверы Гарретаса, отмечает, что «видимость» Борхеса – переводчика очерчивается через андроцентрическое видение (androcentric vision). К примеру, на протяжении всего эссе Вульф обращается к женской аудитории / читателем, однако Борхес – переводчик более нейтрален и чувствителен даже к грамматическим правилам касательно женского рода [17].

Эссе Вирджинии Вульф «Своя комната» получило широкий резонанс в русской и армянской литературной культуре: в период с 1989 по 2021 год вышло более пяти русских переводческих версий эссе (впоследствии неоднократно переиздавались) и один армянский перевод. При этом нельзя не заметить, что и русские и армянские переводы эссе были представлены женщинами переводчиками. В переводах эссе особое значение имеют подстрочные комментарии переводчиков историко-культурологического характера, представляя подробные моменты западной культуры. Остановимся на конкретных примерах. Для передачи историко-культурных осей эссе «Своя комната» переводчики опирались на паратекстовые особенности в виде сносок, которые ориентированы на целевого читателя и представляют тех фигур, которые были в историческом и культурном «мейнстриме», такие как писатели Джейн Остин, Шарлотта и Эмили Бронте, Джордж Ромни (1734-1802) – английский портретист, или Ребекка Уэст (1892-1983) – писательница, английский критик, и т.д. Представляя деятельность женщин, их ограничения в социо-культурной платформе, Вульф иногда прибегает к гипнотическим изысканиям с опорой на стратегию Case-study. Например, Вульф описывает жизнь «воображаемой сестры Шекспира» и стереотип «неприемлемости» общества, если вдруг она решит вовлечься в сферу культуры. Данные стереотипы были весьма типичными в консервативном британском социуме. В статье «Эволюция викторианского текста в английской литературе» И. Ломакина (2024) отмечает, что поэт Роберт Саути высоко оценил стихи Ш. Бронте, которая она отправила ему в 1836 г., однако поэт порекомендовал Бронте сосредоточиться на обязанностях свойственных для женщин и оставить писательское ремесло [6].

При сравнении оригинала и переводов особое внимание уделено на трансфер заглавия эссе «Своя комната», которое является важным составляющим структуры и номинации текста, представляя «смысловой» пласт и текстовую целостность. Заглавия выявляет «сжатое и лаконичное» содержание рассказа / романа / эссе / труда и т.д. и имеет эксплицитную информационную функцию, прогнозируя в дальнейшем многогранность текстового сюжета. Оно выступает в качестве номинации, которая на макроструктурном уровне конденсирует важнейшую сторону всей текстовой фактуры/палитры и отражает «многозначную» или, скорее, «полифоническую» полноту высказывания. При переводе заглавия эссе Вульф A Room of One's Own спектр коннотативных оттенков слова room имеет многогранную интерпретационную формулу. В данной связи интерпретации заглавия и дальнейшая переводческая инкорпорация текста реализуется на фоне категории проспективной (prospective) и ретроспективной (retrospective). Если проспективная раскрывает «до-текстовую», изначальную информацию сюжета, то категория ретроспекции выявляется после чтения текста [2, 9].

Содержание эссе под заглавием *A Room of One's Own* (русский перевод – *Своя комната*, армянский перевод – *Միմիային սենյակ*) вращается вокруг взаимосвязи женщины и художественной литературы, и как заявляет Вульф: *a woman must have money and a room of her own if she is to write fiction* (женщина должна иметь деньги и свою комнату, если она собирается писать художественную литературу). Несомненно, название заглавия имеет полифоническую особенность, под которой также подразумевается необходимость иметь личное пространство – *room* – для самовыражения в обществе и творческой возможности. Элемент *room*, как пространство для самовыражения, может включать также вовлечение женщин в общественные дела (способность работать и иметь финансовую независимость), возможность иметь образование и готовность выражать женскую индивидуальность. В русских переводах заглавия *A Room of One's Own* передается как *Своя комната*, в армянской версии: *Միմիային սենյակ* (дословно *Собственная комната*).

В данной связи спектр семантической ассоциации единицы *room* в английском языке более динамичен (*the amount of space that someone or something needs and the opportunity for doing something*) представляя физическое и абстрактное (по Вульф возможно даже индивидуально-творческое) пространство. Очевидно, что семантические поля рецепции элементов *room* – *комната* – *սենյակ* (дословно *комната*) в британо-русско-армянском культурном ареале неоднородны. Обе переводческие единицы *комната* и *սենյակ* (дословно *комната*) обозначают концепцию части здания, которая отделена от других частей и отягощает «топографическое пространство», а не концептуальное пространство для творчества и индивидуальности. Рецепция единиц *комната* и *սենյակ* в переводах не идентична с оригиналом. По мнению Марины Бережной, единица *room* помогает Вульф выразить идею социальных и культурных ограничений, налагаемых на женщин. Иными словами, понятие пространства в эссе отображает нехватку у женщины индивидуального пространства не для домашней жизни, ночных снов или рукоделия, а для самовыражения в рамках культуры и искусства – пространства для обретения личного «Я» [3].

Дальнейший анализ перевода через парадигму «культурного трансфера» выявил необходимость подчеркнуть роль переводчика как «опосредованного» автора, который имеет дело с многогранным процессом перевода реалий, лексико-грамматических структур, стилистических приемов и «окказиональных» воображаемых эпизодов. Цель переводчика-творческий подход: «транс-креативный» процесс [5] принятия решений с минимальным искажением макроструктуры текста и фонового содержания. Часто микроструктурная неэквивалентность или же неясность эпизодов зависит от структурно-семантической «ненатуральной» эквивалентности и стремлению к аналогичному результату с оригиналом, что приводит к неэквивалентному культурно-коммуникативному узусу и к прерыванию логической повествовательной нити.

Центральная «кульминационная» часть эссе «Своя комната» подчас является труднопереводимым отрывком, которое требуют от переводчика (trans)креативности и культурно-исторические фоновые «данные». Так, в шестой части эссе в рамках механизмов сопоставления и противопоставления Вирджиния Вульф выразила свое мировоззрение касательно соотношения женщины и мужчины. В широком смысле трехсторонний (английский – русский – армянский) сравнительный анализ выявил переводческие «сдвиги», которые преимущественно определяются «скопосом» (намерением) переводчика с целью построить перевод в соответствии требованиям целевого контекста. В таком случае переведенный текст может отражать «голос» или «видимость» переводчика посредством видимых вмешательств, которые критики воспринимали как норматив для «обеспечения адекватной коммуникации с целевой аудиторией», а «голос переводчика всегда присутствует как сопродюсер дискурса» («*safeguard adequate communication with the target audience*» and «*the translator's voice is always present as co-producer of the discourse*» [14, с. 20-21]).

Выявляются также случаи, когда семантико-структурные «кальки» приводят к неясностям и текстуальным недоразумениям. Давайте обсудим абзац.

Coleridge perhaps meant this when he said that a great mind is androgynous. It is when this fusion takes place that the mind is fully fertilized and uses all its faculties. Perhaps a mind that is purely masculine cannot create, any more than a mind that is purely feminine, I thought. But it would be well to test what one meant by man-womanly, and conversely by woman-manly, by pausing and looking at a book or two.

Не это ли имел в виду Колридж, когда говорил, что великий ум – всегда андрогин? Только при полном слиянии мужской и женской половин сознание зацветает и раскрывается во всех своих способностях. Видимо, чисто мужское сознание не способно к творческой деятельности, как, впрочем, и чисто женское, подумала я. Но не мешало бы остановиться и уточнить понятия мужественно-женского и, наоборот, женственно-мужественного типов сознания на одной или двух книгах.

Գուցէ իննց սա է Զոլորիշը նկատի ունեցել, ասելով, որ «հանճարի միտքը երկսեռ է»: Այն է, որ երբ մտքերի նման միաձուլումը մինչև վերջ դառնում է բեղնավոր ու օգտագործում ամեն հնարավորություն: Կարծում եմ ինչպես որ գուտ մարդը տղամարդկային միտքը չի կարող ստեղծագործել, այնպես էլ կանացի

միտքը՝ առանց տղամարդկային: Բայց այստեղ ավելի լավ կլինի կանգ առնել ու փորձելով մի քանի գիրք պարզել, թե ո՞վ, ի՞նչ նկատի ունի ասելով՝ տղամարդ-կանացիորեն և հակառակը՝ կին-տղամարդկայնորեն:

Данный абзац можно оценить, как «кульминационный момент» эссе «Своя комната», где Вульф, основываясь на предположениях Кольриджа об андрогинной структуре человеческого разума или сознания, пытается разрешить дилемму – связь женщины с литературой – и выдвигает понятия *androgynous mind* (*man-womanly* и *woman-manly*), с целью отразить многогранность и сложность человеческого мышления. По наблюдениям К. Ликуори, Вульф утверждает, что женское литературное мышление может извлечь наибольшую пользу из андрогинности как литературной стратегии. Данный аргумент представляет потенциал использования концепции андрогинности как литературной стратегии в целом [20], что подтверждается самой Вульф, которая в конце эссе отмечает: ... the page headed *Women and Fiction*, is that it is fatal for anyone who writes to think of their sex.

Концепция андрогинности вызвала интерес многих современных критиков, а ее вульфовская характеристика стала предметом многочисленных дискуссий. Вирджиния Вульф была первой женщиной-писательницей, которая объяснила и обосновала понятия андрогинного разума / сознания / мышления в литературе и искусстве. Важно также отметить, что, разрабатывая понятие андрогинности, Вульф не намеревалась смешивать два пола в одно единое. На самом деле, она категорически против такого преобразования, которое приписывается писательнице. Из-за её «откровенных» текстов мало кто осознаёт, что Вульф подчас критиковала феминистское движение, называя феминизм порочным словом, которое причинило много вреда в своё время [12] а феминистское мышление полным обид. По Вульф, андрогинный разум – это не мужской разум. Это разум, настроенный на весь спектр человеческого опыта [18, с. 36].

Андрогинные персонажи присутствуют в литературе со времён греческой и римской мифологии. В философском дискурсе андрогинность рассматривается в труде Платона «Пир» (мужской пол происходил от Солнца, женский от Земли, третий, который состоял из женского и мужского одновременно – от Луны). В мировой философской и психологической практике XIX-XX вв. учение об андрогине интерпретировалась согласно разным культурологическим позициям, включая также духовную: ключевыми исследованиями являются работы К. Юнга (является основоположником теории андрогинности), Гете, Ницше, С. Беме, В. Соловьева, Н. Бердяева. По мнению И. Шадрихиной, если в XIX-XX вв. Западной Европе концепция андрогинности имеет декадентский характер, то в России, несмотря на декаданс, андрогинность выпадает в период Русского Духовного Ренессанса, которое опирается над поисками бессмертия через преодоление границ пола. Тематика андрогина в литературе стала популярной в поэзии Серебряного века (Блок, Белый, Булгаков, Лосев, Цветаева, стихи Н. Гумилева «Андрогин» et al) [10, с. 8]. Н. Мерзлая анализируя статью «Образ андрогина» (1974) Веин Микса, где апостол Павел утверждает, что во Христе «нет ни иудея, ни эллина, ни раба, ни свободного, ни мужского, ни женского, ибо все одно во Христе Иисусе» интерпретируется о духовной сущности андрогинности [7].

В начале эссе Вульф анализирует феминность и маскулинность в качестве социального статуса в пространственно-временной платформе, выявляя преимущественно патриархальный (маскулинный) канон объективной реальности. Постепенно, Вульф адаптирует читателя на принципиально иного – метафизического уровня повествования: андрогинность разума (*androgynous mind*), которое достигает диалектической взаимосвязи (феминно-маскулинности жена-мужская и маскулинно-феминности муже-женская природа), в частности в литературе и искусстве.

Слово *androgynes* состоит из греческих единиц *Andros* (мужчина) и *gune* (женщина). В мифологии слово *androgynes* обозначает существо-наполовину мужского и наполовину женского пола. Следуя структурно-семантическим особенностям отрывка, русские переводчики сохранили единицу *androgynous*, представляя ее как андрогин / андрогинность. В армянской версии единица *androgynus* трансформируется, как *երկուսն* (имеющий оба пола), а сочетание *man-womanly, and conversely by woman-manly*, которое в армянском переводе представляется аналогичным эквивалентом искажает текстовую семантику ориентируя читателя преимущественно на физиологические данные. Минимальное микроструктурное искажение полифонической емкостью вульфовской концепции *androgynous* (без сноски или интерпретации в армянском переводе) влияет на рецепцию текста и авторскую интенцию. В армянской пространственной плоскости андрогинность воспринимается преимущественно с анатомо-физиологической точки зрения, которое находит свое отражение, в частности в медицине. Однако уже в XXI веке в современной армянской социальной реальности и миропонимания понятие андрогинность представляется через линзы социальных и гуманитарных наук.

Выводы

В целом, эссе Вульф «Своя комната» затрагивает актуальную тему, связанную с мировосприятием периода модернизма и с необходимостью «преломить» викторианский консерватизм и параметры роли женщи-

ны в новой социокультурной платформе. Через парадигму культурного трансфера удалось продемонстрировать ряд переводческих моментов, которые с одной стороны отражают лингво-структурную аналогию с оригиналом, а, с другой представляют семантические «сдвиги» влияя на читательскую рецепцию целевой культуры. Для получения аналогичных эффектов некоторые переводчики пытались сохранить структурно-семантические особенности в переводах, что порой может приводить к двусмысленности. Исследование также выявило, что в переводах отражается литературно-культурная «видимость» целевого историко-географического узуса.

Список источников

1. Андреева Е. Стратегии перевода языковых средств «потока сознания» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 7 (207). С. 44 – 50.
2. Банникова И.А. Интерпретация заглавия, начала и конца как особых компонентов текста // Вопросы стилистики. 1992. С. 64 – 71.
3. Бережная М.С. «Своя комната» (1929) Вирджинии Вулф: пространственная метафора в историко-культурном и гендерном прочтении // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. Вып. 3. С. 80 – 87.
4. Гаспарян Л.А., Полубояринова Л.Н. Специфика культурного трансфера в художественном переводе (на материале русских и армянских переводов британской литературной классики) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. № 20 (3). С. 462 – 480.
5. Гиздатов Г.Г., Ким С.К. Перевод литературы абсурда как пример культурного трансфера («Случаи» Даниила Хармса на корейском языке) // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15. № 1. С. 158 – 171.
6. Ломакина И. Эволюция викторианского тескат в английской литературе // Вестник Удмуртского Университета. Серия История и Филология. 2024. Т. 34. Вып. 6. С. 1384 – 1392.
7. Мёрзлая Н.П. Образ андрогина в раннехристианском гностицизме как принцип идентичности человека // Инновационные технологии в науке и образовании: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / ред. О.Н. Широков. Чебоксары, 2016. С. 242 – 246.
8. Музалевская Ю.Е. Андрогинный образ как поиск новой эстетики вестиментарной моды // Общество: философия, история, культура. 2023. № 10. С. 80 – 85.
9. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М., 2003. 256 с.
10. Шадрихина И. Андрогинность и Бессмертие в серебряном веке (на примере З. Гиппиус и М. Цветаевой) // Социальная онтология в структурах теоретического знания: материалы VI Международной научно-практической конференции. Ижевск, 2014. С. 360 – 367.
11. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер (пер. с французского М.Е. Балакирева и др.). М., 2018. 816 с.
12. Barrett M. Introduction. A Room of One's Own and Three Guineas. London, 1993. 176 p.
13. Bosseaux Ch. How Does it Feel?: Point of View in Translation: The Case of Virginia Woolf. Amsterdam, 2007. 247 p.
14. Horvath Fr. Discourse recognition and analysis of hate speech in Virginia Woolf's "Mrs. Dalloway" // Bulletin of the Transilvania University of Brasov. Philology and Cultural Studies. 2023. Vol. 16 (65). No. 1. P. 103 – 111.
15. Liquori C.E. 'Woolf, LeGuin and Winterson: Androgyny as a literary strategy in twentieth-century women's writing'. The psychology of love. Santa Barbara, 2012. P. 175 – 195.
16. Pietro N. Virginia Woolf: The Translations of A Room of One's Own and Three Guineas to Construct a Feminine Genealogy // EPOS. XXXV. P. 81 – 108.
17. Ulrich Laurel T. Well-Behaved Women Seldom Make History. New York, 2007. 320 p.

References

1. Andreeva E. Strategies for Translating Linguistic Means of the "Stream of Consciousness". Bulletin of Orenburg State University. 2017. No. 7 (207). P. 44 – 50.
2. Bannikova I.A. Interpretation of the Title, Beginning, and End as Special Components of the Text. Questions of Stylistics. 1992. P. 64 – 71.
3. Berezhnaya M.S. Virginia Woolf's "A Room of One's Own" (1929): Spatial Metaphor in Historical, Cultural, and Gender Reading. Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. 2017. Vol. 9. Iss. 3. P. 80 – 87.
4. Gasparyan L.A., Poluboyarinova L.N. Specificity of Cultural Transfer in Literary Translation (Based on Russian and Armenian Translations of British Literary Classics). Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature. 2023. No. 20 (3). P. 462 – 480.

5. Gizdatov G.G., Kim S.K. Translation of Nonsense Literature as an Example of Cultural Transfer (Daniil Kharms's "Cases" in Korean). Slovo.ru: Baltic Accent. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 158 – 171.
6. Lomakina I. Evolution of Victorian Tescat in English Literature. Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series. 2024. Vol. 34. Iss. 6. P. 1384 – 1392.
7. Merzlaya N.P. The Image of the Androgyne in Early Christian Gnosticism as a Principle of Human Identity. Innovative Technologies in Science and Education: Proc. of the VIII International Scientific and Practical Conf. Ed. O.N. Shirokov. Cheboksary, 2016. P. 242 – 246.
8. Muzalevskaya Yu.E. The Androgynous Image as a Search for a New Aesthetics of Fashion. Society: Philosophy, History, Culture. 2023. No. 10. P. 80 – 85.
9. Nikolina N.A. Philological Analysis of the Text. Moscow, 2003. 256 p.
10. Shadrikina I. Androgyny and Immortality in the Silver Age (based on Z. Gippius and M. Tsvetaeva). Social Ontology in the Structures of Theoretical Knowledge: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference. Izhevsk, 2014. P. 360 – 367.
11. Espagne M. The History of Civilizations as a Cultural Transfer (translated from French by M.E. Balakirev et al.). Moscow, 2018. 816 p.
12. Barrett M. Introduction. A Room of One's Own and Three Guineas. London, 1993. 176 p.
13. Bosseaux, Ch. How Does it Feel?: Point of View in Translation: The Case of Virginia Woolf. Amsterdam, 2007. 247 p.
14. Horvath Fr. Discourse recognition and analysis of hate speech in Virginia Woolf's "Mrs. Dalloway". Bulletin of the Transilvania University of Brasov. Philology and Cultural Studies. 2023. Vol. 16 (65). No. 1. P. 103 – 111.
15. Liquori C.E. 'Woolf, LeGuin and Winterson: Androgyny as a literary strategy in twentieth-century women's writing'. The psychology of love. Santa Barbara, 2012. P. 175 – 195.
16. Pietro N. Virginia Woolf: The Translations of A Room of One's Own and Three Guineas to Construct a Feminine Genealogy. EPOS. XXXV. P. 81 – 108.
17. Ulrich Laurel T. Well-Behaved Women Seldom Make History. New York, 2007. 320 p.

Информация об авторах

Гаспарян Л.А., кандидат филологических наук, Институт литературы им. М. Абегяна Национальной Академии наук, luisa.gasparyan83@gmail.com

© Гаспарян Л.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки)

УДК 811.111.

¹ Гусейханова З.С., ² Кокова М.М.

¹ Дагестанский государственный университет

² Пятигорский государственный университет

Когнитивное моделирование значения глагола ‘advise’

Аннотация: в статье анализируются механизмы активизации фрейма COBET на примере пропозиционного глагола *advise*. Дается описание структурно-семантических и синтагматических свойств данного глагола с целью анализа репрезентируемого с его помощью фрейма COBET, а также выделяются его обязательные и факультативные компоненты. Авторы приходят к выводу, что схематично все модели употребления глагола *advise* можно свести к структурно-семантической схеме $S - P - O1 - O2$, (субъект – предикат – косвенное дополнение – прямое дополнение). Разнообразие вариантов представления данной схемы обусловлено тем, что в процессе коммуникации происходит акцентуация тех или ключевых элементов фрейма «совет». К данным ключевым элементам мы относим субъект, предикат, объект-бенефактив и объектив. Они выступают в качестве вершинных узлов фрейма COBET и являются обязательными для любой ситуации, описываемой в рамках данной модели. Даже при отсутствии этих компонентов в поверхностной структуре высказывания они неизменно присутствуют в его глубинной семантической организации. В дополнение к обязательным элементам фрейма COBET был выделен ряд факультативных компонентов, располагающихся на уровне слотов. К ним относятся: возможность осуществления действия, степень вынужденности, волевая составляющая, эмоциональное состояние участников, способ реализации, уровень уверенности, степень авторитетности, наличие намерения и характер запрошенности совета. Данные признаки исследуемого фрейма носят ситуативный характер и служат для конкретизации условий, в которых разворачивается действие, выражаемое глаголом *advise*. Они позволяют более детально описать контекст коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: фрейм, прототипический глагол, побуждение, вершинные узлы, необлигаторные компоненты

Для цитирования: Гусейханова З.С., Кокова М.М. Когнитивное моделирование значения глагола ‘advise’ // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 25 – 30.

Поступила в редакцию: 02 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Guseykhanova Z.S., ² Kokova M.M.

¹ Dagestan State University

² Pyatigorsk State University

Cognitive modeling of the meaning of the verb ‘advise’

Abstract: the article studies into the mechanisms of activation of the frame ‘advice’ based on the example of the propositional verb ‘advise’. A description of the structural-semantic and syntagmatic properties of this verb is given in order to analyze the ADVICE frame represented with its help, and its obligatory and optional components are highlighted. The authors come to the conclusion that, schematically, all models of the use of the verb *advise* can be reduced to the structural-semantic scheme $S - P - O1 - O2$, (subject – predicate – indirect object – direct object).

The different ways of presenting this scheme are determined by the different ways of presenting the obligatory components of the ADVICE frame – subject, predicate, beneficiary object, objective. These components are the top levels of the ADVICE frame, they are always defined and true in relation to the situation being described. Even if these components are not included in the explication of the statement, they are necessarily included in its semantic interpretation. At the same time, the non-obligatory elements of the ADVICE frame, presented at its subordinate level, include the following components: possibility, compulsion, volition, emotional state, method, confidence, authority, intention, and solicitation. These are private data, known on the basis of a given situation and explicating the conditions of the action, expressed by the verb advise.

Keywords: frame, prototypical verb, incentive, frame top levels, non-obligatory components

For citation: Guseykhanova Z.S., Kokova M.M. Cognitive modeling of the meaning of the verb ‘advise’. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 25 – 30.

The article was submitted: October 02, 2025; Approved after reviewing: October 16, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Предметом исследования настоящей статьи являются когнитивные особенности глагола *advise* с точки зрения его участия в разворачивании фрейма COBET в английском языке. Актуальность исследования обусловлена тем, что анализ фрейма COBET, разворачиваемого посредством исследуемого глагола, позволяет в наиболее полном и концентрированном виде отобразить фрагмент действительности, характеризующийся наличием вербализованного совета.

Цель исследования состоит в раскрытии механизмов активизации фрейма «совет» с помощью глагола *advise* в английском языке.

Для достижения указанной цели были решены следующие задачи:

- определение лексико-семантической структуры глагола *advise*;
- анализ структуры фрейма COBET с выявлением обязательных и факультативных компонентов;

Научная новизна настоящей статьи, как и ее теоретическая значимость и практическая ценность заключаются в том, что впервые на материале английского глагола *advise* строится модель и дается описание соответствующего фрейма с выделением обязательных и факультативных компонентов. Кроме того, практическая значимость работы определяется возможностью использования предложенного подхода к анализу концептов в различных языках.

Центральная роль глагола в разворачивании отрезка объективной реальности, выраженного в предложении, связана с тем, что «за каждым глаголом (при его произнесении или прочтении) активизируется некая сцена или совокупность таких сцен» [1, с. 267]. При этом особенность значения глагола конкретизируется в речи, поскольку именно в речи определяется круг сочетающихся с глаголом актантов. Это связано с тем, понятийная основа глагола сложна и детерминирована как сферой объекта, так и сферой субъекта [2].

Вышеизложенное позволяет утверждать, что когнитивным основанием значения глагола можно считать фрейм. Как утверждает Т.И. Домброван, благодаря когнитивному подходу к значению глагола, можно выявить прототипические свойства описываемого отрезка действительности [3].

В своих наблюдениях мы исходим из вербоцентрической модели построения высказывания Л. Теньера, согласно которой глагол является фундаментальным компонентом, формирующим смысловую и структурную организацию высказывания и определяющим актантов, которые могут быть представлены как в эксплицитной, так и в имплицитной форме речевого высказывания [4]. Данная особенность глагола становится очевидной при анализе его валентной структуры, определяющей сочетаемость глагола с определенным кругом языковых единиц [5].

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу исследования составили английские аутентичные высказывания, взятые из корпуса British National Corpus, которые представляют собой контексты функционирования глагола *advise*. Данные контексты позволили выявить основные синтаксические модели исследуемого глагола и соотнести их с обязательными компонентами фрейма COBET.

Методологическая основа статьи построена на трудах основоположников фреймового подхода к анализу значения глагола [2, 6, 7, 8, 12]. Использование данного подхода при изучении глагола позволяет выявить и описать основные стереотипные ситуации, связанные с конкретным глаголом. Центральная роль глагола в разворачивании отрезка объективной реальности, выраженного в предложении, связана с тем, что «за каж-

дым глаголом (при его произнесении или прочтении) активизируется некая сцена или совокупность таких сцен» [6, с. 267]. При этом особенность значения глагола конкретизируется в речи, поскольку именно в речи определяется круг сочетающихся с глаголом актантов. Это связано с тем, понятийная основа глагола сложна и детерминирована как сферой объекта, так и сферой субъекта [11].

Вышеизложенное позволяет утверждать, что когнитивным основанием значения глагола можно считать фрейм. Как утверждает Т.И. Домброван, благодаря когнитивному подходу к значению глагола, можно выявить прототипические свойства описываемого отрезка действительности [3].

В своих наблюдениях мы также исходим из вербоцентрической модели построения высказывания Л. Теньера, согласно которой глагол является фундаментальным компонентом, формирующим смысловую и структурную организацию высказывания и определяющим актантов, которые могут быть представлены как в эксплицитной, так и в имплицитной форме речевого высказывания [10]. Данная особенность глагола становится очевидной при анализе его валентной структуры, определяющей сочетаемость глагола с определенным кругом языковых единиц [5].

В соответствии с методологической основой статьи одним из основного метода, использованным в работе, послужил метод структурно-семантического анализа, позволяющий комплексно изучить как формальную структуру лексической единицы, включая ее расположение в высказывании и связи с другими элементами высказывания, так и ее глубинное смысловое содержание. Помимо этого, цель исследования предполагает использование семантико-когнитивного подхода, согласно которому семантика языковых единиц изучается в непосредственной связи с концептами, активизируемыми ими [1]. В случае со значением глагола, речь идет о соотношении семантики глагола с теми сценарными фреймами, которые и представляют собой когнитивные основания значения этих глаголов.

Результаты и обсуждения

Глаголом, представляющим собой прототип фрейма СОВЕТ, является глагол *advise*. Глагол появился в английском языке путем заимствования старофранцузского существительное *avis* мнение, которое в свою очередь восходит к латинскому глаголу *videre* видеть. На современном этапе пропозициональное содержание глагола *advise* заключается в том, что более компетентный субъект высказывает предположение о полезности того или иного действия для объекта. На основании анализа лексико-семантических вариантов глагола *advise*, представленных в Большом толковом словаре английского языка, мы также можем заключить, что в основе его значения лежит ситуация бесконфликтного общения, в которой один из участников коммуникативного процесса принимает на себя авторитет (реальный или мнимый) в отношении другого.

Можно выделить следующие сценарные типы совета, ассоциируемые с глаголом *advise*, которые, на наш взгляд, совпадают с субфреймовыми областями объективации концепта СОВЕТ (рис. 1).

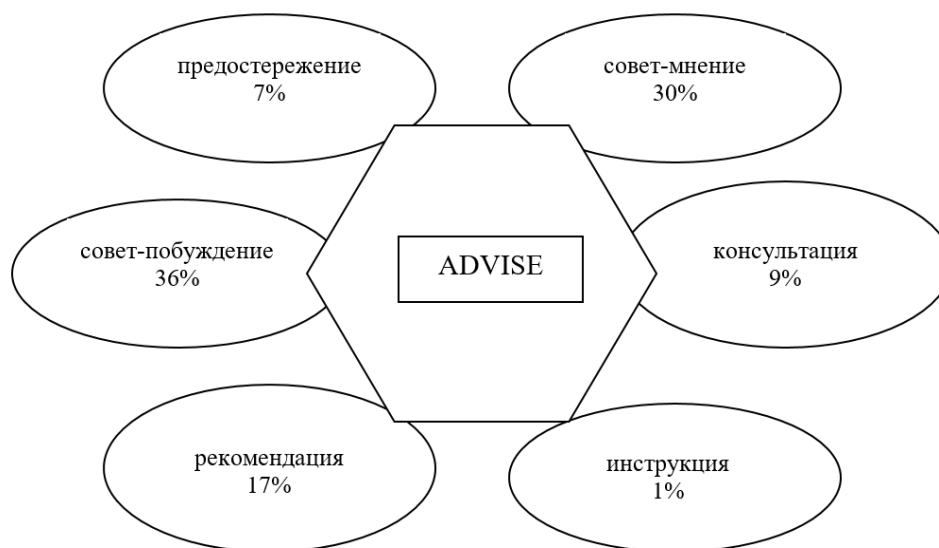

Рис. 1. Фреймовая структура глагола *advise*.

Fig. 1. Frame structure of the verb *advise*.

Выделение различных субфреймов в процессе анализа концепта СОВЕТ, выражаемого с помощью глагола *advise*, связано с особенностями обозначаемого им процесса, а также характером представления обяза-

тельных компонентов репрезентируемого им фрейма. На основании дефиниционного анализа лексико-семантических вариантов прототипического глагола *advise* мы выделили следующие обязательные компоненты фрейма СОВЕТ:

СУБЪЕКТ ↔ ПРЕДИКАТ ↔ БЕНЕФАКТИВ ↔ ОБЪЕКТИВ.

При этом в различных субфреймовых областях варьируются характеристики приведенных выше компонентов. Для объективации сценарных субфреймов «побуждение» и «мнение» компонент объектив выступает как репрезентация желаемого состояния действительности. Данная репрезентация может принимать форму императивного побуждения (эксплицитная деонтическая модальность), а также представлять собой имплицитное выражение субъективной позиции. Особо следует отметить специфику субфрейма «мнение», где компонент объектив, отражающий побуждаемое действие, характеризуется гипотетичностью своего содержания (эпистемическая модальность). Таким образом, в процессе коммуникации реализация фрейма СОВЕТ предполагает пересечение двух видов модальности – деонтической и эпистемической. В структуре субфреймов «рекомендация» и «консультирование» компонент субъект обладает особым доминирующим статусом, что обусловлено его профессиональной компетенцией или признанным авторитетом в соответствующей сфере. При реализации субфрейма «предостережение» компонент объектив усложняется тем, что в экспликутуру высказывания выносятся негативные последствия выполнения или невыполнения действия. Относительно субфрейма «инструкция» отметим, что происходит пересечение семантических признаков «информирование» и «совет».

Анализ валентностных характеристик лексемы *advise* выявил его способность функционировать в переходном и непереходном состоянии, что напрямую зависит от реализуемого субфрейма.

Для рассмотрения специфики отношений глагола *advise* и определяемых им актантов мы проанализировали основные синтаксические конструкции, в которых данный глагол функционирует:

1) *to advise somebody*.

Данная модель предполагает автономное употребление глагола *advise*, не предполагающее употребление прямого дополнения. Наиболее часто встречающиеся контексты использования данной синтаксической модели тесно связаны с актуализацией субфреймов, относящихся к сферам консультативной деятельности и выражения оценочного суждения, субфреймы «консультирование» и «мнение» соответственно.

2) *to advise somebody to do something*.

Иллокутивный статус глагола *advise* в данной синтаксической модели является свидетельством того, что он репрезентирует субфрейм «совет-побуждение». Инфинитивная форма компонента объектив отражает абстрактное представление о будущем действии, которое предлагается совершить. Все обязательные элементы фреймовой структуры глагола *advise* находят своё отражение в поверхностной организации предложения.

3) *to advise doing something*.

В данной модели глагол *advise* также сочетается с неличной формой глагола, что свидетельствует о его функторном статусе. Подобная модель акцентирует компонент объектив, поскольку объект-бенефактив вынесен в импликацию высказывания. Кроме того, идея, выраженная объективом, носит амбиентный характер и не зависит от характеристик бенефактива:

4) *to advise (to somebody) + clause (that)*.

Поскольку в рамках данной синтаксической модели глагол *advise* выполняет функцию модусного предиката, в его семантической структуре на первый план выдвигается компонент оценочность. Как известно, при использовании модусных предикатов говорящие выносят оценочное суждение для квалификации фрагмента действительности как соответствующего или несоответствующего норме.

5) *to advise (somebody) + wh-word + to do something*.

Синтаксическая модель направлена на объективизацию субфрейма «инструкция», при этом признак ‘авторитетность’ в семантической структуре глагола *advise* отражает превосходство субъекта в профессиональных знаниях, что даёт ему право на передачу информации адресату-получателю (бенефактиву).

6) *to advise something (to somebody)*.

В данной синтаксической модели компонент «объектив» имеет предметную природу, будучи выраженным существительным или заменяющим его местоимением. Подобные речевые контексты служат объективации субфрейма «рекомендация», поскольку имплицитно содержат указание на благотворное воздействие рекомендованного объекта на адресата (условие бенефактивности совета).

7) *to advise somebody against something (doing something)*.

Приведенная выше конструкция предполагает бенефактивность невыполнения действия. Таким образом, данная модель используется для репрезентации субфрейма «предостережение». Авторитетность субъекта, входящая в пресуппозицию высказывания, основывается на его опыте и знаниях. Отметим, что субъект

субфрейма «предостережение» наделяется авторитетным статусом не ситуативно, а исходя из постоянных характеристик участников коммуникации.

8) to advise somebody on / upon something.

Реализация данной модели предполагает пересечение субфреймовых областей «консультирование» и «информирование». Предлог on в данной синтаксической модели говорит о том, что совет не носит спонтанный характер, а является результатом обдумывания.

9) to advise somebody as to something.

Данная модель схожа с предыдущей тем, что предложное сочетание as to создает основу, представляющую возможность совета. Совет в данном случае тоже является результатом обдумывания и представляет сочетание двух субфреймовых областей, как и в предыдущей модели.

10) to advise somebody of something.

Здесь мы имеем дело с единственным контекстом употребления глагола advise, где указанный глагол является абсолютным синонимом глагола inform.

Выводы

На основании проведенного анализа, авторы пришли к следующим выводам. Схематично все модели употребления глагола advise можно свести к структурно-семантической схеме S – P – O1 – O2, (субъект – предикат – косвенное дополнение – прямое дополнение). Разнообразие вариантов представления данной схемы обусловлено тем, что в процессе коммуникации происходит акцентуация тех или ключевых элементов фрейма «совет». К данным ключевым элементам мы относим субъект, предикат, объект-бенефактив и объектив. Они выступают в качестве вершинных узлов фрейма COBET и являются обязательными для любой ситуации, описываемой в рамках данной модели. Даже при отсутствии этих компонентов в поверхностной структуре высказывания они неизменно присутствуют в его глубинной семантической организации. В дополнение к обязательным элементам фрейма COBET был выделен ряд факультативных компонентов, располагающихся на уровне слотов. К ним относятся: возможность осуществления действия, степень вынужденности, волевая составляющая, эмоциональное состояние участников, способ реализации, уровень уверенности, степень авторитетности, наличие намерения и характер запрошенности совета. Данные признаки исследуемого фрейма носят ситуативный характер и служат для конкретизации условий, в которых разворачивается действие, выражаемое глаголом advise. Они позволяют более детально описать контекст коммуникативной ситуации.

Перспективы дальнейшего исследования представленной темы мы видим в следующих направлениях. Во-первых, предлагаемая методика фреймового анализа глагола может быть использована для других иллокутивных глаголов, предполагающих отражение коммуникативной установки говорящего и ее воздействие на слушающего. Во-вторых, дальнейшее исследование глагола advise с точки зрения когнитивных оснований его значения предполагает когнитивно-семантический анализ синонимов данного глагола, а также анализ способов реализации фрейма COBET в условиях реального общения.

Список источников

1. Аветисян М.В. Структурно-семантический и семантико-когнитивный подходы к изучению проблем мотивации в словообразовании. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 1 (67). Ч. 2. С. 59 – 63.
2. Гофман И. Анализ фреймов. М., 2003. 750 с.
3. Домброван Т.И. О сопряженности семантических валентностей внутри единой фреймовой модели // Грамматические исследования: материалы докладов II Международной научной конференции. Минск, 5-6 ноября, 2003 года. Минск: Изд-во МГЛУ, 2004. 207 с.
4. Егорова В.Г. Когнитивные особенности семантики комплексных языковых единиц со значением понимания // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2021. № 1 (69). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/kognitivnye-osobennosti-semantiki-kompleksnykh-yazykovykh-edinit-so-znacheniem-ponimaniya.html> (дата обращения: 02.08.2025).
5. Кибардина С.М. Валентность немецкого глагола: дис. ... док. филол. наук: 5.9.6. Вологда, 1988. 580 с.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 556 с.
7. Лазарев В.В. Философия познания и лингвофилософия: парадигмальный подход. Пятигорск: Пятиг. гос. лингв. ун-т, 2006. 506 с.
8. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979. 151 с.

9. Мирошниченко Н.С., Раздабарина Ю.А., Страхова К.А. Когнитивные основания исследования языковых единиц со значением ОБОГАЩЕНИЕ. Современный ученый. 2024. № 2. С. 110 – 117.
10. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / под ред. В.К. Герасимова; пер. с франц. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
11. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики: 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. 239 с.
12. Филмор Ч. Фреймы и семантика понимания: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23. С. 52 – 91.
13. Хантимиров Фреймовый анализ семантики немецких глаголов слуха // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 6. С. 1843 – 1848.

References

1. Avetisyan M.V. Structural-semantic and semantic-cognitive approaches to the study of motivation problems in word formation. Philological sciences. Theoretical and practical issues. Tambov: Gramota, 2017. No. 1 (67). Part 2. P. 59 – 63.
2. Goffman I. Frame analysis. Moscow, 2003. 750 p.
3. Dombrovan T.I. On the conjugacy of semantic valencies within a single frame model. Grammatical studies: materials of the II International scientific conference. Minsk, November 5-6, 2003. Minsk: Publishing house of Moscow State Linguistic University, 2004. 207 p.
4. Egorova V.G. Cognitive Features of the Semantics of Complex Linguistic Units with the Meaning of Understanding. Philological Aspect: International Scientific and Practical Journal. 2021. No. 1 (69). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/kognitivnye-osobennosti-semantiki-kompleksnykh-yazykovykh-edinit-so-znacheniem-ponimaniya.html> (date of accessed: 02.08.2025).
5. Kibardina S.M. Valency of the German Verb: Diss. ... Doc. of Philological Sciences: 5.9.6. Vologda, 1988. 580 p.
6. Kubryakova E.S. Language and Knowledge. On the Way to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 556 p.
7. Lazarev V.V. Philosophy of Knowledge and Linguistic Philosophy: A Paradigmatic Approach. Pyatigorsk: Pyatig. State Linguistic University, 2006. 506 p.
8. Minsky M. Frames for Representing Knowledge. Moscow, 1979. 151 p.
9. Miroshnichenko N.S., Razdabarina Yu.A., Strakhova K.A. Cognitive Foundations of the Study of Linguistic Units with the Meaning ENRICHMENT. Sovremennyy Scientist. 2024. No. 2. P. 110 – 117.
10. Tenier L. Fundamentals of Structural Syntax. Edited by V.K. Gerasimov; translated from French. Moscow: Progress, 1988. 656 p.
11. Ufimtseva A.A. Lexical Meaning: The Principle of Semiological Description of Lexicon: 2nd ed. Moscow: Editorial URSS, 2002. 239 p.
12. Fillmore C. Frames and the Semantics of Understanding: New in Foreign Linguistics. Moscow, 1988. Iss. 23. P. 52 – 91.
13. Khantimirov Frame Analysis of the Semantics of German Verbs of Hearing. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2023. Vol. 16. Iss. 6. P. 1843 – 1848.

Информация об авторах

Гусейханова З.С., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, zareta7@inbox.ru

Кокова М.М., старший преподаватель, Пятигорский государственный университет

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 800.7

¹ Дун Лие

¹ Забайкальский государственный университет

Когнитивно-прагматические механизмы конструирования образа «чужого» в спортивном дискурсе и их воздействие на вторичную языковую личность

Аннотация: в рамках настоящей статьи автором исследованы когнитивно-прагматические механизмы конструирования образа «чужого» в спортивном дискурсе и их воздействие на вторичную языковую личность. Цель данного исследования заключается в выявлении и анализе когнитивно-прагматических механизмов формирования образа «чужого» в спортивном дискурсе и определении их влияния на становление вторичной языковой личности. При написании статьи, автором применены следующие методы научного познания: дискурс-анализ, концептуальный анализ, прагматический анализ и метод лингвокогнитивного моделирования. Основные результаты, полученные в процессе исследования, показывают, что конструирование образа «чужого» в спортивном дискурсе осуществляется через систему оппозиций «свой-чужой», метафорических конструкций и прагматических стратегий. Выводы свидетельствуют о том, что данные механизмы оказывают существенное воздействие на формирование языкового сознания вторичной языковой личности, влияя на восприятие инокультурных спортивных практик и ценностей.

Ключевые слова: спортивный дискурс, образ «чужого», вторичная языковая личность, когнитивно-прагматические механизмы, концептуальная оппозиция, метафоризация

Для цитирования: Дун Лие. Когнитивно-прагматические механизмы конструирования образа «чужого» в спортивном дискурсе и их воздействие на вторичную языковую личность // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 31 – 36.

Поступила в редакцию: 02 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Dong Lie

¹ Transbaikal State University

Cognitive-pragmatic mechanisms of constructing the "alien" image in sports discourse and their impact on secondary linguistic identity

Abstract: in this article, the author examines the cognitive-pragmatic mechanisms of constructing the "alien" image in sports discourse and their impact on secondary linguistic identity. The purpose of this study is to identify and analyze the cognitive-pragmatic mechanisms of forming the "alien" image in sports discourse and determine their influence on the development of secondary linguistic identity. In writing this article, the author applied the following research methods: discourse analysis, conceptual analysis, pragmatic analysis, and linguacognitive modeling. The main findings of the study demonstrate that the construction of the "other" image in sports discourse is accomplished through a system of "friend/foe" oppositions, metaphorical constructions, and pragmatic strategies. The findings indicate that these mechanisms have a significant impact on the development of the secondary linguistic identity's linguistic consciousness, influencing the perception of foreign cultural sports practices and values.

Keywords: sports discourse, "other" image, secondary linguistic identity, cognitive-pragmatic mechanisms, conceptual opposition, metaphorization

For citation: Dong Lie. Cognitive-pragmatic mechanisms of constructing the "alien" image in sports discourse and their impact on secondary linguistic identity. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 31 – 36.

The article was submitted: October 02, 2025; Approved after reviewing: October 16, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью спортивного дискурса в современном информационном пространстве и его значительным влиянием на формирование языкового сознания. Безусловно, спортивная коммуникация выходит далеко за рамки простого описания соревновательных событий, становясь мощным инструментом конструирования социокультурных смыслов и национальной идентичности.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и систематизации когнитивно-прагматических механизмов конструирования образа «чужого» в спортивном дискурсе и определении их воздействия на вторичную языковую личность.

Научная новизна исследования заключается в том, что в рамках настоящей статьи, автором впервые предпринята попытка комплексного анализа когнитивно-прагматических механизмов конструирования образа «чужого» в спортивном дискурсе с позиций их влияния на вторичную языковую личность.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом автора в развитие теории дискурса, когнитивной лингвистики и теории языковой личности. Практическая значимость состоит в возможности применения результатов настоящего авторского исследования в практике преподавания русского языка как иностранного, межкультурной коммуникации и медиалингвистике.

Материалы и методы исследований

Материалами для проведения настоящего исследования послужили тексты спортивных СМИ общим объемом более 50 словоупотреблений, включающие статьи, репортажи, интервью и комментарии, опубликованные в период с 2020 по 2024 годы в таких изданиях, как «Спорт-Экспресс», «Советский спорт», «Чемпионат.com», а также материалы телевизионных спортивных передач каналов «Матч ТВ» и «Первый канал».

Методология настоящего исследования базируется на принципах системного подхода, предполагающего рассмотрение спортивного дискурса как сложной многоуровневой системы.

При написании статьи, автором применены следующие методы научного познания: дискурс-анализ, концептуальный анализ, прагматический анализ и метод лингвокогнитивного моделирования, компонентного анализа, контекстуального анализа и элементы корпусной лингвистики для количественной обработки данных.

Результаты и обсуждения

Анализ материала показал, что конструирование образа «чужого» в спортивном дискурсе осуществляется через систему взаимосвязанных когнитивно-прагматических механизмов, которые можно объединить в несколько основных групп.

Прежде всего, следует выделить механизм концептуальной оппозиции «свой-чужой», который является базовым для формирования спортивной идентичности. Данный механизм проявляется на различных уровнях языковой системы. На лексическом уровне наблюдается противопоставление номинаций, характеризующих представителей «своей» и «чужой» спортивных культур. Например, в репортажах о международных соревнованиях российские спортсмены часто называются «наши ребята», «отечественные атлеты», «российская сборная», тогда как иностранные участники обозначаются более нейтрально: «команда соперников», «зарубежные спортсмены», «представители других стран» [1].

Особенно ярко данная оппозиция проявляется в контексте описания тактических и технических особенностей игры. Российский стиль игры традиционно характеризуется через положительно окрашенные концепты «мужественность», «самоотверженность», «коллективизм»: «Наша команда продемонстрировала истинно русский характер, не сдаваясь до последней секунды». В противоположность этому, игра зарубежных команд часто описывается через концепты «расчетливость», «индивидуализм», «прагматизм»: «Немецкая сборная действовала по своему обычному сценарию – хладнокровно и методично».

Второй важный механизм связан с метафорическим моделированием спортивного противостояния. Анализ показывает, что в спортивном дискурсе активно используются метафоры войны, которые усиливают оппозицию «свой-чужой». Спортивные соревнования концептуализируются как «битва», «сражение», «по-

одинок», а участники – как «воины», «бойцы», «защитники». Например: «Российские хоккеисты готовятся к решающей битве с канадцами», «Наши футболисты выиграли принципиальное сражение у бразильцев».

Интересно, что метафоры войны по-разному применяются к «своим» и «чужим» спортсменам. «Свои» спортсмены предстают как «защитники родной земли», «герои», «воины света», тогда как «чужие» часто изображаются через метафоры «захватчиков», «агрессоров», «темных сил». Такое метафорическое распределение ролей формирует в сознании реципиента определенную аксиологическую иерархию, где «свои» априори наделяются положительными характеристиками.

Третий механизм можно охарактеризовать как стратегию селективной репрезентации. Суть данного механизма заключается в том, что при освещении спортивных событий акцентируются различные аспекты в зависимости от национальной принадлежности участников. При описании побед российских спортсменов подчеркиваются такие качества, как талант, упорство, преданность спорту: «Победа досталась нашему фигуристу благодаря невероятному таланту и многолетней упорной работе». В случае побед иностранных спортсменов чаще акцентируются внешние факторы: везение, судейские решения, финансовые возможности: «Американский пловец выиграл во многом благодаря новейшему гидрокостюму и идеальным условиям бассейна» [2]. Четвертый механизм связан с использованием этнокультурных стереотипов при характеристике спортивных стилей и подходов. В спортивном дискурсе активно эксплуатируются устойчивые представления о национальных особенностях: «немецкая пунктуальность», «итальянская страстность», «японская дисциплинированность», «американский прагматизм». Эти стереотипы становятся своеобразными интерпретативными рамками для объяснения спортивных результатов и поведения атлетов [3].

Анализ показывает, что данные стереотипы не являются нейтральными описательными характеристиками, а несут определенную оценочную нагрузку. Например, «немецкая методичность» может подаваться как положительная черта в контексте достижения результата, но как негативная – в контексте зрелищности и эмоциональности игры: «Немцы, как всегда, играли методично и скучно, лишив зрителей ярких эмоций».

Пятый механизм касается темпоральной организации спортивного нарратива. При конструировании образа «чужого» активно используется противопоставление прошлого и настоящего, традиций и инноваций. «Свои» спортивные достижения часто вписываются в контекст славных традиций: «Наша команда продолжила лучшие традиции отечественного хоккея», тогда как успехи «чужих» представляются как результат отхода от традиций, использования новых технологий: «Норвежские лыжники опять выиграли за счет революционной смазки». Для систематизации выявленных механизмов представим их в виде таблицы 1 [4].

Таблица 1

Когнитивно-прагматические механизмы конструирования образа «чужого» в спортивном дискурсе.

Table 1

Cognitive-pragmatic mechanisms for constructing the image of the "foreigner" in sports discourse.

Механизм	Описание	Языковые средства	Прагматическая функция
Концептуальная оппозиция	Противопоставление «свой-чужой»	Номинации, эпитеты, оценочная лексика	Формирование групповой идентичности
Метафорическое моделирование	Использование метафор войны, игры, театра	Военная лексика, игровая терминология	Эмоциональное воздействие
Селективная репрезентация	Акцентирование различных аспектов	Каузальные конструкции, модальные слова	Формирование оценочных суждений
Этнокультурные стереотипы	Использование национальных стереотипов	Этнонимы, культурные концепты	Упрощение интерпретации
Темпоральная организация	Противопоставление традиций и инноваций	Темпоральные маркеры, историческая лексика	Легитимация ценностей

Особого внимания заслуживает анализ воздействия выявленных механизмов на вторичную языковую личность. Под вторичной языковой личностью, вслед за Сахаровой А.В., мы понимаем совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне, формирующуюся в процессе овладения неродным языком [5].

Исследование показывает, что спортивный дискурс играет значительную роль в формировании языкового сознания вторичной языковой личности, поскольку спорт является одной из наиболее доступных и понятных сфер межкультурного взаимодействия. Изучающие русский язык как иностранный активно потребляют спортивный контент, что делает его важным источником не только языкового, но и социокультурного знания.

Воздействие когнитивно-прагматических механизмов конструирования образа «чужого» на вторичную языковую личность проявляется на нескольких уровнях. На вербально-семантическом уровне происходит усвоение оценочных коннотаций лексических единиц. Например, изучающий русский язык иностранец может усвоить, что слово «наши» в спортивном контексте несет положительную эмоциональную окраску, а «они» или «соперники» – более нейтральную или даже негативную. На лингвокогнитивном уровне формируются концептуальные структуры, определяющие восприятие спортивной реальности. Вторичная языковая личность усваивает не только языковые формы, но и стоящие за ними концепты, включая систему оппозиций «свой-чужой», метафорические модели, стереотипные представления. На мотивационно-прагматическом уровне происходит интериоризация коммуникативных стратегий и тактик, характерных для русской спортивной коммуникации. Изучающий язык начинает воспроизводить не только лексико-грамматические конструкции, но и прагматические паттерны поведения [6].

Проведенный анализ позволяет выделить несколько типов воздействия спортивного дискурса на вторичную языковую личность. Для наглядности представим типы воздействия в виде таблицы 2.

Таблица 2

Типы воздействия спортивного дискурса на вторичную языковую личность.

Table 2

Types of impact of sports discourse on secondary linguistic personality.

Тип воздействия	Механизм	Результат	Примеры проявления
Аккультурационное	Трансляция культурных ценностей	Усвоение норм и ценностей	Понимание важности командного духа
Идентификационное	Формирование групповой принадлежности	Частичная идентификация	Использование «мы» применительно к российским командам
Стереотипизирующее	Трансляция этнокультурных стереотипов	Усвоение стереотипов	Представления о «немецкой педантичности»
Эмоциональное	Эмоциональная окраска языковых единиц	Формирование эмоциональных ассоциаций	Положительные коннотации слова «наши»

Важно отметить, что воздействие спортивного дискурса на вторичную языковую личность не является односторонним процессом. Вторичная языковая личность не просто пассивно усваивает транслируемые смыслы, но активно их интерпретирует, соотнося с собственным культурным опытом. Это может приводить к различным результатам: от полного принятия транслируемых установок до их критического переосмысления или отторжения [7].

Кроме того, следует учитывать, что современная медиасреда характеризуется множественностью источников информации, что позволяет вторичной языковой личности сопоставлять различные точки зрения и формировать более сбалансированное представление о спортивной реальности.

Анализ конкретных примеров показывает, как работают выявленные механизмы в реальной коммуникативной практике. Далее рассмотрим фрагмент спортивного репортажа о матче между российской и американской командами по баскетболу: «Наши ребята с первых минут показали, что готовы биться до конца. Американцы, привыкшие к легким победам, явно не ожидали такого сопротивления. Российская команда играла самоотверженно, каждый мяч доставался в упорной борьбе. Заокеанские баскетболисты пытались переломить ход игры за счет индивидуального мастерства, но коллективный дух наших оказался сильнее».

В данном фрагменте четко проявляются несколько когнитивно-прагматических механизмов. Концептуальная оппозиция «свой-чужой» реализуется через противопоставление номинаций «наши ребята» – «американцы», «российская команда» – «заокеанские баскетболисты». Метафорическое моделирование представлено военной метафорикой: «биться до конца», «упорная борьба», «переломить ход игры». Селективная репрезентация проявляется в том, что российской команде приписываются положительные качества (самоотверженность, коллективный дух), а американской – менее привлекательные (привычка к легким победам, индивидуализм).

Для вторичной языковой личности подобные тексты становятся источником не только языковой, но и культурной информации. Изучающий русский язык усваивает, что в русской спортивной культуре высоко ценятся коллективизм и самоотверженность, а индивидуализм воспринимается скорее негативно [8].

Далее приведем другой пример, в котором демонстрируется использование этнокультурных стереотипов: «Итальянцы, верные своим традициям, начали матч очень эмоционально, но постепенно их пыл угас.

Немецкая сборная методично наращивала преимущество, действуя по четко отработанной схеме. К концу первого тайма стало понятно, что тевтонская машина набрала обороты». Здесь активно эксплуатируются устойчивые национальные стереотипы: итальянская эмоциональность и непостоянство, немецкая методичность и надежность. Отметим, что указанная метафора «тевтонская машина» не только актуализирует представления о немецкой технической точности, но и несет определенную оценочную нагрузку, представляя немецкую команду как нечто механическое, лишенное человеческого тепла.

Особенности конструирования образа «чужого» в спортивном дискурсе также зависят от жанровых характеристик текста. В новостных сводках преобладают нейтральные номинации и фактологическая информация. Как показало настоящее исследование, в аналитических статьях активнее используются оценочные суждения и развернутые метафорические конструкции. По мнению автора, в болельщицких комментариях и форумах оппозиция «свой-чужой» может доходить до крайних проявлений, включая использование негативно окрашенной лексики и даже инвективы. Жанровая дифференциация создает различные условия для воздействия на вторичную языковую личность. Новостные тексты формируют базовые представления о спортивной реальности, аналитические материалы способствуют развитию критического мышления, а эмоционально окрашенные комментарии могут приводить к усвоению более радикальных установок [9].

Отметим так же, что важным аспектом исследования является анализ гендерных особенностей конструирования образа «чужого» в спортивном дискурсе. Материалы исследования показывают, что при освещении женских соревнований механизмы конструирования образа «чужого» имеют свою специфику. Прежде всего, чаще используются эстетические оценки: «наши грациозные фигуристки» против «технически сильных, но холодных американок». Так же активнее эксплуатируются гендерные стереотипы, такие как: женственность, материнство, семейные ценности для «своих» и карьеризм, профессионализм для «чужих».

Региональная специфика также накладывает отпечаток на механизмы конструирования образа «чужого». По мнению автора, при освещении соревнований с участием команд из постсоветских стран часто актуализируется концепт «братских народов», что смягчает оппозицию «свой-чужой». Напротив, при описании противостояния с командами из стран НАТО или ЕС оппозиция может усиливаться за счет актуализации политических коннотаций [10]. Динамический аспект исследования показывает, что механизмы конструирования образа «чужого» в спортивном дискурсе подвержены изменениям под влиянием внешних факторов. Политическая обстановка, экономические отношения между странами, исторические события – все это находит отражение в спортивном дискурсе и влияет на способы репрезентации образа «чужого». Например, в период обострения российско-американских отношений в спортивном дискурсе активизируются метафоры противостояния, холодной войны, принципиального противостояния систем. В периоды потепления отношений те же спортивные события могут описываться через метафоры честного соперничества, взаимного уважения, спортивной дружбы.

Выводы

В заключение настоящей статьи, необходимо сделать определенные выводы о результатах проведенного исследования. Полученные автором в процессе проведения настоящего исследования результаты имеют важное значение для теории и практики межкультурной коммуникации, методики преподавания русского языка как иностранного, медиалингвистики. Понимание механизмов конструирования образа «чужого» в спортивном дискурсе позволяет более эффективно формировать межкультурную компетенцию вторичной языковой личности, развивать критическое мышление при восприятии медиатекстов, предотвращать формирование негативных этнокультурных стереотипов. Перспективы дальнейших исследований, могут быть связаны с расширением материальной базы за счет включения интернет-дискурса, социальных сетей, подкастов, а также с проведением экспериментальных исследований воздействия спортивного дискурса на различные группы реципиентов.

Список источников

1. Буденкова В.Е., Краевская И.О. Конструирование образов "свой" – "чужой" в постах об Олимпиаде-2024 в китайских соцсетях // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2024. № 55. С. 23 – 34.
2. Трофимова А.Н., Файзиева Г.В. Междисциплинарность категории «чужой» как основа лингвистического образа «чужой» в английском и русском языках // Евразийский филологический вестник. 2023. № 3 (3). С. 121 – 136.
3. Касымова О.П., Сафиканова Н.Р. Оппозиция "свой-чужой" в речи спортивного комментатора: мотивированность использования // Доклады Башкирского университета. 2020. Т. 5. № 4. С. 273 – 276.

4. Галмагова Г.М., Красильникова О.С. Конструирование культурной идентичности в ценностно-смысловой системе «свой – чужой»: теоретико-методологические аспекты // Общество: философия, история, культура. 2025. № 7 (135). С. 27 – 33.
5. Сахарова А.В. Особенности формирования языковой картины мира вторичной языковой личности // Казанская наука. 2024. № 2. С. 313 – 315.
6. Каурова Е.М., Коренева М.Р. Языковые трудности как параметр оценивания уровня сформированности вторичной языковой личности студента языкового факультета // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 378 – 380.
7. Ашурбеков Т.К., Дарбишева Х.А. Лексические средства выражения оппозиции «свой – чужой» в игровом дискурсе // Успехи гуманитарных наук. 2025. № 7. С. 27 – 33.
8. Воейкова А.А., Казарян Ш.Е., Шехирева Н.А., Григорян А.Э. К вопросу о формировании вторичной языковой личности у студенческой молодежи: эмпирическое исследование // Педагогика и психология образования. 2025. № 1. С. 67 – 87.
9. Ильинская Е.А., Бирженюк Г.М., Ременюк Н.Р. Бинарная оппозиция «свой – чужой» в культурологическом дискурсе // Общество: философия, история, культура. 2023. № 4 (108). С. 169 – 174.
10. Деци А., Костанди Е.И. Пространственный дискурс в ситуации языковых контактов: "свое" – "чужое" // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 4. С. 619 – 632.

References

1. Budenkova V.E., Kraevskaya I.O. Construction of the Images of "Friend" – "Friend" in Posts about the 2024 Olympics in Chinese Social Media. Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art Criticism. 2024. No. 55. P. 23 – 34.
2. Trofimova A.N., Fayzieva G.V. Interdisciplinarity of the Category of "Friend" as the Basis of the Linguistic Image of "Alien" in English and Russian. Eurasian Philological Bulletin. 2023. No. 3 (3). P. 121 – 136.
3. Kasymova O.P., Safikanova N.R. Opposition "Friend-Friend" in the Speech of a Sports Commentator: Motivation for Use. Reports of the Bashkir University. 2020. Vol. 5. No. 4. P. 273 – 276.
4. Galmagova G.M., Krasilnikova O.S. Construction of Cultural Identity in the Value-Semantic System of "Friend – Foe": Theoretical and Methodological Aspects. Society: Philosophy, History, Culture. 2025. No. 7 (135). P. 27 – 33.
5. Sakharova A.V. Features of the Formation of the Linguistic Picture of the World of the Secondary Linguistic Personality. Kazan Science. 2024. No. 2. P. 313 – 315.
6. Kaurova E.M., Koreneva M.R. Language Difficulties as a Parameter for Assessing the Level of Formation of the Secondary Linguistic Personality of a Language Faculty Student. The World of Science, Culture, Education. 2021. No. 2 (87). P. 378 – 380.
7. Ashurbekov T.K., Darbisheva H.A. Lexical means of expressing the opposition "friend or foe" in game discourse. Advances in the Humanities. 2025. No. 7. P. 27 – 33.
8. Voeikova A.A., Kazaryan Sh.E., Shekhireva N.A., Grigoryan A.E. On the issue of the formation of the secondary linguistic personality of student youth: an empirical study. Pedagogy and psychology of education. 2025. No. 1. P. 67 – 87.
9. Ilyinskaya E.A., Birzhenyuk G.M., Remenyuk N.R. The binary opposition "friend or foe" in cultural studies discourse. Society: philosophy, history, culture. 2023. No. 4 (108). P. 169 – 174.
10. Deci A., Kostandi E.I. Spatial discourse in the situation of language contacts: "own" – "foreign". Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 619 – 632.

Информация об авторах

Дун Лие, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, dongliye@yandex.ru

© Дун Лие, 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.1, 070.4

¹ Кедяркин С.Н., ² Кедяркина Н.В.,
³ Степин С.Н.

¹ Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского
² Нижегородский Губернский колледж
³ Мордовский государственный педагогический
университет имени М.Е. Евсевьева

Модели и практики совершенствования профессиональной компетентности журналистов местной прессы: опыт Нижегородской области

Аннотация: в статье рассматриваются традиции и новаторство в сфере повышения профессиональной компетентности журналистов местных СМИ Нижегородской области. Цель исследования – анализ системы деятельности по повышению профессиональной компетентности журналистов местных СМИ Нижегородской области и определение роли в указанных процессах учебных заведений высшего профессионального образования, профессиональных сообществ Нижегородской области, исполнительных органов региона, курирующих вопросы реализации информационной политики в сфере СМИ. Результатом исследования является изучение используемых в практике журналистского обучения моделей, методов и технологий. Автором подчеркивается тесное взаимодействие всех заинтересованных субъектов в процессах повышения уровня профессионального развития сотрудников СМИ, конкурентоспособности в условиях тотальной цифровизации.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, местная пресса, журналистское образование, проектная деятельность в сфере журналистского образования традиции, наставничество в журналистике, повышение квалификации журналистов

Для цитирования: Кедяркин С.Н., Кедяркина Н.В., Степин С.Н. Модели и практики совершенствования профессиональной компетентности журналистов местной прессы: опыт Нижегородской области // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 37 – 45.

Поступила в редакцию: 02 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Kedyarkin S.N., ² Kedyarkina N.V.,
³ Stepin S.N.

¹ Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
² Nizhny Novgorod Provincial College
³ Mordovian State Pedagogical University named
after M.E. Evseviev

Models and practices for improving the professional competence of local journalists: the experience of the Nizhny Novgorod region

Abstract: the article examines the traditions and innovations in the field of improving the professional competence of local media journalists in the Nizhny Novgorod region. The purpose of the study is to analyze the system of activities aimed at improving the professional competence of local media journalists in the Nizhny Novgorod region and to determine the role of educational institutions of higher professional education, professional

communities of the Nizhny Novgorod region, and regional executive bodies responsible for the implementation of information policy in the field of mass media in these processes. The result of the research is the study of models, methods and technologies used in the practice of journalistic education. The author emphasizes the close interaction of all stakeholders in the processes of increasing the level of professional development of media employees and competitiveness in the context of total digitalization.

Keywords: professional competence, local press, journalism education, project activities in the field of journalism education traditions, mentoring in journalism, advanced training of journalists

For citation: Kedyarkin S.N., Kedyarkina N.V., Stepin S.N. Models and practices for improving the professional competence of local journalists: the experience of the Nizhny Novgorod region. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 37 – 45.

The article was submitted: October 02, 2025; Approved after reviewing: October 16, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы. Процессы активного развития российской медиасистемы и информационно-коммуникативных технологий, появление новых платформ дистрибуции журналистского контента предъявляют новые требования к уровню профессиональных знаний, умений и навыков сотрудников СМИ, к уровню технологической грамотности в освоении новых цифровых технологий, к развитию инновационных навыков коммуникации с аудиторией, форматам создания цифрового контента и, как следствие, определяют поиск новых форматов и технологий повышения профессиональной компетентности журналистских кадров. Изучение данной темы находит свое отражение в многочисленных работах российских исследователей [3-5].

В складывающихся условиях особого внимания требуют местные СМИ, журналисты местных (районных, городских, муниципальных печатных, теле-радио СМИ) от качества подготовки, переподготовки и повышения квалификации которых в решающей степени зависит эффективность работы средств массовой информации, их конкурентоспособность в непростых условиях развития российского медиапространства [1, 9, 10].

Многочисленные научные работы российских исследователей, посвященные различным аспектам журналистского образования, свидетельствуют о том, что в условиях цифровизации и активного развития технологий трансформируются не только функциональные задачи СМИ, но меняются требования к профессиональным компетенциями сотрудников. «В критике современной российской прессы одно из основных мест занимает неудовлетворенность ее содержанием. Слабость контента и вытекающая из этого неэффективность СМИ в производстве смыслов очевидны. Одна из причин – массовая некомпетентность журналистов в освоении стремительно меняющихся реалий жизни особенно остро эта проблема стоит перед молодыми журналистами, выпускниками вузов» [7, с. 94]. Данную проблему в своей работе подчеркивают также теоретики и практики местной прессы Т.И. Фролова, А.С. Гатилин, В.Л. Касютин [10, с. 479]. В этой связи актуальным представляется вопрос об оптимизации процессов подготовки и переподготовки журналистских кадров, используемых форм и методов работы.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу настоящего исследования составляет изучение опыта по повышению профессиональной компетентности журналистов местных СМИ вузами г. Н. Новгорода, а также профессиональными организациями журналистов региона, обзор конкретных моделей и практик, используемых ими в ходе процессов обучения, а также изучение источниковой базы, информационных ресурсов перечисленных субъектов по повышению профессионального уровня журналистских кадров Нижегородской области, а также метод включенного наблюдения.

Результаты и обсуждения

Несмотря на наличие большого количества научных работ по теме подготовки журналистских кадров в высших учебных заведениях до настоящего времени нет обобщающих работ, посвященных изучению содержательных и технологических аспектов поствузовского образования журналистов региональных и местных СМИ разных возрастных групп (как представителей старшего поколения, так и сотрудников СМИ недавно пришедших в редакционные коллективы), вопросам повышения профессиональной компетентности журналистских кадров. Мало изучен опыт деятельности профессиональных журналистских сообществ в данных процессах и еще ожидающий своего подробного и детального рассмотрения.

Вместе с тем активное развитие российской медиаиндустрии предъявляет сегодня все большие требования к уровню профессиональной компетентности журналистов, умению создавать профессиональные тексты, разрабатывать содержательные и графические модели изданий, умению работать с аудиторией в сложных конкурентных условиях. Актуальными данные вопросы являются и для Нижегородской области, имеющей в сфере повышения уровня профессиональной компетентности журналистов местной прессы свои сложившиеся традиции и достаточно богатый опыт.

Именно профессиональные объединения журналистов совместно с органами власти в советский, а затем российский периоды функционирования СМИ до открытия в г. Н. Новгороде профильных кафедр и отделений журналистики брали на себя функцию обучения сотрудников редакций районных газет, созданию их эффективных моделей, взаимодействию с аудиторией, созданию конкурентоспособных журналистских материалов, обучали газетному дизайну и верстке, эффективному управлению журналистскими коллективами.

К настоящему времени в Нижегородской области сложилась многоступенчатая система повышения профессиональной компетентности журналистских кадров местных СМИ, элементы которой находятся в тесной взаимосвязи друг с другом и взаимодополняют друг – друга, представляя эффективные обучающие, методические, экспертные и научные площадки. Вместе с тем вопрос соответствия современных журналистских кадров местных СМИ высоким стандартам, предъявляемым к уровню профессиональной компетентности, продолжает оставаться актуальным.

В настоящее время в Нижегородской области ведут деятельность 62 местных (печатные, теле-радио СМИ, информационные агентства), учредителями которых выступают министерство информационной политики и взаимодействия со средствами массовой информации, администрации муниципальных и городских округов региона, а также редакции самих СМИ. В количественном отношении в них работает порядка 700 творческих сотрудников, создающих информационные продукты.

Журналистское сообщество местных СМИ Нижегородской области крайне неоднородно и может быть условно разделено на несколько групп. Первую группу составляют носители классической профессиональной школы журналистики, имеющие профессиональное журналистское вузовское образование и большой стаж работы (профессионалы в возрасте от 40 лет и старше). Вторую группу составляют люди, пришедшие в журналистику из других гуманитарных профессий (педагоги, работники социальной сферы и сферы культуры, муниципальные служащие). Третью группу составляют представители других отраслей жизнедеятельности, выпускники профильных (и даже далеко негуманитарных ВУЗов), посвятившие себя информационному служению аудитории местных сообществ.

Несмотря на то, что все данные группы объединены единой целью – созданием информационных продуктов для местной аудитории, вместе с тем целеполагание между ними в ходе деятельности различно. Как отмечает профессор В.В. Тулупов; «Если прежде в прессу шли по призванию, с мечтой послужить обществу, то сегодня нередко ведущим стимулом становится желание самовыразиться, продать свой талант подороже, даже независимо от целеустремлений заказчика» [8, с. 38].

В этой связи и с учетом множественности факторов субъективного и объективного порядка существует насущная потребность в получении профессиональных знаний, умений и навыков всеми перечисленными группами, необходимость перехода к новым стандартам журналистской деятельности с учетом новой медиареальности.

Многолетний опыт подготовки журналистских кадров накоплен, в частности, в ННГУ им. Н.И. Лобачевского. С 1991 года вузом осуществляется разноуровневая подготовка кадров по специальности «журналистика». Кафедрой журналистики Института филологии и журналистики на постоянной основе для журналистов местных СМИ проводятся конкурсы творческих работ, круглые столы и семинары, совместно с ГКУ Нижегородской области «Пресс-служба Правительства Нижегородской области» проводятся курсы повышения квалификации по разным тематическим направлениям. С 2014 года обучение журналистской деятельности ведется в Медиа Центре Университета Лобачевского, являющегося высокопрофессиональной площадкой для проведения мастер-классов, семинаров-практикумов, интерактивов от ведущих теле-и радио журналистов по организации теле- радио производства в местных студиях, повышения профессионального мастерства, получения первоначальных навыков деятельности (Soft skills), созданию разнообразного и конкурентоспособного журналистского аудио- видеоконтента. Обучение в ННГУ позволяет получать сотрудникам местных теле- радиостудий качественное, соответствующее требованиям времени и профессии журналистское образование.

Значительный потенциал в сфере повышения профессиональной компетентности журналистских кадров местных СМИ накоплен общественными объединениями журналистов, реализующих практико-

ориентированные проекты и программы, направленные на выработку конкретных «узкоспециализированных», точечных умений и навыков творческих работников.

Важную роль в этих процессах играют Региональное отделение Общероссийской общественной организации «Союз журналистов России» – общественная организация «Союз журналистов Нижегородской области» и Центр журналистских технологий. Многолетний период деятельности указанных организаций в сфере профессионального развития журналистских кадров, четко налаженная обратная связь с представителями журналистского сообщества в муниципалитетах, значительный арсенал образовательных методик и технологий, наличие значительного опыта решения «внутрицеховых проблем», а также слаженная системная работа позволили завоевать данным организациям авторитет и уважение в журналистском сообществе региона, позволили им стать надежной площадкой подготовки высокопрофессиональных творческих кадров для региональных и местных СМИ.

Деятельность Союза журналистов Нижегородской области характеризует комплексность и многоступенчатость в подходе к организации системы обучения журналистских кадров: долгосрочные образовательные проекты, обучающие семинары по различным направлениям, мастер-классы, ориентированность на самые разные категории сотрудников и звенья редакционных коллективов местных и региональных СМИ. Реализуя уставные цели и задачи деятельности, региональное отделение Союза журналистов Нижегородской области выстраивает деятельность с местными СМИ по нескольким ключевым направлениям [6].

Консультативно-методическая помощь и поддержка, оказываемая Союзом журналистов редакционным коллективам в целом и отдельным журналистам. Эффективность данного направления деятельности во многом складывается из постоянной и активной связи Союза с первичными организациями – редакциями местных СМИ, а также межрайонными творческими объединениями. Спектр вопросов, обсуждаемых в рамках данного направления обширен – координация деятельности редакций, информирование о предстоящих событиях, рассылка актуальной текущей информации, приглашение к участию в конкурсах и проектах, участие в зональных летучках, проведение методических семинаров, отчетно-выборных конференциях и др. мероприятиях. Отдельным блоком можно выделить оказание юридической помощи, социальной и материальной поддержки действующим журналистам и ветеранам нижегородской журналистики.

Но, безусловно, ключевыми векторами деятельности Союза журналистов Нижегородской области – профессиональное развитие кадров муниципальных СМИ, повышение уровня журналистского мастерства. Как свидетельствует многолетний опыт деятельности организации, наиболее эффективным и перспективным является проектный подход, как многокомпонентная система, позволяющая решать комплекс задач и проблем, стоящих перед редакциями местных СМИ. Реализуемые проекты можно разделить на несколько тематических групп, обусловленных, поступающими запросами журналистов и актуальными реалиями и вызовами времени, а также направленные на решение конкретных практических задач, стоящих перед журналистским сообществом.

Первую группу проектов условно обозначим как общепрофессиональную или теоретико-профессиональную, в ходе реализации мероприятий которых сотрудники СМИ проходят постоянное обновление уровня общетеоретических знаний и навыков в сфере журналистской деятельности. В рамках данного направления за последние несколько лет реализованы следующие проекты: «Профессиональные медиа цифрового региона: готовим кадры к вызовам нового времени» (2019 г.), «Оказание услуг по проведению образовательного практического марафона для региональных представителей СМИ (2022 г.)», «Современное состояние местной прессы: традиции и инновации как требование времени» (2022-2023 г.г.) Главным объединяющим посылом проектов – необходимость сохранения и развития традиций качественной журналистики через совершенствование профессиональных навыков журналистов с учетом новых потребностей аудитории, консолидация профессиональных ресурсов журналистского сообщества в новых условиях медиареальности. В ходе реализации проектов организаторы решали ряд важнейших задач: содействие обновлению концепций и моделей местных СМИ; обучение сотрудников местных СМИ современным методам организации работы редакций и журналистов, созданию журналистского контента для новых цифровых платформ; обучение методикам противодействия фейк-ньюс; знакомство с лучшими региональными и общероссийскими практиками функционирования СМИ в условиях цифровизации медиaprостранства [6].

С учетом тематики и аудитории разрабатывались специализированные методики и технологии обучения: круглый стол, фестиваль «Человек дела на страницах газет и в электронных СМИ», конкурс «Экспресс-газета» с включением интерактивных элементов обучения, цикл семинаров и мастер-классов, индивидуальных собеседований и консультаций.

Эффективность проектной деятельности Союза возможна в том числе благодаря активному плодотворному и многолетнему сотрудничеству с исполнительными и законодательными органами Нижегородской области: министерством информационной политики и взаимодействия со средствами массовой информации, министерством внутренней региональной и муниципальной политики Нижегородской области ГКУ Нижегородской области «Пресс-служба Правительства Нижегородской области», а также органами местного самоуправления оказывающими информационную, организационную, финансовую поддержку.

В последние годы Союзом при поддержке указанных структур реализованы проект «Региональная журналистика: формирование информационного пространства в контексте развития региона» (2023-2024 г.г.), а также проект «Нижегородская журналистика: профессиональное совершенствование в контексте регионального развития» (2024-2025 г.г.). Продолжающие концептуальную и содержательную составляющую ранее реализованных, данные проекты выстраивались с учетом динамики времени и профессии и требовали пересмотра тем и технологий в сфере формирования профессиональных журналистских компетенций.

В частности, новым, ставшим популярным в ходе обучения в рамках проектов общепрофессиональной группы, стал формат творческой лаборатории «От замысла – к результату: технологии создания качественного журналистского текста». Особенностью данной технологии обучения явились узкий профиль и узконаправленная тематика мероприятий, а также небольшой состав участников, позволяющие в своей системе использовать практически индивидуализированные методы обучения: кейс-стади, деловая игра, блиц-задания, тестовые методики, защита творческих проектов и т.д. «Погружение» журналистов местных СМИ разных профессиональных групп в каждую из предложенных тем в рамках лаборатории позволяет наиболее эффективно обмениваться опытом, по-новому подойти к решению той или иной творческой задачи, открыть новые горизонты освоения уровня профессионального мастерства.

Союзом журналистов Нижегородской области также проводятся мероприятия, направленные на формирование правовой грамотности журналистов местных СМИ (информационная безопасность, борьба киберпреступностью и мошенничеством). Так, в августе 2025 года секретарем Союза журналистов России Р. Серебряным проведен спецсеминар «Журналисты vs кибермошенники: как нам победить» по обмену опытом в сфере индивидуальной защиты журналистской деятельности и редакции от цифрового мошенничества. В рамках встречи участники получили теоретические знания о явлении и типологии фишинга, способах фишинговых атак, рассмотрели признаки фишинговых писем, а также получили квалифицированные рекомендации по работе с такими письмами и ресурсами и способах защиты от них.

Еще одной группой проектов, реализуемой в сфере повышения профессиональной компетентности журналистов местных СМИ, является так называемая культурно-просветительская работа. Как известно, журналистика играет особую роль в формировании духовно-нравственных ценностей у аудитории, формировании уровня культуры общества. Культуроформирующая функция местных СМИ реализуется через освещение культурных событий, истории о жизни и творчестве деятелей культуры, о произведениях искусства в том числе регионального и местной уровней.

Разработка проектов данной тематической группы строилась на основе проведенного Союзом журналистов Нижегородской области негласного мониторинга журналистского сообщества местных СМИ, показавшего недостаточное владение знаниями в сфере культуры как самих журналистов, в недостаточной степени использующих ресурсы муниципальных образований в создании материалов и проектов на темы культуры, и, как следствие, недостаточного знания аудиторией культурных традиций своей малой родины.

В целях восполнения пробелов по духовно-нравственному и культурному просвещению журналистского сообщества Нижегородской области Союзом журналистов Нижегородской области успешно реализуется ряд специализированных культурно-просветительских проектов: «Большие писатели малой Родины: имена на литературной карте Нижегородской области», «Большие писатели малой Родины: традиционные ценности малых территорий в произведениях писателей-земляков и публикациях местных СМИ. Диалог поколений» и «Большие писатели малой Родины: новые имена на книжной полке россиян».

Цель данных проектов – объединение ресурсов общественных объединений, учреждений культуры муниципальных образований, краеведов, сотрудников СМИ, а также представителей муниципальной власти, в зоне ответственности которых находится культурное развитие малых территорий, через организацию просветительской работы с журналистами местных СМИ содействовать продвижению традиционных духовно-нравственных российских ценностей среди читательской аудитории, жителей малых городов и поселений региона, решение проблемы сохранения исторической памяти и развития провинциальной культуры.

Практическая значимость данных проектов состояла в актуализации у представителей журналистского сообщества, а впоследствии и у читателей газет, телезрителей, радиослушателей (по итогам вышедших в рамках реализации публикаций журналистов) сведений о нижегородском крае, как мощном сплаве тра-

диций и культур разных народов, способствовал литературной «ревизии» [2, с. 25] знаний о выдающихся русских писателях, в разное время живших и работавших на территории современных муниципальных образований (В.И. Даль, А. Мельников-Печерский, В.Г. Короленко, А.П. Чехов, М. Горький и целый ряд других).

Задача расширения знаний сотрудников местных СМИ о богатейшем культурном и литературном наследии региона решалась через комплекс мероприятий, направленных на знакомство с творческим наследием писателей-нижегородцев и классиков русской литературы, отражавших в своих произведениях традиции, характер отношений, уклад жизни малых территорий Нижегородского края. Для решения поставленных задач использовались соответствующие замыслу и тематике форматы организации просветительской работы: установочные теоретические семинары и лекции, дающие представление о современных форматах работы сотрудников учреждений культуры, а также сотрудников СМИ в сфере сохранения культурных традиций в муниципальных образованиях; литературно-краеведческие экспедиции в муниципальные образования Нижегородской области, связанные с именами писателей-нижегородцев прошлого и настоящего, а также классиков русской литературы А.П. Гайдара (г. Арзамас), на родину писателя Н. Кочина (р.п. Д. Константиново), на родину писателя Б. Корнилова (г. Семенов), на родину поэта А. Люкина (г. Княгинино), музей-усадьбу А.С. Пушкина в с. Б. Болдино; конкурс журналистских работ по итогам экспедиций; работа интерактивных площадок «Культура и традиции малых территорий в произведениях писателей-земляков и местных СМИ: три века как на ладони»; обобщение и распространение лучших практик по сохранению культурного наследия малых территорий (пополнение литературных карт, создание сборника лучших работ для использования в местных культурологических проектах, создание фильма на основе конкурсных работ, его размещение в телеэфире и на сетевых ресурсах).

Проекты преследовали еще одну немаловажную важную задачу – посредством журналистских публикаций содействовать развитию туристической привлекательности малых городов и поселений Нижегородской области.

Концепция проектов предусматривала коллективный диалоговый характер работы сотрудников учреждений культуры (музеев, библиотек), журналистов, представителей молодежных объединений, краеведов. В целях обмена опытом к участию в мероприятиях проектов были приглашены журналисты местных СМИ Кировской области и Республики Мордовия. В ходе совместного сотрудничества журналисты смогли получить авторитетные заключения и сведения по истории и культуре мест проведения мероприятий, а также получили бесценный опыт для разработки собственных культурно-просветительских проектов, направленных на возрождение и сохранение лучших культурных традиций, духовно-нравственное воспитание и просвещение аудитории.

В ходе реализации проектов Союзом журналистов Нижегородской области решается еще одна актуальная как для журналистского сообщества России, так и для нижегородской местной прессы проблема эффективного управления редакционными коллективами, профессиональной компетентности руководителей редакций муниципальных СМИ. Для ее решения разработан проект «Начинающий редактор в СМИ цифровой эпохи», целью которого является развитие профессионального института руководителей местных СМИ, повышение качества их работы. Группу обучающихся составляют начинающие редакторы, заместители главных редакторов местных СМИ, действующие журналисты.

Программа обучения включает: развитие навыков корпоративной культуры, формирование у начинающих редакторов современных стратегий управления персоналом, освоение примеров успешных редакционных практик и их проецирование на возглавляемые коллективы. Активным методом обучения является метод наставничества. Под руководством опытных руководителей нижегородских СМИ в ходе совместных встреч, сессий будущие руководители местных печатных, тел- радиокompаний осваивают основы редакторской деятельности по нескольким тематическим блокам. Итогом обучения является защита реального или виртуального проекта, который редакция во главе со своим начинающим руководителем реализует на площадке СМИ своего муниципального округа.

Большое внимание Союзом журналистов Нижегородской области уделяется проектам, нацеленным на патриотическое воспитание молодого поколения нижегородцев «Свидетели истории малой родины. Сохраняем память малых территорий для новых поколений», включающих цикл мероприятий, направленных на привлечение журналистов местных СМИ в процессы сохранения исторической памяти поколений, в частности, посвященных теме Великой Отечественной войны 1914-1945 годов (проект «Моя семья в истории Победы»). Итогом реализации проекта станет создание специализированного информационного ресурса в сети Интернет, презентующего собранные в ходе его реализации материалы, создание ресурса для обмена информацией между участниками проекта, издание книги с последующей передачей ее в

школьные и районные библиотеки, а также семьям участников конкурса, создание фильма с трансляцией его в нижегородском телеэфире.

Как отмечает практика изучения опыта формирования профессиональных компетенций журналистов, одним из форматов обучения журналистов является участие в конкурсах, проводимых Союзом журналистов Нижегородской области, Союзом журналистов России, крупными бизнес-структурами и общественными фондами России. В частности, в целях поддержки и развития региональной журналистики с 2022 года Союзом журналистов Нижегородской области при поддержке Правительства Нижегородской области проводится конкурс «Премия «Журналист года». В текущем году в рамках конкурса предусмотрено несколько номинаций: «Тележурналист года-2025», «Радиожурналист года-2025», «Журналист года: печатное издание-2025», «Журналист года: сетевое издание-2025», «Фотокорреспондент года-2025», «Телеоператор года-2025», «Журналист года-2025», а также специальные и новые номинации. На премию принимаются журналистские материалы, опубликованные в печатных и сетевых изданиях или вышедшие в теле- и радиоэфире и отражающие жизнь Нижегородской области в сферах экономики, безопасности, здравоохранения, образования, культуры, спорта, межнациональных отношений, волонтерства, развития гражданского общества.

Большую разноуровневую и разноформатную работу по повышению профессиональной компетентности сотрудников муниципальных СМИ проводит Автономная некоммерческая организация «Центр журналистских технологий» созданная в 2001 году. В качестве основных задач Центр выделяет развитие системы журналистского образования и повышения профессионально-творческого уровня журналистов, популяризация лучших образцов творчества мастеров российской журналистики, организация работы с молодыми журналистами, осуществление консалтинговой деятельности.

За период деятельности Центром реализовано свыше 150 мероприятий регионального, всероссийского и международного уровней, направленных на обучение, повышение уровня профессиональной компетентности журналистов региональных и местных СМИ Нижегородской области [11].

Руководитель центра – Скворцова Наталья Николаевна – профессиональный журналист-практик, имеющая многолетний опыт руководства журналистскими сообществами Всероссийского, окружного и регионального уровней, а также профессионал, знакомый с опытом работы центральных, региональных и местных СМИ стран Европы и Америки. Авторитет и опыт руководителя Центра, имеющего постоянный контакт с редакциями и журналистами местных СМИ, позволяют выстраивать эффективную деятельность по обучению сотрудников СМИ в соответствии с актуальными запросами журналистского сообщества, с учетом реалий развития современной медиасистемы России и с использованием самых передовых и разнообразных образовательных методик, и форматов. Благодаря проектной деятельности Центра многие редакторы и сотрудники муниципальных СМИ смогли принять участие в зарубежных стажировках в странах Европы и ознакомиться с опытом деятельности зарубежных коллег, применив накопленные знания в деятельности редакций местных СМИ Нижегородской области.

Основу деятельности Центра также составляет проектный подход. В целях универсализации процесса обучения журналистских кадров к мероприятиям, реализуемым Центром, привлекается широкий круг экспертов: ученые, сотрудники учреждений культуры, представители и руководители органов власти.

Отличительной особенностью мероприятий Центра является «камерность», работа с небольшими группами аудитории. Такой формат представляется наиболее эффективным с точки зрения отработки точечных, конкретных профессиональных компетенций слушателей-сотрудников редакций местных СМИ. Среди наиболее популярных обучающих методов являются: дискуссия, работа в микро-группах, групповые и индивидуальные тренинги, работа по индивидуальным заданиям и т.д. В ходе проведения мероприятий участники активно делятся опытом, презентуют креативные подходы журналистской деятельности, получают квалифицированные практико-ориентированные рекомендации. Частыми гостями творческих лабораторий Центра являются приглашенные эксперты крупнейших СМИ Нижегородской области, Союза журналистов России, ученые вузов г. Н. Новгорода.

Одной из важных тем обучающих мероприятий Центра является тема межнациональных отношений, в рамках которой в течение многих лет проводятся специализированные мероприятия, направленные на формирование знаний журналистов местных СМИ в этноконфессиональной сфере. К участию в проектах приглашаются ученые-историки, этнологи, исследователи этнической журналистики, руководители национально-культурных объединений и журналисты этнических СМИ Нижегородской области.

Среди наиболее значимых проектов, реализованных Центром при поддержке исполнительных органов Нижегородской области за последние пять лет следует отметить следующие: Проект «Народная дипломатия малых территорий» (2019), участники – журналисты местных СМИ, представители национально-

культурных объединений, творческие коллективы, сотрудники местных музеев и библиотек, руководители муниципальных отделов культуры; проект «Живая память: дети войны» (2019). Целевой аудиторией стали «дети» Великой Отечественной Войны, школьники, студенты, журналисты местных газет, теле-радиокомпаний. Общая численность участников составила свыше 400 человек.

За годы своего существования Центр внес весомый вклад в дело развития СМИ Нижегородской области в целом, развития журналистского образования в регионе, повышения уровня профессиональной компетентности сотрудников местных СМИ области. Помимо указанных мероприятий Центром в конкретных муниципальных образованиях организуются экспертные площадки для журналистов «кустовых» творческих объединений журналистов Нижегородской области.

Выводы

Изучение деятельности в сфере повышения уровня профессиональной компетентности журналистов местных СМИ Нижегородской области показывает богатый накопленный опыт и традиции в данном направлении. Система обучения журналистских кадров является в регионе разноуровневой, охватывает различные направления профессиональной деятельности сотрудников местных СМИ. Процесс обучения проводится с использованием самых разных форматов, методик и технологий, что способствует повышению профессиональных знаний, умений и компетенций журналистов местных средств массовой информации региона.

Деятельность вузов и общественных объединений журналистов показывает высокий профессиональный уровень подготовки сотрудников СМИ, свидетельствует о значительном вкладе в деле поддержки журналистов местных СМИ в решении разнообразных профессиональных задач. Важно, что одним из показателей уровня профессионального мастерства является участие нижегородских журналистов в конкурсах профессионального мастерства межрегионального и Всероссийского уровней.

Список источников

1. Буторин М.В. Районная печать современного периода в системе отношений власти и местного сообщества // Медиаисследования. 2022. № 9. С. 202 – 209.
2. Громова Л.П. Журналистика в формировании литературных ценностей: исторический взгляд // Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: матер. междунар. научно-практической конференции / отв. ред. С.Г. Корконосенко. Санкт-Петербург, 18-19 ноября 2022 года. СПб.: Медиапир, 2022. С. 25 – 28.
3. Дякина А.А., Артемова Ю.В. Стратегия медиаобразовательного развития будущего журналиста как фактор профессионализма в условиях цифровой экономики // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 3. С. 543 – 557.
4. Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: матер. междунар. научно-практической конференции / отв. ред. С.Г. Корконосенко. Санкт-Петербург, 18-19 ноября 2022 года. СПб.: Медиапир, 2022. 214 с.
5. Мельник В.Р. Способы продвижения городской газеты (на примере издания «Реквизит» г. Выборг) // Журналистика и медиакоммуникации в цифровой среде: материалы Междунар. науч.- практ. конф. Москва, 23 марта 2022 года. М., 2022. С. 98 – 101.
6. Официальный сайт Регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз журналистов России» – общественной организации «Союз журналистов Нижегородской области». URL: <https://nnov.ru.ru> (дата обращения: 23.09.2025).
7. Современное журналистское образование: технологии и особенности преподавания / под ред. Е.Л. Вартановой. М.: Медиамир, 2008. 248 с.
8. Тулупов В.В. Профессионализм в журналистике // Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: матер. междунар. научно-практической конференции / отв. ред. С.Г. Корконосенко. Санкт-Петербург, 18-19 ноября 2022 года. СПб.: Медиапир, 2022. С. 37 – 40.
9. Фролова Т.И., Гатилин А.С., Пивоварова Е.Л. Редакторы районных газет о перспективах локальных СМИ: результаты исследования // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. Т. 13. № 1. С. 69 – 87.
10. Фролова Т.И. Российские локальные СМИ: возможности, проблемы, перспективы // Theoretical and Practical Issues of Journalism. 2023. Vol. 12. No. 3. P. 470 – 489.
11. Официальный сайт Центр журналистских технологий. URL: <http://www.cjt.nnov.ru/> (дата обращения: 25.09.2025).

References

1. Butorin M.V. District Press of the Modern Period in the System of Relations between the Government and the Local Community. Media Research. 2022. No. 9. P. 202 – 209.
2. Gromova L.P. Journalism in the Formation of Literary Values: A Historical View. Journalism of the 21st Century: Returning to Professional Ideology: Proc. of the International Scientific and Practical Conference / Ed. S.G. Korkonosenko. St. Petersburg, November 18-19, 2022. St. Petersburg: Mediapapir, 2022. P. 25 – 28.
3. Dyakina A.A., Artemova Yu.V. The Strategy of Media Educational Development of a Future Journalist as a Factor in Professionalism in the Digital Economy. Issues of Theory and Practice of Journalism. 2021. Vol. 10. No. 3. P. 543 – 557.
4. Journalism of the 21st Century: Returning to Professional Ideology: Proc. of the International Scientific and Practical Conference. Ed. S.G. Korkonosenko. St. Petersburg, November 18-19, 2022. SPb.: Mediapapir, 2022. 214 p.
5. Melnik V.R. Methods of Promoting a City Newspaper (using the Vyborg Publication "Requisites" as an Example). Journalism and Media Communications in the Digital Environment: Proc. of the International Scientific and Practical Conf. Moscow, March 23, 2022. M., 2022. P. 98 – 101.
6. Official website of the Regional Branch of the All-Russian Public Organization "Union of Journalists of Russia" – the public organization "Union of Journalists of the Nizhny Novgorod Region". URL: <https://nnov.ru/j> (date of accessed: 23.09.2025).
7. Modern journalism education: technologies and features of teaching. Edited by E.L. Vartanova. Moscow: Mediamir, 2008. 248 p.
8. Tulupov V.V. Professionalism in journalism. Journalism of the 21st century: returning to professional ideology: materials of the international scientific and practical conference. Edited by S.G. Korkonosenko. St. Petersburg, November 18-19, 2022. St. Petersburg: Mediapapir, 2022. P. 37 – 40.
9. Frolova T.I., Gatilin A.S., Pivovarov E.L. Editors of district newspapers on the prospects of local media: research results. Issues of the theory and practice of journalism. 2024. Vol. 13. No. 1. P. 69 – 87.
10. Frolova T.I. Russian Local Media: Possibilities, Problems, Prospects. Theoretical and Practical Issues of Journalism. 2023. Vol. 12. No. 3. P. 470 – 489.
11. Official website of the Center for Journalistic Technologies. URL: <http://www.cjt.nnov.ru/> (date of accessed: 25.09.2025).

Информация об авторах

Кедяркин С.Н., кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», skedyarkin@yandex.ru

Кедяркина Н.В., ГБПОУ «Нижегородский Губернский колледж», n.kedyarkina@yandex.ru

Степин С.Н., кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева» МГПУ, stepin.73@mail.ru

© Кедяркин С.Н., Кедяркина Н.В., Степин С.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.16

¹ Крашенинников А.Е., ¹ Нарбут Е.В.,
¹ Щептева В.Э.

¹ Северо-Восточный государственный университет

Эволюция понимания символа в китайской литературе

Аннотация: настоящая статья исследует траекторию эволюции понимания символа в китайской литературе и культуре в целом, прослеживая, как символ трансформировался из средства конфуцианской назидательности (например, И Цзинь) и моральной аллегии в инструмент для выражения философской глубины, личной рефлексии и сложной человеческой психологии. Прослеживается переход от традиционных, общепринятых символических значений к более субъективным и индивидуализированным формам выражения, обусловленный стремлением литераторов к самовыражению. Можно сказать, меняющееся понимание символа отражало меняющийся культурный и интеллектуальный ландшафт Китая. С течением времени понимание «символа» в китайской литературе претерпевало изменения. Понятие адаптировалось к новым реалиям, при этом не утрачивая своей специфики. Несмотря на тягу к субъективизму, символисты XX века использовали не только свои оригинальные символы, интерпретировать которые можно путём анализа их художественных систем, но и специфично китайские, а также универсальные для всех культур. В работе рассматриваются ключевые этапы развития китайской символики, анализируются примеры из различных эпох и жанров, начиная с создания «Книги песен» (Ши цзин) до конца XX века, момента возникновения и развития современной китайской поэзии (当代诗), в частности туманной поэзии.

Ключевые слова: символ, символизм, китайская поэзия, конфуцианство, даосизм, движение «4 мая», Китай

Для цитирования: Крашенинников А.Е., Нарбут Е.В., Щептева В.Э. Эволюция понимания символа в китайской литературе // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 46 – 51.

Поступила в редакцию: 02 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Krasheninnikov A.E., ¹ Narbut E.V.,
¹ Shchepteva V.E.

¹ North-Eastern State University

Evolution of understanding symbol in Chinese literature

Abstract: this paper explores the evolutionary trajectory of the understanding of symbol in Chinese literature and culture in general, tracing how symbol has transformed from a means of Confucian edification (e.g., I Yijin) and moral allegory into an instrument for expressing philosophical depth, personal reflection, and complex human psychology. It traces the transition from traditional, generally accepted symbolic meanings to more subjective and individualized forms of expression, driven by the desire of literary figures for self-expression. It can be said that the changing understanding of symbol reflected the changing cultural and intellectual landscape of China. The paper examines key stages in the development of Chinese symbolism, analyzing examples from different eras and genres,

from the creation of the Book of Songs (Shijing) to the end of the 20th century, the moment of the emergence and development of modern Chinese poetry (当代诗), in particular, misty poetry.

Over time, the understanding of “symbol” in Chinese literature has undergone changes. The concept has adapted to new realities without losing its specificity. Despite the tendency towards subjectivism, the 20th century symbolists used not only their original symbols, which can be interpreted by analyzing their artistic systems, but also specifically Chinese ones, as well as universal ones for all cultures.

Keywords: symbol, symbolism, Chinese poetry, Confucianism, Taoism, May Fourth Movement, China

For citation: Krashennnikov A.E., Narbut E.V., Shchepteva V.E. Evolution of understanding symbol in Chinese literature. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 46 – 51.

The article was submitted: October 02, 2025; Approved after reviewing: October 16, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Символизм как художественное мышление, как особый способ миропонимания – неотъемлемая черта китайской культуры. Это выражено во всех аспектах жизни народа: от быта, традиций и обрядов до искусства во всех его «ипостасях» – живописи, литературе, скульптуре, музыке и т.д.

На протяжении тысячелетий китайская литература использовала символ не просто как украшение, а как мощный инструмент для передачи философских, политических и социальных идей. От ранних дидактических текстов эпохи Чжоу до сложных и многогранных творений более поздних династий, понимание и использование символа в китайской литературе претерпело значительную эволюцию.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования являются поэтические и прозаические китайские тексты, а также труды отечественных исследователей и китайских литературоведов. Для исследования применялись следующие методы: анализ, синтез, сравнительно-сопоставительный метод, стилистический анализ, изучение работ китайских и отечественных исследователей по обсуждаемому вопросу.

Результаты и обсуждения

Особый символический язык китайского искусства выработался уже в III веке до н.э., когда погребальные сооружения и ритуальные предметы покрывались магическими формулами [5, с. 137]. Сама концепция символов в Древнем Китае коренится в познании законов природы, философских размышлениях и общественном порядке. Одним из ярких примеров проявления символизма в китайской культуре является система гань-чжи (干支) или шестидесятилетний цикл. Она связана с категорией у-син (五行; пять элементов) и образует абстрактную символическую структуру для временных и пространственных отношений.

Символ в средний период китайской истории или период «китайской античности» (III в. до н.э. – III в. н.э.) понимался не только как способ познания мира, но и как сама действительность, «как видимый образ незримых сущностей» [2, с. 175]. Очевидно, что в древнем Китае не существовало самого понятия «символ» («象征»). Как литературный термин он был введен только в XX веке, однако в доциньскую эпоху существовал некий «аналог» символу – «син» (兴) или «техника син». Он использовался в «Ши Цзине» («诗经», «Книга песен») и предполагал использование конкретных вещей или образов, подразумевающих определённые ассоциации, в качестве введения или прелюдии перед основным содержанием [7]. Таким образом читатель как бы «настраивался» на последующее повествование.

Подобное явление наблюдается в «И Цзине» («易经»; «Книга перемен»), где используются гексаграммы (六十四卦). Это графические символы, состоящие из шести расположенных друг над другом черт двух видов – целой и прерванной. Они истолковывались как отражение всеобщих сил инь и ян, а их комбинации – парные, тройные и прочие – символизировали конкретные проявления этих сил во всех областях жизни. Ключевую роль в системе играли восемь триграмм или «восемь гуа» («八卦»). Это особый символ китайской философии, представляющий фундаментальные принципы бытия. В «И Цзине» образы и явления, выражающие триграммы, использовались для метафорического выражения абстрактной философии, формируя таким образом традицию создания образов для выражения идей. Здесь есть два понятия: «Сян» («象») и «Чжэн» («徵» или «征»), что приблизительно соответствует «образу» и «признаку» соответственно. Черты в триграммах представляют собой образы («Сян»), в которых скрыты некоторые принципы или истины, а то, что связывает образы и принципы является признаком («Чжэн»). Возможно,

именно отсюда берёт начало современное китайское понятие «символ» [9]. Если «сложить» «Сян» («象») и «Чжэн» («征»), то получится современный «символ», т.е. «象征».

В период эпох Цинь (221-207 до н.э.) и Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) в китайской письменности начинает использоваться и развиваться пунктуация (句读). В 121 году она была подкреплена теорией «Шовэнь цзецзы» («说文解字»; «Рассуждения о письменах и толкование иероглифов»). От простого разделения слов (гадательные надписи на костях и черепашьих панцирях) до помощи в понимании текста (членение предложений династии Хань) знаки препинания начинают служить как структурной разметкой, так и выполнять семантическую функцию. Со временем (XX век) включение знаков препинания в поэтические тексты будет символизировать отказ от старой китайской культуры и переход к новой, на которую сильное влияние окажет западная культура.

Использование символов в литературе династий Хань и Цзинь демонстрировало переход от конкретного к абстрактному, от единичного к множественному, коннотации символов отражали дух и эстетические устремления того времени. Недовольство действительностью не приветствовалось, в особенности в консервативный период правления под девизом Чжэнши (正始), поэты литераторы прибегали к использованию символов и метафор для иносказательного выражения протеста. В эпоху Цзинь (265-420) достигли расцвета «стихи о скоротечном» («玄言诗»), в связи с чем поэтами активно используются даосские символы и концепции.

В период династий Тан (618-907) и Сун (960-1279) использование символов в поэзии приобрело более «современный» характер. Например, в стихотворении «В городе Лючжоу поднимаюсь на башню городской стены и посылаю привет друзьям в области Чжан, Фэн и Лянь» [4] («登柳州城楼寄漳汀封连四州») [8] Лю Цзунъюань выражает тоску изгнанника, который хочет увидеть дорогих ему людей. Герой хотел бы отправить письмо на родину, но знает, что оно не достигнет своей цели. Обратимся к тексту стихотворения: «Стена плющом укрылась от дождя, / А он всё хлещет по листве густой, / Свиристый ветер лотос разметал / В глубоком рву, наполненном водой...» («惊风乱飐芙蓉水, 密雨斜侵薜荔墙.»). Описанные в стихотворении «дождь» и «свиристый ветер» символизируют суровые условия жизни.

С развитием литературы поэты всё чаще прибегали к использованию символов, выражая свои чувства и мысли посредством предметов, в основном, природных объектов (слива, бамбук, хризантема, символизирующие качества человека; горы, реки, символизирующие состояние души и др.). Однако до XX века подобные практики не были систематически обобщены в независимые теоретические концепции.

Также не следует путать символ с иносказанием, основанном на сравнении, 比喻. Некоторые его категории крайне напоминают символ, а именно опосредствованное сравнение 借喻 и иносказательное сравнение 讽喻. Первый троп основан на сопоставлении двух объектов, имеющих общие признаки. В стилистике русского языка соответствует метафоре. Отличительной чертой второго тропа является двойной смысл, его внешнее выражение расходится с тем, что действительно подразумевает автор [1, с. 28]. Предмету придаётся конкретная форма, которая заменяет абстрактное понятие. Данный троп соответствует русской аллегории или иносказанию.

За счёт отсутствия формально синтаксических средств опосредствованное и иносказательное сравнения можно ошибочно принять за символ. Обе описанных категории 比喻 довольно распространённое явление в китайской литературе и используются в настоящее время.

В начале XX века в развитии китайской литературы произошли кардинальные перемены, вызванные движением «4 мая». Это время рождения современной китайской литературы, отличительной чертой которой является использование байхуа (разговорного языка) вместо вэньяня (классического языка). В китайскую культуру вводятся чуждые ей западные идеи и идеалы. Под иностранным влиянием возникает множество новых тенденций и направлений, в частности поэтических, одним из которых был символизм (象征诗派). Он не имел никакой формы организации или манифеста, но поэты-символисты Китая сформулировали некоторые его «положения», в которых упоминается символ. Например, один из принципов, которые сформулировал основоположник китайского символизма Ли Цзиньфа (李金发), звучит как: «Использовать метод символов при описании субъективного мира и стремлении к «туманной красоте» («运用象征的方法描写主观世界, 追求“朦胧之美”») [10].

В это время символ начинается трактоваться как художественный приём или средство выражения: «использование некоторого предмета конкретной формы, предполагающего определённого человека или событие, для выражения искренних чувств и глубокого смысла» («借用某种具体的形象的事物暗示特定的

人物或事理，以表达真挚的感情和深刻的寓意») [12]. Это отличает его от трактовки в контексте французского символизма, под влиянием которого зародилось китайское течение. В западной поэзии «символ» прежде всего воспринимается как «знак».

Также в настоящее время «символ» (象征) в китайской науке определяют как «видимый признак невидимого (например, идеи или общего уклада жизни)» («不可见的某种物(如一种概念或一种风俗)的可以看见的标记») [11]. Также слово 象征 можно встретить в виде глагола, т.е. символизировать. В таком случае он трактуется как «использовать конкретную вещь для выражения некоторого абстрактного значения» («用具体事物表现某些抽象意义») [11].

Отметим, что термин «象征» в китайском языке является заимствованным, своего рода «продуктом» движения «4 мая». Это переведённый западный поэтический термин [9], концептуальная система которого была официально введена в Китае именно во время движения за новую культуру (新文化运动) посредством перевода западного поэтического термина «symbol» (символ). По упомянутому выше предположению, переводчик заимствовал понятия «象» и «征» в качестве основы, объединив западную концепцию с традиционной китайской теорией литературы и завершив таким образом процесс локализации терминологии.

Поэтический символ XX века тяготел к субъективности: ввиду поэты стремились к самовыражению и передаче личных, зачастую глубоко эмоциональных переживаний. Через символы они представляли читателям своё индивидуальное видение мира. Однако это не означает полного отказа литераторов от традиционных, более универсальных и общепринятых символических значений. Символисты активно использовали специфично китайские символы, а также те, которые можно считать универсальными для всех культур. В этом аспекте репрезентативным является творчество Ли Цзиньфа, поэтике которого посвящена одна из наших работ [3].

Если говорить об отличиях использования символа между поэтами периода «китайской античности» и позже и символистами XX века, то наиболее ключевым является тот факт, что в первом случае авторы больше ориентировались на прямое соответствие между конкретным и абстрактным, в то время как символизм XX века подчеркивал субъективные чувства и многозначность.

С приходом к власти коммунистов в конце 1940-х годов индивидуальный стиль в поэзии начал постепенно исчезать. Происходит идеологизация литературы, субъективизм символистов в стихотворениях сменяется ярко выраженным «мы». Символы, используемые поэтами в произведениях, стали понятными для подавляющего большинства читателей. К 1950-м годам китайская литература вступила в новый этап. Её целью стало служение социализму. Символизм стал считаться разновидностью «вульгарного искусства» («庸俗的艺术») [13] и был исключен из основного литературного творчества.

В 70-е годы в стране наступает «оттепель», эпоха «реформ и открытости». В 1978 году начинает публиковаться первый авангардный журнал «Сегодня» («今天»). Этот момент считается рождением новой традиции и феномена современной китайской поэзии (当代诗). В её развитии выделяется три этапа, первый из которых называют «эпохой туманных стихов», т.к. на него приходится возникновение и развитие туманной поэзии (朦胧诗). Для неё характерны многозначность и неконкретность символов, за счёт чего смысл произведений «туманных поэтов» часто непонятен читателю.

Как отмечают исследователи [6], идейно-художественные основы туманной поэзии обнаруживают «определённую общность» как с западными модернистскими течениями, так и с китайскими символистами (группа «Новолуние» («新月»)). В общем и целом, понятие символа не претерпело изменений, если сравнивать его с периодом расцвета китайского символизма. К нему вернулся «субъективизм», став таким образом продолжением модернистской традиции начала XX века. Творческая трансформация была выражена в привнесении в символы новых коннотаций при этом с сохранением классических. Поэты продолжали интегрировать личные эмоции и размышления в символ и затем в общую символическую систему. Восстановив приостановленное эпохой «невежества и закрытости» становление модернизма, «туманная поэзия» заложила фундамент для стихотворных экспериментов периода «пост-туманной поэзии».

Выводы

Анализ различных эпох и жанров показал, что китайские писатели постоянно переосмысливали традиционные символы и создавали новые, адаптируя их к потребностям своего времени. Благодаря этой непрерывной эволюции, символ стал неотъемлемой частью китайской литературной традиции, обогащая её глубиной, многозначностью и эстетической привлекательностью. Исследование эволюции понимания символа в китайской литературе открывает двери к более глубокому пониманию китайской культуры в целом, де-

монстрируя неразрывную связь между литературой и социально-историческим контекстом, в котором она развивается.

Список источников

1. Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2103 «Иностр. яз.». М.: «Просвещение», 1979. 192 с.
2. Иззетова Э. Философское осмысление символа и символического мировосприятия как основы эстетической культуры Китая // Востоковедение. 2021. № 1. С. 166 – 181. URL: <https://inlibrary.uz/index.php/oriental-studies/article/view/15842> (дата обращения: 30.09.2025).
3. Крашенинников А.Е., Нарбут Е.В., Щептева В.Э. Черты поэтики Ли Цзиньфа (на примере стихотворения «Песня ночи») // Филологический вестник. 2024. Т. 3. № 3. С. 56 – 61.
4. Лю Цзунъюань, Лю Хэдун. В городе Лучжоу поднимаюсь на башню городской стены и посылаю привет друзьям в области Чжан, Фэн и Лянь // Библиотека классики клуба ЛИИМ. URL: <https://lib.liim.ru/creations/l-150/l-150-01.html> (дата обращения: 30.09.2025).
5. Махортова О.В., Мордовина Л.В. Особенности символики и знаковости Китая // Аналитика культурологии. 2011. № 19. С. 137 – 139.
6. Хайдапова М.Б. История формирования и развития китайской «Туманной поэзии» // Вестник БГУ. 2010. № 8. С. 123 – 129.
7. 《诗经》里的手法--“兴”，是如何运用的？ // 百度百科. URL: <https://baike.baidu.com/tashuo/browse/content?id=82c735fab64d492a5bf71978> (дата обращения: 30.09.2025).
8. 登柳州城楼寄漳汀封连四州 // 百度. URL: <https://baike.baidu.com/item/登柳州城楼寄漳汀封连四州/2880350> (дата обращения: 30.09.2025).
9. 诗歌手法概谈：在“象征”概念出现之前，怎样指称“象征”？ // 百度. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1655982249619423872&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 30.09.2025).
10. 现代诗歌新手写作入门 V S 江湖各大门派介绍. // 个人图书馆 360doc.com. URL: http://www.360doc.com/content/13/1120/03/13961704_330651232.shtml (дата обращения: 30.09.2025).
11. 象征//词典. URL: <https://www.zdic.net/hans/象征> (дата обращения: 30.09.2025).
12. 象征和借物喻人有什么区别？ // 百度知道. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/1393185686890424180.html> (дата обращения: 30.09.2025).
13. 象征主义在中国的发展历程 // 文库百度. URL: https://wenku.baidu.com/view/4a2d36e3081c59eef8c75fbfc77da26925c596d0.html?_wks_=1743411767110&bdquery=象征这个概念在中国是什么时候形成的&needWelcomeRecommand=1 (дата обращения: 30.09.2025).

References

1. Gorelov V.I. Stylistics of the Modern Chinese Language: a textbook for students of pedagogical institutes in specialty No. 2103 "Foreign Languages". Moscow: "Prosveshchenie", 1979. 192 p.
2. Izzetova E. Philosophical understanding of the symbol and symbolic worldview as the basis of the aesthetic culture of China. Oriental Studies. 2021. No. 1. P. 166 – 181. URL: <https://inlibrary.uz/index.php/oriental-studies/article/view/15842> (date of accessed: 30.09.2025).
3. Krashenninnikov A.E., Narbut E.V., Shchepteva V.E. Features of Li Jinfa's Poetics (Based on the Poem "Song of the Night"). Philological Bulletin. 2024. Vol. 3. No. 3. P. 56 – 61.
4. Liu Zongyuan, Liu Hedong. In Luzhou, I Climb the City Wall Tower and Send Greetings to Friends in the Zhang, Feng, and Lian Region. Library of Classics of the LIIM Club. URL: <https://lib.liim.ru/creations/l-150/l-150-01.html> (date of accessed: 30.09.2025).
5. Makhortova O.V., Mordovina L.V. Features of China's Symbolism and Significance. Analytics of Cultural Studies. 2011. No. 19. P. 137 – 139.
6. Khaidapova, M.B. History of the formation and development of Chinese “Misty Poetry”. Bulletin of BSU. 2010. No. 8. P. 123 – 129.
7. URL: <https://baike.baidu.com/tashuo/browse/content?id=82c735fab64d492a5bf71978> (date of accessed: 30.09.2025).
8. 登柳州城楼寄漳汀封连四州. 百度. URL: <https://baike.baidu.com/item/登柳州城楼寄漳汀封连四州/2880350> (date of accessed: 30.09.2025).

9. 诗歌手法概谈：在“象征”概念出现之前，怎样指称“象征”？百度 . URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1655982249619423872&wfr=spider&for=pc> (date of accessed: 30.09.2025).
10. 现代诗歌新手写作入门 V S 江湖各大门派介绍 . 个人图书馆 360doc.com. URL: http://www.360doc.com/content/13/1120/03/13961704_330651232.shtml (date of accessed: 30.09.2025).
11. 象征//汉典. URL: <https://www.zdic.net/hans/象征> (date of accessed: 30.09.2025).
12. 象征和借物喻人有什么区别？百度知道 . URL: <https://zhidao.baidu.com/question/1393185686890424180.html> (date of accessed: 30.09.2025).
13. 象征主义在中国的发展历程 . 文库百度 . URL: https://wenku.baidu.com/view/4a2d36e3081c59eef8c75fbfc77da26925c596d0.html?_wkts_=1743411767110&bdQuery=象征这个概念在中国是什么时候形成的&needWelcomeRecommand=1 (date of accessed: 30.09.2025).

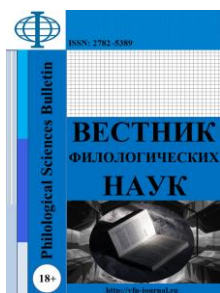
Информация об авторах

Крашенинников А.Е., кандидат филологических наук, доцент, Северо-Восточный государственный университет, kroschke@yandex.ru

Нарбут Е.В., кандидат филологических наук, доцент, Северо-Восточный государственный университет

Щептева В.Э., Северо-Восточный государственный университет

© Крашенинников А.Е., Нарбут Е.В., Щептева В.Э., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 32.019.52

¹ Сади Али Саниге, ¹ Короченский А.П.

¹ Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Социальные сети как инструмент политической мобилизации и участия в Республике Чад

Аннотация: республика Чад, находящаяся в Центральной Африке, представляет собой яркий пример того, как развивающиеся государства сталкиваются с уникальными вызовами в области медиасистемы. Несмотря на низкий уровень развития экономики и инфраструктуры, чадские СМИ играют важную роль в формировании общественного мнения и обеспечении доступа к информации. Данная статья посвящена анализу воздействия социальных медиаплатформ (таких как Facebook, WhatsApp и Twitter) на процессы политической мобилизации и гражданского участия в Республике Чад в период с 2014 по 2021 год. Исследуются специфические пути использования этих цифровых инструментов для распространения информации, координации гражданских инициатив и формирования политических позиций в условиях Чада.

В фокусе внимания – как возможности, которые социальные сети открывают для укрепления гражданского общества и стимулирования политической вовлеченности, так и значимые препятствия, включая проблемы дезинформации, цензуры, отключений доступа к интернету и рисков для безопасности активистов. Подчеркивается, что, несмотря на существующие ограничения и цифровой разрыв, социальные сети играют ключевую роль как канал для альтернативной политической коммуникации.

Ключевые слова: социальные медиа, политическое вовлечение, гражданское участие, Чад, 2014-2021, цифровые технологии, государственная цензура, информационные барьеры, оппозиционные движения

Для цитирования: Сади Али Саниге, Короченский А.П. Социальные сети как инструмент политической мобилизации и участия в Республике Чад // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 52 – 56.

Поступила в редакцию: 02 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Sadi Ali Sanige, ¹ Korochensky A.P.

¹ Belgorod State National Research

Social media as a tool for political mobilisation and participation in the Republic of Chad

Abstract: the republic of Chad, located in Central Africa, is a prime example of how developing states face unique challenges in the media system. Despite its underdeveloped economy and infrastructure, Chadian media play an important role in shaping public opinion and providing access to information. This article analyzes the impact of social media platforms (such as Facebook, WhatsApp, and Twitter) on political mobilization and civic participation processes in the Republic of Chad between 2014 and 2021. The specific ways in which these digital tools are used to disseminate information, coordinate civic initiatives and shape political positions in the Chadian context are explored.

The focus is on both the opportunities that social media offer for strengthening civil society and fostering political engagement, as well as significant obstacles, including problems of misinformation, censorship, internet black-

outs, and security risks for activists. It is emphasized that despite existing limitations and the digital divide, social media play a key role as a channel for alternative political communication.

Keywords: *social media, political engagement, civic participation, Chad, 2014-2021, digital technologies, state censorship, information barriers, opposition movements*

For citation: Sadi Ali Sanige, Korochensky A.P. Social media as a tool for political mobilisation and participation in the Republic of Chad. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 52 – 56.

The article was submitted: October 02, 2025; Approved after reviewing: October 16, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

В условиях стремительной глобализации и технологической трансформации медиасфера приобретает ключевое значение для общественного и государственного развития. Республика Чад, расположенный в Центральной Африке, располагает относительно молодой, но динамично развивающейся системой массмедиа.

Период между 2014 и 2021 годами ознаменовался повсеместным ростом использования мобильных технологий и стремительным расширением доступа к социальным сетям по всей Африке. Республика Чад не стала исключением из этой глобальной тенденции. В условиях, когда традиционные средства массовой информации зачастую находятся под государственным контролем, а возможности для публичных собраний весьма ограничены, цифровые платформы, такие как Facebook, WhatsApp и, в меньшей степени, Twitter, начали играть всё более значимую роль в политической жизни страны [1, с. 12]. Они стали служить альтернативными каналами для обмена информацией, выражения недовольства и координации различных гражданских инициатив.

С 2014 по 2021 год Чад, подобно многим развивающимся странам Африки, проходил этап цифровой трансформации. Несмотря на относительно скромные показатели проникновения интернета в сравнении с лидирующими странами региона, наблюдался устойчивый рост числа пользователей мобильного интернета, что закономерно привело к увеличению активности в социальных сетях и формированию нового пространства для общественно-политического взаимодействия [2, с. 45].

Настоящее исследование посвящено анализу роли цифровых платформ (Facebook, WhatsApp, Twitter) в развитии политической мобилизации и гражданского участия в Республике Чад в период 2014-2021 гг., а также выявлению ограничений и вызовов, связанных с их использованием [3, с. 58].

Материалы и методы исследований

Для анализа использованы комплексные методы политологического исследования: сравнительно-исторический подход, структурно-функциональный метод, а также элементы дискурса-анализа.

Основными источниками послужили отчёты международных правозащитных организаций (Freedom House, Amnesty International, Human Rights Watch), данные Afrobarometer, материалы NetBlocks и Access Now, а также исследования по политической коммуникации в Африке.

Статистическая информация была почерпнута из ежегодных отчётов DataReportal и ITU. Такой подход позволил оценить, как количественные показатели распространения цифровых технологий, так и качественные изменения в характере политического участия через социальные сети.

Результаты и обсуждения

В исследуемый период (2014-2021 гг.) Республика Чад пережила активное развитие цифрового пространства. Несмотря на то, что доля пользователей интернета оставалась относительно низкой по сравнению с соседними странами, социальные сети приобрели статус ключевого канала коммуникации.

Facebook стал наиболее популярной платформой для политической мобилизации. Благодаря широкому функционалу и низким затратам трафика он активно использовался для распространения новостных материалов, агитации и организации онлайн-кампаний. WhatsApp, в силу своей закрытой структуры и удобства обмена сообщениями, оказался главным инструментом координации активистов, особенно во время протестных акций [4, с. 27-42]. Twitter играл менее значимую роль внутри страны, но имел особое значение для привлечения внимания международного сообщества.

Социальные сети выполняли несколько ключевых функций: формирование альтернативного медиапространства, координация протестных действий, агитация в ходе избирательных кампаний, повышение политической грамотности населения. Особенно заметна их роль была во время конституционного референдума 2018 года и президентских выборов 2021 года, когда цифровые платформы стали ареной ожесточённых политических дебатов.

Создание альтернативного медиа-пространства: в условиях ограниченной свободы слова и доминирования государственных средств массовой информации, социальные сети выступили в роли важного источника информации, предоставляя доступ к альтернативным точкам зрения, критическим оценкам действий правительства и данным о протестных акциях или нарушениях прав человека [5, с. 20].

Координация акций протеста: в преддверии и после президентских выборов 2021 года, а также в ответ на различные социально-экономические вызовы, социальные сети активно использовались для организации и координации мирных гражданских протестов и демонстраций, несмотря на официальные запреты и последующие разгоны [6, с. 18].

Агитация избирателей: в периоды подготовки к выборам 2016 и 2021 годов, как правящие партии, так и независимые кандидаты активно задействовали социальные сети для ведения предвыборных кампаний, агитации, взаимодействия со своим электоратом и мобилизации сторонников.

Повышение гражданской осведомлённости: Обсуждения в онлайн-группах и на публичных страницах способствовали росту политической грамотности населения, стимулировали дискуссии по актуальным государственным вопросам и помогали формировать общественное мнение.

На протяжении 2014-2021 годов Республика Чад пережила ряд значимых политических событий (конституционный референдум 2018 года, Президентские выборы 2021 года), в которых роль социальных сетей была весьма заметной. В период подготовки и проведения референдума, который привёл к изменению основного закона страны и продлению президентских полномочий, социальные сети стали ключевой площадкой для дебатов между сторонниками и противниками предлагаемых изменений. Оппозиционные силы активно использовали эти платформы для мобилизации несогласных и призыва к бойкоту или протестным акциям, невзирая на ощутимое государственное давление [7, с. 15].

Президентские выборы 2021 года, оказались одним из наиболее напряжённых периодов. Социальные сети активно использовались как правящей партией, так и оппозицией для агитации и распространения своих программ. Однако, в ответ на рост онлайн-активности и призывов к массовым выступлениям, правительство Чада прибегло к масштабным отключениям интернета и блокировке социальных сетей, что серьёзно затруднило политическую мобилизацию и свободный обмен информацией [8, с. 8].

На протяжении всего исследуемого периода (2014-2021 гг.) в Чаде периодически вспыхивали протесты, вызванные экономическими трудностями, социальным неравенством и случаями коррупции. Зачастую социальные сети служили первым каналом для распространения информации об этих событиях и призывов к солидарности, даже если фактическая мобилизация на улицах встречала жёсткое противодействие со стороны властей. Однако, эти события наглядно демонстрируют, что, несмотря на специфические ограничения, социальные сети превратились в важное, хотя и подвергающееся давлению, пространство для политического взаимодействия в Чаде.

Таким образом, в период с 2014 по 2021 год использование социальных сетей в политических целях в Чаде было сопряжено с рядом серьёзных проблем и опасностей таких как государственные отключения интернета и блокировки социальных платформ. Это стало одним из наиболее существенных препятствий.

Власти Чада неоднократно прибегали к полному или частичному отключению доступа к интернету и блокировке популярных социальных сетей (таких как Facebook, WhatsApp, Twitter) в моменты политической напряжённости, во время выборов или в ответ на массовые протесты.

Примером служат события после конституционного референдума 2018 года и в ходе выборов 2021 года [9, с. 25]. Подобные действия существенно ограничивали возможности гражданской мобилизации и свободного информационного обмена.

Распространение дезинформации и недостоверных новостей, как и во многих других странах, в Чаде социальные сети становились каналами для распространения ложных сведений, пропаганды и слухов.

Источниками могли быть как внутренние политические силы, так и внешние актёры, стремящиеся манипулировать общественным мнением [10, с. 147]. Низкий уровень медиаграмотности среди части населения только усугублял эту проблему.

Сохраняющийся цифровой разрыв несмотря на рост распространения мобильных устройств, доступ к стабильному и доступному Интернет-соединению оставался серьёзной проблемой, особенно в сельских и отдалённых регионах Чада. Это приводило к формированию "цифрового неравенства", ограничивающего охват онлайн-кампаний и снижающего потенциал для всеобщей политической мобилизации [11, с. 35].

Таким образом, открытая политическая активность и выражение критических взглядов в социальных сетях делали активистов уязвимыми для преследований, задержаний, арестов и запугиваний со стороны государственных органов [12, с. 10]. Это создавало атмосферу страха и сдерживало потенциально активных граждан. В условиях жёсткого государственного контроля, высокая активность в онлайн-пространстве не

всегда перерастала в масштабные и устойчивые уличные протесты или другие формы офлайн-мобилизации, хотя и служила важным индикатором общественного недовольства.

В период с 2014 по 2021 год социальные сети в Республике Чад утвердились как значимый инструмент политической мобилизации и участия. Они предоставили гражданам альтернативные каналы для выражения своих мнений, получения информации и координации действий. Несмотря на относительно скромное проникновение интернета по сравнению с другими странами региона, Facebook и WhatsApp стали важными платформами для оппозиционных групп, гражданских активистов и широкого гражданского общества. Однако возможности социальных сетей в Чаде были существенно ограничены авторитарным контролем со стороны государства, включая регулярные отключения интернета и блокировки платформ. К этому добавлялись проблемы распространения дезинформации и сохраняющегося цифрового разрыва. Эти вызовы вынуждали активистов и граждан постоянно адаптироваться и искать новые способы обхода препятствий.

В будущем, для дальнейшего развития гражданского участия и демократических процессов в Чаде, критически важно продолжать усилия по повышению цифровой и медиаграмотности населения, защите свободы слова в онлайн-пространстве и противодействию цензуре. Только при условии формирования более свободного и безопасного цифрового окружения социальные сети смогут в полной мере реализовать свой потенциал как катализатор политической мобилизации и участия, способствуя построению более инклюзивного и демократического будущего страны.

Однако вместе с возможностями выявились и серьёзные проблемы: периодические отключения интернета и блокировка социальных сетей властями, распространение дезинформации, низкий уровень медиаграмотности населения, а также угрозы безопасности для активистов. Всё это существенно ограничивало потенциал социальных сетей как инструмента гражданской мобилизации.

Выводы

Социальные сети в Республике Чад в 2014-2021 гг. стали важным фактором политической жизни. Они обеспечили новые формы взаимодействия граждан с политической сферой, способствовали росту политической осведомлённости и созданию альтернативных каналов коммуникации.

В то же время государственный контроль, информационные барьеры и цифровое неравенство значительно ограничивали их эффективность. Перспективы дальнейшего развития связаны с расширением доступа к интернету, повышением уровня медиаграмотности и укреплением гарантий свободы слова. Только при этих условиях социальные сети смогут стать полноценным катализатором демократических процессов в Чаде.

Список источников

1. Freedom House. Freedom on the Net 2021. Chad: Freedom House, 2021. 12 p. URL: <https://freedomhouse.org/country/chad/freedom-net/2021> (дата обращения: 27.06.2025).
2. DataReportal. Digital 2014. Chad: DataReportal, 2014. 45 p.
3. DataReportal. Digital 2021. Chad: DataReportal, 2021. 58 p.
4. Olorunfemi A. The proliferation of WhatsApp and its implications for political communication in Africa // Journal of African Media Studies. 2020. Vol. 12. No. 1. P. 27 – 42.
5. Reporters Without Borders (RSF). Chad. 20 p.
6. Amnesty International. Chad: Amnesty International, 2021. 18 p.
7. Afrobarometer. Public Opinion and Constitutional Reform in Chad. 15 p.
8. NetBlocks. Internet Shutdowns in Chad. 8 p.
9. Access Now. Internet Shutdowns in Africa: A Human Rights Perspective. Access Now. 25 p.
10. Ireton C., Posetti J. Journalism, fake news & disinformation: Handbook for journalism education and training. UNESCO. 2018. 147 p.
11. International Telecommunication Union (ITU). Measuring Digital Development: Facts and Figures. ITU, 35 p.
12. Human Rights Watch. Chad: Events of 2020. Human Rights Watch. 2021. 10 p.

References

1. Freedom House. Freedom on the Net 2021. Chad: Freedom House, 2021. 12 p. URL: <https://freedomhouse.org/country/chad/freedom-net/2021> (дата обращения: 27.06.2025).
2. DataReportal. Digital 2014. Chad: DataReportal, 2014. 45 p.
3. DataReportal. Digital 2021. Chad: DataReportal, 2021. 58 p.
4. Olorunfemi A. The proliferation of WhatsApp and its implications for political communication in Africa. Journal of African Media Studies. 2020. Vol. 12. No. 1. P. 27 – 42.
5. Reporters Without Borders (RSF). Chad. 20 p.

6. Amnesty International. Chad: Amnesty International, 2021. 18 p.
7. Afrobarometer. Public Opinion and Constitutional Reform in Chad. 15 p.
8. NetBlocks. Internet Shutdowns in Chad. 8 p.
9. Access Now. Internet Shutdowns in Africa: A Human Rights Perspective. Access Now. 25 p.
10. Ireton C., Posetti J. Journalism, fake news & disinformation: Handbook for journalism education and training. UNESCO. 2018. 147 p.
11. International Telecommunication Union (ITU). Measuring Digital Development: Facts and Figures. ITU, 35 p.
12. Human Rights Watch. Chad: Events of 2020. Human Rights Watch. 2021. 10 p.

Информация об авторах

Сади Али Саниге, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, sanigues@mail.ru

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, prensa@yandex.ru

© Сади Али Саниге, Короченский А.П., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 821.521.145«15/18»

¹ Саганджиев Э.Р.

¹ Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

История крымскотатарской поэзии XV-XVIII веков в исторической прозе периода Крымского ханства

Аннотация: важнейшими памятниками исторической прозы крымскотатарских авторов периода Крымского ханства являются произведения «История хана Сахиба Герая» Кайсуни-заде Нидай (XVI в.), «История хана Ислама Герая» Мехмеда Сенаи (XVII в.), «Опора известий» Абдильгафара Кырыми и «Семь планет в известиях о правителях татар» Сеййид Мухаммеда Ризы (XVIII в.). Эти произведения представляют собой ключевые фрагменты крымскотатарской прозы своего времени и имеют значительную научную ценность для изучения историко-культурного контекста региона. Они позволяют получить детальное представление о жизни ханов, повседневной жизни крымских татар, геополитических связях с соседними государствами и роли литературы в эпоху Крымского ханства. В текстах содержатся фрагменты личной переписки правящей элиты, а также описания сражений, в которых участвовали как сами авторы, так и исторические деятели, которым посвящены их произведения.

Помимо исторической значимости, эти источники являются ценным материалом для изучения средневековой крымскотатарской поэзии, раскрывая художественные и эстетические особенности литературы того времени. Они содержат ценнейшую, зачастую уникальную информацию о ряде крымских поэтов XV-XVIII веков, а также антологию образцов их поэтических произведений.

Ключевые слова: историческая проза, крымскотатарская поэзия, Кайсуни заде Нидай (XVI в.), Мехмед Сенаи (XVII в.), Абдильгафар Кырыми, Сеййид Мухаммед Риза (XVIII в.)

Для цитирования: Саганджиев Э.Р. История крымскотатарской поэзии XV-XVIII веков в исторической прозе периода Крымского ханства // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 57 – 62.

Поступила в редакцию: 02 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Sagandzhiev E.R.

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

History of Crimean Tatar poetry of the 15th-18th centuries in historical prose of the Crimean Khanate period

Abstract: among the most significant monuments of historical prose by Crimean Tatar authors from the period of the Crimean Khanate are “The History of Khan Sahib Geray” by Kaysuni-zade Nidai (16th century), “The History of Khan Islam Geray” by Mehmed Senai (17th century), “Support of News” by Abdulgaffar Kirimi, and “Seven Planets in the Accounts of the Tatar Rulers” by Seyyid Muhammad Riza (18th century). These works represent key examples of Crimean Tatar prose of the era and are of great scholarly value for the study of the historical and cultural context of the region. They provide detailed insights into the lives of the khans, the daily life of the Crimean Tatars, geopolitical relations with neighboring states, and the role of literature during the Crimean Khanate.

Moreover, they include fragments of personal correspondence of the ruling elite, as well as descriptions of battles in which either the authors themselves or the figures to whom their works are dedicated participated.

In addition to their historical significance, these texts are important sources for the study of medieval Crimean Tatar poetry. They offer highly valuable, often unique information about a number of Crimean poets from the 15th to the 18th centuries, along with an anthology of examples of their poetic works.

Keywords: historical prose, Crimean Tatar poetry, Kaysuni-zade Nidai (16th century), Mehmed Senai (17th century), Abdulgaffar Kırımı, Seyyid Muhammad Rıza (18th century)

For citation: Sagandzhiev E.R. History of Crimean Tatar poetry of the 15th-18th centuries in historical prose of the Crimean Khanate period. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 57 – 62.

The article was submitted: October 02, 2025; Approved after reviewing: October 16, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

В последние годы произведения крымскотатарской исторической прозы стали предметом активного изучения как со стороны отечественных, так и зарубежных исследователей. В результате этой работы ряд хроник стал более доступным для широкого круга исследователей. Так в 2014 фрагменты хроники «Опора известий» Абдильгафара Кырыми были опубликованы в энциклопедии "История татар", в 2018 году был издан перевод труда на русский язык Ю.Н. Каримовой и И.М. Миргалеева [2, 3]. В 2019 и 2020 гг. труд Сейид Мухаммеда Ризы "Семь планет в известиях о правителях татар" текст дважды публиковался в латинографической транслитерации: сначала в Казани в исполнении Р. Абдужемилева [12, с. 364], а через год – в Стамбуле под редакцией Я. Сёйлемеза [18, с. 470]. В 2018-2020 гг. увидел свет транслитерацию и перевод хроники «История хана Сахиба Герая» Реммалы Ходжи, на русский язык Р. Абдужемилевым, а в 2023 году была издана книга с транслитерациями Абдужемилева и Смирнова под редакцией Зайцева [8, с. 464].

Материалы и методы исследований

В настоящее время все известные труды по истории Крыма, написанные крымскотатарскими авторами или же авторами, долгое время жившими в Крыму, стали доступными для исследовательской работы, в транслитерации на латиницу или же в переводе на русский язык. По «Истории» Саид Герая была написана и защищена монография Кельнер-Хайнкле [19, с. 330], «Историю» Хуремми Челеби исследовали такие ученые как Нариман Сейтягьяев, и Айкут Джан [16, с. 403]. Айкут Джан написал целую диссертационную работу, посвященную данному труду. Данные труды открыли значительно более широкое поле для исследователей-литературоведов, поскольку подобные памятники являются в значительной степени и литературными произведениями. На это указывалось, в частности, в исследованиях Н. Сейтягьяева [13, с. 203], Н. Абдульвапова [6, с. 61-68] и др.

Результаты и обсуждения

На важность историографических памятников периода Крымского ханства как источников по истории крымскотатарской поэзии, в частности, также обращалось внимание такими исследователями как Н. Абдульвапов [7, с. 562-604], Н. Сейтягьяев [13, с. 203], Р. Абдужемилев [1, с. 388], Миргалеев [3, с. 200], И.В. Зайцев [9, с. 342], А. Крымский [10, с. 200]. Более того, в последнее время стали появляться статьи, посвященные этой проблематике, это работы Н. Сейтягьяева [15, с. 72], Н. Абдульвапова [7, с. 562-604] и совместное исследование Э. Саганджиева и Н. Абдульвапова [11, с. 82-89]. Тем не менее, тема крымскотатарской литературы периода ханского периода недостаточно исследована, имена некоторых и авторов становятся известными лишь благодаря, активной работе ученых-литературоведов в этой сфере.

Даже поверхностное знакомство с памятниками крымскотатарской исторической прозы 15-18 вв., обнаруживает присутствие различных поэтических вставок и самостоятельных произведений практически в каждом из них. Так, в «Истории хана Сахиба Герая» Реммалы Ходжа (или Кайсуни-заде Нидаи, 16 в.) присутствует поэтические вставки, принадлежащие самому автору. Данные фрагменты представляют собой двустишия в жанрах насихат-наме, огют-наме, мунаджат ве мерсие.

В произведении Кайсунизаде Нидаи «Тарих-и Сахиб Герай Хан» особое внимание уделяется поэтическим фрагментам, которые представляют собой неотъемлемую часть общей структуры текста и демонстрируют уникальные жанровые особенности. Поэтические элементы в этом историческом труде выполняют несколько функций: отображение эмоциональной глубины событий, подчеркивание значимости личностей и исторических моментов, а также создание эстетического уровня повествования.

Жанровое разнообразие поэтических фрагментов в «Тарих-и Сахиб Герай Хан» включает в себя такие элементы, как касиды, газели и рубай. Касиды в контексте данного произведения служат в основном для восхваления героев и их деяний, акцентируя внимание на их доблести и стратегическом уме. Эти произведения не только подчеркивают величие исторических персонажей, но и создают патриотические настроения, усиливая чувство гордости за культурное наследие. Газели, напротив, гораздо более лиричны и сосредоточены на внутренних переживаниях, таких как любовь, разлука и душевные поиски. Их присутствие в историческом контексте придает повествованию личностный и человеческий аспект, раскрывая читателю внутренний мир героев и их эмоциональные противоречия. Это позволяет читателям глубже проникнуть в психологию персонажей, создавая многоуровневое понимание событий. Рубай в произведении выступают как философские ремарки, связывая повествовательные линии и предоставляя пространство для размышлений о бренности жизни и неизбежности судьбы. Они приносят в текст элемент уединения, предлагая читателю задуматься о вечных темах через призму конкретных исторических ситуаций. В совокупности, поэтические фрагменты не только обогащают произведение, но и формируют его уникальный жанровый облик, позволяя синтезировать историческую документалистику с художественным вымыслом.

Важную роль в поэтических фрагментах произведения также играет использование метафор и символов, которые не только обогащают текст, но и помогают создать диалог с читателем на более глубоком уровне. Метафоричность речи позволяет преподнести исторические события и личности в более ярких и запоминающихся образах, что способствует лучшему восприятию и запоминанию информации. Символы, в свою очередь, взаимодействуют с культурным и историческим контекстом произведения, заставляя читателя задуматься о более широких философских и моральных вопросах.

Таким образом, поэтические элементы в «Тарих-и Сахиб Герай Хан» Кайсунизаде Нидаи играют важную роль в формировании комплексного художественного образа произведения. Они не только акцентируют внимание на ключевых моментах и личностях, но и расширяют эмоциональную палитру всего исторического сочинения. Благодаря этому, текст превращается в многогранное произведение, где история и поэзия переплетаются, создавая уникальное художественное полотно, способное вдохновлять и обучать читателя.

В «Истории хана Ислама Герая» Мехмеда Сенаи поэтические вставки играют важную роль. Авторские поэтические отступления выделяются значительной эмоциональной и содержательной плотностью, отражая активное участие Сенаи в описываемых событиях и усиливая выразительность текста [15, с. 72].

Произведение Мехмеда Сенаи «История хана Ислама Герая» не только содержит важные исторические сведения, но и проливает свет на развитие поэзии в Крыму в XVIII веке, включая особенности и влияния, которые формировали литературное творчество крымских татар.

Стоит отметить, что поэзия в период Крымского ханства была неотъемлемой частью дворовой культуры. Ханы активно поддерживали литераторов и поэтов, способствуя расцвету изящных искусств. Так, в произведении Сенаи можно встретить упоминания о поэтических формах и жанрах, популярных в его время: газелях, рубай и эпических поэмах, которые исполнялись на торжественных приёмах и праздниках. Поэтические произведения не только развлекали, но и помогали сохранять историческую память, передавать ценности и традиции крымскотатарского народа.

Поэтические вставки играют важную роль в структуре текста, связывая разные части повествования. Они помогают читателю лучше понять основную идею и ход событий. Содержание этих фрагментов показывает, что автор использовал их, чтобы опустить длинные и подробные описания некоторых сцен. Краткие, рифмованные и эстетически оформленные строки придают тексту лёгкость и непрерывность.

В «Истории» Мехмеда Чингизи также встречается множество поэтических вставок, что подчёркивает значимость этого приёма для создания выразительного, многослойного и живого повествования. Всего в «Истории» 17 фрагментов, состоящих из 44 двустиший. Стоит отметить, что часть из этих поэтических вставок является авторской, по жанру же данные фрагменты можно отнести к газелям [5, с. 549-575].

Абдульгаффар Кырыми в «Опоре известий» выработал собственный стиль, в котором чувствуется глубокое понимание языка, выразительность и эмоциональность. Тонкое описание событий и мастерское использование метафор обогащают текст, делая его чтение увлекательным и информативным [17]. Хроника «Опора известий» («Умдет аль-Ахбар»), составленная Абдульгаффаром б. Хасаном Кырыми, была завершена в 1748 году и дошла до нас в рукописном виде. В настоящее время она хранится в стамбульской библиотеке Сулеймание, в коллекции Эсада Эфенди под № 2331. Частичная публикация текста в арабской графике впервые состоялась в 1927 году благодаря Н. Асыму в Стамбуле. В начале XXI века хроника стала предметом диссертационного исследования Д. Дерин, и была транслитерирована на латиницу. В 2014 году транслитерированный текст вместе с факсимиле был опубликован в Казани, в том же году отдельные фрагменты в переводе Н. Сейтягьева вошли в 4-й том энциклопедии «История татар» (Институт истории им. Мар-

джани АН РТ). Окончательно перевод на русский язык, выполненный Ю.Н. Каримовой и И.М. Миргалеевым, был опубликован в Казани в 2018 году [2, с. 420].

В «Семи планетах» Сеййид Мухаммеда Ризы насчитывается порядка 250-ти поэтических фрагментов, в таких жанрах как, мысра, назм, кытта бейит, рубаи. «Семь планет...» охватывает события в Крымском ханстве с момента его основания до второго правления Менгли Герая II. В начале произведения содержится краткий исторический экскурс, посвящённый сотворению мира и жизни первых пророков, с детальными сведениями о Ное и его потомках. Далее автор рассматривает происхождение различных мировых династий и историю тюркских народов. Особое внимание уделено Чингисхану и его потомкам, а также более подробно – истории Джучи и его Улуса. Главная часть произведения, посвящена истории Крымского ханства, и включает развернутую информацию о политической, культурной и духовной жизни государства. Эти сведения одновременно уникальны и универсальны, что сделало труд Мухаммеда Ризы важнейшим источником для изучения истории Крыма в период Золотой Орды и Крымского ханства. Высокую значимость работы подтверждают оценки ведущих исследователей. Структура и жанровые особенности произведения заслуживают отдельного внимания, и анализа. Этому вопросу была посвящена статья Саганджиева Э. в соавторстве с Абдульваповым Н.Р. [11, с. 82-89].

Помимо вышеупомянутых трудов, говоря о крымской исторической прозе, нельзя не упомянуть такие труды, как «История крымских ханов» Хурреми Челеби, и «Розовый куст ханов» Халима Герая. Стоит отметить что за основу своих трудов, и Хурреми Челеби, и Халим Герай, взяли произведения уже упомянутых выше авторов, однако со своими корректировками, связанными с периодом написания. Важно отметить, что над данными работами продолжается исследовательская деятельность, так данные труды берут в основу диссертационных работ не только Крымские ученые, а и европейские.

Выводы

Исходя из всего вышесказанного, можно с уверенностью заявить, что историческая проза периода крымского ханства является истинной сокровищницей поэзии данного периода, отображающей как политические, так и светские события, и взаимоотношения правителей с соседними странами. Стоит так же отметить что язык произведений, как и непосредственно жанровые особенности поэтических фрагментов, демонстрируют нам влияние восточной литературы, и образованность, и талант крымских ханов. Таким образом, историческая проза в действительности является одним из важнейших источников, по литературе, и поэзии в частности, и так же является тесно связана с другими дисциплинами.

Список источников

1. Абдужемилев Р.Р. Хроника Мехмеда Сенаи как памятник крымскотатарской художественной литературы XVII века. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 388 с.
2. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage» / отв. ред. И.М. Миргалеев, транскрипция Д.Д. Пашаоглу. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. Вып. 1. 420 с.
3. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage» / пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева, ред., предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. Вып. 5. 200 с.
4. Абдульваап Н. Краткий очерк крымскотатарской литературы XIII-XIX веков // Грёзы любви. Поэзия крымских ханов и поэтов их круга. Симферополь, 2003. С. 60 – 69.
5. Абдульвапов Н. Литература в Крымском ханстве // История татар с древнейших времен: в 7 т. / ред. Р.С. Хакимов, Р.Р. Салихов. Татарские государства XV-XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. Т. 4. С. 549 – 575.
6. Абдульвапов Н. Кырымтатар эдебиятында тарих тыюшурме санаты // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2015. Вып. 2. С. 61 – 68.
7. Абдульвапов Н.Р. Крымскотатарская литература периода Крымского ханства // История крымских татар: в 5 т. Крымское ханство XV-XVIII вв. / отв. ред. И.В. Зайцев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. Т. 3. С. 562 – 604.
8. Бадр ад-Дин Мухаммед б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди (Реммал-ходжа). История хана Сахиб-Гирея / ред. И.В. Зайцев, Р.Р. Абдужемилев, В.Д. Смирнов. М.: Квадрига, 2023. 464 с.
9. Зайцев И.В. Крымская историческая традиция XV-XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Вост. лит., 2009. 342 с.
10. Кримський А. Література кримських татар. Сімферополь: ДОЛЯ, 2003. 200 с.

11. Саганджиев Э.Р., Абдульвапов Н.Р. Сейид Мухаммед Ризанынъ «эс-Себ-ус-сеййар фи ахбар-ы мулюк-ит-татар» эсеринде Къырым ханлыгы деври къырымтатар шириетине даир бильгилер // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2023. Вып. 15. С. 82 – 89.
12. Сейид-Мухаммед Риза. Семь планет в известиях о царях татарских. Книга 1: Транслитерация / авт. предисл., транслитерация, подготовка к изданию Абдуземилева Р.Р., под ред. Миргалеева И.М. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 364 с.
13. Сейтягъяев Н. Крымскотатарская историческая проза XV-XVIII вв. Симферополь, 2009. 203 с.
14. Сейтягъяев Н.С. «Семь планет» Сейида Мухаммеда Ризы и «История крымских ханов» Хурреми Челеби Акая: проблема перевода и упрощения текста в крымской придворной литературе XVIII в. // Тюркология (Туркестан). 2011. № 4 (54). С. 69 – 77.
15. Сенаи М. Кырымлы Хажи. Книга походов / под ред. К. Конгурата. Симферополь: Крымучпедгиз, 1998. 72 с.
16. Can Aykut. “Hurremî Çelebi Akay Tarihi”. Yayınlanmamış Doktora Tezi, Marmara Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü. İstanbul, 2022. 403 p.
17. Derin D. Abdulgaffar Kırımı'nın Umdetu'l-Ahbar'ına (Umdetü'tTevarih) Göre Kırım Tarihi, Ankara Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 2003. URL: <http://www.yok.gov.tr/UlusalTezMerkezi/SearchTez> (дата обращения: 20.05.2025).
18. Es-seb'û's-seyyâr fi-ahbâr-ı mülûkî't-Tatar: inceleme, tenkitli metin / Seyyid Mehmed Rızâ; hazırlayan Yavuz Söylemez. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2020. 470 p.
19. Kellner-Heinkele B. Aus den Aufzeichnungen des Sa'id Giray Sultan. Eine zeitgenössische Quelle zur Geschichte des Chanats der Krim um die Mitte des 18. Jahrhunderts. Hamburg, 1975. 330 p.

References

1. Abduzhemilev R.R. Chronicle of Mehmed Senai as a Monument of Crimean Tatar Fiction of the 17th Century. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Tatar Academy of Sciences, 2016. 388 p.
2. Abdulghaffar Qırımı. Umdet al-Akhbar. Book 1: Transcription, Facsimile. Series “Yazma Miras. Written Heritage. Textual Heritage”. Ed. I.M. Mirgaleev, transcription by D.D. Pashaoglu. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Tatar Academy of Sciences, 2014. Iss. 1. 420 p.
3. Abdulghaffar Qırımı. Umdet al-Akhbar. Book 2: Translation. Series “Yazma Miras. Written Heritage”. Textual Heritage». Translated from Ottoman by Yu.N. Karimova, I.M. Mirgaleev, ed., preface and commentary by I.M. Mirgaleev. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2018. Iss. 5. 200 p.
4. Abdulvaop N. A Brief Essay on Crimean Tatar Literature of the 13th-19th Centuries. Dreams of Love. Poetry of the Crimean Khans and Poets of Their Circle. Simferopol, 2003. P. 60 – 69.
5. Abdulvapov N. Literature in the Crimean Khanate. History of the Tatars from Ancient Times: in 7 vol. Ed. R.S. Khakimov, R.R. Salikhov. Tatar States of the 15th-18th Centuries. Kazan: Institute of History. Sh. Mar-jani AN RT, 2014. Vol. 4. P. 549 – 575.
6. Abdulvapov N. Kyrymtatar edebiyatynda tarih tyushurme sanata. Questions of Crimean Tatar philology, history and culture. 2015. Iss. 2. P. 61 – 68.
7. Abdulvapov N.R. Crimean Tatar literature of the period of the Crimean Khanate. History of the Crimean Tatars: in 5 volumes. Crimean Khanate XV-XVIII centuries. answer ed. I.V. Zaitsev. Kazan: Institute of History named after. Sh. Marjani AN RT, 2021. Vol. 3. P. 562 – 604.
8. Badr ad-Din Muhammad b. Muhammad Kaysuni-zade Nidai-efendi (Remmal-khoja). History of Khan Sahib Giray. Ed. I.V. Zaitsev, R.R. Abduzhemilev, V.D. Smirnov. Moscow: Quadriga, 2023. 464 p.
9. Zaitsev I.V. Crimean Historical Tradition of the 15th-19th Centuries: Paths of Development: Manuscripts, Texts, and Sources. Moscow: Vost. Literature, 2009. 342 p.
10. Krimskiy A. Literature of the Crimean Tatars. Simferopol: DOLYA, 2003. 200 p.
11. Sagandzhiev E.R., Abdulvapov N.R. Seyid Muhammad Riza. Seven Planets in the News of the Tatar Tsars. Book 1: Transliteration. Author's introduction, transliteration, preparation for publication by R.R. Abduzhemilev, edited by I.M. Mirgaleev. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2019. 364 p.
13. Seytyagyaev N. Crimean Tatar Historical Prose of the 15th-18th Centuries. Simferopol, 2009. 203 p.
14. Seytyagyaev N.S. “Seven Planets” by Seyid Muhammad Riza and “History of the Crimean Khans” by Hurremi Çelebi Akay: the Problem of Translation and Simplification of the Text in the Crimean Court Literature of the 18th Century. Turkology (Turkistan). 2011. No. 4 (54). P. 69 – 77.

15. Senai M. Kyrymly Khaji. Book of Campaigns. Edited by K. Kongurat. Simferopol: Krymuchpedgiz, 1998. 72 p.
16. Can Aykut. "Hurremî Çelebi Akay Tarihi". Yayınlanmamış Doktora Tezi, Marmara Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü. İstanbul, 2022. 403 p.
17. Derin D. Abdulgaffar Kırımı'nın Umdetu'l-Ahbar'ına (Umdetü'tTevarih) Göre Kırım Tarihi, Ankara Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 2003. URL: <http://www.yok.gov.tr/UlusalTezMerkezi/SearchTez> (date of accessed: 20.05.2025).
18. Es-seb'û's-seyyâr fî-ahbâr-ı mülûki't-Tatar: inceleme, tenkitli metin. Seyyid Mehmed Rızâ; hazırlayan Yavuz Söylemez. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2020. 470 p.
19. Kellner-Heinkele B. Aus den Aufzeichnungen des Sa'id Giray Sultan. Eine zeitgenössische Quelle zur Geschichte des Chanats der Krim um die Mitte des 18. Jahrhunderts. Hamburg, 1975. 330 p.

Информация об авторах

Саганджиев Э.Р., ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», emilsagandzиеv@gmail.com

© Саганджиев Э.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1

¹ Чжан Чэньтун

¹ Московский государственный педагогический университет (МПГУ)

Построение лингвокультурологического поля концепта МОЛОДОСТЬ в русском языковом сознании

Аннотация: в статье предпринята попытка построения лингвокультурологического поля концепта молодости на основе этимологического, дефиниционного и ассоциативного анализа ключевого слова. Предметом исследования является выявление и описание лингвокультурологического полевого пространства «молодость» и его связи с русским языковым сознанием. В процессе исследования используются метод словарных дефиниций, метод ассоциативного эксперимента, метод полевого описания, статистический метод. Цель исследования состоит в выявлении структуры лингвокультурологического поля «молодость» и системном описании содержания ядровой и периферийной структуры. Результаты исследования могут быть использованы в практике вузовского преподавания лингвистических и социологических дисциплин.

Ключевые слова: молодость, ассоциация, ассоциативный эксперимент, поле

Для цитирования: Чжан Чэньтун. Построение лингвокультурологического поля концепта МОЛОДОСТЬ в русском языковом сознании // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 63 – 69.

Поступила в редакцию: 02 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Zhang Chentong

¹ Moscow State Pedagogical University

Constructing the linguocultural field of the concept YOUTH in Russian linguistic consciousness

Abstract: this article attempts to construct the linguocultural field of the concept of youth based on the etymological, definitional, and associative analysis of the keyword. The subject of the research is the identification and description of the linguocultural field space of YOUTH and its connection with Russian linguistic consciousness. The research process employs the methods of dictionary definitions, the associative experiment method, the field description method, and the statistical method. The aim of the study is to identify the structure of the YOUTH linguocultural field and to systematically describe the content of its core and peripheral structure. The results of the study can be used in the practice of teaching linguistic and sociological disciplines at the university level.

Keywords: youth, association, associative experiment, field

For citation: Zhang Chentong. Constructing the linguocultural field of the concept YOUTH in Russian linguistic consciousness. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 63 – 69.

The article was submitted: October 02, 2025; Approved after reviewing: October 16, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Полевой подход в лингвистике – это системный и синтезирующий подход в исследовании и интерпретации языковых единиц, который получил популярность в лингвистических исследованиях в последние десятилетия.

«Возникновение теории языковых полей относится к первой трети XX в. и связывается с именами таких ученых, как Трир, Ипсен, Порциг, Йоллес, Вайсгербер, предложивших свои трактовки смысловых и формальных связей между единицами языка различных уровней» [1, с. 16]. Первоначально сам термин «поле» был физическим понятием, позже он был введен в лингвистику, в результате чего появились такие понятия, как семантическое поле, ассоциативное поле, лингвокультурологическое поле и др. В.В. Воробьев в монографии «Культурологическая парадигма русского языка» определяет лингвокультурологическое поле следующим образом: «сложная многомерная структура, так как отражаемые в нем элементы являются принадлежностью не только языка, но и культуры, то есть имеют не только языковое, но и своеобразное внеязыковое измерение» [2, с. 42]. Исследователь считает, что лингвокультурологическое поле представляет собой «иерархическую структуру множества лингвокультурем, обладающих общим (инвариантным) смыслом, характеризующих определенную культурную сферу» [3, с. 65]. Таким образом, данное исследование рассматривается с двух точек зрения: с одной стороны, анализ этимологической и лексической интерпретаций ключевых слов; с другой стороны, анализ полученных данных из ассоциативного эксперимента на уровне языкового сознания. Мы сосредоточимся на второй точке зрения, поскольку в современной лингвистике происходит «переключение интересов исследования с объекта на субъект познания, когда анализируется человек в языке и язык в человеке» [4, с. 19]. В то же время методом, позволяющим с наибольшей объективностью «вскрыть культурную специфику словарных единиц, выявить те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, является ассоциативный эксперимент» [5, с. 14]. Кроме того, анализ данных из ассоциативного эксперимента повышает валидность исследования.

В русском языковом сознании концепт МОЛОДОСТЬ является основным из многочисленных составляющих антропоцентрических фрагментов.

Актуальность данного исследования обусловлена требующим уточнения строением лингвокультурологического поля концепта МОЛОДОСТЬ и недостаточной изученностью средств репрезентации соответствующей семы.

Объектом настоящей работы выступает лингвокультурологическое поле МОЛОДОСТЬ, а предметом – его лексико-семантические, культурные и когнитивные характеристики.

Целью является системное описание лингвокультурологического поля концепта МОЛОДОСТЬ и выявление особенностей его восприятия языковой личностью в рамках русской языковой картины мира.

Материалы и методы исследований

В целях исследования сущности концепта МОЛОДОСТЬ в диахроническом аспекте и углубления в его структуру были использованы этимологический анализ, анализ словарных дефиниций и логико-семантический анализ. Для выявления как национально-культурных, так и индивидуальных особенностей языковой личности в синхронном аспекте применялись ассоциативный эксперимент, статистические методы и лингвокультурологический анализ. Моделирование лингвокультурологического поля осуществлялось с помощью метода полевого моделирования.

Материалом исследования послужили статьи толковых и ассоциативных словарей, а также результаты ассоциативного эксперимента, проведенного в марте и апреле 2024 года.

Результаты и обсуждения

1. Этимологический анализ ключевого слова молодость.

Анализ на этимологическом уровне предполагает исследование происхождения номинантов молодость. Истоки образования номинанта молодость мы восстановили с опорой на Этимологический словарь русского языка под редакцией М. Фасмера.

Лексема молодость в русском языке представляет собой суффиксальный дериват от прилагательного имени молодой. Имя прилагательное молодой – славянское по происхождению. Корень слова молодой восходит к старославянскому младъ [6, с. 643]. Это общеславянское слово индоевропейской природы. В древнеиндийском языке младъ совпадает со словом *mrdus*, которое значит мягкий и нежный. Можно сказать, что в древнерусском языке первоначальное значение слова молодость тесно связывается с качествами мягкостью и нежностью.

На основе этимологии лексемы делается вывод о том, что этимологический состав слова молодость прозрачен. Его первоначальное значение раскрывает специфику новой жизни такой, как мягкость и нежность.

2. Дефиниционный анализ ключевого слова молодость.

В «Новом словаре русского языка» под редакцией Т.Ф. Ефремовой указаны следующие три семы, каждая из которых соответствует лексико-семантическому варианту. «Молодость: период жизни от отрочества до зрелых лет (противоп.: старость); отвлеч. сущ. по знач. прил.: молодой (3*2,3)», то есть «свойственный молодости, характерный для нее; перен. недавно возникший, появившийся. // Недавно родившийся (о животных). // Недавно посаженный (о растениях). // Лишь начинающий свою деятельность» [7, с. 886].

Согласно толковому словарю русского языка В.И. Даля, молодость фиксируется следующим образом. «Молодость: юность, состояние молодого; пора и возраст до середовых лет; младенчество, отрочество и юношество, а иногда и начало возмужалости» [8, с. 332].

Переносное значение слова молодость оформляется как второй лексико-семантический вариант в «Толковом академическом словаре русского языка». Согласно дефиниции, «молодость: возраст от отрочества до зрелости; противоп. старость; свойство по прил. молодой (в 3 знач. недавно появившийся, начавший существовать, расти)» [9, с. 292].

«Молодость: период жизни, когда человек молод; противоп. старость (ср. детство, юность)» [10, с. 99].

В «Русском семантическом словаре» под общей редакцией академика Н.Ю. Шведовой молодость объясняется как «возраст между отрочеством и зрелостью, время расцвета физических и духовных сил человека; период жизни в таком возрасте» [11, с. 63].

«Молодость: возраст между отрочеством и зрелостью; период жизни в таком возрасте; перен., собир. о молодом поколении, о молодежи (высок.)» [12, с. 363].

«Молодость: юный возраст, возраст от отрочества до зрелых лет» [13, с. 419].

«Молодость: возраст, период жизни от отрочества до зрелых лет; молодые годы (противоп. старость); свойство по 3 и 4 знач. прил. молодой (3 знач.: свойственный молодости; 4 знач.: обычно полн. ф. недавно возникший, появившийся); собир. то же, что молодежь (обычно в торжественной речи) [14, с. 344].

Следует отметить, что в словаре В.И. Даля молодость объясняется с помощью младенчества, отрочества и юношества, это, вероятно, связано с вышеупомянутым этимологическим толкованием однокоренного слова молодой. В древнеславянском языке молодой (младъ) было производным от слова *molъ*, которое обозначает «нежный» и «мягкий». Исходное значение – «новорожденный» (то есть «выброшенный» из чрева). Так что в XIX веке молодость также обозначал период младенчества. Выделение возрастных периодов представляет собой сложный и многоплановый процесс, в котором задействован целый ряд дисциплин и областей, таких как биология, психология и социология. В силу несовершенства развития древней науки «было вполне достаточно противопоставления старого молодому без более дробной возрастной дифференциации» [15, с. 84]. Как видно из приведенных выше толкований, значение «младенчество» уже отсутствует в словарях XX и XXI века. Это говорит о том, что, хотя «словарь фиксирует закрытое множество элементов, ориентируясь на объективность и стремясь к максимальной экспликации всех компонентов смысла на фоне приближения к реальности» [16, с. 80-81], все равно существует вариативность значения некоторых слов по мере социального развития и изменения, только темпы данной вариативности очень медленно.

Через приведенные выше толкования легко обнаружить три интерпретационные особенности лексемы молодость. Во-первых, молодость интерпретируется в связи с единицами других соседних периодов жизни, таких как младенчество, детство, отрочество, юношество, юность, возмужалость, зрелость и другие, из которых в шести словарях упоминаются «период жизни от отрочества до зрелости». Как видно, молодость как один из важных периодов в жизни каждого человека характеризуется размытыми границами и даже пересекается с единицами других периодов жизни. Во-вторых, молодость взаимно интерпретируется с ее антонимом старость. В четырех из восьми вышеперечисленных словарей упоминается старость, что подтверждает важность пары вечной оппозиции старость и молодость в русском языке. Очевидно, что семантические признаки лексемы молодость тесно связаны с соседними и антонимичными единицами в составе категории возраста, и можно предположить, что МОЛОДОСТЬ как субконцепт, принадлежащий к концепту ВОЗРАСТ также характеризуется взаимными интерпретациями и пересечениями с другими возрастными концептами. В-третьих, существительное молодость образовано от однокоренного прилагательного молодой, так что переносное значение существительного также соответствует интерпретации прилагательного. Логично предположить, что лексическая репрезентация концепта МОЛОДОСТЬ неразрывно связана с прилагательным молодой.

Обобщая приведенные выше семы в словарях, можно сделать вывод, что главное инвариантное значение слова молодость – «период жизни (возраст) от отрочества до зрелых лет». Иными словами, данное значение представляет собой семантический признак, который лежит в центре ядра значения лексемы молодость.

3. Ассоциативный анализ на материале ассоциативного эксперимента.

«Для описания концепта в его синхронном состоянии необходимо синхронное исследование репрезентации концепта в лексикосемантических системах языка, дополненное по возможности анализом результатов ассоциативных экспериментов и изучением дискурсивного функционирования слов, являющихся лексическими репрезентациями концепта» [17, с. 23]. Для исследования когнитивных признаков, формируемых в языковом сознании, нами использовался метод свободного ассоциативного эксперимента. В марте и апреле 2024 года был проведен ассоциативный эксперимент. В эксперименте приняли участие 72 человека из России в возрасте от 17 до 68 лет, из них – 12 мужского пола и 60 женского пола. Возрастные категории испытуемых представлены следующим образом: первая группа (до 18 лет) – 3 человека; вторая группа (от 18 по 29 лет) – 51 человек; третья группа (от 30 по 39 лет) – 12 человек; четвертая группа (больше 40 лет) – 6 человек. Среди всех респондентов 51 человек (71%) – студенты, а также существуют преподаватели различных специальностей и представители других профессий. Выбор в основном нижнего возрастного порога обусловлен концепцией Л.С. Выготского, «согласно которой полноценные понятия формируются у человека в среднем подростковом возрасте, до этого осознание и оперирование абстрактными категориями невозможно» [18, с. 81]. Более того, молодой человек является основой будущего общества, и данный выбор в какой-то степени способствует нам предсказать направление динамики концепта МОЛОДОСТЬ в русском социуме на ближайшие десятилетия. Ассоциативный эксперимент проводился путем анкетирования. В анкете вопрос такой: «Какие ассоциации возникают у Вас со словом молодость?».

Что касается распределения частот слов-реакций, то в данном эксперименте было получено в общей сложности 225 слов-реакций и 113 различных слов-реакций, из которых свобода – ассоциат с самой высокой частотой (18), что составляет 8% от общего числа слов-реакций. За ним следуют энергия (15,7%), веселье (12,5%), красота (10,4%), юность (6,3%) и жизнь (5,2%). Данные шесть слов встречаются 66 раз, суммарная доля составляет 29,3%, почти треть от общей частоты слов-реакций.

Семантическому признаку «период жизни отрочества до зрелых лет» как ядру поля соответствует ответ-реакция жизнь, что отражает тот факт, что концепт МОЛОДОСТЬ существует в русском социуме прежде всего, как определенный период жизни, являющийся его фундаментальным признаком. Притом описание качественных характеристик периода молодости в качестве языковых представлений ядра поля соответствует основным высокочастотными словам-реакциям таким, как «свободе», «энергии», «веселью», «красоте», что может свидетельствовать о том, что концепт МОЛОДОСТЬ в русском сознании в целом воспринимается положительно при наличии индивидуальных различий.

Для того чтобы анализировать структуру концепта МОЛОДОСТЬ, слова-реакции были выделены на несколько групп по семантическому значению: «свобода» (40%), «энергия» (38,3%), «перемена» (35%), «веселье» (18,3%), «красота» (18,3%), «университет» (16,6%), «эмоции» (13,3%), «физический признак» (13,3%), «отрицательный признак» (11,6%), «юность» (6,6%), «знакомства» (6,6%), «надежда» (6,6%), «жизнь» (6,6%) и др. 40% респондентов написали слова, относящиеся к группе «свобода», которые выделены на две группы: внешнее состояние жизни: «свобода», «время для погулять», «свободное время», «безделье», «прогулки», «вечеринки» и духовное состояние жизни: «беззаботность» и «беспечность». Молодость представляет собой энергию жизни, в это время человек полон «амбиции», «больше цели», «активности», «энергичность», «огромный энергетический потенциал», «энергия», «много энергии для их воплощения» и «инициативности». К группе «перемена» относятся следующие ответы: «неопределенность», «становление», «выбор», «выбор жизненного пути», «поиск», «движение», «возможности», «риск», «приключение». Большинство из них является объективным выражением о молодости. Также появился положительный оттенок в значении слов: «самосовершенствование», «развитие» и «взросление». Когда речь заходит о молодости, люди всегда вспоминают о своей веселой студенческой жизни. Поэтому неудивительно, что 16,6% респондентов написали ряд слов, относящихся к студенчеству, «университет», «общегитие», «учеба», «дружба», «веселье», «радость», «веселые студенческие годы». Для студентов наиболее долгожданнами всегда были летние каникулы, когда можно полноценно отдохнуть. Понятно, что два опросника написали слово «лето». Эмоции молодого человека обогащают его внутренний мир, делают его содержательными, поэтому появились такие эмоциональные лексемы, как «любовь», «счастье», «счастливые годы жизни», «эмоции» и «позитив». Физический признак молодого лица тоже воплощается с помощью лексем «сила», «здоровье» и «красота». Также увидели такие негативные оценки молодости в ответах, как «проблемы», «наивность», «неопытность», «бедность», «агрессия», «страх», «бесшабашность» и «безрассудство». Молодость наступает после юности. В русском языке лексемы молодость и юность часто совпадают и могут быть заменены одна другой. Поэтому появились «юность» и «юношество». 16,6% респондентов написали слово «знакомства». В молодости люди энергичны и во внешнем и во внутреннем мире, им нравится встречаться с новыми друзьями. К тому же, этот период жизни наполнен мечтами и надеждами, люди всегда мечтают о пре-

красном грядущем. Появились такие слова в ответах: «мечта», «все еще впереди», «надежда», «новые надежды», «вера в будущее», «будущее».

Далее сравним полученные нами данные с данными Русского ассоциативного словаря (далее РАС), который создан по результатам массовых ассоциативных экспериментов, проводившихся с 1986 по 1995 гг. среди студентов 1-3 курсов различных вузов (в возрасте 17-25 лет). В нем приведены следующие вербальные ассоциации, которые были вызваны словом-стимулом «молодость»: «старость 12; моя 7; прошла 6; красота, радость 4; уходит, юность 3; веселье, вечная, наша, прекрасная, свежесть, энергия 2; беречь, бесшабашная, бодрая, борода, быстро, гулять, дева, дышать, загубленная, здорово, здоровье, зеленая, зелень, и юность, как надо, кончается, красный, крошка, лес, мира, молодежь; молодость, куда ты уходишь?; мороженое, моя светлая, одна, ОК, отрыв, пора, прожить, пропала, проходит, проходящая, прощай, разума, ранняя, рассвет, розовый цвет, свобода, Сибири, скоро пройдет, счастливая, тусовка, увяла, украсть, ушедшая, цветущая, шальная, это не вечно, это хорошо, ЭХ 1; 103+64+1+51» [19, с. 1305]. Наиболее частотными реакциями на слово-стимул молодость являются: «старость», «моя», «прошла», «красота», «радость», «уходит» и «юность». Общее количество реакций на слово-стимул молодость составило 103. Было получено 64 различные реакции, один испытуемый отказался от ответа, и 51 реакция была дана с частотой 1.

Посмотрим, каким образом распределились представленные в словаре ассоциации по группам. Слова-реакции «прошла», «уходит», «беречь», «загубленная», «кончается», «молодость, куда ты уходишь?», «отрыв», «пропала», «проходит», «проходящая», «прощай», «скоро пройдет», «ушедшая», «это не вечно» относятся к группе «быстротечность» (20.3%). Слово «старость» составляет 11.65%, которое занимает второе место. Слова-реакции «красота», «прекрасная», «свежесть», «дева» добавляются в группу «красота» (8.7%). Слова «моя» и «наша» составляют 8.7%. «радость», «веселье», «счастливая» дополняются в группу «эмоция» (6.8%), «энергия», «бодрая», «быстро», «здоровье», «цветущая» принадлежат к группе «энергия» (5.8%).

Очевидно, что полученные нами данные практически не совпадают с данными ассоциативного словаря. Объяснить это, вероятно, можно изменением времени. Уже прошло почти 30 лет между двумя экспериментами. С изменением времени изменилось и сознание носителей русского языка. Следует отметить, что наши ассоциации вызывают более положительную окраску по числу в процентном отношении. Молодые люди полны энергии, эмоций, стремления к свободе, обладают прекрасной внешностью, силой; перед ними открываются надежды, мечты и возможности для развития. Можно так сказать, что в ядро ассоциативного поля концепта МОЛОДОСТЬ входят большинство слов с положительными значениями. Хотя есть доля отрицательных слов-реакций из наших данных, по сравнению с данными РАС, довольно малая часть. В ассоциативном словаре представлены основные отрицательные ассоциации – «быстротечность», из наших данных такого слова нет. Кроме того, в наших ассоциациях больше внимания уделяется качественным характеристикам молодости, а в данных РАС акцент делается на личные эмоции и чувства.

Результаты ассоциативного эксперимента показали, что ядро ассоциативного поля концепта МОЛОДОСТЬ формируют высокочастотные реакции с положительной семантикой: «свобода», «энергия», «веселье», «красота».

Выводы

Построение лингвокультурного поля концепта «молодость» в русском языковом сознании основывается на теории лингвокультурного поля. На основе этимологического, дефиниционного и ассоциативного анализа установлены имя поля, его центральная и периферийная структура.

Таблица 1

Выводы этимологического, дефиниционного и ассоциативного анализа концепта МОЛОДОСТЬ.

Table 1

Findings of the Etymological, Definitional, and Associative Analysis of the Concept YOUTH.

Метод анализа	Выводы
Этимологический анализ	Молодость тесно связана со словом молодой со значением насущности новой жизни: «мягкость» и «нежность»
Дефиниционный анализ	Интерпретационные особенности лексемы молодость представлены через такие связанные с ней понятия, как отрочество, зрелость, старость, а также прилагательное молодой
Ассоциативный анализ	Концепт МОЛОДОСТЬ вызывает более положительные ассоциации, отражающие положительные качественные характеристики данного периода

Имя лингвокультурологического поля концепта должно обладать наибольшей общностью и инклюзивностью. Анализ таблицы 1 позволяет определить то, что общий признак концепта МОЛОДОСТЬ реализуется через понятие жизненного этапа. В ядро лингвокультурологического поля входят слова, которые связываются с жизненными периодами: отрочество, зрелость, старость и молодой, а также выражают качественные характеристики данного периода жизни такие, как свобода, энергия, веселье, красота. Поскольку периферийные члены поля находятся на значительном расстоянии от ядра поля, обладающего устойчивым инвариантным значением, им присуща нестабильность. Кроме того, ввиду размытости границ поля невозможно исчерпывающе перечислить все члены, находящиеся на его периферии. В рамках данного исследования ограничимся следующим перечнем, составленным на основе материалов данной работы: «возможности», «выбор», «движение», «студенчество», «знакомства», «перемена», «учеба», «университет», «общество», «работа», «весна», «свет», «время», «будущее», «лето», «улыбки», «солнце» и др. При этом изменения исторического контекста оказывают выраженное влияние на членов периферии.

Исследование концепта МОЛОДОСТЬ помогает отслеживать тенденции и направления идеологических изменений в будущем обществе и представляет ценность для дальнейшего изучения.

Список источников

1. Слепнева М.И. Концептуальное поле *vertu* в «Опытах» Мишеля де Монтеня: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. СПб., 2008. 170 с.
2. Воробьев В.В. Культурологическая парадигма русского языка: Теория описания языка и культуры во взаимодействии. М., 1994. С. 40 – 46.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
4. Бугорская Н.В. Антропоцентризм как категория современного языкознания // Вопросы психолингвистики. М., 2004. № 2. С. 18 – 25.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. 304 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 2004. Т. 3. 830 с.
7. Ефремова Т.Ф. НСРЯ – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словарь ст., ок. 250000 семант. единиц: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1. 1210 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Книгопродавец-типограф М.О. Волбфа, 1882. Т. 2. С. 332.
9. МАС – Академия наук СССР институт русского языка, словарь современного русского литературного языка. М.: «Академия наук СССР», 1963. Т. 2. 736 с.
10. Городецкая И.Г., Поповцева Т.Н., Судоплатова М.Н., Фоменко Т.А. КТСРЯ – Краткий толковый словарь русского языка: 6-е изд., испр. / под ред. В.В. Розановой. М.: Рус. яз., 1989. 255 с.
11. РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под. общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003. Т. 3. 720 с.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений: 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2007. 944 с.
13. СУ – Толковый словарь русского языка: ок. 30000 слов / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2008. 1054 с.
14. БАС – Большой академический словарь русского языка / ред. Л.И. Балахонова. СПб.: Наука, 2004. Т. 10. 571 с.
15. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове: Мир человека. СПб.: Филол. фак. С-Петербург. гос. ун-та, 2000. С. 84 – 96.
16. Сулиман Э.Э. Русское концептуальное поле ВЕРА: на фоне арабо-мусульманской лингвокультуры: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2013. 223 с.
17. Крючкова Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов. Саратов: Научная книга, 2005. 165 с.
18. Казаченко О.В., Шмалько С.П., Дорошенко О.В. Использование методов интеллектуального анализа данных для свободного ассоциативного эксперимента (на примере ценности воля) // Вопросы психолингвистики. 2023. № 4 (58). С. 75 – 93.
19. Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 т. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. Т. 1. 784 с.

References

1. Slepneva M.I. Conceptual field of vertu in Michel de Montaigne's "Essays": dis. ... Cand. of Philological Sciences: 10.02.05. St. Petersburg, 2008. 170 p.
2. Vorobyov V.V. Culturological paradigm of the Russian language: Theory of describing language and culture in interaction. Moscow, 1994. P. 40 – 46.
3. Vorobyov V.V. Lingvoculturology (theory and methods). Moscow: RUDN University Press, 1997. 331 p.
4. Bugorskaya N.V. Anthropocentrism as a category of modern linguistics. Questions of psycholinguistics. Moscow, 2004. No. 2. P. 18 – 25.
5. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality. Moscow, 1977. 304 p.
6. Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vol. Moscow, 2004. Vol. 3. 830 p.
7. Efremova T.F. NSRYa – New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and word-formation: Over 136,000 dictionary articles, approx. 250,000 semantic units: in 2 volumes. Moscow: Rus. yazyk, 2000. Vol. 1. 1210 p.
8. Dahl V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Moscow: Knigoprodovtsa-Tipographa M.O. Volbf, 1882. Vol. 2. 332 p.
9. MAS – USSR Academy of Sciences, Institute of the Russian Language, Dictionary of the Modern Russian Literary Language. Moscow: “Academy of Sciences of the USSR”, 1963. Vol. 2. 736 p.
10. Gorodetskaya I.G., Popovtseva T.N., Sudoplatova M.N., Fomenko T.A. KTSRYa – Brief Explanatory Dictionary of the Russian Language: 6th ed., corrected. Edited by V.V. Rozanova. Moscow: Rus. yazyk, 1989. 255 p.
11. RSS – Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, systematized by classes of words and meanings. Edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Azbukovnik, 2003. Vol. 3. 720 p.
12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions: 4th ed., supplemented. Moscow: OOO ITI Tekhnologii, 2007. 944 p.
13. SU – Explanatory Dictionary of the Russian Language: approx. 30,000 words. Edited by D.N. Ushakov. Moscow: Astrel: AST: Khramitel, 2008. 1054 p.
14. BAS – Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Edited by L.I. Balakhanov. SPb.: Nauka, 2004. Vol. 10. 571 p.
15. Kolesov V.V. Ancient Rus': Heritage in Words: The World of Man. SPb.: Philological Faculty of St. Petersburg State University. University, 2000. P. 84 – 96.
16. Suliman E.E.E. Russian conceptual field FAITH: against the background of Arab-Muslim linguoculture: Diss. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.01. Moscow, 2013. 223 p.
17. Kryuchkova N.V. Lingvocultural variation of concepts. Saratov: Nauchnaya kniga, 2005. 165 p.
18. Kazachenko O.V., Shmalko S.P., Doroshenko O.V. Using data mining methods for a free associative experiment (using the value of will as an example). Issues of psycholinguistics. 2023. No. 4 (58). P. 75 – 93.
19. Karaulov Yu.N., Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V., Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. RAS – Russian Associative Dictionary: in 2 volumes. From stimulus to reaction: About 7000 stimuli. Moscow: OOO Izdatelstvo Astrel: OOO Izdatelstvo AST, 2002. Vol. 1. 784 p.

Информация об авторах

Чжан Чэньтун, Московский государственный педагогический университет (МПГУ),
zhangchentong1230@163.com

© Чжан Чэньтун, 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 83.373.6

¹ Бай Жу

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Словообразовательная прозрачность и морфемная насыщенность как параметры сложности лексики в заданиях по РКИ (китайская выборка)

Аннотация: статья исследует влияние словообразовательной прозрачности и морфемной насыщенности на сложность лексики в заданиях по РКИ на китайской выборке. Материалом послужили задания уровней A2-B2 из учебных курсов и контрольных работ; для каждой единицы рассчитывались показатели: степень прозрачности (по шкале 0-2), морфемная плотность (число морфем на токен), деривационная глубина, частотность и длина. Применялись экспертная разметка, регрессионное моделирование и анализ ошибок. Результаты показывают, что снижение прозрачности и рост морфемной плотности статистически повышают вероятность неправильного ответа и увеличивают время выполнения; особенно трудны для китайских студентов абстрактные суффиксы -ость, -ение и префиксальные модели с полисемией (за-, по-, пере-). Напротив, сложные слова с мотивирующими опорами («само-», «водо-») и прозрачными словообразовательными гнездами облегчают усвоение. Предлагается шкала прогнозирования сложности и методические решения: предварительное формирование морфемных семейств, визуализация структуры слова, адаптивное дозирование аффиксов. Выводы полезны для конструирования цифровых и традиционных заданий по РКИ, а также для настройки автоматической оценки лексической трудности материалов. Предложены индикаторы для адаптивных обучающих систем курсов.

Ключевые слова: словообразовательная прозрачность, морфемная насыщенность, лексическая сложность, деривационная глубина, РКИ (китайская выборка)

Для цитирования: Бай Жу. Словообразовательная прозрачность и морфемная насыщенность как параметры сложности лексики в заданиях по РКИ (китайская выборка) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 70 – 76.

Поступила в редакцию: 02 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Bai Zhu

¹ St. Petersburg State University

Word-formation transparency and morphemic richness as parameters of vocabulary complexity in Russian as a foreign language tasks (Chinese sample)

Abstract: the article examines the influence of word-formation transparency and morphemic density on the complexity of vocabulary in Russian as a foreign language tasks using a Chinese sample. The material was tasks of levels A2-B2 from educational courses and tests; for each unit, the following indicators were calculated: degree of transparency (on a 0-2 scale), morphemic density (number of morphemes per token), derivational depth, frequency, and length. Expert annotation, regression modeling, and error analysis were used. The results show that a decrease in transparency and an increase in morphemic density statistically increase the probability of an incorrect answer and increase the completion time; abstract suffixes -ost', -enie (-ness), and prefixal patterns with polysemy (za-, po-, pere-) are particularly difficult for Chinese students. In con-

trast, complex words with motivating supports ("samo-", "vodo-") and transparent word-formation nests facilitate acquisition. A complexity prediction scale and methodological solutions are proposed: preliminary formation of morpheme families, visualization of word structure, and adaptive dosing of affixes. The findings are useful for constructing digital and traditional assignments in Russian as a foreign language, as well as for setting up automatic assessment of the lexical difficulty of materials. Indicators for adaptive learning systems in courses are proposed.

Keywords: word-formation transparency, morphemic richness, lexical complexity, derivational depth, Russian as a foreign language (Chinese sample)

For citation: Bai Zhu. Word-formation transparency and morphemic richness as parameters of vocabulary complexity in Russian as a foreign language tasks (Chinese sample). *Philological Sciences Bulletin*. 2025. 5 (11). P. 70 – 76.

The article was submitted: October 02, 2025; Approved after reviewing: October 16, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

В последние годы проблема объективной оценки лексической сложности в обучении русскому как иностранному (РКИ) приобретает особую актуальность в связи с ростом цифровых курсов, адаптивных платформ и масштабной аттестации. Традиционно сложность слова описывается через частотность, длину, конкретность / абстрактность, полисемию и устойчивость коллокаций. Однако для русского языка как флективного и высоко деривационно организованного языка существенную роль играют параметры словообразовательной структуры, которые в стандартных моделях часто остаются «за кадром». Настоящее исследование рассматривает два таких параметра – словообразовательную прозрачность и морфемную насыщенность – как независимые предикторы успешности выполнения заданий по РКИ [1].

Под словообразовательной прозрачностью мы понимаем степень семантической «считываемости» производного слова на основе значения его основы и аффиксов; при высокой прозрачности вклад аффиксов komponуется с мотивирующей основой без квалифицированных интерпретаций. Морфемная насыщенность трактуется как количество морфем на один токен с учётом деривационных и словоизменительных показателей, а также алломорфии. Эти параметры релевантны для обучения русскому, поскольку в типологическом отношении значительная часть обучающихся – носители аналитических языков (в частности, китайского), где деривационная маркированность ниже, а семантика часто выражается синтаксически. Для китайской аудитории трудности усиливаются артикуляционно-графическими особенностями русского (консонантные стечения, редукция гласных), но, как показывают наблюдения педагогов, решающим нередко оказывается именно «морфемный профиль» единицы [2].

Несмотря на нарастающий интерес к морфемной осознанности как компоненту языковой компетенции, эмпирические данные по РКИ с контролем формально-семантических словообразовательных характеристик ограничены. Существующие практики градуирования лексики по уровням чаще опираются на частотность и учебную традицию, чем на операционализированные деривационные параметры. Это приводит к тому, что задания с «частотными», но деривационно непрозрачными словами демонстрируют необъяснимо высокую сложность, а, напротив, относительно редкие, но прозрачно мотивированные композиты оказываются посильными для учащихся уже на средних уровнях.

Настоящая работа восполняет обозначенный пробел и преследует три цели: (1) предложить воспроизводимую схему аннотирования словообразовательной прозрачности (шкала 0-2) и морфемной насыщенности для учебной лексики; (2) оценить вклад этих параметров в объяснение трудности заданий по РКИ с учётом контролируемых переменных (частотность, длина, часть речи, полисемия); (3) сформулировать методические рекомендации по проектированию упражнений и адаптивному дозированию аффиксации для китайской выборки [3].

Эмпирической базой служат задания уровней А2-В2 из курсов и контрольных работ, ориентированных на китайских учащихся. Для каждого целевого слова рассчитываются: степень прозрачности, морфемная насыщенность, деривационная глубина (расстояние до немотивированной базы) и размер словообразовательного гнезда (как индикатор наличия «мотивирующих опор» в лексиконе учащегося). Далее применяется регрессионное моделирование, позволяющее оценить, насколько изменение каждого параметра влияет на вероятность правильного ответа и время выполнения.

Мы исходим из следующих гипотез. Во-первых, снижение словообразовательной прозрачности будет увеличивать вероятность ошибки и латентность ответа; наибольшую нагрузку создают абстрактные суффиксы с широкой семантической дисперсией и полифункциональные приставки. Во-вторых, рост морфемной насыщенности при прочих равных повышает сложность, особенно в сочетании с алломорфией и чередованиями. В-третьих, наличие в курсе «семейства» слов (большого гнезда с общего основания) смягчает эффект насыщенности за счёт формирования устойчивых морфемных шаблонов и семантических опор.

Научная новизна работы состоит в интеграции формально-derivационных метрик в модель лексической сложности для РКИ и в фокусе на китайской аудитории как типологически «дальней» от русского. Практическая значимость заключается в предложении шкалы прогнозирования сложности и в наборе конструкторских правил для заданий: поэтапное введение аффиксов, визуализация морфемной структуры, целенаправленное формирование словообразовательных семейств и автоматизированный контроль «морфемной дозы» текста [4].

Статья организована следующим образом. Сначала уточняются понятия и описывается схема аннотирования. Затем представляются корпус данных, переменные и статистические процедуры. Далее обсуждаются результаты моделирования с иллюстрациями из реальных заданий. В заключение формулируются педагогические импликации для проектирования упражнений и контур применения метрик в адаптивных системах обучения РКИ.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужил корпус заданий уровней A2-B2 по РКИ, ориентированных на китайскоязычных учащихся; по каждому заданию собирались ответы обучающихся (правильность) и, при наличии, время реакции. Единицей анализа являлось целевое слово, для которого вычислялись: словообразовательная прозрачность (шкала 0-2), морфемная насыщенность (число морфем на токен с учётом приставок, суффиксов и флексий), derivационная глубина, размер словообразовательного гнезда, частотность и длина. Аннотирование derivационных параметров выполняли два независимых эксперта по унифицированной инструкции; расхождения согласовывались в процедуре adjudication, межаннотаторское согласие оценивалось коэффициентом к Коэна. Для моделирования использовались обобщённые линейные смешанные модели: логистическая регрессия для вероятности правильного ответа и линейная смешанная модель для времени реакции; фиксированными эффектами выступали прозрачность, насыщенность, глубина, частотность и длина, случайными – респондент и лексема / задание. Перед оцениванием все количественные предикторы центрировались и стандартизировались; проверялись коллинеарность, нелинейности (через сплайны) и взаимодействия Прозрачность×Насыщенность и Насыщенность×Глубина; устойчивость результатов контролировалась k-fold-валидацией. Дополнительно проводился качественный анализ ошибок (кластеризация по типам аффиксальных моделей и алломорфии), а схема аннотирования и примеры разметки приведены в Приложении вместе с минимально воспроизводимым набором данных и спецификацией кода [5].

Результаты и обсуждения

В этом разделе мы представляем результаты моделирования и их интерпретацию, а также обсуждаем механизмы влияния словообразовательной прозрачности и морфемной насыщенности на успешность выполнения заданий по РКИ китайскоязычными учащимися. Анализ велся на двух зависимых переменных: вероятность правильного ответа и время реакции; для обоих показателей рассматривались фиксированные эффекты прозрачности, морфемной насыщенности, derivационной глубины, частотности и длины при случайных перехватах для респондента и лексемы / задания. Дополнительно мы провели качественную разметку ошибок с последующей кластеризацией по типам аффиксальных моделей и алломорфии.

Во-первых, выявлен устойчивый главный эффект словообразовательной прозрачности. При прочих равных высокий уровень прозрачности (интерпретируемость значения производного слова из значения основы и аффиксов) сопровождается ростом вероятности правильного ответа и сокращением латентности. Этот эффект проявляется и на абстрактной лексике, где «семантическая дистанция» между основой и производным обычно велика. Например, пары «строить → строительство» и «обсуждать → обсуждение» демонстрируют более высокую решаемость, чем «опасный → безопасность» или «справедливый → справедливость», несмотря на сходные формальные шаблоны суффиксации (-ение / -ость): в первых случаях мотивирующая основа («строить», «обсуждать») опирается на частотные и конкретные глаголы, тогда как во-вторых семантический переход к абстрактному качеству требует дополнительной интерпретации. Качественный анализ показал типичную ошибку: подмена целевого абстрактного значения «справедливость» конкретным атрибутом «справедливый», что указывает на недостаточную «считываемость» номинализаций на -ость без явного контекста [6].

Во-вторых, морфемная насыщенность оказывает негативное влияние на обе метрики успешности, однако эффект носит нелинейный характер. При увеличении количества морфем с двух до трёх снижение успешности невелико, но порог в четыре и более морфем (например, «без-работ-и-ц-а», «пере-стро-й-к-а», «пред-у-пред-и-ть») приводит к резкому росту ошибок и времени обработки. Частично это связано с увеличением «точек принятия решения» при парсинге: учащимся необходимо одновременно сегментировать приставку(и), основу, суффикс(ы) и флексию, а также согласовать их с синтаксическим окружением. В заданиях на соотнесение слова с определением учащиеся чаще выбирали дефиниции, отражающие только основу («работа» вместо «безработица», «строить» вместо «перестройка»), что фиксирует «усечение» морфемной структуры при интерпретации [7].

В-третьих, значимым оказался эффект взаимодействия прозрачности и насыщенности. Высокая насыщенность сама по себе не критична, если слово принадлежит к хорошо представленному семейству и сохраняет прозрачную мотивацию. Так, композиты с опорными компонентами типа «водо-провод», «газо-провод», «электро-проводка» легче, чем схожие по длине и морфемной плотности абстрактные номинализации на -ость. Напротив, сочетание низкой прозрачности и высокой насыщенности («без-опас-н-ость», «со-против-л-ен-и-е») задаёт наибольшую трудность. Временные ряды по попыткам одного и того же учащегося показывают, что после нескольких встреч с одним семейством («провод-») латентность снижается, а верность ответов растёт – то есть «семейные» шаблоны формируют предсказуемые пути морфемного анализа [8].

В-четвёртых, деривационная глубина (расстояние от немотивированной базы) усиливает негативный вклад насыщенности. Слова, удалённые на два и более шага от базы (например, «пере-рас-чёт» от «считать» через «расчёт»; «об-нов-лен-и-е» от «новый» через «обновить»), демонстрируют больший объём ошибок даже при умеренной длине. Это наблюдение согласуется с гипотезой о «ступенчатой обработке»: чем больше промежуточных звеньев необходимо восстановить, тем выше когнитивная нагрузка на рабочую память и морфемную декомпозицию.

В-пятых, префиксальная полисемия выступает отдельным источником ошибок. Приставки «за-», «по-», «пере-» активируют набор частных значений (ингрессивность, дистрибутивность, ограниченность, избыточность и т.п.), которые в разных лексемах реализуются неодинаково. В нашем корпусе типичной оказалась ошибка в заданиях на выбор верного контекстного продолжения: «за-писать» интерпретировалось как «завершить действие писать», а не «сделать запись»; «по-смотреть» – как «немного посмотреть» (ингрессивно-делимитативное «по-»), что приводило к неверному выбору продолжения, где требовалась семантика результата. В противоположность этому, приставки с более «геометрической» семантикой («вы-» как выход / удаление: «вынести», «вывести») давали меньше расхождений, особенно если поддерживались визуальным контекстом.

Отдельного внимания заслуживает роль алломорфии и морфонологических чередований. Там, где морфемная граница совпадает с чередованием (лаг/лож: «предлагать → предложение»; вод/вед: «проводить → проведение»; ним/ня/нйт: «снимать → съёмка»), доля ошибок заметно возрастает. В анализе ошибок учащиеся либо не распознавали родство производных, либо переоценивали роль поверхностного сходства: «предложение» соотносилось с «ложить» (в сербско-русской интерференции такого глагола нет в норме русского), «съёмка» – с «ёмкий». Примечательно, что даже при высокой прозрачности «по смыслу» морфонологические искажения затрудняют восстановление мотивирующего гнезда, а, следовательно, снижают эффект «семейной поддержки» [9].

Временные показатели подтверждают выводы по точности: латентность ответа растёт по мере снижения прозрачности и увеличения насыщенности, причём эффект нелинейный. Частотность, как и ожидалось, частично компенсирует сложность, но не устраняет её полностью: высокочастотные, но непрозрачные номинализации («деятельность», «возможность») обрабатывались заметно медленнее, чем реже встречающиеся, но прозрачно мотивированные композиты («водоём», «лесополоса»). Этот результат важен методически: одной лишь частотности недостаточно для ранжирования лексики по уровню.

Чтобы проиллюстрировать процесс анализа, приведём фрагмент процедурной логики на примере задания с множественным выбором. Целевой стимул: «Переработка пластика – важное направление городской экологии». Варианты интерпретации: (А) «повторная обработка», (В) «чрезмерная обработка», (С) «незавершённая обработка», (D) «запрещённая обработка». Морфемный профиль «пере-работ-к-а» (приставка с семантикой повторности / перенаправления, основа «работ», суффикс номинализации) предполагает верный ответ (А). В группе с предварительным тренингом «семейства» пере- (переехать, перейти, перерасход), точность выше и латентность ниже. В группе без тренинга фиксировалась систематическая ошибка в пользу (В), что свидетельствует о доминировании значения «чрезмерности» у приставки «пере-», часто встреча-

ющегося в бытовой речи («пересолить», «переплатить»), – то есть о взаимодействии частотного паттерна и контекстной дезамбигуации.

Другой пример – задание на соотнесение определения и термина: «Процесс придания объекту нового вида или состояния» ↔ «обновление». Здесь «об-нов-лен-и-е» демонстрирует среднюю насыщенность и умеренную прозрачность, однако в ответах нередко встречалась подмена на «обработка» (об-работ-к-а) из-за поверхностной схожести морфемной структуры и абстрактной семантики. В качественном разборе учащиеся объясняли выбор тем, что «об-...-к-а» «значит процесс»; то есть морфемный шаблон (об-...-к-а) активизируется как эвристика, иногда «перекрывая» семантическую точность. Этот феномен подчёркивает двухслойную природу морфемной грамотности: учащиеся усваивают шаблоны, но ещё не закрепляют точные деривационные соответствия в пределах гнезда [10].

Сопоставление моделей показало, что добавление деривационных предикторов (прозрачность, насыщенность, глубина) существенно улучшает объяснительную силу по сравнению с базовой моделью, включающей только частотность, длину и часть речи. Диагностика остатков не выявила выраженной гетероскедастичности; влияние длины слов оказалось слабее, чем у морфемной насыщенности, что согласуется с предположением о «структурной», а не «поверхностной» природе трудности. Проверка нелинейностей сплайнами подтвердила «пороговый» характер насыщенности и S-образную зависимость для прозрачности (резкий выигрыш между уровнями 0 и 1 и более плавное улучшение от 1 к 2).

В разделе качественного анализа мы выделили три главных кластера ошибок. Кластер 1 – «номинализационный»: неверная интерпретация абстрактных суффиксов (-ость, -ение, -ация), подмена термина при схожем морфемном контуре («сегрегация» вместо «интеграция» в заданиях на терминологию). Кластер 2 – «префиксальная полисемия»: смешение частных значений приставок («закрыть» как ‘сделать закрытым’ vs «закрыться» как серед. изменение состояния; «дописать» vs «подписать»). Кластер 3 – «алломорфия»: ошибки распознавания гнезда при чередованиях (лаг/лож; вод/вед; ним/ня/нят/ём). Для каждого кластера мы подобрали «коррекционные» упражнения: визуализация дерева гнезда, минимальные пары приставочных значений в контрастных контекстах, списки «опасных» алломорфов с опорными примерами.

Практические импликации вытекают непосредственно из результатов. (1) Планирование лексического ввода должно учитывать «морфемную дозу»: не столько ограничивать длину, сколько регулировать насыщенность и глубину, избегая сочетаний «низкая прозрачность × высокая насыщенность» на ранних этапах. (2) Эффективно заранее формировать «семейства» вокруг частотных основ («провод-», «строй-», «чит-», «вод-») и постепенно расширять их приставочно-суффиксальными моделями; это снижает затраты на парсинг и повышает перенос навыков. (3) Обучение приставкам следует строить на контрастивных сценариях значений с опорами в визуальном и событийном контексте (ингрессивность vs результативность vs ограниченность), а не в виде «списков значений». (4) Для алломорфии полезны «мостики» между формами: демонстрация сериала форм в одном гнезде («предлагать → предложение → предложить → предполагаемый») с явной подсветкой чередования [10].

Наконец, результаты подсвечивают пределы частотного подхода к градуированию лексики. Частотность остаётся полезным, но недостаточным предиктором: её вклад системно уступает деривационным параметрам, особенно в китайской выборке, типологически далёкой от флективного русскоязычного морфологического профиля. Это означает, что автоматические системы оценки сложности учебных материалов должны включать формально-деривационные метрики: оценку прозрачности (например, через словарные сети и семантические расстояния) и насыщенности (через морфемный парсер с учётом алломорфии), а также учитывать размер доступного учащемуся гнезда (по данным курса).

Подводя итог, наши модели и качественный разбор согласованно показывают: (а) прозрачность – ключ к снижению когнитивной нагрузки; (б) насыщенность – «скрытый» источник сложности, проявляющийся порогово; (в) «семейная поддержка» внутри словообразовательных гнёзд смягчает трудность; (г) префиксальная полисемия и алломорфия – критические зоны риска. В совокупности это задаёт ясную траекторию для методического проектирования: от опорных гнёзд и визуализированной морфемики – к контролируемому усложнению аффиксации и системной работе с приставочными значениями и чередованиями. Именно такой маршрут позволяет превратить «морфемный профиль» слова из препятствия в ресурс, повышая предсказуемость и управляемость лексической сложности в заданиях по РКИ для китайскоязычных студентов.

Выводы

В заключение подчеркнём ключевые выводы исследования. Во-первых, словообразовательная прозрачность выступает ведущим предиктором успешности: повышение интерпретируемости производного слова системно увеличивает вероятность правильного ответа и сокращает время реакции. Во-вторых, морфемная насыщенность имеет пороговый негативный эффект: при четырёх и более морфемах резко возрастает ко-

гнитивная нагрузка, особенно в сочетании с низкой прозрачностью и значительной деривационной глубиной. В-третьих, «семейная поддержка» – наличие в курсе опорных словообразовательных гнёзд – смягчает трудности, в то время как префиксальная полисемия и алломорфия (включая морфонологические чередования) формируют устойчивые зоны риска.

Теоретический вклад работы заключается в интеграции формально-деривационных метрик (прозрачность, насыщенность, глубина, размер гнезда) в модель лексической сложности для РКИ и в эмпирическом подтверждении их самостоятельного вклада по отношению к частотности, длине и части речи. Методологически предложена воспроизводимая схема аннотирования прозрачности (шкала 0-2) и расчёта морфемной насыщенности, пригодная для корпусной разметки и автоматизации.

Педагогические импликации конкретны: (1) градуировать лексический материал не по длине, а по «морфемной дозе», избегая на ранних этапах комбинации «низкая прозрачность × высокая насыщенность»; (2) вводить лексику сериями на базе частотных гнёзд («провод-», «строй-», «чит-», «вод-») с постепенным расширением аффиксальных моделей; (3) обучать приставкам через контрастивные сценарии значений, а не списки; (4) работать с алломорфией как с отдельным навыком распознавания родства форм. Практическим правилом может служить «3×3»: не более трёх новых аффиксов за урок и не давать слова с насыщенностью >3 без явной семейной опоры и контекста.

Для цифровых платформ результаты задают спецификацию адаптивных алгоритмов: включение признаков прозрачности и насыщенности в модели предсказания трудности, учёт размера «доступного» учащемуся гнезда, а также маркеры префиксальной полисемии и алломорфии при формировании траекторий упражнений. Это позволяет точнее дозировать лексическую нагрузку и повышать валидность оценочных заданий.

Ограничения исследования связаны с уровневым диапазоном (A2-B2), фокусом на китайскоязычной аудитории и зависимостью части метрик от экспертной разметки. В дальнейшем целесообразны: расширение на уровни B2-C1 и другие L1-группы, верификация результатов психолингвистическими методами (eye-tracking, прайминг), а также разработка и тестирование автоматического морфемного парсера с учётом алломорфии.

В целом продемонстрировано, что «морфемный профиль» слова – управляемый параметр сложности. Его учёт в проектировании учебных материалов и адаптивных систем обеспечивает более предсказуемую траекторию освоения лексики и повышает эффективность обучения РКИ китайскоязычных студентов.

Список источников

1. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Словообразовательные гнезда. А-П. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 856 с.
2. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: Р-Я: в 2 т., 2-е изд., стер. М.: Русский язык, 1990. Т. 2. 887 с.
3. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие., 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2011. 328 с.
4. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика: проблемы и принципы описания. М.: Наука, 1977. 315 с.
5. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования. Русское производное имя. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996. 218 с.
6. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1087 с.
7. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие, 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2017. 509 с.
8. Капитонова Т.И., Московкин Л.В., Щукин А.Н. Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному: метод. пособие. М.: Русский язык. Курсы, 2018. 312 с.
9. Милославский И.Г. Принципы описания словообразования в грамматике русского языка для иностранцев // Русский язык за рубежом. 1985. № 6 (98). С. 55 – 59.
10. Демидова Е.Б. Словообразовательная мотивированность как средство семантизации на занятиях по русскому языку как иностранному // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. № 2. 12 с.

References

1. Tikhonov A.N. Word-Formation Dictionary of the Russian Language: in 2 vol. Word-Formation Nests. A-P. Moscow: Russkiy Yazyk, 1985. Vol. 1. 856 p.
2. Tikhonov A.N. Word-Formation Dictionary of the Russian Language: R-Ya: in 2 vol., 2nd ed., reprinted. Moscow: Russkiy Yazyk, 1990. Vol. 2. 887 p.
3. Zenskaya E.A. Modern Russian Language. Word Formation: a textbook, 3rd ed., corrected and enlarged. Moscow: Flinta; Nauka, 2011. 328 p.
4. Lopatin V.V. Russian Word-Formation Morphemics: Problems and Principles of Description. Moscow: Nauka, 1977. 315 p.
5. Rezanova Z.I. The Functional Aspect of Word Formation. Russian Derivative Name. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 1996. 218 p.
6. Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (based on the National Corpus of the Russian Language). Moscow: Azbukovnik, 2009. 1087 p.
7. Shchukin A.N. Methods of Teaching Russian as a Foreign Language: Textbook, 4th ed., reprinted. Moscow: FLINTA, 2017. 509 p.
8. Kapitonova T.I., Moskovkin L.V., Shchukin A.N. Methods and Technologies of Teaching Russian as a Foreign Language: Methodological Manual. Moscow: Russian Language. Courses, 2018. 312 p.
9. Miloslavsky I.G. Principles of describing word formation in the grammar of the Russian language for foreigners. Russian language abroad. 1985. No. 6 (98). P. 55 – 59.
10. Demidova E.B. Word-formation motivation as a means of semantization in Russian as a foreign language classes. The World of Science. Pedagogy and Psychology. 2021. Vol. 9. No. 2. 12 p.

Информация об авторах

Бай Жу, Санкт-Петербургский государственный университет, bairueyu@outlook.com

© Бай Жу, 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.411.21

¹ Гаджимурадова Т.Э., ¹ Муртазалиева Б.М.

¹ Дагестанский государственный университет

Дневниковый нарратив повести Тауфика аль-Хакима «Записки провинциального следователя»

Аннотация: в статье рассматриваются особенности композиции повести египетского писателя Тауфика аль-Хакима «Записки провинциального следователя». Арабская критика относит писателя к эпохе «национального Возрождения», представители которой ощутили необходимость поиска новых форм, отличающихся в то же время национальным содержанием. В повести «Записки провинциального следователя» завязкой является сообщение об убийстве, к расследованию которого приступает следователь, описывающий в дневнике в хронологической последовательности розыск преступника. Расследование одного преступления становится поводом, чтобы рассказать о крестьянах и их трудной жизни, или поговорить о коллегах автора дневника – судьях, чиновниках, следователях и др. Особое внимание в статье уделяется дневнику в историко-культурном контексте повести. Отмечаются хронологичность, датированность, диалогичность, оценочность и др. свойства дневникового нарратива. Интересными представляются наблюдения над построением событийного ряда повести, ретроспективной, портретными описаниями и др. В структуре повести задействованы элементы параллельного построения (взаимоотношения следователя со своим помощником, следователя и прокурора, следователя и начальника уезда, и др.). Дневник является летописью правдивых и одновременно трагических картин жизни египетского общества, подавляющего личность и породившего множество человеческих трагедий. Оценка происходящего в общественной жизни отличается беспристрастностью и объективностью повествования.

Ключевые слова: арабская литература, египетский писатель, повесть, дневниковый нарратив, историко-культурный контекст, проблематика

Для цитирования: Гаджимурадова Т.Э., Муртазалиева Б.М. Дневниковый нарратив повести Тауфика аль-Хакима «Записки провинциального следователя» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 77 – 82.

Поступила в редакцию: 02 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Gadzhimuradova T.E., ¹ Murtazalieva B.M.

¹ Dagestan State University

The diary narrative in Tawfiq al-Hakim's novella "Diary of a Country Prosecutor"

Abstract: the article analyzes the composition of the novella by the Egyptian writer Tawfiq al-Hakim "Diary of a Country Prosecutor". Arab critics associate al-Hakim with the era of "National Renaissance," whose representatives felt the need to seek new forms distinguished by national content. In the novella, the plot begins with the announcement of a murder that the investigator, the narrator of the diary, undertakes to solve in chronological order. The investigation of one crime becomes a pretext to portray peasants and their harsh lives or to discuss the author's colleagues – judges, officials, investigators, etc. The article focuses on the diary within the historical and cultural context of the novella. The chronologicity, datability, dialogicity, and evaluative features of the diary nar-

rative are highlighted. The article also observes the structure of the events, retrospection, and portrait descriptions. The composition uses parallel structures (the investigator's relationships with his assistant, prosecutor, and district head, among others). The diary becomes a chronicle of truthful yet tragic depictions of Egyptian society, which suppresses individuality and generates numerous human tragedies. The assessment of public life events is marked by impartiality and objectivity.

Keywords: Arabic literature, Egyptian writer, novella, diary narrative, historical and cultural context, issues

For citation: Gadzhimuradova T.E., Murtazalieva B.M. The diary narrative in Tawfiq al-Hakim's novella "Diary of a Country Prosecutor". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 77 – 82.

The article was submitted: October 02, 2025; Approved after reviewing: October 16, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

20-30-е годы XX века для Египта были годами бурного развития литературы реалистического направления, которое шло вместе с ростом национально-освободительного движения. К египетским реалистам относится Тауфик аль-Хаким. Его путь в литературе «полон творческих исканий, убедительных побед и горьких поражений, писатель отдал дань идеалистическим и символистическим тенденциям, однако это не помешало ему создать целый ряд исключительных по своей силе реалистических произведений» [9, с. 6], среди которых особое место занимает повесть «Записки провинциального следователя». В описаниях дневника оживает время, эпоха. Этим определяется его большой содержательный потенциал [2, с. 30]. Можем предположить, что некоторые вехи жизненного пути писателя нашли отражение в дневниковой форме. В молодости он достаточно долгое время работал следователем в провинции. Автобиографизм является свойством нередким в творчестве Тауфика аль-Хакима. В таких произведениях писателя, как «Птичка с Востока», «Записи провинциального следователя», «Тюрьма жизни» и «Цвет жизни» отражаются разные этапы его жизни [1, с. 67].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования является повесть египетского писателя Тауфика аль-Хакима «Записки провинциального следователя». В статье рассматриваются особенности художественного воплощения дневникового нарратива в историко-культурном контексте повести Тауфика аль-Хакима «Записки провинциального следователя». Предложенный подход к исследованию относится к малоизученным.

Методы исследования – культурно-исторический, аналитический.

Результаты и обсуждения

Обсуждение касается дневникового нарратива повести Тауфика аль-Хакима «Записки провинциального следователя». В основу повествования положены дневниковые записи провинциального следователя. Первая запись в дневнике относится к 11 октября. Все заметки датированы вплоть до 21 октября. Таким образом дневниковым записям всего 10 дней, но читателя не отпускает ощущение, что события длятся во времени гораздо дольше. Причина в богатом событийном ряде повести – много происшествий, преступлений, «дел» на рассмотрении, размышлений самого героя, авторских отступлений и др.

По классификации М.Ю. Михеева, рассматривающего разные типы дневниковых записей, к «Запискам провинциального следователя» более всего подходит определение «записные книжки», как первичный текст, который пишется для себя [6, с. 163]. В «литературном тексте», создаваемом преднамеренно как дневник [7, с. 121], получают выражение личные ощущения, воспоминания, оценки, касающиеся в том числе деятельности, психологии определённого класса [5, с. 36] – следователей, прокуроров, задействованных в рассмотрении «дела» об убийстве Камара, а также простых крестьян – свидетелей этого и других «дел» следователя.

Структура повести отличается «кадровой разбивкой», элементы которой событийно скрепляются линией автора дневника и повествованием о расследовании убийства Камара. В свою очередь дневник содержит намёк на документальность и фактологичность материала. Событийный ряд отличается насыщенностью. А вот временная дистанция сужается до десяти дней.

Повесть начинается с эпиграфа – слов автора дневника, объясняющего причины его написания: «Почему я веду дневник? Может быть, потому, что я счастлив? Нет! Счастливую жизнь не описывают в дневниках, ею наслаждаются!» [8, с. 13]. Не рассчитывая, что кто-нибудь когда-нибудь увидит эти заметки, он всё же чувствует потребность поделиться своими мыслями, чувствами. Страницы дневника для него – «глоток свежего воздуха, единственная возможность в тяжёлый час дать волю своим чувствам...» [8, с. 13].

Ж.Х. Салханова обращает внимание на характерные признаки повествовательной структуры дневника, среди которых хронологичность, датированность, афористичность, диалогичность, оценочность [4, с. 370]. Отметим, что эти же признаки отличают «Записки...». Здесь точная датировка, хронологическая последовательность (нет перерывов в повествовании / регулярность заполнения дневника). Описываемый день имеет отношение к текущим событиям, т.е. хронотоп отличается актуальностью. Хотя в повествование регулярно внедряются описания, эпизоды, случаи из прошлого, ретроспектива.

Дневник – «диалог с самим собой» – дает автору возможность фиксировать подневно происходящее вокруг и в то же время делиться собственными наблюдениями, воспоминаниями, внутренними переживаниями и чувствами. «Информативная интенция автора дневника» выражается в записях, фиксирующих происходящее вокруг [4, с. 372].

В повести практически нет портретных описаний. Описания внешности краткие и лаконичные. Автор дневника обычно передает эмоциональное состояние, реакцию, испытываемую в отношении того или иного персонажа. Показательно, как он характеризует участницу следственного разбирательства – Рим, которая, по его определению, подобна зарослям бамбука или тростника. Кажется, что автор намекает на свойственный бамбуку постоянный рост, крепкое здоровье. Он же символ изящества, гибкости. Эти свойства действительно отличают прекрасную Рим. Тростник и бамбук символизируют стойкость и способность выживать в самых сложных обстоятельствах. Дальнейшее повествование подтвердит эту способность героини быть сильной и стойкой. А затем такое наблюдение: «Тонкий луч света проникает в заросли, только когда тростник колышется. Да и тогда этот световой зайчик прыгает и скользит, как маленькая неуловимая серебряная монета» [8, с. 28]. Душа – и заросли, и световой зайчик, и маленькая серебряная монетка. И свет, и тьма в душе Рим. Как видим, как такового описания внешности героини нет, но используемые автором сравнения позволяют представить этот образ ярким и запоминающимся.

В структуре повести используются элементы параллельного построения, поддерживающие содержательно-структурное диалогическое единство произведения. Параллельная конструкция задействована во взаимоотношениях следователя со своим помощником (диалог молодости со зрелостью, опытом, знаниями), следователя и прокурора, следователя и мамура (начальника уезда) и др. Документальные свидетельства не исчерпываются сухим изложением фактов. Каждое событие получает эмоциональную оценку и развернутое комментирование.

В дневнике описываются реальные случаи из следовательской практики. Значительное место занимают размышления. Разбросаны оценочные высказывания автора, в том числе в отношении самого себя.

Оценка происходящего в общественной жизни отличается беспристрастностью, объективностью и честностью. Следователи, прокуроры, другие представители власти совершенно равнодушны к судьбам тех, разбирательством дел которых они занимаются. Они не только лишены способности сочувствовать, но часто не желают утруждать себя, выслушивая жалобы просителей. Как правило, их интересует лишь собственное благополучие.

Сила художественного обобщения рисует настроение безысходности, которое должно будоражить общественное мнение, направляя его на искоренение общественных недугов.

Сложное чувство вызывает и герой произведения, автор дневника. Да, он видит проявления зла, агрессии, несправедливости. И в то же время что он хочет, к чему стремится – вопросы, которые, увы, так и остаются без ответа. Благодушие, отсутствие желания бороться, примиренческая позиция в отношении происходящего создают сложные, противоречивые чувства в его оценке. Человек хоть изредка должен рассердиться, выступить против, вступить в борьбу.

Автор дневника уже имеет за своими плечами трудом, постоянной работой приобретенный опыт познания. Он уже выработал в себе четкое жизненное кредо и определился в своём видении мира. Но и он испытывает смущение, робость, когда жизненные обстоятельства, трагические «изгибы» в жизни людей начинают колебать уже устоявшиеся представления человека и позиции следователя.

Раздражение к концу дневникового повествования нарастает. Досада, неудовлетворённость и уныние [8] ждут его у рабочего стола, заваленного «делами».

Дневник как своеобразная хроника эпохи определил содержание правдивых и одновременно трагических картин жизни египетского общества, подавляющего личность и породившего множество человеческих трагедий. «Вопросы национального бытия народа решаются не только на магистралях истории, часто и тропинки её становятся ареной схваток не на жизнь, а на смерть...» (Каба Имедашвили). Так и в повести Тауфика аль-Хакима жизнь египетского общества изображается на «тропинках» истории. Но это ни в коей мере не умаляет заслуг автора в создании пусть и не самых масштабных событий. «Как в капле воды отра-

жается окружающий мир, так и в мелком эпизоде из судебной практики отражаются равнодушная тупость судопроизводства, несправедливые законы, всё сложное, громоздкое здание ... правосудия» [9, с. 6].

Происходящее в маленьком провинциальном городке и районе фактически отражает картину всеобщего, действительно тяжёлую и безысходную жизнь простого народа. За трагедией одного человека – бедствие национального и общечеловеческого масштаба.

Показательно, что структура дневника, привязанного к датам, хронологии событий, в то же время позволяет избежать «линейного» повествования, связанного с расследованием убийства Камара.

Помимо главного «дела» – расследования убийства Камара – каждое новое «дело» содержит фиксацию интеллектуально-душевных ситуаций (состояний). «Полнота видения» создаётся широким глубинным показом жизни провинциального городка и окружающих его деревень, демонстрируя победу над случайностью. В этом плане весьма показателен эпизод о женщине, рожавшей в хлеву. Исход родоразрешения ожидаем. Повитуха не смогла помочь. Долгие роды, антисанитария, отсутствие профессиональной помощи привели к трагической и неминуемой развязке – гибели матери и ребёнка. Следовательно и приехавшему по вызову врачу остаётся одно – констатировать смерть. Факт смерти уже не является случайностью.

В повести показана рутинная, ежедневная работа следователя, отношение к которой выражается во фразе: «И чай в суде и работа в суде, всё – одна горечь» [8, с. 54].

Весьма многозначная деталь: «Протокол для начальства – всё. Для начальства этот документ свидетельствует об искусстве и исполнительности следователя. А задержание преступника – дело второстепенное, этим никто особенно не интересуется» [8, с. 21]. «Кого допросить, чтобы протокол разбух хотя бы до двадцати страниц?» [8, с. 25]. Значимость «дела» определялась его весом. Следователь заверил: «Если пожелает Аллах, в дальнейшем мы будем придерживаться требуемого веса» [8, с. 25]. Поэтому так часто «дела» остаются не раскрытыми. Главное – правильно (искусно) оформить протокол. Писатель не один раз «намечает» на характер (качество) проводимых расследований.

«Дело Камара» к концу расследования (повествования) так и остаётся не раскрытым. Впрочем, как и другие дела, прошедшие через руки умного, вдумчивого, внимательного следователя, которому обстоятельства, окружение, требования не позволили их завершить должным образом.

Дневник следователя содержит своеобразную хронику эпохи, рисует правдивые и одновременно трагические картины смутного времени, когда была подавлена человеческая личность.

Характеризует ситуацию с обездоленными эпизод, связанный с кражей кукурузного початка. Старик не отказывается от предъявленного ему обвинения. «А кто сказал, что я не хочу сознаваться? Я и вправду пришел на поле голодный и сорвал себе початок» [8, с. 55]. «У такого бедняка, как я, один день есть работа, а десять – ничего, кроме голодного брюха» [8, с. 56]. Назначенное наказание – «подвергнуть обвиняемого предварительному заключению на четыре дня» – старик воспринимает с благодарностью: «Ну что же, в тюрьме не так уж плохо... По крайней мере там будет верный кусок хлеба. Мир Вам!» [8, с. 56].

«Деревня – это государство в миниатюре». Нельзя не согласиться с этим утверждением автора «Записок...». И в этом смысле очень показателен эпизод в деревне, являющийся отражением кризисной ситуации и перехода власти в государстве. Не лишены иронии наблюдения автора дневника. «В деревне телефон является символом власти, могущества и близости к правительству, а перенос его из одного дома в другой означает падение старой власти» [8, с. 85]. Из дома, потерявшего власть старосты выносят телефон под вопли и плач всей семьи как по покойнику. Дом, в который заносят телефон, радуется и отмечает это событие как свадьбу.

В период политического кризиса, раскола «больше всего было протоколов о бродяжничестве» [8, с. 95]. «Нежелательные лица» благодаря административным мерам перестают быть участниками политического противостояния вплоть до урегулирования ситуации раскола в правительстве страны. Даже представитель знати мог оказаться задержанным, если его позиция противоречила политике ведущей партии. Сначала «нежелательное лицо» изолировали на четыре дня, потом по приказу управления время заточения могли продлить на больший срок.

Создавая «коллективный портрет» крестьянства, писатель сумел показать глубину пропасти между простым человеком и теми, кто вершит судьбы народа. «Единственная неизменная ценность в глазах писателя – народ, простые феллахи» [9, с. 9]. Писатель отмечает в характерах крестьян такие черты, как простодушие, честность, терпение. В то же время он не скрывает своей горечи, сталкиваясь с проявлениями невежества, тупой покорности или бессмысленной вражды [10, с. 8].

Показательно отношение к народу через используемые в тексте зооморфизмы. Обвиняемые, правонарушители «покорно смотрели на судью, выносившего приговоры» [8, с. 32]. «Ну прямо стадо перед своим пастухом!» [8, с. 32]; «... староста поставил корявую, словно след куриной лапы, подпись под своими пока-

заниями» [8, с. 24]; «... входную дверь, словно мухи, облепили крестьяне» [8, с. 30]; «... вот он, молодой осёл (о молодом феллахе), что пасётся в клевере!» [8, с. 47]; бедные крестьяне, лежащие в больнице «смотрели на нас, на главного врача, как обезьяны в зоологическом саду смотрят на сторожей, сопровождающих знатных посетителей» [8, с. 50]; скопище лачуг в деревнях – «стадо домов, а в чреве каждого дома копошались несчастные феллахи, словно клубок червей...» [8, с. 52]; «... перед нами предстал пожилой крестьянин, на его груди росли седые, как у старой гиены, волосы» [8, с. 55]; «... арестованный, привязанный к своей охране цепочкой, как собака» [8, с. 74]; «... другие повскакали с разостланной циновки, словно обезьяны» [8, с. 80]; «... повивальная бабка принимает ребёнка у женщины, словно это буйволица...» [8, с. 87] и др. Судьи называют обвиняемых, бедных феллахов «животными»: «Ты, животное, обязан знать закон!» [8, с. 74]; «Убирайся отсюда, некультурное животное» [8, с. 99] и др.

В романе «Возвращение духа» Тауфик аль-Хаким видит в феллахх «мудрых сердцем» детей природы, носителей вечных национальных духовных ценностей. Крестьянство в повести «Записки провинциального следователя» представляется писателю «тёмной, пассивной, загадочной массой людей, живущих по своим неписаным законам. Единство нации, воспетое писателем в "Возвращении духа", оказывается фикцией, феллахи и чиновничество разделены непреодолимой пропастью взаимного непонимания. Поэтому столь нелепы штрафы, налагаемые судьями на жителей деревни за "стирку белья в оросительном канале", "за убой скота в непопущенном месте" и т.д., поэтому одно за другим сдаются в архив нераскрытые дела об убийствах и других серьёзных преступлениях» [3, с. 336]. Нельзя не согласиться с мнением В.Н. Кирпиченко и В.В. Сафронова о том, как «с горьким юмором он (Тауфик аль-Хаким. – Т.Г., Б.М.) констатирует бессмысленность египетской, скопированной с французской, системы судопроизводства и нелепость законов, регулирующих правовое положение феллаха, совершенно не учитывающих условий его жизни и не понятных самому феллаху» [3, с. 336].

Нет в повести гимна Родине, её возрождению к новой жизни благодаря воле, мужеству и энергии народа. Он ещё не осознал себя как решающую силу в общественном развитии. Писатель словно перелистывает не просто страницы «дела», а трагическую летопись судьбы народа – бесправного и униженного. И лишь немногие его представители имеют собственное мнение и смелость сопротивляться обстоятельствам.

Выводы

Таким образом, внутренний мир личности автора дневника раскрывается через записи, содержащие факты из жизни следователя, его размышления, воспоминания и др. Описываются события и отношение к ним, даётся оценка разговорам и поступкам людей, с которыми следователь сталкивался во время расследования преступления. Десять дней в дневниковых записях, разомкнутые в пространстве рассуждениями о народе, отличаются объективностью, беспристрастностью в оценке себя и происходящего вокруг. Дневник «структурирован» расследованием убийства, другими «делами» автора-следователя. В то же время здесь и текущие события, и воспоминания, и глубокие размышления о характере происходящих в общественной жизни перемен.

Список источников

1. Бадран Ахмад. Роман Тауфика аль-Хакима «Возвращение духа» в оценке египетской литературной критики второй половины XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика. 1933. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-taufika-al-hakima-vozvrashchenie-duha-1933-i-otsenke-egipetskoj-litera> (дата обращения: 24.07.2025).
2. Вьолле К., Гречаная Е.П. Дневник в России в конце XVIII – первой половине XIX в. как автобиографическое пространство // Известия АН. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 3. С. 30.
3. Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX веков: в 2 т. Литература второй половины XX в. М.: Восточная литература, 2003. Т. 2. 270 с.
4. Салханова Ж.Х., Унебекова А.С. Дневник как литературный жанр // Неофилология. 2020. Т. 6. № 22. С. 368 – 376.
5. Солганик Г.Я. Стилистика текста. М.: Флинта, 2006. С. 36.
6. Михеев М.Ю. Александр Гладков. Дневник. 1975 год. М.: Нева, 2001. № 5. С. 163.
7. Рейнгольд А.С. Жанровые особенности литературного дневника и дневник как нелитературный текст // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-literaturnogo-dnevnika-i-dnevnik-kak-neliteraturnyy-tekst-1> (дата обращения: 23.08.2025).
8. Тауфик аль-Хаким. Записки провинциального следователя: Повесть / пер. с араб. А. Городецкой, Н. Усманова. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. 135 с.

9. Усманов Н. Предисловие // Тауфик аль-Хаким. Записки провинциального следователя: Повесть / пер. с араб. А. Городецкой, Н. Усманова. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. С. 3 – 10.

10. Юнусов К.О. Драматург-философ в жанре новеллы: Предисловие // Тауфик аль-Хаким. Лотерея. Рассказы и драматические сценки / пер. с араб., сост. и вступ. К.О. Юнусова. М.: Гл. редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1983. С. 3 – 10.

References

1. Badran Ahmad. Tawfiq al-Hakim's novel "The Return of the Spirit" in the assessment of Egyptian literary criticism of the second half of the 20th century. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary studies, journalism. 1933. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-taufika-al-hakima-vozvraschenie-duha-1933-i-otsenke-egipetskoj-litera> (date of access: 24.07.2025).
2. Violle K., Grechanaya E.P. Diary in Russia in the late 18th – first half of the 19th century as an autobiographical space. Izvestia of the Academy of Sciences. Series of Literature and Language. 2002. Vol. 61. No. 3. 30 p.
3. Kirpichenko V.N., Safronov V.V. History of Egyptian Literature of the 19th-20th Centuries: in 2 vol. Literature of the Second Half of the 20th Century. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. Vol. 2. 270 p.
4. Salkhanova Zh.Kh., Unebekova A.S. Diary as a Literary Genre. Neofilologiya. 2020. Vol. 6. No. 22. P. 368 – 376.
5. Solganik G.Ya. Text Stylistics. Moscow: Flinta, 2006. 36 p.
6. Mikheev M.Yu. Alexander Gladkov. Diary. 1975. Moscow: Neva, 2001, No. 5, p. 163.
7. Reingold A.S. "Genre Features of the Literary Diary and the Diary as a Non-Literary Text." Vestnik RSUH. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovyie-osobennosti-literaturnogo-dnevnik-i-dnevnik-kak-neliteraturnyy-tekst-1> (date of access: 24.08.2025).
8. Tawfiq al-Hakim. Notes of a Provincial Investigator: A Novel. Translated from Arabic by A. Gorodetskaya, N. Usmanova. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1959. 135 p.
9. Usmanov N. Preface. Tawfiq al-Hakim. Notes of a Provincial Investigator: A Novel. Translated from Arabic by A. Gorodetskaya, N. Usmanova. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1959. P. 3 – 10.
10. Yunusov K.O. A Playwright-Philosopher in the Novella Genre: Preface. Tawfiq al-Hakim. The Lottery. Stories and Dramatic Scenes. Translated from Arabic, compiled and introduced by K.O. Yunusova. Moscow: Chief Editor of Eastern Literature, Nauka Publishing House, 1983. P. 3 – 10.

Информация об авторах

Гаджимурадова Т.Э., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, taiba1970@mail.ru

Муртазалиева Б.М., Дагестанский государственный университет, murtazalieva.bariya@mail.ru

© Гаджимурадова Т.Э., Муртазалиева Б.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'28

¹ Глебова Я.А.

¹ Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Конголезские заимствования во французском языке Кот-д'Ивуара

Аннотация: в статье рассматриваются лексические заимствования из автохтонных языков Республики Конго и Демократической Республики Конго, функционирующие в территориальном варианте французского языка в Кот-д'Ивуаре. Целью исследования является выявление конголезских заимствований и их классификация по тематическим группам. Особое внимание уделяется культурологическому аспекту инокультурного заимствования, анализу механизмов адаптации инокультурных элементов и их роли в репрезентации феноменов конголезской материальной культуры в ивуарийском обществе. Материалом исследования служат художественные произведения ивуарийских авторов, а также публицистические тексты популярных ивуарийских газет и новостных сайтов. Методология исследования представлена комплексным подходом, включающим методы сплошной выборки, контекстуального и лингвокультурологического анализа. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что лексические заимствования конголезского происхождения относятся к культурным заимствованиям и используются для наименования явлений культуры, связанных с традиционной кухней и искусством. В результате исследования было выявлено, что конголезские заимствования служат ярким маркером межкультурного взаимодействия в рамках франкоязычного пространства Африки и являются важным источником обогащения ивуарийского варианта французского языка.

Ключевые слова: французский язык, ивуарийский вариант французского языка, территориальный вариант, лексические заимствования, лингвокультурология, Демократической Республики Конго

Для цитирования: Глебова Я.А. Конголезские заимствования во французском языке Кот-д'Ивуара // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 83 – 87.

Поступила в редакцию: 02 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Glebova Ya.A.

¹ Belgorod State National Research University

Congolese loanwords in Ivorian French

Abstract: the article examines lexical borrowings from the autochthonous languages of the Republic of the Congo and the Democratic Republic of the Congo present in the Ivorian variety of French. The study aims to identify these Congolese borrowings and classify them into thematic groups. Particular attention is paid to the cultural aspects of cross-cultural borrowing, analyzing the adaptation mechanisms of these foreign elements and their role in representing phenomena of Congolese material culture within Ivorian society. The research material is based on works of fiction by Ivorian authors, as well as journalistic texts from popular Ivorian newspapers and news websites. The methodology is based on a comprehensive approach, including continuous sampling, contextual analysis, and linguocultural analysis. The study concludes that lexical borrowings of Congolese origin represent cultural borrowings, primarily used to denote cultural phenomena related to traditional cuisine and art. The findings indicate that these borrowings serve as a distinct marker of intercultural interaction within

the Francophone space of Africa and constitute a significant source of enrichment for the Ivorian variety of French.

Keywords: French, Ivorian French, territorial variety, lexical borrowings, linguocultural studies, Democratic Republic of the Congo

For citation: Glebova Ya.A. Congolese loanwords in Ivorian French. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 83 – 87.

The article was submitted: October 02, 2025; Approved after reviewing: October 16, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Изучение территориальных вариантов французского языка, в частности ивуарийского варианта французского языка, представляет значительный интерес для современной лингвистики [1, 4, 5]. Территориальные варианты европейских языков на территории стран Африки развиваются в условиях интенсивных контактов с автохтонными языками и культурами, что порождает грамматические, лексические и фонетические особенности.

Ивуарийский вариант французского языка является одним из примера переосмысления языка-источника, который адаптируется к уникальным местным условиям [3]. Его анализ вносит вклад в теорию языковой вариативности и контактной лингвистики.

Займствование является сложным и многоаспектным явлением. Словарь Larousse дает следующее определение: «действие, посредством которого язык включает в себя элемент из другого языка; элемент (слово, оборот), включенный таким образом» [8]. Займствование является следствием контактов и обмена между языками. Особенность лингвистических заимствований заключается в том, что они составляют отдельную группу среди неологических механизмов, поскольку происходят из языковой системы, внешней по отношению к языку, в котором они происходят. Экономические, политические и культурные отношения между странами приводят к тому, что некоторые элементы одного языка попадают в другой. Иммиграция является одним из факторов, провоцирующей увеличение количества языковых контактов, и лексических заимствований.

Займствования из конголезских языков, принадлежащих к группе бантоидных языков и представлены такими языками как лингала, киконго, мунукутуба и др. Большинство заимствований из автохтонных языков Демократической Республики Конго и Республики Конго связано с предметным миром и явлениями, свойственными этим странам. Заимствований концептуально-логического характера из языков группы банту в речи ивуарийцев значительно меньше.

Анализ конголезских заимствований позволяет выявить специфические черты, отличающие французский язык Кот-д'Ивуара не только от стандартного французского языка, но и от других территориальных вариантов, что способствует более глубокому пониманию процессов дифференциации французского языка в мире.

Материалы и методы исследований

Метод сплошной выборки используется при анализе и отборе практического материала. Материалом исследования служат художественные произведения ивуарийских авторов, а также публицистические тексты популярных ивуарийских газет и новостных сайтов. В исследовании использовались общенаучные и специализированные методы. Основным методом выбран сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий выявить специфику семантической и структурной адаптации конголезских заимствований в системе ивуарийского варианта французского языка.

Результаты и обсуждения

Постколониальный период в странах Африки характеризуется активной иммиграцией. Кот-д'Ивуар имеет долгую историю как страна иммиграции. После обретения независимости «в 1960 году и вплоть до середины 1980-х – начала 1990-х годов, когда страну поразил экономический кризис, иммиграция поощрялась национальными властями и поэтому оставалась высокой» [2, с. 40]. Экономический фактор оказывал большое влияние на стремление африканцев иммигрировать в Кот-д'Ивуар и улучшить каким образом свое материальное положение.

Увеличение контактов между Демократической Республикой Конго (ДРК), Республикой Конго и Кот-д'Ивуаром, а также активная иммиграция привели к росту количества заимствований из автохтонных языков ДРК и Республики Конго в ивуарийском варианте французского языка. Бесспорно, языковой контакт, представляет собой феномен, проводящий к культурному обмену и культурным и лексическим заимствованиям.

Своим образом жизни, обычаями, традициями, религией, культурными нормами конголезцы оказывали некоторое влияние на ивуарийское общество. Для конголезских иммигрантов характерно стремление сохранить свою культурную самобытность. Это стремление отражается в современном ивуарийском варианте французского языка и во многом связано с иноязычной лексикой, появившейся в результате конголезской иммиграции в Кот-д'Ивуар.

Наш анализ показывает, что количество заимствований из конголезских языков немногочисленно. Можно предположить, что эта тенденция обусловлена сложностью этнокультурной ситуации и многоязычностью самого Кот-д'Ивуар, который можно «охарактеризовать как страну с сильной языковой неоднородностью» [3, с. 65]. В настоящее время, количество заимствований несколько увеличилось и возможно, причиной этого является развитие экономических, культурных связей между двумя странами.

Рассмотрение заимствований из автохтонных конголезских языков позволяет подразделить их на ряд лексико-семантических групп, которые отражают специфические элементы материальной и духовной культуры народов Республики Конго и Демократической Республики Конго:

1. наименования продуктов питания, блюд и напитков;
2. наименования музыкальных стилей;
3. наименования танцев.

Рассмотрим наиболее продуктивную группу конголезских заимствований, используемых для наименования продуктов питания, блюд и напитков. Заметим, что продукты питания, о которых пойдет речь ниже, продаются на рынках Кот-д'Ивуара. Приведем некоторые примеры.

Например, лексема *mikatés* обозначает пончики и традиционно употребляется во множественном числе:

Mon enfant, si tu ne lui achètes pas les mikatés le matin, il pleure. – Дитя мое, если ты не покупаешь ему пончики утром, он плачет.

Некоторые заимствования из автохтонных языков могут использоваться как синонимичные, например, *pondu* (из языка лингала) и *sakasaka* (из языка киконго) обозначают кулинарное блюдо, приготовленное из порезанных листьев маниоки. Как известно, наиболее существенное влияние «на процесс становления и развития гастрономического кода для африканской лингвокультуры оказывает маниока» [1, с. 708].

Demain j'irais au marché pour acheter du pondu. – Завтра я пойду на рынок, чтобы купить блюдо из порезанных листьев маниоки.

C'est le Sakasaka, à base de feuilles de manioc, d'huile de palme et de poudre de crevettes, « C'est comme une thérapie! Quand je ne vais pas bien, mes équipes savent quoi me faire manger », plaisante-t-il [11]. – Это блюдо называется сакасак и готовится из листьев маниоки, пальмового масла и креветочного порошка. «Это как терапия! Когда я плохо себя чувствую, моя команда знает, чем меня накормить», шутит он.

Распространенное существительное *boganda* (варианты написания *bouganda*, *bounganda*) (из языка лингала) в Кот-д'Ивуар используется для наименования традиционного конголезского алкоголя, произведенного кустарным способом путем дистилляции и ферментации (брожения) маиса (кукурузы); «кукурузный виски»:

Nous avons des amis à qui les médecins ont défendu de préparer le boganda, mais ils sont obligés de continuer. Selon eux, mieux vaut mourir que laisser ce travail, assure encore Lionel [10]. – У нас есть друзья, которым врачи запретили готовить боганду, но они вынуждены продолжать. По их словам, лучше умереть, чем оставить эту работу», говорит Лайонел.

Конголезская лексема *koko* (из языка мунукутуба) обозначает полудревесную лиану, обычно встречающуюся в экваториальных лесах, но редко в лесных саваннах. Ее мелко нарезанные листья едят как шпинат или используют в качестве приправы к мясу или копченой рыбе.

Les autres femmes et les enfants mangeaient à l'écart, à même le sol, l'éternel plat de feuilles de «koko» et de viande fumée [9, с. 47]. – На полу остальные женщины и дети ели традиционное блюдо из листьев лианы и копченого мяса.

Лексема *safoû* используется для обозначения кислого плода размером с картофель, весом 15-20 граммов. Сначала розового цвета, по мере созревания становится темно-синим. Употребляется размягченным, после погружения в горячую воду или жарки, часто подается с маниокой.

Les safoûs qui viennent du Congo Kkinshasa se vendent au marché. – Сафу которые привозят из Конго Киншаса продаются на рынке.

Лексема *pili-pili* «красный перец» используется для наименования острого красного перца, а также относится к любому соусу, приготовленному из этого перца. Это заимствование широко распространено в Кот-д'Ивуаре:

Mettez vos Pili Pili equetés et lavés dans une casserole et recouvrez-les avec le jus de vos 10 citrons. – Вымытые и очищенные от плодоножек красные перцы положите в кастрюлю и залейте соком 10 лимонов.

Лексические заимствования конголезского происхождения обозначают также музыкальные понятия, распространенные по всей Африке и особенно в Кот-д'Ивуаре, центре африканской музыки.

Например, *n'domolo* (графический вариант *ndombolo*) «ндомоло» обозначает жанр танцевальной музыки, популярный среди ивуарийцев:

Ndombolo is a popular dance music genre in the African diaspora, and is often heard in clubs and dance halls around the world. – Ндомболо – популярный жанр танцевальной музыки в африканской диаспоре, его часто можно услышать в клубах и танцевальных залах по всему миру.

Существительное *n'domolo* также используется для наименования конголезского танца, ставшего популярным в ДРК, а затем и в других африканских странах в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Новый танец сочетает элементы румбы и конголезского танца сукуса.

Il a dansé aussi pendant une dizaine de minutes le n'domolo, sur un air de Koffi Olomidé, son artiste préféré. – Он также танцевал ндомоло около десяти минут под мелодию Коффи Оломиде, своего любимого исполнителя.

Лексема *kwassa-kwassa* (с киконго «я работаю») «кваса-кваса» обозначает танец, созданный в Демократической Республике Конго в 1980-х годах. Танец быстро набрал популярность и распространился в других странах Африки. Характерные движения танцора (бедрa двигаются вперед-назад и руки следуют за бедрами) быстро стали узнаваемы в Африке.

Cette nouvelle récompense inclut de nombreux styles, des Afrobeats à l'Afro-fusion en passant par les Kwassa-Kwassa et Ndombolo originaires de la République démocratique du Congo. – Новая премия охватывает широкий спектр стилей, от афробит и афрофьюжен до квасса-квасса и ндомболо из Демократической Республики Конго.

Еще один конголезский танцевальный стиль *batchégué* «батчеге» широко распространен в Кот-д'Ивуаре:

Alors que le «batchégué» est statique, le «dombolo» lui se danse en mouvement avait-il expliqué sous les acclamations de ses admirateurs [7]. – В то время как батчеге статичен, домболо танцует в движении, объяснил он под одобрительные возгласы своих поклонников.

Некоторые лексические заимствования из конголезских языков не входят в рассматриваемые группы, однако их количество незначительно. Например, заимствование *atalaku* (лингала) в Кот-д'Ивуаре означает «восхвалять или превозносить чьи-либо достоинства»:

«Côte d'Ivoire, pays pré-émergent» selon Jean Claude Brou, les économistes «atalaku» politique [6]. – «Кот-д'Ивуар, страна на пороге расцвета», по словам Жана Клода Бру, экономисты восхваляют политику.

Выводы

Таким образом, несмотря на отсутствие общей границы между Кот-д'Ивуаром, Республикой Конго и Демократической Республикой Конго, в ивуарийском варианте французского языка присутствуют заимствования из конголезских языков. Наиболее распространенные лексемы могут использоваться для наименования блюд, напитков и продуктов питания, а также для наименования жанров музыки и танцевальных стилей. Наиболее продуктивной является группа заимствований, обозначающих конголезские блюда и продукты питания. Наименее продуктивная группа лексических заимствований используется для наименования музыкальных стилей. Использование конголезских заимствований в ивуарийском варианте французского языка обусловлено культурными и языковыми контактами представителей двух стран.

Список источников

1. Волошина Т.Г., Глебова Я.А. Гастрономический код как отражение лингвокультурной картины мира (на примере африканской лингвокультуры) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41. № 4. С. 707 – 714.
2. Глебова Я.А. Демографическая ситуация в Кот-д'Ивуаре // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IX Международной научно-практической конференции. Нижневартонск, 10 ноября 2021 года. Нижневартонск: Нижневартонский государственный университет, 2021. С. 39 – 44.
3. Глебова Я.А. Общая характеристика местных африканских языков Кот-д'Ивуара // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10. № 1. С. 61 – 68.
4. Коч К.И., Багана Ж., Жевлакова П.Г. Особенности словообразования в тунисском варианте французского языка // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43. № 4. С. 534 – 543.
5. Куксова Е.Л., Волошина Т.Г., Блажевич Ю.С. Английский и французский языки в многоязычной Африке: языковая политика и образование // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2020. Т. 30. № 2. С. 238 – 243.

6. Coulibaly É. Émergence 2020 – «Côte D’ivoire, pays pré-émergent» selon Jean Claude Brou, les économistes ««atalaku» politique». 2018. URL: <https://www.7info.ci/emergence-2020-cote-divoire-pays-pre-emergent-selon-jean-claude-brou-les-economistes-atalaku-politique/> (дата обращения: 06.06.2025).
7. Emmanuel D. Le master class du ministre Hamed Bakayoko faisant la distinction entre le «Batchégué» et le «Dombolo». 2021. URL: <https://www.abidjanshow.com/le-master-class-du-ministre-hamed-bakayoko-faisant-la-distinction-entre-le-batchegue-et-le-dombolo-video/> (дата обращения: 04.06.2025).
8. Le dictionnaire Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/> (дата обращения: 21.03.2024).
9. Niamolo F. Nouvelles de la ville et de la forêt. L'Harmattan, 2000. 162 p.
10. Nzikou-Massala M. Congo Brazzaville: Les ravages du whisky local // Mayilanews. 2010. URL: <https://mayilanews.wordpress.com/2010/10/02/congo-brazzavilleles-ravages-du-whisky-local/> (дата обращения: 21.03.2024).
11. Roussel J. Rencontre avec Dieuveil Malonga, le chef congolais installé à Kigali // Jeune Afrique. 2022. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1383562/culture/rdc-rwanda-rencontre-avec-dieuveil-malonga-le-chef-congolais-installe-a-kigali/> (дата обращения: 21.03.2024).

References

1. Voloshina T.G., Glebova Ya.A. Gastronomic code as a reflection of the linguacultural picture of the world (on the example of African linguaculture). Issues of journalism, pedagogy, linguistics. 2022. Vol. 41. No. 4. P. 707 – 714.
2. Glebova Ya.A. Demographic situation in Côte d'Ivoire. Culture, science, education: problems and prospects: materials of the IX International scientific and practical conference. Nizhnevartovsk, November 10, 2021. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University, 2021. P. 39 – 44.
3. Glebova Ya.A. General characteristics of local African languages of Côte d'Ivoire. Bulletin of the South-West State University. Series: Linguistics and Pedagogy. 2020. Vol. 10. No. 1. P. 61 – 68.
4. Koch K.I., Bagana Zh., Zhevlakova P.G. Features of word formation in the Tunisian version of the French language. Questions of journalism, pedagogy, linguistics. 2024. Vol. 43. No. 4. P. 534 – 543.
5. Kuksova E.L., Voloshina T.G., Blazhevich Yu.S. English and French languages in multilingual Africa: language policy and education. Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology. 2020. Vol. 30. No. 2. P. 238 – 243.
6. Coulibaly E. Émergence 2020 – “Côte D’ivoire, pays pré-émergent” selon Jean Claude Brou, les économistes “«atalaku» politique”. 2018. URL: <https://www.7info.ci/emergence-2020-cote-divoire-pays-pre-emergent-selon-jean-claude-brou-les-economistes-atalaku-politique/> (date of accessed: 06.06.2025).
7. Emmanuel D. Le master class du ministre Hamed Bakayoko faisant la distinction entre le “Batchégué” et le “Dombolo”. 2021. URL: <https://www.abidjanshow.com/le-master-class-du-ministre-hamed-bakayoko-faisant-la-distinction-entre-le-batchegue-et-le-dombolo-video/> (date of accessed: 04.06.2025).
8. Le dictionnaire Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/> (date of accessed: 21.03.2024).
9. Niamolo F. Nouvelles de la ville et de la forêt. L'Harmattan, 2000. 162 p.
10. Nzikou-Massala M. Congo Brazzaville: Les ravages du whiskey local. Mayilanews. 2010. URL: <https://mayilanews.wordpress.com/2010/10/02/congo-brazzavilleles-ravages-du-whisky-local/> (date of access: 21.03.2024).
11. Roussel J. Rencontre avec Dieuveil Malonga, le chef congolais installé à Kigali. Jeune Afrique. 2022. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1383562/culture/rdc-rwanda-rencontre-avec-dieuveil-malonga-le-chef-congolais-installe-a-kigali/> (date of access: 21.03.2024).

Информация об авторах

Глебова Я.А., кандидат филологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, glebova_ya@bsuedu.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1

¹ Гусейнова М.Б., ¹ Маллаева С.Д.

¹ Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова

Словообразовательный и семантический анализ окказионализмов русского языка с префиксом без-

Аннотация: в работе рассматриваются вопросы, касающиеся новых слов русского языка, которые образовались посредством префикса без-. Основой для образования таких слов служит сочетание существительного. Такие прилагательные не имеют соотносительных образований без этого аффикса. Эти прилагательные имеют отношение к какой-либо отрасли науки, техники, производства, и все они имеют значение отсутствия какого-либо предмета. Семантика некоторых слов, в частности тех, о которых идет речь, подготавливалась и соотносительными по значению словами, и словосочетаниями. Исследуемый префикс является древним и активно функционирующим в устной речи, художественной и публицистической речи.

Наблюдения над прилагательными с префиксом без- приводят к заключению о том, что данный префикс на современном этапе развития языка специализировала свои словообразовательные ресурсы. Значительное количество их относится к профессионально-терминологической лексике. Из всех значений префикса без-доминирующим оказывается значение «отсутствия, лишительности», менее активно значение противоположности.

Ключевые слова: русский язык, окказионализмы, префиксы, словообразовательный анализ, семантический анализ, аффиксы, существительные, прилагательные, лексика, словообразовательные модели

Для цитирования: Гусейнова М.Б., Маллаева С.Д. Словообразовательный и семантический анализ окказионализмов русского языка с префиксом без- // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 88 – 91.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Guseynova M.B., ¹ Mallaeva S.D.

¹ Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov

Word-formation and semantic analysis of the occasional Russian language with the prefix without-

Abstract: the paper discusses issues related to new words of the Russian language, which were formed using the prefix without-. The basis for the formation of such words is a noun combination. Such adjectives do not have correlative formations without this affix. These adjectives are related to any branch of science, technology, or production, and they all have the meaning of the absence of any subject. The semantics of some words, in particular those in question, were prepared by words and phrases that were correlative in meaning. The prefix under study is ancient and actively functioning in oral speech, artistic and journalistic speech. Observations on adjectives with the prefix without- lead to the conclusion that this prefix has specialized its word-formation resources at the present stage of language development. A significant number of them relate to professional terminology. Of all the meanings of the prefix, the meaning of "absence, deprivation" turns out to be dominant, the value of the opposite is less active.

Keywords: *the Russian language, occasionalisms, prefixes, word-formation analysis, semantic analysis, affixes, nouns, adjectives, vocabulary, word-formation models*

For citation: Guseynova M.B., Mallaeva S.D. Word-formation and semantic analysis of the occasional Russian language with the prefix without-. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 88 – 91.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Актуальность работы. Речевая коммуникация на современном этапе развития русского языка зачастую зависит от событий, происходящих в общественной жизни. Чаще всего это оставляет отпечаток в деривационной системе. Целый ряд словообразовательных элементов отражают эмоции и чувства говорящего. Такой префикс, как без- служит образованию окказионализмов в современном русском языке. Словообразовательный и семантический анализ окказионализмов является весьма актуальной темой, поскольку употребление в речи новых слов с данными словообразовательными аффиксами, способствует познанию языка через стилистические функции таких слов.

Основная цель – словообразовательный и семантический анализ окказионализмов русского языка с префиксом без-.

Задачи: провести словообразовательный и семантический анализ новых слов русского языка с префиксом без-; дать характеристику его функционирования в современной речевой коммуникации.

Материалы и методы исследований

В работе привлекались такие методы, как метод изучения слова в контексте, статистический и метод лингвистического анализа.

Источниками отбора материала явились словари русского языка [5, 8]. Из данных словарей выписаны имена прилагательные, образованные различными способами и вычлняющие в своем составе префикс без-.

Результаты и обсуждения

В последние годы лексика русского языка интенсивно пополняется за счет различного рода окказионализмов. Исследованием вопросов, касающихся данной темы, занимались многие исследователи, среди которых Е.А. Земская [3, 4], В.В. Лопатин [6], Р.Ю. Намитокова [7], Н.А. Янко-Триницкая [10].

На современном этапе «расширился диапазон способов их образования» [1]. Ряд окказиональных слов возник при помощи контаминации [2].

Ряд словообразовательных морфем на определенном этапе развития русского языка становятся более продуктивными. В определенных сферах лексики ряд морфем начинает активизироваться. К таким слоям лексики относятся терминологический, узкоспециальный слой, активно пополняющиеся новыми словами.

Характерным признаком данной лексики является то, что она переходит в ранг общеупотребительного словаря. Значимая часть слов терминологического плана включается в общие словари, и употребляется в различных родах литературы. При создании окказионализмов современники активно используют имена собственные [9].

Рассматриваемый нами отрицательный префикс считается наиболее древним и употребительным. Он функционирует во многих словах и предложениях публицистического, художественного и разговорного стиля.

Проведенные нами подсчеты показали, что в количественном отношении прилагательных с префиксом без- большое количество. Его словообразовательная активность и продуктивность в сфере образования прилагательного высокая.

Прилагательные с этим префиксом образуются различными способами: префиксальными, префиксально-суффиксальными. Наибольшее количество прилагательных с отрицательным префиксом без- по данным словарей образуется префиксально-суффиксальным способом: безвирусный, безоперационный, безадресный, безгорбый.

Фразовые примеры:

Безоперационная подтяжка лица дает мгновенные результаты с минимальными последствиями.

Многие безадресные серверы будут молча отбрасывать входящие электронные письма.

Безвирусные сорта картофеля превышают урожайность на сотни процентов.

Исходной основой для образования таких слов служит сочетание существительного. Приведенные прилагательные не имеют соотносительных образований без этого аффикса.

Все эти прилагательные имеют отношение к какой-либо отрасли науки, техники, производства, и все они имеют значение отсутствия какого-либо предмета, названного мотивирующим существительным, причем, это отсутствие предполагает нечто прогрессивное в этой отрасли. Приведем примеры: безотходные технологии, безалкогольный напиток, безапелляционная истина, безналичная оплата, безналичный перевод.

Фразовые примеры:

Уровень развития безотходных технологий неуклонно растет в течение последних лет.

В прошлом году ВОЗ одобрила ряд рекомендаций по реализации некоторых продуктов питания.

Похоже, он планировал ограбление банка около шести месяцев, судя по куче безналичных переводов.

Со временем они наладили безотходные технологии и завод постепенно стал восстанавливаться и наращивать обороты.

Сейчас во всех торговых заведениях действует безналичная оплата, так что переживать из-за отсутствия наличных денег не стоит.

Префикс без- здесь служит для обозначения «положительного» значения отсутствия чего-либо. Но параллельно с этим, адъективы с компонентом без-, существуют в русском языке. Они указывают на показатель отсутствия как недостаток недостатка.

В глоссариях зафиксированы редкие образования с без-, которые включаются в общеупотребительную лексику. Они обычно выступают для описания негативной оценки: безулыбчивый, беззубый, безэмоциональный.

Фразовые примеры:

Он находился в таком безэмоциональном, почти в обморочном состоянии довольно большой отрезок времени.

Старик радостно замахал руками, его беззубый рот растянулся в улыбке.

Непосредственно сами специальные понятия с рассматриваемым префиксом без-, выражают семантику отсутствия. Они как бы обуславливают создание таких слов. В них передаются значения, которые касаются достижений в сфере науки, техники и производства. Очевидно появление аппаратов, приборов, инструментов, машин, ныне обходящихся без деталей, частей, компонентов, без которых в прежние годы они не функционировали.

Выводы

Резюмируя словообразовательный и семантический анализ окказионализмов русского языка с префиксом без-, можно сделать следующее заключение.

Преимущественная часть слов, образованных посредством рассматриваемого префикса это терминологические понятия, которые имеют значение отсутствия какого-либо предмета, названного мотивирующим существительным, причем, это отсутствие предполагает нечто прогрессивное в той или иной отрасли.

Список источников

1. Годизова З.И., Яньнин Ши. Окказионализмы в современном русском языке рубежа веков: семантико-словообразовательный аспект // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29. № 2. С. 192 – 200.
2. Зайцева Е.А. О некоторых способах образования окказиональных слов (на материале современных СМИ) // Самарский научный вестник. 2014. № 1 (6). С. 50 – 53.
3. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства. Русский язык конца XX столетия. М.: Языки русской культуры, 2000. 473 с.
4. Земская Е.А. Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1972. С. 19 – 28.
5. Козинец С.Б. Словарь окказионализмов русского языка. М.: Флинта, 2023. 224 с.
6. Лопатин В.В. Рождение слова: неологизмы и окказиональные словообразования. М.: Наука, 1973. 152 с.
7. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1986. 156 с.
8. Баш Л.М., Боброва А.В. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология: 3-е изд. М.: Цитадель-трейд, 2002. 900 с.
9. Юдина А.Д. Окказионализмы, мотивированные именами собственными // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2020. № 195. С. 126 – 134.
10. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М.: Индрик, 2001. 504 с.

References

1. Godizova Z.I., Yanning Shi. Occasionalisms in the Modern Russian Language at the Turn of the Century: The Semantic and Word-Formation Aspect. Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 192 – 200.
2. Zaitseva E.A. On Some Methods of Forming Occasional Words (Based on Modern Mass Media). Samara Scientific Bulletin. 2014. No. 1 (6). P. 50 – 53.
3. Zemskaya E.A. Active Processes of Modern Word Formation. Russian Language at the End of the 20th Century. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. 473 p.
4. Zemskaya E.A. Occasional and Potential Words in Russian Word Formation. Actual Problems of Russian Word Formation. Samarkand, 1972. P. 19 – 28.
5. Kozinets S.B. Dictionary of Russian Occasional Words. Moscow: Flinta, 2023. 224 p.
6. Lopatin V.V. The Birth of a Word: Neologisms and Occasional Word-Formation. Moscow: Nauka, 1973. 152 p.
7. Namitokova R.Yu. Author's Neologisms: Word-Formation Aspect. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House, 1986. 156 p.
8. Bash L.M., Bobrova A.V. Modern Dictionary of Foreign Words: Interpretation, Usage, Word-Formation, Etymology: 3rd ed. Moscow: Citadel-Trade, 2002. 900 p.
9. Yudin A.D. Occasionalisms motivated by proper names. Bulletin of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University. 2020. No. 195. P. 126 – 134.
10. Yanko-Trinitzskaya N.A. Word formation in modern Russian. Moscow: Indrik, 2001. 504 p.

Информация об авторах

Гусейнова М.Б., кандидат филологических наук, доцент, кафедра дагестанских языков, Дагестанский государственный педагогический университет им. П. Гамзатова, г. Махачкала, nurselin7@mail.ru

Маллаева С.Д., кандидат филологических наук, доцент, кафедра дагестанских языков, Дагестанский государственный педагогический университет им. П. Гамзатова, г. Махачкала, nurselin7@mail.ru

© Гусейнова М.Б., Маллаева С.Д., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 8.82.821.111

¹ Бобровская Н.А., ² Езерих А.С.,
¹ Манухина И.А., ³ Хребтова Т.С.

¹ Алтайский государственный технический
университет им. И.И. Ползунова
² Алтайский государственный педагогический
университет
³ Алтайский государственный университет

Ризоматичность и интертекстуальность романа Чигози Обиомы «Рыбаки» (на английском языке)

Аннотация: в статье проводится глубокий анализ структуральных особенностей романа Чигози Обиомы «Рыбаки» с акцентом на постмодернистскую архитектуру повествования через концепции ризомы и интертекстуальности. Цель исследования – выявить, как именно автор использует принципы множественности, нелинейности и ацентричности, чтобы конструировать нигерийский постколониальный нарратив; задачи включают: 1) анализ интертекстуальных связей романа с африканской мифологией, библейскими мотивами и античной традицией; 2) исследование ризоматичной организации текста – как развиваются точки повествования и как они взаимодействуют; 3) определение, каким образом элементы структуры романа отражают социально-исторический и культурный контекст Нигерии после независимости, особенно 1990-х годов. Практическое применение результатов исследования возможно в преподавании мировой литературы и сравнительной литературоведении: понимание механизмов ризомы и интертекста может обогатить методы литературного анализа в университетских курсах, помочь переводчикам и литературным критикам точнее интерпретировать культурно сложные тексты, а также внести вклад в африканистику и постколониальные исследования, расширяя представление о том, как локальные истории становятся универсальными.

Ключевые слова: ризома, интертекстуальность, постколониализм, множественность, нигерийский нарратив, культурная идентичность, миф и фольклор, универсальная метафора, многоуровневое повествование

Для цитирования: Бобровская Н.А., Езерих А.С., Манухина И.А., Хребтова Т.С. Ризоматичность и интертекстуальность романа Чигози Обиомы «Рыбаки» (на английском языке) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 92 – 98.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Bobrovskaya N.A., ² Ezerikh A.S.,
¹ Manukhina I.A., ³ Khrebtova T.S.

¹ Altai State Technical University named after I.I. Polzunov
² Altai State Pedagogical University
³ Altai State University

Rhizoma and intertextuality in Chigozie Obioma's the Fishermen (in English)

Abstract: this article provides an in-depth analysis of the structural features of Chigozie Obioma's novel *The Fishermen*, focusing on the postmodern narrative architecture through the concepts of rhizome and intertextuality.

The study aims to identify how the author utilizes the principles of multiplicity, nonlinearity, and acentricity to construct a Nigerian postcolonial narrative. The objectives include: 1) analyzing the novel's intertextual connections with African mythology, biblical motifs, and classical antiquity; 2) exploring the rhizomatic organization of the text – how narrative points develop and interact; 3) determining how the novel's structural elements reflect the socio-historical and cultural context of post-independence Nigeria, particularly the 1990s. The practical application of the research findings is possible in the teaching of world literature and comparative literature: understanding the mechanisms of rhizome and intertext can enrich literary analysis methods in university courses, help translators and literary critics more accurately interpret culturally complex texts, and contribute to African studies and post-colonial studies by expanding the understanding of how local stories become universal.

Keywords: rhizome, intertextuality, postcolonialism, multiplicity, Nigerian narrative, cultural identity, myth and folklore, universal metaphor, multilayered narrative

For citation: Bobrovskaya N.A., Ezerikh A.S., Manukhina I.A., Khrebtova T.S. Rhizoma and intertextuality in Chigozie Obioma's the Fishermen (in English). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 92 – 98.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Дебютный роман Чигози Обиомы «Рыбаки», опубликованный в 2015 году, представляет собой яркий пример постмодернистского переосмысления нигерийской действительности конца XX века. Автор рассказывает историю семьи Агву, чья жизнь рушится после пророчества безумца Абулу. Четверо братьев, оставшиеся без отца, становятся жертвами страха и недоверия, которые постепенно превращают любовь и родство во вражду и гибель. Через судьбы героев писатель воссоздаёт модель нигерийского общества, переживающего травму колониального и постколониального опыта.

Роман написан в традициях постмодернизма, где проявляются такие признаки, как игровое начало, диалогизм, интертекстуальность и ризоматичность. Как отмечает Синельникова, понятие ризомы в современной гуманитарной науке служит метафорой нелинейного мышления, и «в пространстве ризоматической дискурсивной среды происходит умножение граней реальности, возникают нестандартные ассоциативные связи, формируются мультипликативные эффекты, порождающие новые смыслы» [9, с. 805]. В текстах, организованных по законам ризоматичной логики, происходит «наложение» дискурсов, переход из одной семиотической системы в другую. В этом смысле роман Обиомы можно трактовать как пространственно-временную сеть, в которой разные повествовательные линии, голоса и символы образуют единое, но многомерное целое.

В центре сюжета находятся последствия политической и культурной нестабильности, охватившей Нигерию после обретения независимости в 1960 году. Постколониализм в контексте романа отражается через изображение внутренних противоречий, которые стали следствием наследия колониального прошлого. Персонаж Абулу играет роль символа колониального гнёта, который, даже будучи формально завершённым, продолжает оказывать разрушительное воздействие на общество.

Аффект, возникший в результате встречи Абулу с братьями, символизирует социально-политическую ситуацию в Нигерии в 1990-х годах. Этот период был временем перехода от долгого военного правления к демократии, сопровождавшимся экономическими кризисами, этническими конфликтами и отсутствием социального согласия. Абулу олицетворяет образ колонизатора, не только разобщающего, но и угрожающего идентичности местных сообществ. Братья, напротив, выступают как представители нигерийского народа, чья реакция на действия Абулу указывает на сохранение травматической памяти, переданной от колониального времени к современности.

Таким образом, роман не только наследует постмодернистские художественные приёмы, но и предлагает глубокое осмысление постколониального нигерийского опыта. Он позволяет исследовать, как прошлое продолжает влиять на настоящее, превращая историю Нигерии в зеркало, отражающее универсальные вопросы идентичности, власти и культуры.

Материалы и методы исследований

В качестве основного материала исследования выступает роман «Рыбаки» на английском языке. В работе использованы текстологический, интертекстуальный, концептуальный и культурно-исторический методы. Текстологический анализ позволил выявить особенности структуры романа и символических мотивов. Интертекстуальный подход раскрыл многоуровневые связи произведения с мифологическими, библейскими

ми и античными источниками. Концептуальный метод базируется на теоретических положениях Делёза и Гваттари о ризоматической организации текста. Культурно-исторический контекстуальный анализ позволил соотнести художественные образы романа с социокультурными реалиями Нигерии конца XX века.

Результаты и обсуждения

Термин ризома является основным понятием философии постмодернизма, введён французскими философами Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари. Он впервые появился в их трактате «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения», опубликованном в 1972 году, а затем был развёрнут в работе «Тысяча плато» в 1980 году.

Ризома, прежде всего, это ботаническое название корня, корневища с множеством ответвлений. В философии и литературе она является противоположностью организованной структуре, состоящей из субъектов и объектов деятельности. Можно сказать, что это запутанный клубок, у которого отсутствует центр, периферия, начало и конец. Отростки ризомы, или точки, могут произрастать и расти в любом направлении. Когда они встречаются, происходит событие, и только в нём субъект действия субъективируется и становится тем, чем он может стать в событии. Аффект, желание порождает субъекта в момент столкновения точек, и возникает свойственный событию ансамбль, множественность, а множественность – это единство. У читателя на глазах происходит постоянная смена множеств. Он является частью интерактивного динамического процесса, в котором непрерывно что-то создается, зреет и разрушается.

Как отмечает Барма, ризома – это описания способ описания мира, утратившего центр и подчинённого множественным, перекрещивающимся логикам [2]. В этом смысле ризома не просто метафора, а особая модель бытия текста и культуры, где отсутствует доминирующая ось и где каждое явление потенциально связано со всеми другими.

Текст романа «Рыбаки» построен по определённым принципам ризомы, обозначенным и описанным авторами «Капитализма и шизофрении. Тысяча плато».

Роман Чигози Обиомы «Рыбаки» демонстрирует именно такую ризоматическую структуру.

Основной характеристикой ризомы является её нелинейность, отсутствие центра и иерархии, а также свободное разветвление множества взаимосвязанных элементов, которые не подчиняются единой логике или структуре. В контексте романа эта концепция проявляется через ризоматичность формы повествования: различные истории, голоса и символы перекликаются, накладываются друг на друга, сохраняя свою уникальность и избегая строгой последовательности или единой трактовки.

Повествование развивается не по линейной сюжетной схеме, а как сеть взаимосвязанных фрагментов, где судьбы героев, мифологические образы и социально-исторические реалии сосуществуют одновременно и взаимодействуют на множестве уровней. Этот приём позволяет автору передать многослойность нигерийской идентичности, в которой колониальное прошлое, христианская символика и африканская мифология образуют сложный узор взаимовлияний. Как подчёркивает Смоляк, точки ризомы, присоединяясь друг к другу, образуют смысловые единства за счёт случайных и неожиданных конфигураций фрагментов и дискурсивных элементов. Кроме того, фрагменты, элементы и направления «присоединяются к точкам текстов, которые сами по себе уже являются ризомами, а значит смысл их подвижен и открыт новым преобразованиям» [10, с. 20]. Именно это наблюдается в романе Обиомы, где ни один сюжет не завершается окончательно, а каждый эпизод становится источником новых смысловых ветвей.

Такая структура позволяет автору передать сложность и многослойность постколониального нигерийского общества. Здесь современность переплетается с наследием колониального прошлого, традиционные мифы сливаются с политическими и культурными реалиями, а коллективная память соединяется с индивидуальными судьбами героев. Ризоматичная организация текста становится отражением хаотичной, но живой ткани нигерийской идентичности, где сосуществуют и взаимодействуют многочисленные фрагменты различных культурных, социальных и исторических пластов.

Именно через ризому автор раскрывает хаотичную и противоречивую ткань реальности, где фрагменты (судьбы персонажей, описания общественных конфликтов) соединяются и сосуществуют без главенствующего центра. Эта структура становится символом жизнеспособности и сложности нигерийской идентичности, устоявшей перед вызовами колониального и постколониального мира.

Принципы соединения и неоднородности, как отмечают Делёз и Гваттари, предполагают, что «любая точка ризомы может быть присоединена к любой другой её точке» [3, с. 12]. В романе Чигози Обиомы «Рыбаки» эти принципы ярко проявляются в пересечении различных тем, которые через метафоры и аналогии соединяют на первый взгляд далекие явления. Политическая нестабильность в Нигерии конца XX века изображается автором не только как общественно-историческое явление, но и через биологические и природные образы.

Одним из примеров такого соединения является использование персонажа Абулу как метафоры хаоса и разложения, которые параллелятся с разрушительными процессами в политической жизни страны. Его безумие становится символом раскола нигерийского общества, где социальное взаимодействие находится под угрозой из-за коррупции и недостатка согласия. Ещё одним примером является сцена с рыбалкой, где жизнь речной экосистемы через образы рыбы и воды соотносится с уязвимостью человеческой судьбы в условиях нестабильности. Таким образом, биологическая тема тонко вплетается в социально-политический дискурс.

Кроме того, неоднородность проявляется в разнообразии точек зрения, которыми роман структурирован. Например, повествование охватывает как мифологический пласт (проклятие Абулу напоминает африканские мифы и предания), так и сугубо личный опыт братьев, который раскрывает внутренние переживания персонажей. Соединение таких разных пластов отражает ризоматичный подход, при котором каждое событие или персонаж связано с другим, создавая множественность трактовок.

Принцип множественности у Делёза и Гваттари означает, что «не единства, которое служило бы стержнем в объекте или разделялось бы в субъекте» [3, с. 14]. Ризома никогда не редуцируется к единому корню или центру; она существует как сеть фрагментов, которые соединяются множеством способов. У неё нет начала и конца, а каждая часть может быть соединена с любой другой.

Ризома, по Делёзу и Гваттари, предполагает множественность входов и выходов: текст может быть «прочитан» с любой точки, и каждая из них приведёт к новым связям [3, с. 14-15]. В «Рыбаках» это проявляется в структуре повествования: рассказ ведётся от имени младшего брата Бенджамина, но его голос не единственный, в нём отзвуками звучат голоса родителей, соседей, старших братьев, народных преданий. Повествование становится множественным, и ни один из его центров не является окончательным.

Благодаря множественности связей структура ризомы устойчива и не зависит от единого центра. Она может быть разрушена в каком-либо месте, но восстанавливается, следуя другим линиям развития [3, с. 16]. В романе «Рыбаки» судьба братьев трагически ломается из-за пророчества безумца Абулу. Казалось бы, гибель одного из них должна стать финалом истории, однако повествование продолжается: один брат оказывается в тюрьме, другой ищет возмездия, третий покидает родной дом. Семейная история не завершается разрушением, а, напротив, порождает новые смыслы. Разрыв становится точкой роста. Когда ушёл из жизни один из братьев, жизнь всей семьи должна была рухнуть. Но этого не произошло, она лишь изменилась, а вместе с ней изменились и все члены семьи.

Благодаря множественности связей, структура ризомы устойчива и не зависит от единого центра. Она может быть «разбита, разрушена в каком-либо месте, но она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другими линиями» [3, с. 16]. По Делёзу и Гваттари это принцип означающего разрыва. В романе «Рыбаки» Судьба братьев трагически ломается из-за пророчества Абулу. Казалось бы, гибель одного сына должна стать «концом» повествования. Но текст не прекращается, каждый брат «вырастает» в собственную сторону: один оказывается в тюрьме, другой ищет возмездия, третий оказывается в изгнании. Семейная история тоже не исчезает после разрушения её целостности. Разрыв становится точкой роста новых смыслов. Таким образом, разрушение целого не ведёт к пустоте, а напротив, производит новые ветви сюжета и интерпретаций.

Согласно Делёзу и Гваттари, ризома устроена как карта, а не калька [3, с. 20]. Карта открыта, подвижна, допускает модификации и вариации. Эта метафора точно отражает структуру романа Обоимы, где история семьи Агву превращается в своеобразную карту нигерийской памяти. Здесь обозначены военные режимы, этнические конфликты, мифологические верования и религиозные представления. Каждая линия повествования ведёт к общей реке – пространству памяти и судьбы, где сходятся все траектории.

Карта в этом случае не является топографической схемой, а представляет собой процессуальную модель, в которой каждая новая интерпретация создаёт собственный маршрут. Ризоматический текст всегда открыт к диалогу с другими культурными кодами, в нём пересекаются миф, история и личное переживание. Именно эта многослойность характерна для романа Обоимы: здесь мифологическое пророчество сосуществует с реалиями нигерийской политики, семейная драма – с религиозными символами, а личная вина – с коллективной исторической травмой.

Декалькомания, по Делёзу и Гваттари, это способность ризомы образовывать подобию, повторяющиеся узоры, рифмы и аллюзии. Но эти повторения никогда не идентичны: они подобны отпечаткам, которые варьируются при каждом новом наложении. В романе «Рыбаки» повторяются мотивы воды, рыбы, реки, они звучат в начале, середине и конце повествования, но каждый раз с разным смыслом (река как игра, река как угроза, река как символ судьбы). Братские конфликты отсылают одновременно к нигерийской политике, к библейским сюжетам (Каин и Авель), к мифам о проклятии. Каждый повтор не дублирует предыдущий, а варьирует его. Личная трагедия становится повторением общественной травмы, а общественная травма от-

зывается в частной судьбе. Таким образом, роман строится на ритмике повторений и вариаций, что и соответствует принципу декалькомании.

Ризоматическая структура «Рыбаков» позволяет объединить несводимые элементы в единую ткань повествования. Миф и реальность, прошлое и настоящее, личное и коллективное образуют полифоническое пространство, в котором каждый мотив может стать новым центром порождения смысла. Так, текст Обоим воплощает сам принцип ризомы – открытую, самовозобновляющуюся систему, где разрушение порождает рост, а разрыв превращается в начало новых линий повествования.

Интертекстуальность в романе Обоим проявляется на нескольких уровнях: мифологическом, библейском, фольклорном и универсально-культурном. По наблюдению Линниченко, интертекстуальность в современном искусстве – это не игра цитатами, а «когнитивная практика, а не художественный прием, своеобразный инструмент постижения художественного мира, который одинаково доступен как автору, так и читателю» [4, с. 105]. Обоима именно так выстраивает структуру романа, превращая частную историю семьи в мифологему общечеловеческого масштаба.

Прежде всего, интертекстуальность выражена в обращении к африканской мифологической традиции. В образе Абулу проступают черты трикстера, фигуры, которая в мифологии выступает носителем хаоса и разрушения, но одновременно запускает процесс обновления. Его пророчество – это не просто слова безумца, а магический акт, запускающий цепь событий. «Пророчество глубоко повлияло на него (Икенну) и, обратившись безумием, со всей силой и яростью, как разгневанный зверь, принялось крушить всё вокруг...» [6, с. 124]. Этот эпизод перекликается с мотивами античной трагедии, где слово пророка становится неотвратимой судьбой. Подобный мотив связывает текст Обоим с универсальными архетипами трагического, позволяя увидеть в судьбе нигерийской семьи отражение судьбы любого сообщества, оказавшегося перед лицом катастрофы.

Подобная интертекстуальная связь позволяет рассматривать роман в русле универсальной трагической традиции, соединяющей античный фатализм и африканскую шаманскую поэтику. Неограниченная свобода самовыражения в постмодерне, по мнению С.И. Линниченко, освобождает литературное произведение от создания универсальных эстетических ценностей и норм [4, с. 106]. Интертекстуальность при этом обретает новые смыслы, возникновение которых обусловлено особым авторским видением и рождает новые смысловые пласты. Именно это наблюдается у Обоим: его текст соединяет мифологическое и реалистическое, сакральное и бытовое. Посредством таких множественных связей повышается эстетическая ценность текста [8].

Особое значение имеет библейская интертекстуальность. Братья Агву уподобляются Каину и Авелю, их история превращается в притчу о зависти и братской вражде. «This fight was different. It was as though their hands were controlled by a force that possessed every bit of their beings, even down to the smallest plasma of their blood» [1, с. 138]. Этот мотив подчеркивает универсальность конфликта, выходящего за рамки нигерийского контекста. Фигура брата-противника в романе многослойна: она отсылает не только к Библии, но и к нигерийским гражданским конфликтам, где борьба между «своими» становится разрушительной силой.

Образ матери также несёт библейские ассоциации. Она напоминает Рахиль, оплакивающую своих детей: «Mother's space in the room of existence gradually shrank as days passed. She became encircled by ordinary words, common tropes, familiar songs, all of which transformed into fiends whose sole purpose was the obliteration of her being» [1, с. 180]. Этот архетипический образ усиливает эмоциональную и универсальную глубину романа, превращая частную историю в аллерегию страдания.

Нельзя не отметить и обращение к устной традиции. Фольклорные структуры в тексте романа выполняют функцию коллективной памяти, объединяя индивидуальное и общекультурное. Повествование организовано по принципу сказа, где звучат разные голоса, создающие эффект полифонии. «The mighty bird that planted his nest high above the rest of his peers, hovering and watching over his young eagles, the way a king guards his throne. Our home – the three-bedroom bungalow he bought the year Ikenna was born – was his cupped eyrie; a place he ruled with a clenched fist» [1, с. 25]. Такое описание отражает устную форму африканского нарратива.

Фольклорные элементы особенно ярко проявляются в образе реки – традиционного символа жизни и смерти, перехода и судьбы. В африканской мифологической традиции вода нередко служит проводником между мирами. У Обоим река одновременно символизирует родину, материнское начало и угрозу разрушения. Этот образ – центральный интертекст романа, связывающий индивидуальные судьбы с коллективным бессознательным.

В то же время интертекстуальность романа включает и западноевропейские отсылки. Судьбы братьев перекликаются с античными трагедиями Софокла и Еврипида, где человек оказывается игрушкой судьбы. Как подчёркивает Титаренко, интертекстуальность создаёт мифологические модели в литературе, соединяя

древние архетипы с современными реалиями [11, с. 55]. Пророчество Абулу выполняет функцию античного рока: оно неотвратимо и всепоглощающе.

Выводы

Таким образом, интертекстуальность в романе Обиомы многослойна и диалогична. Она объединяет африканскую мифологию, нигерийский фольклор, библейские тексты и античную классику, формируя сложный культурный синтез. Как отмечает Л.Н. Синельникова, «мир-ризомы – это мир ускользания, дающий неограниченную возможность для новых конфигураций слов, образов, смыслов» [9, с. 807]. Современные исследования также уточняют этот подход: М.Л. Шуб [13] указывает, что интертекстуальность сегодня переходит в стадию ремедиации, когда цитаты и аллюзии взаимодействуют с медиальными формами, создавая новое пространство смыслов. Это подтверждает универсальность художественного метода Обиомы, соединяющего разные культурные пласты. И.Г. Потылицына и Н.К. Еремина [7] подчеркивают, что интертекстуальность становится когнитивным инструментом, помогающим автору и читателю выстраивать диалог культур. И.Д. Лошкарёв [5] связывает постколониальную проблематику с внутренними конфликтами идентичности, что особенно актуально в контексте нигерийской темы романа. Именно такой структурой обладает роман «Рыбаки», превращая локальный нигерийский опыт в универсальную метафору человеческого существования.

В заключении следует отметить, что роман Чигози Обиомы «Рыбаки» представляет собой синтез постмодернистских принципов и африканской мифопоэтики. Его структура воплощает модель ризомы – множественной, открытой и динамичной, где каждая сюжетная линия становится точкой пересечения культурных и философских кодов. Интертекстуальные связи создают диалог между Библией, мифом, античной трагедией и устной традицией, формируя многоуровневое пространство смыслов. О.В. Фокина подчёркивает, что «без опознания читателем интертекстуальных элементов невозможно восприятие текста во всей его смысловой полноте» [12, с. 699]. Таким образом, постмодернистский текст не разрушает традицию, а множит её интерпретации, превращая каждую историю в сеть новых смыслов. В этом контексте суть романа Обиомы заключается в том, что нигерийская реальность предстает не как локальный эпизод, а как часть всемирного мифологического и культурного опыта, что подчеркивает его универсальность и глубину.

Интертекстуальность и ризоматичность в романе «Рыбаки» выступают не только эстетическими принципами, но и способами познания мира, где история одной семьи становится зеркалом судьбы нации, а локальный нарратив – универсальной притчей о человеческом существовании, памяти и судьбе.

Список источников

1. Obioma Ch. The Fishermen. New York: Back Bay Books Little, Brown and Company, 2015. 298 p.
2. Барма О.А. Концепция ризоморфного лабиринта в культуре постмодерна // Вестник Полоцкого государственного университета. 2013. № 7. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23523707>.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. 895 с.
4. Линниченко С.И. Интертекстуальность как современная лингвокогнитивная практика: новые способы языкового выражения в литературе немецкого постмодерна // Вестник Самарского университета. 2021. Т. 27. № 2. С. 103 – 111.
5. Лошкарёв И.Д. Постколониализм в международных исследованиях: два лика теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 4.
6. Обиома Ч. Рыбаки. М.: АСТ, 2017. 352 с.
7. Потылицына И.Г., Еремина Н.К. Интертекстуальность как категория текста (на материале английского языка) // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 4 (40).
8. Ревякина Т.Л. Интертекстуальность как критерий эстетической значимости художественного текста // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2010. № 6. С. 24 – 27.
9. Синельникова Л.Н. Ризомы и дискурс интермедальности // Russian Journal of Linguistics. 2017. Т. 21. № 4. С. 805 – 821.
10. Смоляк А.В. Концепт «ризомы» и его перспективы в области онтологии и литературы (на примере романа «Страх и ненависть в Лас-Вегасе») // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22. № 2. С. 15 – 27.
11. Титаренко С.Д. Проблемы взаимодействия интертекстуальности и интермедальности в мифопоэтике русского символизма (от цитаты в тексте – к медиамифу) // Культура и текст. 2017. № 3 (30). С. 54 – 73.
12. Фокина О.В. Интертекстуальность СМИ как когнитивно-вербальный феномен // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 699 – 703.
13. Шуб М.Л. От интертекстуальности к ремедиации: движения смыслов и форм в современной художественной культуре // Studia Culturae. 2024. № 4.

References

1. Obioma Ch. The Fishermen. New York: Back Bay Books Little, Brown and Company, 2015. 298 p.
2. Barma O.A. The Concept of the Rhizomorphic Labyrinth in Postmodern Culture. Bulletin of Polotsk State University. 2013. No. 7. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23523707>.
3. Deleuze J., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Moscow: Astrel, 2010. 895 p.
4. Linnichenko S.I. Intertextuality as a Contemporary Lingvocognitive Practice: New Means of Linguistic Expression in German Postmodern Literature. Bulletin of Samara University. 2021. Vol. 27. No. 2. P. 103 – 111.
5. Loshkarev I.D. Postcolonialism in International Studies: Two Faces of Theory. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2022. Vol. 22. No. 4.
6. Obioma Ch. Rybaki. Moscow: AST, 2017. 352 p.
7. Potylitsyna I.G., Eremina N.K. Intertextuality as a Text Category (Based on the English Language). Russian Linguistic Bulletin. 2023. No. 4 (40).
8. Revyakina T.L. Intertextuality as a Criterion of Aesthetic Significance of a Fiction Text. Current Issues in Modern Philology and Journalism. 2010. No. 6. P. 24 – 27.
9. Sinelnikova L.N. Rhizome and the Discourse of Intermediality. Russian Journal of Linguistics. 2017. Vol. 21. No. 4. P. 805 – 821.
10. Smolyak A.V. The Concept of “Rhizome” and Its Prospects in the Field of Ontology and Literature (Based on the Novel “Fear and Loathing in Las Vegas”). Siberian Philosophical Journal. 2024. Vol. 22. No. 2. P. 15 – 27.
11. Titarenko S.D. Problems of Interaction between Intertextuality and Intermediality in the Mythopoetics of Russian Symbolism (From a Quote in the Text to a Media Myth). Culture and Text. 2017. No. 3 (30). P. 54 – 73.
12. Fokina O.V. Intertextuality of the Media as a Cognitive-Verbal Phenomenon. Bulletin of the N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2011. No. 6 (2). P. 699 – 703.
13. Shub M.L. From Intertextuality to Remediation: Movement of Meanings and Forms in Contemporary Artistic Culture. Studia Culturae. 2024. No. 4.

Информация об авторах

Бобровская Н.А., кандидат педагогических наук, кафедра иностранных языков, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова», г. Барнаул, bobrovskaja_n@mail.ru

Езерих А.С., ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет», г. Барнаул, annabobrovskaya41@gmail.com

Манухина И.А., кандидат филологических наук, кафедра иностранных языков, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова», г. Барнаул, vinnal@list.ru

Хребтова Т.С., кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», hrebtova.tanya2016@yandex.ru

© Бобровская Н.А., Езерих А.С., Манухина И.А., Хребтова Т.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81.2

¹ Кабакова С.А., ¹ Амренова С.Б.,

¹ Знаменщикова Д.А.

¹ Ишимский педагогический институт

им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ

Исследование гендерных особенностей письменной речи на основе вступительных эссе абитуриентов Ишимского педагогического института им. П.П. Ершова (филиала) ТюмГУ

Аннотация: согласно данным социологического опроса международного сообщества исследовательских компаний GlobalNR и исследовательского холдинга «Ромир», Россия считается одной из самых консервативных среди развитых стран. Психолингвистика как наука подчеркивает значимость языковой личности, моделей мышления на всех уровнях организации текста: лексическом, синтаксическом, морфологическом, фонетическом. В исследованиях Егоровой М.А., Комалова Л.Р., Остапенко А.Б. подчеркивается, что данные факты позволяют связать социальные нормы и традиции, приемлемые в конкретной стране, связанные с половыми различиями мужчин и женщин, с лингвистическим самовыражением. Особенности проявляются осознанно либо произвольно и являют собой устойчивую основу для проведения социологических наблюдений, прогнозирования тенденций развития русского языка, а также его дифференцированного преподавания.

Первостепенная проблема исследования лежит в недостаточной изученности гендерных стереотипов в русском языке в процессе формирования осмысленных моделей мужской и женской речи. Цель данной статьи – проследить присутствие языковых средств в организованной речи обоих полов, вызванных данными предубеждениями. К задачам работы относятся описание гендерных психологических особенностей, анализ характерных для них письменных черт, практический анализ сочинений-рассуждений. За основу исследования взяты вступительные эссе абитуриентов Ишимского педагогического института им. П.П. Ершова (филиала) ТюмГУ. В статье доказывается положение о взаимовлиянии гендерных паттернов на письменный стиль изложения и формулирования мысли, что выражает важность психолингвистики в осмыслении языковых процессов.

Ключевые слова: психолингвистика, социальные нормы, письменная речь, гендер, гендерный стереотип, гендерная лексика, языковая личность, культура

Для цитирования: Кабакова С.А., Амренова С.Б., Знаменщикова Д.А. Исследование гендерных особенностей письменной речи на основе вступительных эссе абитуриентов Ишимского педагогического института им. П.П. Ершова (филиала) ТюмГУ // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 99 – 105.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Kabakova S.A., ¹ Amrenova S.B.,
¹ Znamenshchikova D.A.

¹ Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov
(branch) of University of Tyumen

A study of the gender characteristics of written speech based on introductory essays by applicants of the P.P. Ershov pedagogical institute (branch) of University of Tyumen

Abstract: according to a sociological survey conducted by the international community of GlobalNR research companies and the «Romir» research holding, Russia is considered one of the most conservative among developed countries. Psycholinguistics as a science emphasizes the importance of linguistic personality, patterns of thinking at all levels of text organization: lexical, syntactic, morphological, phonetic. In the research of Egorova M.A., Komalov L.R., Ostapenko A.B. it is emphasized that these facts make it possible to link social norms and traditions acceptable in a particular country, related to gender differences between men and women, with linguistic self-expression. The peculiarities manifest themselves consciously or involuntarily and provide a stable basis for conducting sociological observations, forecasting trends in the development of the Russian language, as well as its differentiated teaching. The primary problem of the research lies in the lack of knowledge of gender stereotypes in the Russian language in the process of forming meaningful models of male and female speech. The purpose of this article is to trace the presence of linguistic means in the organized speech of both sexes caused by these biases. The tasks of the work include a description of gender psychological characteristics, an analysis of their characteristic written features, and a practical analysis of essays. The study is based on introductory essays by applicants of the Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of University of Tyumen. The article proves the position of the mutual influence of gender patterns on the written style of presentation and formulation of thought, which expresses the importance of psycholinguistics in understanding linguistic processes.

Keywords: psycholinguistics, social norms, written language, gender, gender stereotype, gender vocabulary, linguistic personality, culture

For citation: Kabakova S.A., Amrenova S.B., Znamenshchikova D.A. A study of the gender characteristics of written speech based on introductory essays by applicants of the P.P. Ershov pedagogical institute (branch) of the University of Tyumen. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 99 – 105.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

В работе Е.С. Ощепковой указывается: «С точки зрения психолингвистики, письмо – это особая целостная самоорганизующаяся функциональная система» [8, с. 118]. Психолингвистика как наука, изучающая речевые проявления в единстве взаимодействия мышления и языковых знаков, включает в себя исследования в области психофизиологии и нейропсихологии. Знания о письме разветвляются на два блока: символическое кодирование информации и смысловое наполнение. Основная характеристика письменной речи – корректный подбор необходимых средств. В данном сложном психофизиологическом процессе задействованы сразу несколько участков мозга человека – лобные доли, затылочная зона, теменная область, височная доля коры головного мозга. Не менее важный этап – переход на металингвистический уровень, на котором происходит качественное осмысление формулируемой мысли. Так, перед рождением на бумаге суждения проходят сознательный контроль, критический взгляд писателя. Характер написанного при этом определяется языковой личностью автора, его убеждениями, жизненным опытом. Она, в свою очередь, формируется под воздействием семейной среды, стиля воспитания, окружения, когнитивных способностей, культурного контекста [12]. Одним из ключевых факторов, направляющим развитие лингвистической личности является гендер, обуславливающий отличительные черты функционирования сфер жизни человека [6].

А.В. Кулинская в своей работе отмечает, что гендер – это социальный пол, социально детерминированные роли, которые предопределены социальной организацией общества. Пол – совокупность анатомо-физиологических особенностей, отличающих мужчину от женщины. В зависимости от пола человек принимает определенные поведенческие черты, принятые в обществе [5]. Гендерные стереотипы представляют собой упрощенные, устойчивые и обобщенные представления о моделях поведения, социальных ролях, психологических характеристиках, присущих мужчинам и женщинам [3, 4]. В лингвистическом аспекте

они находят отражение в ожидании, что женская речь будет более эмоциональной, вежливой, ориентированной на поддержание отношений, в то время как мужская – более прямой, категоричной и предметно-ориентированной [10, 14]. Свой отпечаток на манеру устной и письменной речи личности накладывают социальные нормы, подпадающие требованиям конкретной исторической эпохи [9]. В разные временные периоды стандарты доброжелательного общения выражались установленными или негласными правилами: в 1722 году обращения к старшему по чину регулировалось «Табелем о рангах»; с расцветом творчества А.С. Пушкина стало приемлемым смешение книжного и разговорного стилей, строго разделяемых ранее; в современной переписке, сочетающей в себе всевозможные жанровые сочетания, активно используют сокращения слов, неологизмы, эмодзи. Более того, существование женского эпистолярного жанра в XVIII веке, предполагавшего французскую переписку как столичных, так и провинциальных дворянок доказывает наличие естественной потребности разграничить коммуникацию между полами и является ярким примером самобытности правил письма того времени. Установленные требования строго соблюдались: считалось, что мысль должна развиваться постепенно и без излишеств, помарок, острот, выдававших дурной тон. К адресату письма также предъявлялись требования: получателем женского письма не мог быть мужчина, не являющийся ее мужем или родственником. Данный пример изображает, как прямые и косвенные предписания комплексно воздействуют на окончательный продукт общения [2, 11]. Проанализируем мнения авторов современной научной литературы по данному вопросу.

Исследование А.С. Бойцаркина и Л.Р. Комалова показывает, что гендер является значительным фактором, детерминирующим специфику письменной речи. Их эксперименты подтверждают, что в речи женщин чаще преобладает ориентация на межличностные отношения, что выражается в использовании лексики, обозначающей социальные связи, позитивные эмоции и интенсификаторы. В свою очередь, мужская речь в большей степени свойственна предметная ориентация (например, на политику или спорт) [1]. На основании научной работы А.Б. Остапенко «Влияние гендерной принадлежности на вариативность языка» можно прийти к тому, что язык не только фиксирует, но и воспроизводит социальные нормы, что проявляется в специфике речевого поведения: для женщин характерно использование средств, воспринимаемых как менее уверенные (смягчающие слова, вопросительная интонация), в то время как мужской дискурс часто строится на более категоричных формулировках. Таким образом, вариативность языка под влиянием гендерного фактора является следствием сложного взаимодействия биологических детерминант, культурно-исторического контекста и усвоенных социальных норм [7].

Актуальность работы состоит в активном развитии русского языка, являющегося основой грамотной коммуникации, что приводит к необходимости разработки адаптивных методик обучения данной дисциплине. Цель статьи – проследить присутствие языковых средств в организованной речи обоих полов, вызванных данными предубеждениями. К задачам работы относятся описание гендерных психологических особенностей, анализ характерных для них письменных черт, практический анализ сочинений-рассуждений.

Материалы и методы исследований

В рамках исследования гендерных особенностей речевого поведения был проведен анализ 222 письменных текстов – вступительных эссе 88 юношей и 134 девушек, поступающих в институт имени П.П. Ершова (филиала) Тюменского государственного университета. Материал представляет значительный интерес, поскольку позволяет выявить специфические черты, характерные для мужской и женской речи, в ситуации напряженной коммуникативной ситуации (экзамена), где речевое поведение является спонтанным и в значительной степени отражает глубинные паттерны. Исходя из этого, значительная часть работы содержит метод литературного анализа, позволяющего выявить наиболее общие характеристики работ. Синтез, индукция и дедукция обеспечивают логичное изложение результатов исследования, соответствие требованиям научности.

Результаты и обсуждения

Для качественной характеристики стиля письма мужского пола обратимся к сочинениям-рассуждениям юношей. Прежде всего, манера письма молодых людей содержит склонность к категоричным утверждениям и бинарным оппозициям. Авторы активно используют противопоставления, стремясь утвердить свою точку зрения как единственно верную. Это проявляется во всех текстах: противопоставлении профессии и призвания. Например, один из авторов заявляет: «Учитель – это не просто профессия, это призвание». Подобная категоричность, усиленная лаконичным построением фразы, служит инструментом создания убедительности и демонстрирует установку на черно-белое восприятие социальных ролей. Эта же тенденция наблюдается в заключительной фразе того же автора: «И поэтому учитель – это не профессия, а призвание».

Со стороны лексики наблюдается тяготение к использованию слов и выражений с семантикой усиления, борьбы и преодоления, что отражает нарратив о профессиональной деятельности как о поле битвы, требующем стойкости и выносливости. Так, один из абитуриентов описывает профессиональные трудности через яркие, почти физические метафоры: «остаться на плаву очень трудно», «постоянные переработки, стресс... убивают всё стремление и желание быть учителем». Глагол «убивают» и метафора «остаться на плаву» передают интенсивность давления внешних факторов. Здесь же юноша приводит пример педагога, который «не сдался под всеми невзгодами учительской жизни», используя лексику, характерную для описания антитезы. Также трудности профессии описываются в терминах испытания: «иметь дело с не до конца окрепшими умами», где словосочетание «иметь дело» означает стратегию управления сложной ситуацией.

На синтаксическом уровне отмечается стремление к сжатости и тезисности в утверждениях, особенно в ключевых фразах. Это создает эффект уверенности и определенности. Например, в одно из эссе начинается с декларативного утверждения: «Учитель – это важный субъект в образовании». Использование слова «субъект» вместо более нейтральных «участник» или «часть» придает высказыванию оттенок формальности и обобщения. Аналогично, в еще одном из текстов резюмирует свою позицию четкой и краткой формулой: «учитель есть определенный склад ума и поведения, то есть призвание».

При этом для передачи аргументации авторы нередко прибегают к конструкциям сравнения и противопоставления, часто нанизывая их друг на друга. Это особенно ярко проявляется при сравнении двух типов педагогов в одном из эссе: «просто давал задания из учебника и занимался своими делами», что привело к «беспорядку» и знаниям «единиц»; другой же «не только проводил местами забавную аналогию, но и успевал уделять внимание каждому». Подобное сопоставление строится на контрасте пассивности и активности, безразличия и вовлеченности.

Характерно и обращение к рациональной аргументации через членение понятия на составляющие. В одной из работ участник вступительного испытания структурирует мысль следующим образом: «С одной стороны учитель – это профессия... С другой стороны, это призвание...». Такой приём демонстрирует попытку системного анализа, стремление к логическому упорядочению материала, что часто соотносится с рационально-аналитической моделью мышления. Такой выбор лексики отражает традиционный мужской нарратив, в котором профессиональная деятельность концептуализируется как поле битвы или миссия, требующая стойкости.

Таким образом, анализ выявил комплекс особенностей, включающих категоричность оценочных суждений, использование лексики конфронтации и преодоления, лаконизм формулировок, а также опору на сравнение и логическое структурирование элементов. Данные черты соотносятся с маскулинной речевой моделью, для которой характерны установка на доминирование собственной позиции, осмысление профессионального пути как миссии, требующие стойкости, и стремление к четкой, структурированной подаче мысли.

В противовес данной модели написания выступают работы девушек. В большинстве сочинений соблюдена логическая последовательность мыслей, чаще всего выраженная формулой «от общего к частному». Первостепенно понятия рассматриваются комплексно с философской точки зрения, на что указывает обращение к соответствующим категориям – понятиям «судьба», «жизненный путь», «человечность», «нравственные ценности и ориентиры» и другим. Далее следует анализ отдельных аспектов темы, в отдельных случаях дополненный личным опытом по исследуемому вопросу. Приводимая аргументация отличается конкретикой: в контексте преподавания как рода деятельности изображаются профессиональные атрибуты учителя – обязанности, уроки, учебный график, зарплата; при описании призвания человека – моделируемые ситуации, наполненные эмоциональным отношением и оценкой иллюстрируемых событий в выражениях «идеальный вариант – когда профессия и призвание совпадают», «именно такие учителя способны оставить значимый след в жизни своих учеников», «люди, выбравшие этот путь становятся не только носителями знаний, но и примером для других» и т.д. Важно отметить явно прослеживаемую тенденцию к связке объяснений с психологическими процессами, что объясняется социально обусловленным различием между полами: дамы, в отличие от мужчин, более склонны открыто выражать эмоции и считывать чувства других. Следовательно, в сочинениях девушек преобладают формулировки, наделяющие фигуру педагога жизненной мудростью и эмоциональным интеллектом: «хороший учитель – это не только тот, кто хорошо знает свой предмет, но и тот, кто может понять и услышать своих учеников», «человек, призвание которого педагогика, от природы обладает большим терпением, ... чтобы противостоять своим негативным эмоциям в процессе обучения, а то и вовсе с ними не сталкиваться». Несколько романтизированный образ преподавателя как образованной, понимающей, заботливой личности перед помогают динамично отразить глаголы «относится», «переживает», «любит», «поддерживает» и многие другие, относящиеся к эмотивной лексике.

Мы можем видеть взаимосвязь отдельных фраз с устным стилем изложения суждений, сопряженную с обратным порядком слов, употреблением лексических единиц в ином значении «ни разу не встретила наставников с одинаковой вокруг них атмосферой», «это поднимает важный вопрос...». При этом общая масса работ изобилует разнообразными средствами выразительности и приемами. В эссе встречаются красочные метафоры: «учителя – это волшебники, которые дарят радость, побуждающую к стремлению получить новые знания и опыт», «учителя подобны солнцу, которое дарит ученикам тепло», «они раскрывают детям крылья»; сравнения «подобно тому, как садовод заботится о своих растениях, так и учитель должен «вращивать» в своих учениках уверенность и желание учиться», «учитель... становится для учеников проводником в мир знаний»; антитезы «ученики чувствуют, когда педагог относится к своей работе без души, и тогда даже самый интересный предмет может стать скучным и бесполезным», «... от кого-то веяло теплом и энергией, как от солнца, а от кого-то холодом и равнодушием». В полной мере просматривается и вариативность синтаксических конструкций, применение в тексте распространенных предложений, осложненных причастными, деепричастными оборотами; вводными словами и конструкциями; однородными членами. Используются известные высказывания, подчеркивающие духовность педагогов: «Для того, чтобы покорить мир, для начала нужно победить себя».

Благодаря богатству речи и общей направленности текста сочинения девушек обладают в большинстве своем мягким лаконичным стилем. Они обращаются к чувствам, создавая возвышенный и любящий образ учителя. Аргументация выстраивается в соответствии с жизненным опытом, логикой и народной мудростью. Наблюдается тенденция к определению педагогики как призвания, философского пути, требующего нерушимых моральных принципов.

Сравнительный анализ гендерных особенностей письменной речи, проведенный на материале вступительных испытаний для абитуриентов, позволяет выявить устойчивые различия в речевом поведении юношей и девушек, проявляющиеся на лексико-семантическом, синтаксическом и прагматическом уровнях. Мужская речевая модель демонстрирует склонность к категоричным утверждениям и бинарным оппозициям, что выражается в использовании конструкций, утверждающих определенную точку зрения. Подобная категоричность, нередко усиленная лаконичным, декларативным построением фразы, служит инструментом создания убедительности и отражает установку на дихотомическое восприятие социальных ролей. На лексическом уровне наблюдается тяготение к использованию единиц с семантикой борьбы, преодоления и противостояния, что формирует специфический нарратив о профессиональной деятельности как о борьбе, противостоянии чему-либо. Тезис подкрепляется такими выражениями, как «иметь дело с не до конца окрепшими умами», «остаться на плаву очень трудно», «не сдался под всеми невзгодами учительской жизни», где подбор метафор и лексики передает интенсивность внешнего давления и изображает профессию через призму миссии. Синтаксис мужских эссе отличается стремлением к лаконизму, особенно в ключевых, постулирующих мысль фразах, что создаёт эффект структурной четкости и уверенности, например: «Учитель – это важный субъект в образовании». Аргументация часто строится на логическом членении понятия, контрастном сравнении, что демонстрирует ориентацию на рационально-аналитическую модель изложения.

Женская письменная речь, в отличие от мужской, характеризуется комплексным, эмоционально-оценочным подходом к раскрытию темы. Для нее типично рассмотрение понятий в широком философском и социальном контексте с опорой на категории судьбы, нравственных ценностей, жизненного пути. Центральное место в аргументации занимает психологическая составляющая и эмоциональный интеллект, что проявляется в наделении образа учителя такими качествами, как эмпатия, терпение и мудрость, и в использовании соответствующих формулировок. Активно используется эмотивная лексика, что способствует созданию более личностного и доверительного тона высказывания. На синтаксическом уровне наблюдается большая вариативность и сложность конструкций, что придает повествованию плавность и детализированность. Важной чертой является активное использование разнообразных средств образности, таких как метафоры, сравнения, антитезы, которые обогащают текст и усиливают его эмоциональное воздействие, формируют лиричный стиль изложения.

Выводы

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что вступительные работы абитуриентов Ишимского педагогического института им. П.П. Ершова (филиала) ТюмГУ включают в себя преимущественный выбор в пользу определения профессии учителя как призвания человека, но разное наполнение. Содержание варьируется в силу следующих причин, порождаемых социальной средой актуальной действительности: кругом общения, жизненными взглядами, уровнем знаний русского языка, гендером, а также связанным с ним гендерным стереотипом. Исторически сложившиеся взгляды на мужчину как добытчика и женщину как хранительницу очага плотно укрепились в национальном самосознании, что формирует определенный

стиль письма: краткий, прямолинейный у молодых людей и эмпатичный, выразительный у девушек. Характер данных особенностей устойчив в силу свойств письменной речи, предполагающей более глубокую вовлеченность личных убеждений. Так, стереотипы и модели написания взаимозависимы и способны оказывать влияние друг на друга, позволяют прогнозировать будущее изменение языка, а также адаптировать процесс его изучения.

Список источников

1. Борцайкина А.С., Комалова Л.Р. Гендерные особенности в речевом поведении женщин и мужчин // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2020. № 3. С. 104 – 110.
2. Егорова М.А., Степаненко Ю.А. Тенденции развития гендерной лингвистики // Global and Regional Research. 2020. № 2. С. 461 – 466.
3. Зиедова С.Б. Женская речь и её особенности // Образование наука и инновационные идеи в мире. 2025. № 6. С. 294 – 299.
4. Зиедова С.Б. Понятие гендера в языке // Образование наука и инновационные идеи в мире. 2025. № 6. С. 288 – 293.
5. Кунавин Б.В., Харченко Ю.С. Гендерные особенности русской речи // Вестник Владикавказского научного центра. 2021. № 1. С. 26 – 29.
6. Остапенко А.Б. Влияние гендерной принадлежности на вариативность языка // Филология: научные исследования. 2025. № 3. С. 180 – 194.
7. Островая Ю.С. Гендер и гендерные исследования в лингвистике // Филологический аспект. 2021. № 1. С. 118 – 123.
8. Ощепкова Е.С. Письменная речь в отечественной психолингвистике // Вопросы психолингвистики. 2021. № 4 (50). С. 116 – 135.
9. Раджапова Н.Б. Теоретические основы гендерной лингвистики // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2024. № 7. С. 37 – 42.
10. Раджапова Н.Б. Теоретические основы гендерных аспектов языка // Ta'lim innovatsiyasi va integratsiyasi. 2025. № 1. С. 160 – 165.
11. Торебаева Ф. Формирование понятия гендера в лингвистике // Hamkor konferensiyalar. 2024. № 7. С. 79 – 84.
12. Чурюканова Е.О. Гендерные характеристики фемининного и маскулинного типов речевого поведения // Казанская наука. 2024. № 10. С. 524 – 526.
13. Файзуллина Э.И. Гендерные исследования в лингвистике: история развития научного направления // XXIV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета. 2022. С. 575 – 580.
14. Boyukkhanim E. Особенности мужской и женской речи в процессе общения // Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Philology Series. 2020. № 4. С. 70 – 77.

References

1. Bortsaykina A.S., Komalova L.R. Gender Features in the Speech Behavior of Women and Men. Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics. Abstract Journal. 2020. No. 3. P. 104 – 110.
2. Egorova M.A., Stepanenko Yu.A. Trends in the Development of Gender Linguistics. Global and Regional Research. 2020. No. 2. P. 461 – 466.
3. Ziedova S.B. Women's Speech and Its Features. Education, Science, and Innovative Ideas in the World. 2025. No. 6. P. 294 – 299.
4. Ziedova S.B. The Concept of Gender in Language. Education, Science, and Innovative Ideas in the World. 2025. No. 6. P. 288 – 293.
5. Kunavin B.V., Kharchenko Yu.S. Gender Features of Russian Speech. Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center. 2021. No. 1. P. 26 – 29.
6. Ostapenko A.B. The Influence of Gender on Language Variability. Philology: Scientific Research. 2025. No. 3. P. 180 – 194.
7. Ostrovaya Yu.S. Gender and Gender Studies in Linguistics. Philological Aspect. 2021. No. 1. P. 118 – 123.
8. Oshchepkova E.S. Written Speech in Domestic Psycholinguistics. Issues of Psycholinguistics. 2021. No. 4 (50). P. 116 – 135.

9. Radzhapova N.B. Theoretical Foundations of Gender Linguistics. *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences*. 2024. No. 7. P. 37 – 42.
10. Radzhapova N.B. Theoretical Foundations of Gender Aspects of Language. *Ta'lim innovatsiyasi va integratsiyasi*. 2025. No. 1. P. 160 – 165.
11. Torebaeva F. Formation of the Concept of Gender in Linguistics. *Hamkor konferensiyalar*. 2024. No. 7. P. 79 – 84.
12. Churyukanova E.O. Gender Characteristics of Feminine and Masculine Types of Speech Behavior. *Kazan Science*. 2024. No. 10. P. 524 – 526.
13. Fayzullina E.I. Gender Studies in Linguistics: The History of the Development of a Scientific Direction. XXIV All-Russian Student Scientific and Practical Conference of Nizhnevartovsk State University. 2022. P. 575 – 580.
14. Boyukkhanim E. Features of Male and Female Speech in the Process of Communication. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Philology Series*. 2020. No. 4. P. 70 – 77.

Информация об авторах

Кабакова С.А., кандидат филологических наук, доцент, кафедра ГДиМП, Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, г. Ишим, svetlana-igpi@mail.ru

Амренова С.Б., Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, г. Ишим, amrenova.sabina5@gmail.com

Знаменщикова Д.А., Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, г. Ишим, znam.darya@mail.ru

© Кабакова С.А., Амренова С.Б., Знаменщикова Д.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский язык) (филологические науки)

УДК 81.42

¹ Лавренюк О.С.

¹ Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева

Английские заимствования в общепотребительном составе современного русского языка: необходимость или неизбежность?

Аннотация: статья посвящена исследованию влияния англоязычных заимствований на общепотребительный состав русского языка, определению места, которое англицизмы занимают в общепотребительном составе современного русского языка, а также выявлению языковых механизмов и коммуникативных функций лексических единиц, использующихся носителями русского языка в бытовой и профессиональной речи, в том числе обучающимися – будущими специалистами судебной системы.

При подготовке к написанию статьи были поставлены следующие задачи: изучить историю заимствований в русском языке, рассмотреть, каким образом заимствования отражают социальные и культурные изменения в российском обществе, проанализировать структуру русского языка и определить степень необходимости применения английских заимствований, исследовать, являются ли заимствования необходимостью или неизбежностью.

Цель исследования – проведение анализа роли английских заимствований в общепотребительном составе современного русского языка.

В результате исследования установлено, что англоязычные заимствования помимо номинативной функции также выполняют социальную, культурную, экспрессивную и коммуникативную функции, кроме того – функцию инновации, что может привлекать внимание к актуальным продуктам или услугам. Таким образом, англоязычные заимствования в русском языке играют важную роль в его развитии и адаптации к современным условиям.

Ключевые слова: англицизмы, заимствования, необходимость, неизбежность, лексика, роль

Для цитирования: Лавренюк О.С. Английские заимствования в общепотребительном составе современного русского языка: необходимость или неизбежность? // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 106 – 113.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Lavrenyuk O.S.

¹ Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

English borrowings in the commonly used composition of the modern Russian: are they the necessity or inevitability?

Abstract: the article is devoted to the study of the influence of English-language borrowings on the commonly used composition of Russian, the definition of the place that Anglicans occupy in the commonly used composition of modern Russian, as well as the identification of language mechanisms and communicative functions of lexical units

used by native Russian speakers in everyday and professional speech, including including students who will become specialists in the judicial system.

In preparation for writing the article, the following tasks were set: to study the history of borrowing in Russian, to consider how borrowing reflects social and cultural changes in Russian society, Analyze the structure of the Russian language and determine the extent to which it is necessary to use English borrowing, whether borrowing is a necessity or an inevitability.

The purpose of the research work is to analyze the role of English borrowings in the commonly used composition of the modern Russian.

As a result of the study, it was found that English-language borrowings in addition to nominative function also perform social, cultural, expressive and communicative functions, besides – function of innovation, which can attract attention to relevant products or services. Thus, English language borrowings in Russian play an important role in its development and adaptation to modern conditions.

Keywords: *anglicisms, borrowing, necessity, inevitability, vocabulary, role*

For citation: Lavrenyuk O.S. English borrowings in the commonly used composition of the modern Russian: are they the necessity or inevitability? Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 106 – 113.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена тенденциями к глобализации современного общества, развития технологий, медиа и культуры, значимости английских заимствований в контексте глобализации, технологических изменений и культурных обменов. Особое внимание в данном контексте следует уделить лексическим единицам, проникающим в общеупотребительный состав русского языка из профессиональной, бытовой, а также сленговой лексики английского языка посредством средств массовой информации, сети интернет.

Цели исследования состоят в проведении анализа роли английских заимствований в общеупотребительном составе современного русского языка, выявлении причин вхождения англоязычных лексических единиц в общеупотребительный состав русского языка, а также в проведении анализа влияния заимствований на структуру и лексику русского языка и рассмотрении последствий заимствований для русского языка, включая возможные преимущества и недостатки.

Для достижения вышеуказанных целей исследования необходимо решить следующие задачи: выделить и систематизировать языковые единицы, используемых носителями русского языка как в повседневной жизни (молодёжный сленг), так и в профессиональной сфере (IT сфера, юриспруденция).

На протяжении всей истории человечества существовала и существует потребность взаимодействия, независимо от масштаба образуемых в процессе коммуникации связей. Одним из основных способов взаимодействия среди людей является язык. Способность человека усваивать и воспроизводить слова, предложения, составлять тексты – отличительная черта человека. Но в мире существует более семи тысяч языков, что приводит к необходимости выделить один язык в качестве средства международного взаимодействия. На данном этапе развития человечества таким языком является английский. Однако с распространением английского языка, возрастает и количество английских заимствований, входящих в состав других языков, в частности, русского языка. До сих пор является неразрешённым вопрос о том, какое влияние оказывают англицизмы на наш язык, должно ли государство стремиться полностью искоренить иностранную лексику или же оставить ее неприкасаемой, неизбежность или необходимость выступает причиной проникновения английских заимствований в русский язык?

Начать распутывать данный клубок противоречий необходимо с конца нити, на котором расположены понятия «необходимость» и «неизбежность».

Необходимость можно определить, как потребность. С точки зрения философии и научного познания необходимость – категория, выражающая неизбежный характер событий, происходящих в реальном мире, либо закономерный характер процессов, изучаемых в науке [10].

Неизбежность – неотвратимость, обычно используется в негативном контексте.

Можно заметить, что для описания необходимости применяется понятие «неизбежность», но можно ли полностью отождествлять данные дефиниции. На наш взгляд, они выражают разную стерпеть одного и то-

го же процесса. Если необходимость, как и любую потребность можно подавить на какое-то время, то неизбежность остановить нельзя.

По мнению группы авторов Сахарова А.Н., Боханова А.Н., Морозовой Л.Е., Рахматуллина М.А. и Шестакова В.А., процесс заимствования начался давно. Если говорить об истории нашей страны, то даже название «Русь», вероятно, иностранного происхождения, так готские историки называли племена, проживавшие между Днестром и Днепром, русыми, есть версия, что русью называли варягов [2, с. 25].

Необходимость изучения английского языка проявилась во время правления Петра Великого, так как страна приобретает статус Империи и возрастает круг интересов, который соприкасается с интересами Англии. Сам Петр I обучался в Англии морскому делу, поэтому большую часть заимствований составляют именно термины, которые относятся к данному направлению деятельности, к примеру, такие существительные как «катер» (англ. cutter – «резак», «резец», «катер»), «шхуна» (англ. Schooner), «аврал» (предположительно произошло от сочетания «over all» – все наверх).

Уже на данном этапе можно выделить некоторые особенности заимствований: превращение удвоенной согласной в одиночную (например, в слове cutter-катер), словосочетания – в одно слово (в общеупотребительном составе современного русского языка примером могут служить такие лексические единицы как «block buster» (блокбастер) – фильм, добившийся большого успеха и «best seller» (бестселлер) – хорошо продаваемая книга).

Активизация процесса заимствования приходится на конец XX – начало XXI веков. К данному периоду можно отнести следующие заимствования: саммит (англ. summit – «вершина», «верх» в современном значении «собрание глав государств и правительств», «встреча на высшем уровне»), компьютер (англ. computer – «вычислитель»), хард-рок (англ. hard rock, дословно тяжёлый рок или жёсткий рок).

На современном этапе развития российского общества изучение английского языка – явление распространенное. Его начинают преподавать уже в начальных классах школы. Кроме того, многие учащиеся разного возраста прибегают к услугам частных школ для повышения уровня владения иностранными языками.

Что касается причин активизации англоязычных заимствований в общеупотребительном составе русского языка в последние десятилетия, то, по мнению Магомадовой Т.Д., к данному процессу привело появление новой терминологии, быстрое развитие и распространение информационных технологий, которые требуют нового наименования. Таким образом в русский язык проникали англицизмы, такие как ноутбук, диск, байт, сайт, интернет и многие другие. Еще одним фактором использования англицизмов является отсутствие соответствующего наименования – более 15% англицизмов проникают в язык из-за отсутствия наименования в языке-реципиенте новому предмету, явлению [8, с. 67].

Во многих сферах профессиональной деятельности требуется знание английского языка на достаточно высоком уровне. Наиболее яркий пример – IT-сфера и сфера бизнеса и деловых отношений, где специалистам ежедневно приходится сталкиваться с лексикой иностранного, в частности англоязычного, происхождения. Например, сфера IT-сфера представляет такие англоязычные заимствования как «браузер» от английского глагола «to browse» – «просматривать», «дисплей» – «a display» – «демонстрация, показ», «логин», то есть, «имя для авторизации» – «to log in» – «войти в систему». В сфере бизнеса можно встретить такие заимствованные лексические единицы как «аутсорсинг» – «out – «вне», «source» – «ресурс, источник» – привлечение ресурсов из внешних источников в значении «Делегирование определенных видов работ сторонним специалистам на договорной основе». В данном контексте использование англоязычного заимствования рассматривается не как дань моде на иностранные слова, а как необходимость, ибо существительное «аутсорсинг» гораздо короче, а значит экономичнее и эффективнее, чем фраза «Делегирование определенных видов работ сторонним специалистам на договорной основе». Столь же эффективными можно назвать термины «дистрибьютор» – «to distribute» в значении «распределять» и его значение «Представитель фирмы-производителя, который закупает у нее товары и продает их ритейлерам, дилерам или непосредственно покупателям».

Владение иностранными языками имеет множество преимуществ, начиная от расширения профессиональных возможностей и заканчивая развитием интеллектуальных и когнитивных способностей, кроме того, знание иностранного языка / языков способствует сокращению финансовых затрат на услуги переводчика.

Что касается судебной системы, здесь также наблюдается значительное использование англоязычных заимствований, что объясняется влиянием мировой практики, технологий и необходимости быстрого обмена информацией в международном формате. Эти заимствования часто используются в контексте юридической терминологии, а также для обозначения новых концепций и явлений в сфере прав. Например, существительное «эксперт» – «expert», в значении «лицо, обладающее специальными знаниями и навыками», «траст» – «to trust», «доверять» в значении термина «форма доверительного управления имуществом».

За знание иностранного языка судьям Конституционного Суда Российской Федерации предусматриваются доплаты за знание иностранных языков и их использование при исполнении должностных обязанностей устанавливается ежемесячная доплата в размере 20 процентов должностного оклада [1].

Далее проведем анализ структуры русского языка и определим степень необходимости применения английских заимствований. Лексический состав русского языка можно разделить на две большие группы: общеупотребительная лексика и лексика ограниченного употребления.

По мнению группы ученых Пищулиной Д.Р., Назарко В.Е. и Авраменко К.Д., к первой группе относятся слова из различных сфер человеческой жизни, их употребление возможно и уместно в различных ситуациях, независимо от статуса, принадлежности к профессии или социальной группе [3, с. 214].

К английским заимствованиям данного пласта лексики относятся следующие слова: принтер (англ. printer от print «печатать»), ноутбук (англ. notebook – блокнот), Интернет (англ. INTERconnected NETworks – соединённые сети), бизнес (англ. business – дело, предприятие), офис (англ. office), слоган (англ. slogan – лозунг, призыв), спорт (англ. sport), сноуборд (англ. snow – снег и board – доска), джем (англ. to jam – сжимать, давить), троллейбус (англ. a trolley – роликовый токосъёмник, а bus – автобус, омнибус), сквер (англ. square площадь), шампунь (англ. to shampoo – мыть голову).

Группу лексики ограниченного употребления составляют слова, которые, как правило, используются в определённой обстановке, той или иной группой лиц. Можно выделить уровень приподнятой лексики, который составляют слова высокие, книжные, официальные: денди (англ. dandy), фешенебельный (англ. fashion фасон, мода).

Следующий слой образуют профессионализмы. Приведем примеры: франчайзинг (англ. franchising), детектив (англ. detective – «сыщик»), инхаус (англ. «in-house» – «внутри компании»).

Жаргонизмы также можно отнести к рассматриваемой группе лексического состава языка: хайп (англ. hype – шумиха), кринж (англ. «cringe» – «сжеживаться», «сжиматься»), чилить (англ. to chill out – «расслабляться»).

Анализируя различные английские заимствования, входящие в состав русского языка, приходим к выводу о том, что их использование может являться следствием как необходимости, так и неизбежности. Например, в подростковой среде необходимость выражается в качестве потребности отделить себя от других поколений, соответствовать моде, также употребление заимствований может объясняться стремлением к упрощению речи, темп жизни увеличивается, следовательно, обмен информацией должен происходить быстрее.

Например, для того чтобы передать смысл фразы «Твой краш так ботает на парах, что экзамен сдаст на изи» надо знать, что «краш» – это предмет тайной или безответной влюблённости, а иногда просто тот, кто нравится. Глагол «to crush» является заимствованием из английского языка, но он в данном случае значит не «разрушать» или «раздавить», а «страстно любить» – менее распространённое значение. Хотя и основной смысл слова тоже лексически релевантен, так как «крашем» часто называют того, с кем всё совершенно безнадежно. «Ботать» произошло от английского "to bot", что означает "усердно работать, трудиться" или "зубрить". «Изи» происходит от easy – легко, без труда.

Приведем еще несколько примеров заимствований из английского языка, которые, проникнув в молодежный сленг русского языка, имеют меньшее количество фонем, чем в русском языке, приобретая при этом, однако, более выраженную эмоциональность и информативность.

«Вайб» – атмосфера, настроение. Англицизм-калька слова «vibe» (вибрация), изначально появилось в лексике эзотериков о позитивных вибрациях, а затем слово перекочевало в молодежный сленг. Например, «Он своим появлением сломал вайб» – «Он испортил общую атмосферу в компании».

«Задонатить» – пожертвовать, от английского «donate» (пожертвование). Означает пополнение своего мобильного счёта, оплату подписки на какой-либо сервис, покупку чего-либо в компьютерных играх. Иногда используется для обозначения любой покупки. Производное – «донат» (оплата).

«Криповый» – пугающий, ужасный. От «creepy» – бросающий в дрожь, жуткий (англ.), используется для обозначения крайней степени ужаса.

В общеупотребительном составе русского языка, разумеется, есть эквиваленты вышеперечисленных лексических единиц, и они используются, как правило, разными возрастными категориями людей, в том числе подростками, которые, к примеру, ставят перед собой цель быть понятыми более взрослой аудиторией, а не соответствовать моде [6].

В последние десятилетия с учетом возросшего интереса к изучению английского языка и появления новых, прогрессивных и более эффективных способов изучения иностранных языков, включающие в том числе

непосредственное общение с носителями, следует отметить, что уровень владения иностранными, в частности английским языком, возрос, что не могло не сказаться на общеупотребительном составе русского языка.

По мнению Крысина Л.П., необходимо учитывать современные процессы заимствования, когда основным путем перехода слов из одного языка в другие является путь письменный (через разного рода тексты). Такие виды речевой деятельности, как чтение, перевод и комментирование иностранной прессы, научной и публицистической литературы, участие в интернациональных конференциях, конгрессах, симпозиумах, общение в процессе разработки совместных межнациональных технических и научных проектов и т.п., создают благоприятную почву для заимствования иноязычной лексики и терминологии [4, с. 99].

Одним из путей обмена информацией в том числе с использованием иностранных языков, в частности, английского, является общение посредством сети интернет, а именно через социальные сети. По мнению Яндубаева А.В., в эпоху цифровых технологий социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни и важным инструментом массовой коммуникации [7].

Неизбежность проявляется в невозможности использования русского эквивалента по причине отсутствия такового в составе русского языка. Иллюстрацией может служить такие слова как «футбол» или «баскетбол». При попытке перевода получается не совсем понятно: «ступня-мяч», «корзина-мяч». Существуют и такие понятия, которые содержат в себе другой смысл, оттенок, по сравнению с русским аналогом. Так слова клининг и уборка имеют, на первый взгляд, одно и то же значение, однако, понятие «клининг» применимо именно к профессиональной уборке, в отличие от второго слова, которое применимо и к действиям, совершаемым в повседневной жизни.

Однако, как отмечает Мусагалиева Ж.А., чрезмерное использование заимствованных слов вызывает споры среди лингвистов и культурных деятелей, обеспокоенных сохранением национальной языковой самобытности. Поэтому рекомендуется придерживаться сбалансированного подхода, учитывающего необходимость заимствований, но при этом поддерживающего языковое наследие [9, с. 6].

Распутав клубок, можно понять, что часто мнения людей склонны тяготеть к той или иной крайности. На одной стороне стоят пуристы, стремящиеся сохранить «чистоту» русского языка, на другой – антинормализаторы, которые придерживаются мнения о невозможности влияния на состав языка его носителями. Но, проводя аналогию с весами, необходим баланс. Язык необходим для общения, множество непониманий возможно избежать, высказав мысль непосредственно тому человеку, от которого вам требуется какое-то действие или, наоборот, бездействие. Использование англицизмов также должно быть разумным. Так в процессе повседневного взаимодействия необходимо стремиться использовать ту лексику, которая будет понятна всем, которая не вызовет конфликта между поколениями, а часто именно данная связь прерывается.

В знаменитых строках песни некий злобный гений способен изменить смысл всей темы, поменяв лишь строку, человек же способен, меняя слова, придать смысл своему повествованию или же, наоборот, отнять его.

Материалы и методы исследований

Для исследования вопросов влияния англоязычных заимствований на общеупотребительный состав русского языка применялись следующие методы: обзор, изучение и анализ научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу. Материалом для исследования послужил корпус языковых единиц – неологизмов, зафиксированных и предоставленных для изучения скриншотов элементов онлайн-переписки подростков 16-18 лет в социальных сетях и мессенджерах, а также на портале «Сленг подростков для их родителей-бумеров: учимся понимать своих детей». Отбор единиц осуществлялся методом сплошной выборки в период с 2024 по 2025 год.

Для анализа использовались следующие источники: комментарии в социальных сетях, сообщения в мессенджерах с разрешения авторов сообщений, а также тексты, размещённые в сети интернет.

Результаты и обсуждения

Для исследования влияния англоязычных заимствований на общеупотребительный состав русского языка, а также определению места, которое англицизмы занимают в общеупотребительном составе современного русского языка, были разработаны упражнения, где которых обучающимся (студентам факультета непрерывного образования 1 и 2 курсов в возрасте 16-18 лет) было предложено дать русскоязычный эквивалент лексической единицы, являющейся англоязычным заимствованием, если это возможно, а также дать толкование заимствованной лексической единицы. Лексические единицы, выделенные курсивом, являются предположительным ответом обучающихся. Из 250 испытуемых большая часть (220 человек, 88%) успешно справилась с поставленной задачей, ответив на все вопросы верно. При этом (25 человек, 10%) всех ре-

спондентов имели сложности с определением некоторых понятий и не смогли дать ответ на все поставленные вопросы. И только 2% обучающихся дали менее половины правильных ответов.

Задание 1.

Дайте эквиваленты слов на русском языке:

1. Плеер – проигрыватель.
2. Гамбургер – закрытый бутерброд с котлетой.
3. Скотч – липкая лента.
4. Хоспис – лечебное учреждение для ухода за паллиативными больными.
5. Блейзер – разновидность пиджака.
6. Мониторинг – отслеживание, наблюдение, контроль.
7. Компьютер – электронно-вычислительная машина.
8. Принтер – печатающее устройство.
9. Флэш-карта – электронный носитель, содержащий информацию.
10. Браузер – прикладное программное обеспечение для просмотра страниц.

Задание 2.

Назовите одно слово вместо описательного оборота:

1. Гостиница для автотуристов – Мотель.
2. Пресс-конференция для журналистов – Брифинг.
3. Фигурное катание на лыжах – Фристайл.
4. Лагерь для автотуристов – Кемпинг.
5. Меткий стрелок – Снайпер.

Задание 3.

Назовите стилистические синонимы:

1. Сервис – обслуживание.
2. Лимит – ограничение.
3. Креативный – творческий.
4. Презентация – представление.
5. Бестселлер – хорошо продаваемая книга (товар).

Задание 4.

Назовите стилистические синонимы молодежного сленга:

1. Хайп – шумиха.
2. Кринж – испытывать чувство неловкости.
3. Чилить – расслабляться.
4. Вайб – атмосфера, настроение.
5. Криповый – пугающий, ужасный [5].

По итогам исследовательской работы мы пришли к следующим существенным педагогическим и методическим выводам:

1. Большинство молодых людей в возрасте 16-18 лет, активно использующие англицизмы-неологизмы в повседневной речи, понимают и могут при необходимости использовать русскоязычный эквивалент в релевантной речевой ситуации для облегчения коммуникации между представителями одной культуры и носителями единого родного языка, но принадлежащим разным поколениям.

2. Англоязычные заимствования помимо номинативной функции также выполняют социальную, культурную, экспрессивную и коммуникативную функции, а также – функцию инновации, что может привлекать внимание к актуальным продуктам или услугам. Таким образом, англоязычные заимствования в русском языке играют важную роль в его развитии и адаптации к современным условиям.

Выводы

В предложенной статье мы попытались исследовать влияние англоязычных заимствований на общеупотребительный состав русского языка, определить место, которое англицизмы занимают в общеупотребительном составе современного русского языка, а также выявить языковые механизмы и коммуникативные функции лексических единиц, использующихся носителями русского языка в бытовой и профессиональной речи, в том числе студентами, будущими специалистами судебной системы.

Во-первых, англоязычные заимствования глубоко проникли в общеупотребительный состав современного русского языка, став его неотъемлемой частью, что выражается в отсутствии необходимых лексических единиц для описания явления или предмета, появившегося в современном обществе за последние 5-10 лет. Такими необходимыми заимствованиями являются слова «компьютер», «принтер», «браузер», подо-

брать лаконичный эквивалент, к которому в русском языке представляется весьма затруднительным или вообще невозможным, так как стремительный темп современной жизни предполагает сокращение временных ресурсов для передачи большого объема информации.

Во-вторых, носители русского языка, принадлежащие к молодому поколению и активно использующие англицизмы-неологизмы в повседневной речи, понимают, верно используют и трактуют данные неологизмы, а также могут при необходимости использовать русскоязычный эквивалент в релевантной речевой ситуации для облегчения коммуникации между представителями разных поколений. Умение верно трактовать англоязычные заимствования исходит из успешного изучения английского языка, а также благодаря авторитетности страны языка-источника, предоставляющей предметы и явления, появившиеся и образованные на территории англоговорящих стран.

Список источников

1. Закон Российской Федерации. О статусе судей в Российской Федерации (в редакции Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 14.04.1993 № 4792-I; постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2009 № 14-П, от 18.10.2011 № 23-П, от 19.11.2012 № 27-П; Федерального закона от 06.04.2015 № 68-ФЗ; постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.2015 № 9-П, от 19.02.2018 № 9-П; федеральных законов от 30.12.2020 № 485-ФЗ, от 27.11.2023 № 544-ФЗ). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102017065> (дата обращения: 17.08.2025).
2. Боханов А.Н., Морозова Л.Е., Рахматуллин М.А., Сахаров А.Н., Шестаков В.А. История России с древнейших времен до наших дней. М.: АСТ, 2023. 1744 с.
3. Пищулина Д.Р., Назарко В.Е., Авраменко К.Д. Язык и коммуникация в цифровой эре: лингвистические подходы к анализу влияния новых медиа на языковую динамику и коммуникативные практики // Финансовая экономика. 2024. № 1. С. 213 – 215.
4. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996. С. 147 – 154.
5. Сленг подростков для их родителей-бумеров: учимся понимать своих детей. URL: <https://media.mts.ru/technologies/197036-slang-tinejdzherov/> (дата обращения: 16.09.2025).
6. Кушнарёв М.С. Влияние языка социальных медиа на повседневную речь: анализ мемов, хэштегов и неологизмов в контексте вечерних шоу // Вестник филологических наук. 2025. Т. 5. № 9. С. 17 – 21.
7. Яндубаев А.В. Влияние социальных сетей на формирование общественного мнения в современных условиях // Современные научные исследования и инновации. 2024. № 7.
8. Магомадова Т.Д. Англоязычные заимствования в современном русском языке: пути их проникновения // Гуманитарные и социальные науки. 2023. № 5. С. 65 – 69.
9. Мусагалиева Ж.А. Заимствования английских слов в русском языке. Филологические науки. 2023. № 5.
10. Философская энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/802/НЕОБХОДИМОСТЬ (дата обращения: 16.09.2025).

References

1. Law of the Russian Federation. On the status of judges in the Russian Federation (as amended by the Resolution of the Supreme Council of the Russian Federation of 14.04.1993 No. 4792-I; Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.07.2009 No. 14-P, of 18.10.2011 No. 23-P, of 19.11.2012 No. 27-P; Federal Law of 06.04.2015 No. 68-FZ; Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.05.2015 No. 9-P, of 19.02.2018 No. 9-P; Federal Laws of 30.12.2020 No. 485-FZ, of 27.11.2023 No. 544-FZ). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102017065> (date of access: 17.08.2025).
2. Bokhanov A.N., Morozova L.E., Rakhmatullin M.A., Sakharov A.N., Shestakov V.A. History of Russia from Ancient Times to the Present Day. Moscow: AST, 2023. 1744 p.
3. Pishchulina D.R., Nazarko V.E., Avramenko K.D. Language and Communication in the Digital Era: Linguistic Approaches to the Analysis of the Impact of New Media on Language Dynamics and Communicative Practices. Financial Economics. 2024. No. 1. P. 213 – 215.
4. Krysin L.P. Foreign-Language Words in the Context of Contemporary Social Life. Russian Language at the End of the 20th Century (1985-1995). Moscow, 1996. P. 147 – 154.
5. Teenage Slang for Their Boomer Parents: Learning to Understand Our Children. URL: <https://media.mts.ru/technologies/197036-slang-tinejdzherov/> (date of access: 16.09.2025).

6. Kushnarev M.S. "The Influence of Social Media Language on Everyday Speech: An Analysis of Memes, Hashtags, and Neologisms in the Context of Evening Shows". *Bulletin of Philological Sciences*. 2025. Vol. 5. No. 9. P. 17 – 21.
7. Yandubaev A.V. "The Influence of Social Networks on the Formation of Public Opinion in Modern Conditions". *Modern Scientific Research and Innovation*. 2024. No. 7.
8. Magomadova T.D. English-language borrowings in modern Russian: the ways of their penetration. *Humanitarian and social sciences*. 2023. No. 5. P. 65 – 69.
9. Musagalieva Z.A. Borrowings of English words in Russian. *Philological sciences*. 2023. No. 5.
10. Philosophical encyclopedia. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/802/NEOBKHODIMOST (date of access: 16.09.2025).

Информация об авторах

Лавренюк О.С., старший преподаватель, кафедра гуманитарных социально-экономических дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», Дальневосточный филиал, г. Хабаровск, lavrolesya@gmail.com

© Лавренюк О.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1

¹ Пайзуллаева П.Г., ¹ Агавова З.Ш.

¹ Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова

Структурно-семантическая характеристика окказионализмов русского языка с приставкой не-

Аннотация: в статье проводится структурно-семантический анализ окказионализмов русского языка с приставкой не-. Этот префикс, как известно, играет важную роль в русском языке, позволяя создавать новые слова и выражать различные оттенки значения. Базой образования таких слов служит имя существительное. Слова, образованные с помощью данной приставки, относятся к различным отраслям науки, техники. Все они имеют значение отсутствия чего-либо. Данная приставка является активно функционирующим в разговорной, художественной и публицистической речи.

Прилагательное с префиксом не-, в основе которых стоит глагол подчеркивает невозможность совершения действия, которое выражено данным глаголом по отношению к тому, что описывается этим прилагательным. Некоторые из них имеют неединственность мотивации. Такие существительные имеют значение отсутствия или противоположности тому, что названо мотивирующим словом. Мотивированы такие производные существительными различной семантики, в число которых входят конкретные, абстрактные.

Ключевые слова: русский язык, окказионализмы, приставки, структурно-семантический анализ, словообразование, существительные, прилагательные, речевой дискурс, мотивированный

Для цитирования: Пайзуллаева П.Г., Агавова З.Ш. Структурно-семантическая характеристика окказионализмов русского языка с приставкой не- // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 114 – 117.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Paizullaeva P.G., ¹ Agavova Z.Sh.

¹ Dagestan State Pedagogical University
named after R. Gamzatov

Structural and semantic characteristics of the occasional Russian language with the prefix non-

Abstract: the article provides a structural and semantic analysis of the occasional Russian language with the prefix non-. This prefix, as you know, plays an important role in the Russian language, allowing you to create new words and express different shades of meaning. The basis for the formation of such words is the noun. The words formed using this prefix relate to various branches of science and technology. They all have the meaning of missing something. This prefix is actively used in colloquial, artistic and journalistic speech. An adjective with the prefix not-, which is based on the verb, emphasizes the impossibility of performing an action that is expressed by this verb in relation to what is described by this adjective. Some of them have a non-uniqueness of motivation. Such nouns have the meaning of absence or the opposite of what is called a motivating word. Such derivatives are motivated by nouns of various semantics, which include concrete and abstract ones.

Keywords: Russian language, occasionalisms, prefixes, structural and semantic analysis, word formation, nouns, adjectives, speech discourse, motivated

For citation: Paizullaeva P.G., Agavova Z.Sh. Structural and semantic characteristics of the occasional Russian language with the prefix non-. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 114 – 117.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Актуальность работы. В русском языке словообразование существительных неплохо исследованная часть языка. Однако, структурно-семантическая характеристика окказионализмов русского языка с приставкой не- все еще не получила своего комплексного исследования. В особенности большое внимание лингвистов привлекает современный пласт окказионализмов, круг которых в современном речевом дискурсе все больше пополняется новыми словами или новыми оттенками значений. Можно полагать, что такие добавочные оттенки появляются у слова вместе с его возникновением и по мере жизни в языке обрастают новыми смысловыми и иными наложениями. Структурно-семантический анализ таких явлений проливает свет на многие языковые процессы современного речевого дискурса.

Основная цель – комплексное исследование окказионализмов с приставкой не-.

Задачи: проработка и комплексный анализ прилагательных и существительных с приставкой не-; определить характер их функционирования в современном дискурсе.

Материалы и методы исследований

Современные словари русского языка послужили основой для фактического материала нашей работы [6, 9].

Методы исследования, которые упоминались в данной работе следующие: метод сплошной выборки, метод лингвистического анализа, описательный метод.

Результаты и обсуждения

Прилагательные с приставкой не- мотивированны конкретными именами. Значительная часть таких прилагательных являются относительными.

Словообразовательные модели, образованные с помощью префикса не- стали предметом анализа таких ученых, как Е.А. Земская [4, 5], Н.М. Шанский [10], В.В. Виноградов [3], Л.П. Крысин [7], В.В. Лопатин [8].

Данная приставка имеет важное функциональное значение, неся различные смысловые нагрузки. С его помощью создаются новые слова, выражающие различные оттенки значений.

В эпоху научно-технического прогресса модели, образованные посредством данного префикса стали продуктивными. Ресурсы словообразования в данной приставкой в русском языке практически не ограничены. Определенная часть подобных прилагательных относится к разговорной лексике. При образовании новых терминов в языке используется те же словообразовательные модели [1].

Приставка не- имеет отрицательное значение. Эту отрицательность она выражает по-разному.

Посредством указанного префикса обычно образуются адъективы с семантикой «не обладающий признаком», а также с семантикой «невозможности совершения действия» [4].

Допускаются образование адъективов от одной основы с префиксом не-. При таких предпосылках смысл или часть смысла таких лексем семантически сходится в негативном смысле: непрерывный – беспрестанный. Например:

И наш поиск лучших путей укрепления здоровья, как-то и должно быть, является непрерывным.

И к нему примешивались какие-то другие звуки – глухое низкое рычание, напоминающее чем-то непрерывный рокот моря.

Она сейчас слишком занята спасением станции, чтобы обращать внимание на твое беспрестанное бахвальство.

Ни одна страна в мире не будет мириться с беспрестанными нападениями на своих граждан.

Приставка не- образует прилагательные и существительные. По нашим подсчетам, основанных на выборке из словарей русского языка [6, 9], пропорции между данными частями речи расположились в следующем порядке: количество прилагательных преимущественное, по сравнению с существительными. В процентном соотношении примерно 1:2.

В образовании прилагательных в данным префиксом наиболее продуктивен префиксальный способ, существительных – суффиксальный.

Следовательно, в образовании адъективов указанный компонент демонстрирует свое объединение, привязываясь к образующей основе – субстантиву.

Отличается малая доля адъективов с не-, которые могут относиться к терминам. К ним относятся: не-гранулированный, неадекватный, непилотируемый.

У части прилагательных мотивирующей и производной основой является имя прилагательное: не + престижный, не + продовольственный.

Исходя из этого, расширяются способности контекстуального сопоставления адъективов, в частности экспансия оппозиционных связей: ненавязчивый – навязчивый, некрасивый – красивый.

Эти слова являются полными антонимами, с полярно противоположаемыми значениями, не допускают наличия среднего члена.

Прилагательные с прификсом не- относятся как к разряду качественных, так и относительных прилагательных, некоторые из них получили качественные значения лишь в образованиях с не-. Например: непыльный, не требующий больших усилий и хлопот. Используется в переносном значении в разговорном стиле.

Такие прилагательные могут иметь положительную или отрицательную оценочность. В них номинативные значения осложнены оценочно-характеристическими. Прилагательные, которые выражают негативную оценку, встречаются среди неологизмов чаще [2].

Однокоренные прилагательные неулыбчивый и безулыбчивый совпадают в значениях (редко улыбающийся, не улыбающийся). В словарях русского языка оба слова имеют помету «разг.». Эти прилагательные могут иметь параллели с префиксом без-.

Существительные с приставкой не- преимущественно образуются посредством суффиксального способа. У отдельного разряда субстантивов мотивирующее ядро представляют существительные и глаголы. Большинство слов образовано с помощью суффикса -ость, меньше – префиксальным способом. Они имеют значение противоположности, отрицания того, что названо мотивирующей основой: нестандарт, несуетность, небрежность.

Префиксальный способ в области образования имен существительных является продуктивным. Приведем примеры: некондиция, неординарность, неоднозначность.

Субстантивы с исследуемым префиксом наиболее продуктивны в разговорном дискурсе и в публицистике. На страницах СМИ нередко окказионализмы с приставкой не-, преимущественно с мотивирующей основой именем существительным.

Выводы

По нашим наблюдениям приставка не- более широко представлена кругу образования прилагательных, менее – в кругу существительных. Значительная часть окказиональных слов с приставкой не- носит терминологический характер. Данный префикс играет важную роль в русском языке, позволяя создавать новые слова и выражать различные оттенки значения. Имеются случаи образования прилагательных от одной основы с помощью данной приставки. В этом случае отдельные значения слов семантически сходятся в общем отрицательном значении.

Список источников

1. Билалова Д.Н. Особенности аффиксального способа образования терминов в башкирском, русском и английском языках // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3. № 3. С. 23 – 27.
2. Ван Лиан, Осильбекова Д.А. Прилагательные-неологизмы современного русского языка как средства выражения оценки // Современный ученый. 2024. № 7. С. 27 – 31.
3. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 371 с.
4. Земская Е.А. Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1972. С. 19 – 28.
5. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Высшая школа, 1996. 220 с.
6. Козинец С.Б. Словарь окказионализмов русского языка. М.: Флинта, 2023. 224 с.
7. Крысин Л.П., Ю Хак Су. О словообразовательных возможностях иноязычных неологизмов // Филологические науки. 1998. № 3. С. 15 – 21.
8. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. 315 с.
9. Баш Л.М., Боброва А.В. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология: 3-е изд. М.: Цитадель-трейд, 2002. 900 с.
10. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М.: ФЛИНТА, 2019. 335 с.

References

1. Bilalova D.N. Features of the affixal method of forming terms in the Bashkir, Russian and English languages. Bulletin of philological sciences. 2023. Vol. 3. No. 3. P. 23 – 27.
2. Van Liyan, Osilbekova D.A. Adjective neologisms of the modern Russian language as a means of expressing evaluation. Modern Scientist. 2024. No. 7. P. 27 – 31.
3. Vinogradov V.V. Word formation in its relation to grammar and lexicology. Studies in Russian grammar. Moscow: Nauka, 1975. 371 p.
4. Zemskaya E.A. Occasional and potential words in Russian word formation. Actual problems of Russian word formation. Samarkand, 1972. P. 19 – 28.
5. Zemskaya E.A. Word Formation as an Activity. Moscow: Vysshaya shkola, 1996. 220 p.
6. Kozinets S.B. Dictionary of Russian Occasionalisms. Moscow: Flinta, 2023. 224 p.
7. Krysin L.P., Yu Hak Su. On the Word-Formation Possibilities of Foreign-Language Neologisms. Philological Sciences. 1998. No. 3. P. 15 – 21.
8. Lopatin V.V. Russian Word-Formation Morphemics. Moscow, 1977. 315 p.
9. Bash L.M., Bobrova A.V. Modern Dictionary of Foreign Words: Interpretation, Usage, Word Formation, Etymology: 3rd ed. Moscow: Citadel-trade, 2002. 900 p.
10. Shansky N.M. Essays on Russian word formation. Moscow: FLINTA, 2019. 335 p.

Информация об авторах

Пайзуллаева П.Г., кандидат филологических наук, доцент, кафедра дагестанских языков, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, г. Махачкала, nurselin7@mail.ru

Агавова З.Ш., кандидат филологических наук, доцент, кафедра дагестанских языков, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, г. Махачкала, nurselin7@mail.ru

© Пайзуллаева П.Г., Агавова З.Ш., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 82.09

¹ Вьюшкова И.Г., ¹ Сильченко Г.В.

¹ Ишимский педагогический институт
им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ

Образ сердца в поэтическом сознании П.П. Ершова

Аннотация: целью исследования является осмысление образа сердца в поэзии П.П. Ершова на основе анализа трех стихотворений, созданных поэтом в тобольский период: «Праздник сердца», «Клад души», «Храм сердца». Научная новизна заключается в том, что эволюция образ сердца в данных стихотворениях впервые рассматривается в контексте развития любовного чувства П.П. Ершова к С.А. Лещевой. В результате исследования авторы приходят к выводу, что образ сердца в данных текстах выступает в качестве центрального, он имеет религиозное содержание и расширяет свое значение через образы души и храма. Также отмечается, что в основе композиции всех трех стихотворений лежит противопоставление, которое позволяет индивидуализировать лирического субъекта в каждом из текстов. Результаты исследования представляют интерес для специалистов, изучающих поэзию русского романтизма, а также могут быть использованы в рамках историко-литературных дисциплин в школе и вузе.

Ключевые слова: П.П. Ершов, С.А. Лещева, образ сердца, поэтика, любовная лирика

Для цитирования: Вьюшкова И.Г., Сильченко Г.В. Образ сердца в поэтическом сознании П.П. Ершова // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 118 – 123.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Vyushkova I.G., ¹ Silchenko G.V.

¹ P.P. Yershov Ishim Teachers Training Institute
(branch) of University of Tyumen

The image of the heart in the poetic consciousness of P.P. Ershov

Abstract: the aim of this study is to understand the image of the heart in the poetry of P.P. Ershov based on an analysis of three poems created by the poet during his Tobolsk period: "Feast of the Heart," "Treasure of the Soul," and "Temple of the Heart." The research's novelty lies in the fact that the evolution of the image of the heart in these poems is examined for the first time in the context of the development of P.P. Ershov's love for S.A. Leshcheva. As a result of the study, the authors conclude that the image of the heart in these texts is central, possessing religious content and expanding its meaning through the images of the soul and the temple. It is also noted that the composition of all three poems is based on opposition, which allows for the individualization of the lyrical subject in each text. The results of the study are of interest to specialists studying the poetry of Russian Romanticism and can also be used in historical and literary disciplines in schools and universities.

Keywords: P.P. Ershov, S.A. Leshcheva, image of the heart, poetics, love lyrics

For citation: Vyushkova I.G., Silchenko G.V. The image of the heart in the poetic consciousness of P.P. Ershov. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 118 – 123.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Поэтическое творчество Петра Павловича Ершова развивалось в рамках романтической традиции, что нашло отражение в системе образов и мотивов, характерных для произведений поэта. Современное отечественное литературоведение активно исследует образные и сюжетно-мотивные комплексы, характеризующие русскую романтическую поэзию [2, 7, 8, 12]. К ключевым образам романтической поэтической системы следует отнести образ сердца, который, обладая полисемантической наполненностью, неоднократно становился предметом исследования в работах отечественных и зарубежных филологов, посвященных изучению творчества поэтов-романтиков, однако поэзия П.П. Ершова в данном аспекте не рассматривалась. Все это определяет актуальность нашего исследования.

Материалы и методы исследований

Теоретической основой исследования выступили работы, в которых рассматривается творчество П.П. Ершова в контексте эпохи романтизма в русской литературе, а также анализируются отдельные образы и мотивы в лирическом наследии поэта [9-11]. Также в данной статье авторы опираются на работы, в которых образ сердца рассмотрен на примере творчества отечественных поэтов XIX-XX вв. [1, 4, 5, 13]. В основу исследования положен сравнительно-исторический метод, который позволил рассмотреть лирические произведения П.П. Ершова в рамках историко-культурного процесса первой половины и середины XIX века, а также биографический метод, необходимость которого была обусловлена исследованием любовной лирики Ершова в контексте фактов биографии поэта.

Материалом исследования являются стихотворения «Праздник сердца», «Клад души» и «Храм сердца», созданные Ершовым в тобольский период творчества и отразившие все этапы любовного чувства Ершова к С.А. Лещевой. Также авторы обращаются к эпистолярному наследию П.П. Ершова, которое является необходимым источником в процессе анализа лирических текстов.

Результаты и обсуждения

Стихотворение «Праздник сердца» (10 сентября 1838) создано под впечатлением от знакомства П.П. Ершова с Серафимой Александровной Лещевой. Данное произведение входит в круг текстов, созданных Ершовым осенью 1838 года, они отражают любовные переживания поэта, развитие чувства и открывают новый этап в его поэтическом творчестве. В стихотворении «Праздник сердца» показан момент зарождения любовного чувства, и образы и мотивы данного текста передают всю гамму чувств лирического героя. Текст открывается восклицательными конструкциями, что выражает эмоциональное состояние субъекта, мы ощущаем эмоциональный подъем, который его охватил:

О светлый праздник наслажденья!

Зерно мечтаний золотых! [3, с. 288].

Образ зерна, возникающий во второй строке, является одним из значимых в творчестве П.П. Ершова, полисемантический по своей природе он, с одной стороны, связан с поэтическим вдохновением, которое, по представлениям П.П. Ершова как поэта-романтика и религиозного человека, имеет божественное происхождение, а с другой стороны, отражает мотив зарождения, прорастания любовного чувства. И в том и другом случае образ зерна сближается с образом сердца как вместилища чувств, мечтаний, творческих переживаний лирического героя. На божественное происхождение любовного чувства указывают многие детали данного текста: характеризуя лирическую героиню, поэт использует метафору «небесные прелести», а ее образ высечен «резцом любви» на «внутренней скрижали» сердца.

В композиционном плане стихотворение можно разделить на две части, если в первой части внимание сосредоточено на эмоциональном состоянии лирического героя, его переживаниях, основными образами выступают категории, связанные с духовным миром героя: сердце, душа, любовь, мечта, то вторая часть стихотворения показывает внешний мир. Образы этой части воспроизводят традиционную в романтической поэзии антиномию поэт и толпа, но в данном случае она реализуется в рамках любовной темы: толпа способна разрушить то духовное, высокое чувство, которое даровано лирическому герою Богом:

И никогда в ней взор лукавый

Заветной тайны не прочтет

И для бессмысленной забавы

В толпе пустой не разнесет [3, с. 288-289].

Следует обратить внимание на метафору «взор лукавый», которая подчеркивает лживость, подлость, хитрость обывателя, не способного понять всей глубины духовной жизни лирического героя. Но также в этой метафоре присутствует и такое значение слова лукавый, как относящийся к дьяволу, противоположенный божественному, небесному началу. Подобная трактовка оказывается убедительной, если мы обратимся к предшествующим строкам стихотворения, в которых возникает образ «стража чистой красоты», охраняющего «врата души» лирического героя. Образ стражника, стоящего на охране души, можно ассоциативно связать с сокровищами, которые содержатся в душе и сердце лирического героя. Данный мотив найдет свое продолжение в последующих поэтических текстах Ершова, созданных в тобольский период и отразивших жизненные искания поэта.

Образ души можно считать одним из центральных в поэтическом творчестве П.П. Ершова, возникнув в петербургский период, в своих различных модификациях он сохранял свою актуальность вплоть до позднего творчества. Как отмечают исследователи: «В поэтическом дискурсе сердце часто ассоциируется с понятием «душа», выступая как источник чувств и эмоций, неразрывно связанных с внутренним миром поэта» [1, с. 31]. Одним из центральных произведений, показывающих сложность и полисемантическую данность образа, выступает стихотворение «Клад души» (1840). Обратим внимание на название произведения, автор использует метафору, в основе которой лежит слово клад, то есть что-то скрытое, недоступное, требующее поиска. Ценности, составляющие данный клад, не даются человеку сразу, они требуют своего нахождения, постоянного внутреннего совершенствования, и только тогда человеку смогут открыться все сокровища его внутреннего мира, его души. Следует отметить, что исследуемый образ вынесен в название стихотворения, т.е. в сильную позицию текста, что делает акцент на его значимости, центральности для всего произведения. Основным приемом в стихотворении (как и в предыдущем тексте) является антитеза. Текст открывается внешним противопоставлением богатства и бедности, которое задается в рамках обращения к богачу, смотрящему на лирического героя с презрением:

Богач! К чему твои укоры?
Зачем, червонцами звеня,
Полупрезрительные взоры
Ты гордо бросил на меня!
О нет! Совсем не беден я [3, с. 303]!

Но в последующих строчках лирический герой произведения материальному богатству противопоставляет сокровища, которые содержит его душа:

О, если б мог ты заглянуть
В мою сокровищницу – грудь!
Твой жадный взор бы растерялся
В роскошной сердца полноте,
И ты бы завистью снедался
К моей богатой нищете [3, с. 303].

Использование оксюморона «богатая нищета» подчеркивает противоречие между внешним богатством «червонцами», которыми хвалится богач, и внутренней наполненностью души и сердца лирического героя. Данный отрывок позволяет заметить, что инвариантом образа души в данном тексте выступает образ сердца. Представление о сердце как сокровищнице, хранилище духовных ценностей присутствует в Новом завете, так в Евангелие от Луки мы видим: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его». Данная мысль нашла свое продолжение и толкования у многих представителей святоотеческой традиции и глубоко укоренилась в православном сознании. Образы души и сердца несут в себе религиозное содержание, указывают на связь бренного, материального мира с миром вечных ценностей и смыслов. Как отмечает С.Б. Козлова: «В христианском измерении сердце (в лучшем значении) символизирует осознанное, осмысленное стремление человека и христианина к связи с Богом и передачи любви в мир (ближнему)» [5, с. 96]. Не случайно первым сокровищем, которое составляет «клад души», является вера:

Вот здесь сапфир бесценный –
Святая вера. В мраке дней,
В тумане бед, во тьме скорбей
Он жарко льет душе смущенной
Отрадный блеск своих лучей [3, с. 304].

Религиозный взгляд на мир придает осмысленность существованию лирического героя, позволяет увидеть свой жизненный путь на фоне вечной истории: от «звезды завета» – к «престолу бога», а душа в этом

случае выступает соединительной нитью, связавшей человека с Богом, давшим человеку жизнь: «И вдохнул в лице его дыхание жизни».

Следующая драгоценность, которая составляет «клад души», связана со способностью лирического героя чувствовать красоту окружающего мира и трансформировать эти чувства в творчество:

Вот перлы здесь – живые чувства
К чудесным мира красотам,
К высокой прелести искусства,
Ко вдохновительным мечтам [3, с. 304].

В данной части стихотворения возникают образы и мотивы, которые характерны для эстетических идеалов романтизма: мечта, чудо, красота – но в сознании поэта они преломляются в религиозном аспекте и за красотой внешнего мира угадывается вечная красота, творческий процесс оказывается возможным только в том случае, если он вдохновлен Богом.

Третьим сокровищем, которое сокрыто в глубине сердца, выступает «бриллиант Востока» – любовь, способная преобразовать окружающий мир так же, как вера и творчество. Данное стихотворение было создано Ершовым в период влюбленности поэта в С.А. Лещеву и вся полнота чувств автора представлена в анализируемом тексте: от момента зарождения отношений, когда зерно любви еще находится на самом дне сердца и «таинственно повито / Слойми тусклыми коры», до момента открытого выражения чувства, когда происходит не только внутреннее, но и внешнее преображение лирического героя:

Волной тревожной в сердце бьется,
Сверкает пламенем в глазах,
В огне румянца тихо льется
И дышит жаром на устах! [3, с. 305]

Стихотворение имеет кольцевую композицию и завершается повторным обращением лирического героя к богачу:

Теперь раскрой передо мною
Богатство, равное моим, –
И я покорною главою
Склонюсь смиренно перед ним! [3, с. 306].

Следует отметить близость финалов исследуемых текстов: как и в предыдущем стихотворении повторяется ситуация противопоставления внутреннего и внешнего, вся полнота сердца лирического героя не может быть понята и по достоинству оценена обывателем, для которого значимость имеют только ценности материального мира.

Данные стихотворения были созданы П.П. Ершовым в период знакомства и последующей женитьбы на С.А. Лещевой, однако счастье поэта было недолгим: 25 апреля 1845 года Серафима Александровна умирает. Вот как описывает свое состояние после смерти супруги Ершов в письме к А.П. фон Вилькен (Жилиной) от 9 июля 1845 года: «Да, из всех потерь, какие испытал я (а каких я не испытал?), потеря любимой жены – самая ужасная. Точно половины самого себя не стало. С опустелым сердцем, с тяжелой душой, с грустным воспоминанием – неужели это жизнь? Только религия согревает остывшую душу, только одна она освещает мрак могильный и за гробовой доской представляет ее лучше, чем она была на земле. А что было бы без этого небесного утешения!» [10, с. 290].

Подобное же настроение характерно для стихотворения «Храм сердца» (1846), которое, как отмечает Т.П. Савченкова, «по всей видимости, связано с неизбывным чувством к Серафиме Александровне» [10]. Как и в предшествующих текстах, основной композиционный прием, используемый Ершовым, – противопоставление, контраст. Но он касается не внутреннего мира лирического героя в его сопоставлении с внешней бездуховностью жизни, а соотношении временных пластов его жизни: времени, когда он был счастлив, и его состоянием печали и скорби в настоящий момент:

Когда, покинув мир мечты,
В свое я сердце погружаюсь,
Я поневоле ужасаюсь
Его печальной пустоты [3, с. 333].

Можно отметить, что уже в первых строках стихотворения возникает мотив опустошенности сердца, его заброшенности, что ярко контрастирует с текстом «Клада души», в котором наполненность сердца сокровищами выражала все многообразие духовных переживаний лирического героя, полноту его жизненных чувств. Уподобление души и сердца Господнему храму традиционно для христианства, на что указывает Т.П. Савченкова при анализе цикла акростихов Ершова «Осьмистишия» [11, с. 25]. Особенностью стихо-

творения «Храм сердца» является то, что автор создает образ заброшенного, «оставленного в пустыне» храма:

Без фимиама, без святыни!
В нем все и дико, и темно!
<...>
Везде печальные гробницы
Надежд и радостей былых!
<...>

Алтарь любви повержен в прах! [3, с. 334].

Прежний «жизни храм», наполненный чувствами и счастьем, с момента смерти возлюбленной превращается в заупокойный храм, храм смерти, на что указывают образы данного стихотворения: «змей страдания», «печальные гробницы», «поблекшие цветы». Только воспоминание способно как-то утешить сердце лирического героя, пробудить в нем чувства, но это только чувства тоски и скорби.

Выводы

Проведя анализ указанных стихотворений, мы можем сделать следующие выводы:

- все три текста («Праздник сердца», «Клад души», «Храм сердца») посвящены С.А. Лещевой и могут быть представлены как цикл, в котором отражены различные этапы развития любовного чувства лирического героя, от момента первой встречи до смерти возлюбленной;
- образ сердца в данных текстах выступает в качестве центрального, он имеет религиозную традицию и расширяет свое значение через образы души и храма;
- в основе композиции всех текстов лежит противопоставление, но если в «Празднике сердца» и «Храме души» имеет место противопоставление внутренней наполненности сердца лирического героя внешнему миру обывателей, бездуховной толпы, то в «Храме сердца» создается контраст между прошлой жизнью лирического субъекта, наполненной чувствами, и нынешним состоянием тоски и скорби.

Список источников

1. Бычков Д.М., Гущина К.Н. Образ сердца в поэтическом и святоотеческом синтезе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 27 – 33. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68564408> (дата обращения: 26.09.2025).
2. Виролайнен М.Н. Русский романтизм как проблема // Русская литература. 2024. № 1. С. 5 – 24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67890780> (дата обращения: 15.09.2025).
3. Ершов П.П. Конек-Горбунок: избранные произведения и письма. М.: Парад; БИБКМ, 2005. 624 с.
4. Климков О.С. Сердце в православной антропологии // Православный летописец Санкт-Петербурга. 2000. № 1. С. 65 – 77. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35629083> (дата обращения: 24.09.2025).
5. Козлова С.Б. Заметки о христианском сердце // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 4. С. 92 – 105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36708143> (дата обращения: 26.09.2025).
6. Комаров С.А. Петр Павлович Ершов. Биография писателя. Тюмень: Печатник, 2020. 86 с.
7. Косяков Г.В. Мифопоэтика бессмертной души в русской романтической поэзии // Омский научный вестник. 2006. № 2. С. 205 – 208. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9253222> (дата обращения: 26.09.2025).
8. Потапова К.А. Космическая образность русской поэзии рубежа XVIII-XIX веков: стратегии изучения // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 10. С. 211 – 228. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=56574234> (дата обращения: 15.09.2025).
9. Ершов П.П. самосознание и стих: монография / отв. ред. С.А. Комаров. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2021. 428 с.
10. Савченкова Т.П. П.П. Ершов. Летопись жизни и творчества (1815-1869). К 200-летию со дня рождения. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2014. 608 с.
11. Савченкова Т.П. Петр Павлович Ершов (1815-1869): Архивные находки и библиографические разыскания. Ишим: Издательство Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова, 2011. 344 с.
12. Сесорова А.Д. Миф об ангеле в поэзии А.И. Полежаева // Филология и культура. 2024. № 2 (76). С. 205 – 208. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67883690> (дата обращения: 15.09.2025).
13. Шатин Ю.В. Концепт сердце и его художественная деконструкция в русской поэзии XX века // Критика и семиотика. 2011. № 15. С. 189 – 196. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23177607> (дата обращения: 15.09.2025).

References

1. Bychkov D.M., Gushchina K.N. The Image of the Heart in Poetic and Patristic Synthesis. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Criticism. Journalism. 2024. Vol. 29. No. 1. P. 27 – 33. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68564408> (date of accessed: 26.09.2025).
2. Virolainen M.N. Russian Romanticism as a Problem. Russian Literature. 2024. No. 1. P. 5 – 24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67890780> (date of accessed: 15.09.2025).
3. Ershov P.P. The Little Humpbacked Horse: Selected Works and Letters. Moscow: Parade; BIBKOM, 2005. 624 p.
4. Klimkov O.S. The Heart in Orthodox Anthropology. The Orthodox Chronicle of St. Petersburg. 2000. No. 1. P. 65 – 77. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35629083> (date of accessed: 24.09.2025).
5. Kozlova S.B. Notes on the Christian Heart. Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences. 2018. No. 4. P. 92 – 105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36708143> (date of accessed: 26.09.2025).
6. Komarov S.A. Petr Pavlovich Ershov. Biography of the Writer. Tyumen: Pechatnik, 2020. 86 p.
7. Kosyakov G.V. Mythopoetics of the Immortal Soul in Russian Romantic Poetry. Omsk Scientific Bulletin. 2006. No. 2. P. 205 – 208. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9253222> (date of accessed: 26.09.2025).
8. Potashova K.A. Cosmic Imagery in Russian Poetry at the Turn of the 18th-19th Centuries: Study Strategies. Scientific Dialogue. 2023. Vol. 12. No. 10. P. 211 – 228. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=56574234> (date of accessed: 15.09.2025).
9. Ershov P.P.: Self-awareness and Verse: Monograph. Ed. S.A. Komarov. Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 2021. 428 p.
10. Savchenkova T.P. P.P. Ershov. Chronicle of Life and Work (1815-1869). On the 200th Anniversary of His Birth. Ishim: Publishing House of the P.P. Ershov Institute of Philology, 2014. 608 p.
11. Savchenkova T.P. Petr Pavlovich Ershov (1815-1869): Archival Finds and Bibliographic Research. Ishim: Publishing House of the Ishim State Pedagogical Institute named after P.P. Ershov, 2011. 344 p.
12. Sesorova A.D. The Myth of the Angel in the Poetry of A.I. Polezhaev. Philology and Culture. 2024. No. 2 (76). P. 205 – 208. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67883690> (date of accessed: 15.09.2025).
13. Shatin Yu.V. The Concept of the Heart and Its Artistic Deconstruction in Russian Poetry of the Twentieth Century. Criticism and Semiotics. 2011. No. 15. P. 189 – 196. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23177607> (date of accessed: 15.09.2025).

Информация об авторах

Вьюшкова И.Г., кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель, Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, wjuschkowa@rambler.ru

Сильченко Г.В., кандидат филологических наук, старший преподаватель, Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, grishanja1982@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 372.881.161.1

¹ Смирнова Е.Е., ¹ Лебедева О.А.

¹ Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

Профессионально-ориентированный проект в практике преподавания русского языка как иностранного как способ формирования профессионально-коммуникативной компетенции у иностранных студентов медицинских направлений подготовки

Аннотация: в статье рассматривается проблема формирования профессионально-коммуникативной компетенции у иностранных студентов медицинских направлений подготовки в вузах, а также авторами статьи предлагается один из возможных способов решения обозначенной проблемы. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что профессиональная коммуникация является неотъемлемой частью трудовой деятельности будущих врачей, однако для иностранных студентов целенаправленная работа по формированию профессионально-коммуникативной компетенции, как показывает практика, проводится только в рамках дисциплины «Иностранный язык».

В статье представлено рассмотрение компетентностного подхода в системе высшего образования как ведущего в подготовке будущих специалистов, анализируется языковая подготовка иностранных студентов и определяется методический потенциал проектной деятельности как способа формирования профессионально-коммуникативной компетенции у иностранных студентов. Авторами описывается методическая модель работы с проектами профессиональной направленности на занятиях русскому языку как иностранному, которая реализует личностно-ориентированный подход в обучении и соотносится с такими общедидактическими принципами, как принципы преемственности, связи теории с практикой, доступности, систематичности и последовательности, междисциплинарного взаимодействия. В работе предложена тематика проектов профессиональной направленности для студентов медицинских направлений подготовки, которая соотносится с дисциплинами профессионального блока. Данный опыт может быть использован преподавателями русского языка как иностранного, работающими в системе профессионального образования и столкнувшимися с проблемой поиска путей формирования профессионально-коммуникативной компетенции у студентов.

Ключевые слова: профессионально-коммуникативная компетенция, метод проектов, профессионально-ориентированный проект, русский язык как иностранный, иностранные студенты, медицинские направления подготовки

Для цитирования: Смирнова Е.Е., Лебедева О.А. Профессионально-ориентированный проект в практике преподавания русского языка как иностранного как способ формирования профессионально-коммуникативной компетенции у иностранных студентов медицинских направлений подготовки // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 124 – 130.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Smirnova E.E., ¹ Lebedeva O.A.

¹ National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod

A professionally oriented project in the practice of teaching Russian as a foreign language as a way of developing professional and communicative competence in foreign students majoring in medicine

Abstract: *the article discusses the problem of developing professional and communicative competence among foreign students of medical fields of study at universities, and the authors propose one of the possible solutions to this problem. The relevance of this issue is due to the fact that professional communication is an integral part of the work of future doctors, but as practice shows, foreign students only receive targeted training in developing professional and communicative competence within the framework of the course «Foreign Language».*

The article examines the competence-based approach in higher education as a leading approach in training future specialists, analyzes the language training of foreign students, and identifies the methodological potential of project activities as a way to develop professional and communicative competence in foreign students. The authors describe a methodological model for working with professional projects in Russian as a foreign language classes, which implements a personality-oriented approach to teaching and correlates with such general didactic principles as the principles of continuity, connection between theory and practice, accessibility, systematicity and consistency, and interdisciplinary interaction. The paper proposes a topic for professional projects for medical students, which correlates with the disciplines of the professional block. This experience can be used by Russian language teachers.

Keywords: *professional and communicative competence, project method, professional-oriented project, Russian as a foreign language, foreign students, medical fields of study*

For citation: Smirnova E.E., Lebedeva O.A. A professionally oriented project in the practice of teaching Russian as a foreign language as a way of developing professional and communicative competence in foreign students majoring in medicine. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 124 – 130.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

В статье представлен опыт реализации компетентного подхода в практике преподавания русского языка как иностранного в рамках дисциплины «Иностранный язык» студентам медицинских направлений подготовки. Нами предлагается рассмотреть такой вид работы со студентами как профессионально-ориентированный проект как один из возможных эффективных инструментов формирования у них профессионально-коммуникативной компетенции, роль которой сложно переоценить для профессиональной деятельности будущих врачей.

В настоящее время компетентностный подход в системе высшего образования становится ведущим. Это означает, что цель обучения тесно связана с возможностью применения полученных знаний, умений и навыков в профессиональной деятельности, а «компетенции охватывают способность, готовность познания и отношения (образы поведения), которые необходимы для выполнения деятельности» [8, с. 85]. Профессиональная компетенция подразумевает знания, умения, способности, инициативы, которые будут применимы в трудовой деятельности [2]. В рамках данного подхода фокус высшего образования направлен на решение учащимися практических задач профессиональной направленности, подготовку их к трудовой деятельности [5].

Компетентностный подход лежит в основе методики преподавания любого иностранного языка, в том числе и русского языка как иностранного. В «Словаре методических терминов» данный подход предполагает формирование «способности осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка» [1, с. 10]. Не вызывает сомнений значимость именно практического владения иностранным языком. В системе высшего профессионального образования коммуникативная компетенция, формирование которой является целью изучения любого иностранного языка, трансформируется в профессионально-коммуникативную. Профессионально-коммуникативную компетенцию, вслед за исследователями, можно определить как «знания, умения и навыки использовать специальный язык», который

характеризует определенную профессиональную деятельность [9, с. 148]. Также профессионально-коммуникативная компетенция предполагает способность прогнозировать ситуацию общения, составлять план, выбирать адекватный стиль общения с собеседником на профессиональные темы. Соответственно, методическая система преподавания русского языка как иностранного в рамках дисциплины «Иностранный язык» приобретает профессиональную направленность, что обуславливает содержание учебной программы курса и методы её реализации.

Коренева А.В. в монографии «Профессионально-ориентированная методика речевой подготовки студентов» выделяет в качестве одной из важных составляющих коммуникативной компетенции специалиста – профессионально личностные качества, среди которых чаще всего выделяются следующие: уверенность в себе, психологическая зрелость, способность проявлять в коммуникации дружелюбие и эмоциональную выразительность, активность, высокая степень самоконтроля, способность занимать лидирующую позицию в общении, способность к рефлексии, эмпатии, критичность и тенденции к саморазвитию» [7, с. 16].

Формированию профессионально-коммуникативной компетенции способствует метод проектов, который в системе вузовского обучения приобретает профессиональную направленность. Формирование проектной компетенции – это одна из целей высшего образования, которая закреплена в федеральных государственных образовательных стандартах различных направлений подготовки.

Е.С. Полат дает следующее определение методу проектов: это «...способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы (технология), которая должна завершиться вполне реальным, осязаемым практическим результатом, оформленным тем или иным образом» [10, с. 67]. Реализация метода проекта должна включать два компонента: задачу, требующую исследования, и конкретный результат, имеющий значимость. По мнению исследователей, именно проектная деятельность позволяет учащимся реализовать свой потенциал [4].

Дидактической целью занятий по русскому языку как иностранному является развитие речевых умений в разных видах деятельности на основе приобретенных знаний и сформированных навыков. В данном случае «видом деятельности» является работа над проектом, инструментом успешного выполнения которого является язык. Безусловно, это будет мотивировать иностранных учащихся к осмысленной работе с лексико-грамматическими единицами языка.

Проектная деятельность на иностранном языке носит комплексный характер и развивает необходимые умения и навыки в разных видах речевой деятельности. Кроме того, использование данного метода формирует самостоятельность учащихся в определении содержания работы, структуры, презентации результатов, использования аудиовизуальных средств. Проектная деятельность помогает показать студентам их дополнительные умения и навыки (например, создание коллажей, видеомонтаж и др.), сформировать свой стиль публичного выступления. Необходимо отметить, что при работе над проектом развивается «внутренняя» речь на иностранном языке, что способствует развитию навыка прогнозирования коммуникативной ситуации, повышению степени коммуникативной готовности учащихся.

Важно заметить, что реализация метода проектов на русском языке для иностранных студентов соответствует принципам личностно-ориентированного обучения, которое предполагает учет индивидуальных особенностей личности и создание условий для раскрытия потенциала и развития индивидуально-личностных черт обучающихся [15]. Как известно, уровень сформированности языковой и коммуникативной компетенции у иностранных учащихся российских вузов зачастую различен и определяется экстралингвистическими факторами, не связанными с процессом обучения. Однако каждый из них должен иметь возможность развития коммуникативных навыков.

Проектная деятельность профессиональной направленности ориентируется на профессиональную коммуникацию, формирует осмысленное отношение к языку, в частности к профессиональному типу, дает возможность проявить себя студентам с разным уровнем владения языком. Также данная деятельность организует самостоятельную работу студентов по дисциплине «Иностранный язык».

Цель исследования состоит, таким образом, в демонстрации возможностей метода проектов в практике преподавания русского языка как иностранного в рамках дисциплины «Иностранный язык» студентам медицинских направлений подготовки как значимого инструмента формирования у них профессионально-коммуникативной компетенции.

В центре нашего исследовательского внимания в настоящей статье находится профессионально-ориентированный проект как метод работы с иностранными студентами на занятиях по русскому языку как иностранному.

Материалы и методы исследований

В исследовании используется один из таких современных педагогических методов как метод проектов (проектное обучение), который признаётся большинством специалистов как метод, который «акцентирует внимание на практическом применении знаний и навыков, помогает студентам развить творческое мышление, решать проблемы в команде, развивать профессиональные компетенции» [11, с. 18].

Материалом исследования является массив проектов, подготовленных иностранными студентами медицинских направлений подготовки Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Результаты и обсуждения

В течение нескольких десятилетий и на сегодняшний день медицинское образование в России для иностранных граждан является одним из самых востребованных, количество абитуриентов из зарубежных стран, выбирающих медицинские направления подготовки, растёт с каждым годом. Умение осуществлять профессиональную коммуникацию на русском языке становится для иностранных студентов медицинских направлений подготовки точкой профессионального роста. Профессионально-ориентированная проектная деятельность на занятиях по русскому языку как иностранному способствует их подготовке к профессиональной коммуникации на русском языке, которая является необходимой частью профессиональной компетенции врача.

Организация проектной деятельности иностранных студентов медицинских направлений подготовки на занятиях по русскому языку как иностранному предполагает цепочку проектов, презентация которых является логичным завершением семестра. Соответственно, тематика профессионально-ориентированного проекта соотносится с лексико-грамматическим наполнением учебной программы курса «Иностранный язык (русский)» для студентов медицинских специальностей. Данный вариант организации учебной деятельности иностранных студентов-медиков на занятиях по русскому языку как иностранному полностью соотносится с такими общедидактическими принципами обучения, как принципом преемственности, связи теории с практикой, доступности, систематичности и последовательности, междисциплинарного взаимодействия.

Работа над профессионально-ориентированным проектом с иностранными студентами проводится в течение семестра и включает в себя несколько этапов.

1. Подготовительный (выбор объекта исследования, определение этапов работы и их сроков).
2. Информационно-поисковый (сбор информации).
3. Аналитический (анализ информации, результатов поиска, исследования).
4. Текстовый (составление текста доклада, оформление презентации).
5. Презентационный (представление результатов работы, дискуссия).

Дидактической целью профессионально-ориентированной проектной деятельности на уроках русского языка как иностранного является формирование и развитие навыков самопрезентации и презентации результатов своей деятельности на иностранном для учащихся языке (русском). Данная цель соответствует планируемым результатам обучения, закреплённым в федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по специальностям 31.05.01 «Лечебное дело» и 31.05.03 «Стоматология» в универсальной компетенции (УК-4), которая предполагает, что выпускник образовательной программы будет «способен применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном(ых) языке(ах), для академического и профессионального взаимодействия».

Студентам предлагается подготовить профессионально-ориентированный проект, который по типологии проектов может быть информационным, либо исследовательским, либо творческим проектом. Информационный и исследовательский проект отличаются наличием четко поставленных актуальных и значимых для студентов целей, продуманной и обоснованной структурой, использованием научных методов обработки и оформления результатов. Тематика таких проектов отражает наиболее актуальные для современной науки проблемы, учитывает их значимость для развития исследовательских навыков студентов [6, с. 85].

В соответствии с вышесказанным особое внимание уделяется презентации проекта, который готовится с заданными формальными ограничениями во времени и количестве слайдов. Нами выбран формат презентации, где иллюстративный материал к докладу должен размещаться на 20 слайдах, каждый из которых длится 20 секунд. Такая дробность презентации доклада учит ответственно подходить к речевому оформлению доклада, анализировать скорость речи и качество речи, формирует речевой самоконтроль. Данный подход вызывает трудности, так как выводит на первый план форму представления результатов проекта, однако последовательность в реализации проектной методики дает возможность работать над формированием коммуникативных навыков у иностранных студентов. В то же самое время таким образом педагог решает одну из задач обучения, которая заключается «в формировании коммуникативных навыков, ... социализации и стрессоустойчивости, и прочих необходимых современному человеку навыков» [3, с. 235].

Тематика проектов, над которыми работают студенты в течение курса «Иностранный язык» может быть предложена следующая: «Известный врач моей страны», «Самый важный орган», «Заболевание, которое я смогу победить», «О чём говорит этот симптом», «Интересный клинический случай», «Я врач».

По-нашему убеждению, начинать логичнее всего с информационных проектов, целью которых является сбор, анализ и представление информации по какой-либо актуальной предметной или предпрофессиональной тематике. Например, работа и презентация проекта на тему «Известный врач моей страны» позволяет иностранным студентам узнать о выдающихся деятелях медицины других стран, их жизненный путь и достижения. Проекты на темы «Самый важный орган», «Заболевание, которое я смогу победить», «О чём говорит этот симптом» являются межпредметными и позволяют учащимся обобщить информацию, полученную на дисциплинах, формирующих профессиональную компетенцию врача. Работа над ними носит личностно-ориентированный характер, позволяет не только рассказать, но и оценить информацию, выразить свое отношение к сказанному (Почему я выбрал этот орган/симптом/заболевание? Как мой выбор соотносится с моей личностью? Как мой выбор соотносится будущей специализацией?).

Тематика проекта «Интересный клинический случай» соотносится с проблематикой студенческой конференции, проводимой для студентов старших курсов, и работа над ним связана с клинической практикой иностранных студентов-медиков. По типологии данный проект исследовательский, так как студенты в ходе наблюдения за работой специалистов, самостоятельного поиска информации делают выводы, обобщая полученные данные.

Проект «Я врач» завершает цепочку проектов в рамках дисциплины «Иностранный язык». Это уже творческий проект. «Творческие проекты предполагают максимальную степень свободы студентов. Преподаватель определяет лишь общие параметры проекта и указывает оптимальные пути решения поставленных задач. Творческие проекты предполагают максимальную активизацию познавательной деятельности студентов, способствуют эффективной выработке навыков первоначальной обработки информации, работы с документами, умения обобщать и интегрировать полученную информацию. Реализация творческих проектов позволяет максимально раскрыть творческие возможности студентов и стимулирует их научно-исследовательскую работу» [6, с. 84]. Безусловно, такой вид творческого проекта для студентов нетворческих специальностей имеет значение не только в плане развития навыков профессиональной коммуникации, но и в аспекте профессионального воспитания, формирования личности специалиста.

Выводы

В предложенной статье развиваются изложенные положения о потенциале проектного метода в работе преподавателя при обучении иностранных студентов русскому языку в целях формирования у них профессионально-коммуникативных компетенций. Нами предлагается применение такого вида самостоятельной работы студента, как подготовка профессионально-ориентированного проекта на одну из тем по выбору студента.

Утверждается мысль о том, что методический потенциал профессионально-ориентированных проектов в рамках дисциплины «Иностранный язык» определяется не только развитием навыков профессиональной коммуникации на русском языке иностранных студентов-медиков, но и возможностью формирования личности профессионала, который приобретает компетенции в условиях иноязычной языковой среды.

Данная статья еще раз доказывает валидность предлагаемого в работе практического применения проектного метода на занятиях по русскому языку как иностранному с целью формирования у студентов компетенций, необходимых им в будущей профессиональной деятельности.

Практическая значимость работы состоит в возможности применить предложенные нами темы профессионально-ориентированных проектов в вузовском преподавании русского языка как иностранного иностранным студентам, обучающимся по медицинским направлениям подготовки.

Список источников

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Балыхина Т.М. Структура и содержание российского филологического образования. Методологические проблемы обучения русскому языку: Научное издание. М.: Изд-во МГУП, 2000. 400 с.
3. Виндилович А.В. Инновационные методы обучения в высшем образовании // Молодой ученый. 2022. № 1 (396). С. 235 – 237. URL: <https://moluch.ru/archive/396/87663> (дата обращения: 19.09.2025).
4. Дадаян Ю.С. Свинторжицкая И.А., Соломинцева О.В., Анцелевич О.В., Пилат Л.П., Шевченко Е.М. Использование проектной методики в обучении иностранным языкам в неязыковом вузе (на примере филиала СКФУ в г. Пятигорске) // Научная мысль Кавказа. 2013. № 2. С. 71 – 75.

5. Добрыдина Т.И. Формирование профессиональных компетенций будущих педагогов в процессе обучения иностранному языку // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 1 (91). С. 32 – 35.
6. Камалеева А.Р., Гризодуб Н.В. Педагогика высшей школы: педагогическое образование. Казань: ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем». 2023. 230 с.
7. Коренева А.В. Профессионально ориентированная методика речевой подготовки студентов: монография. М.: РУСАЙНС, 2021. 228 с.
8. Матухин Д.Л., Низкодубов Г.А. Компетентностный подход в системе высшего профессионального образования // Язык и культура. 2013. № 1 (21). С. 83 – 89.
9. Молчанова И.Г., Фалькова М.Н. Формирование профессионально-коммуникативной компетенции в процессе обучения английскому языку в рамках среднего профессионального образования // Актуальные задачи педагогики: материалы VI международной научной конференции. Чита: Издательство Молодой ученый, 2015. С. 148 – 150.
10. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учебное пособие для студентов педагогических высших учебных заведений: 4-е изд. стер. М.: Академия, 2009. 268 с.
11. Першина И.Б., Кабаканова Ю.О. Современные эффективные методы преподавания в вузе // Международный научный журнал «Вестник науки». 2023. Т. 1. № 9 (66). С. 15 – 21. URL: <https://www.vestnik-nauki.rf/article/9891> (дата обращения: 19.09.2025).
12. Стурикова М.В. Коммуникативная компетенция и ее развитие у студентов вуза в условиях преемственности образования: монография. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2020. 164 с.
13. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – специалитет по специальности 31.05.01 Лечебное дело, утвержденный приказом Минобрнауки России от 12 августа 2020 года № 988. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-31-05-01-lechebnoe-delo-988/> (дата обращения: 19.09.2025).
14. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – специалитет по специальности 31.05.05 Стоматология, утвержденный приказом Минобрнауки России от 12 августа 2020 года № 984. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-31-05-03-stomatologiya-984/> (дата обращения: 19.09.2025).
15. Якиманская И.С. Разборка технологии личностно-ориентированного обучения // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 31 – 42.

References

1. Azimov E.G., Shchukin A.N. New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching). Moscow: IKAR Publishing House, 2009. 448 p.
2. Balykhina T.M. Structure and Content of Russian Philological Education. Methodological Problems of Teaching Russian: Scientific Publication. Moscow: Moscow State University of Printing Arts, 2000. 400 p.
3. Vindilovich A.V. Innovative Teaching Methods in Higher Education. Young Scientist. 2022. No. 1 (396). P. 235 – 237. URL: <https://moluch.ru/archive/396/87663> (date of accessed: 19.09.2025).
4. Dadayan Yu.S., Svintorzhitskaya I.A., Solomintseva O.V., Antselevich O.V., Pilat L.P., Shevchenko E.M. Using Project-Based Methodology in Teaching Foreign Languages at a Non-Linguistic University (Based on the Pyatigorsk Branch of North Caucasus Federal University). Scientific Thought of the Caucasus. 2013. No. 2. P. 71 – 75.
5. Dobrydina T.I. Formation of Professional Competencies of Future Teachers in the Process of Teaching a Foreign Language. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2010. No. 1 (91). P. 32 – 35.
6. Kamaleeva A.R., Grizodub N.V. Pedagogy of Higher School: Pedagogical Education. Kazan: Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems. 2023. 230 p.
7. Koreneva A.V. Professionally Oriented Methodology of Students' Speech Training: Monograph. Moscow: RUSAINS, 2021. 228 p.
8. Matukhin D.L., Nizkodubov G.A. Competency-Based Approach in the System of Higher Professional Education. Language and Culture. 2013. No. 1 (21). P. 83 – 89.
9. Molchanova I.G., Falkova M.N. Formation of Professional Communicative Competence in the Process of Teaching English in Secondary Vocational Education. Actual Tasks of Pedagogy: Proceedings of the VI International Scientific Conference. Chita: Young Scientist Publishing House, 2015. P. 148 – 150.
10. Polat E.S. New Pedagogical and Information Technologies in the Education System: A Textbook for Students of Pedagogical Higher Education Institutions: 4th Reprinted Edition. Moscow: Academy, 2009. 268 p.
11. Pershina I.B., Kabakanova Yu.O. Modern Effective Teaching Methods at the University. International Scientific Journal "Bulletin of Science". 2023. Vol. 1. No. 9 (66). P. 15 – 21. URL: <https://www.vestnik-nauki.rf/article/9891> (date of accessed: 19.09.2025).

12. Sturikova M.V. Communicative Competence and Its Development in University Students in the Context of Continuity of Education: A Monograph. Yekaterinburg: Publishing House of the Russian State Prof. and Pedagogical University, 2020. 164 p.

13. Federal State Educational Standard of Higher Education – Specialist Degree in Specialty 31.05.01 General Medicine, approved by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated August 12, 2020, No. 988. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-31-05-01-lechebnoe-delo-988/> (date of accessed: 19.09.2025).

14. Federal State Educational Standard of Higher Education – Specialist Degree in Specialty 31.05.05 Dentistry, approved by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated August 12, 2020, No. 984. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-31-05-03-stomatologiya-984/> (date of accessed: 19.09.2025).

15. Yakimanskaya I.S. Analysis of the technology of personality-oriented learning. Questions of Psychology. 1995. No. 2. P. 31 – 42.

Информация об авторах

Смирнова Е.Е., кандидат филологических наук, доцент, кафедра преподавания русского языка в других языковых средах, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, ees@unnn.ru

Лебедева О.А., кандидат педагогических наук, доцент, кафедра преподавания русского языка в других языковых средах, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, lebedeva@flf.unnn.ru

© Смирнова Е.Е., Лебедева О.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81.26+811.581.11

¹ Чэн Цзин, ¹ Шэнь Цзыци

¹ Педагогический университет Цзянси

Исследование русского перевода идей Си Цзиньпина о государственном управлении

Аннотация: с момента выхода в свет первого тома серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении» в 2014 году и по изданию четвертого тома в 2022 году, различные круги в России активно ведут исследования данной книги. В общей сложности было опубликовано свыше 100 тысяч научных статей, а масштабность достигнутых результатов по праву считается беспрецедентной среди зарубежных исследований. В данной статье, основываясь на сборе и систематизации данных из Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и электронной библиотеки «КиберЛенинка», анализируется парадигма исследований российской академической среды серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении». Одновременно проводится анализ и интерпретация уровня восприятия и признания политического дискурса, идейных концепций, китайской культуры и образа Китая, содержащихся в них, с целью предоставления определенной основы для дальнейшего изучения идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи. Исследования серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении» в России имеют несравненный масштаб. Несмотря на то, что в процессе встречались отдельные неточные или ошибочные толкования, мы имеем все основания полагать, что в будущем будет углубляться междисциплинарное изучение и продолжится активное восприятие китайской мудрости. Это позволит всесторонне понять полное видение и осмысление Россией китайской философии государственного управления.

Ключевые слова: Си Цзиньпин о государственном управлении, русский перевод, идея, традиционная китайская культура, политика, российская аудитория

Для цитирования: Чэн Цзин, Шэнь Цзыци. Исследование русского перевода идей Си Цзиньпина о государственном управлении // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 131 – 140.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Cheng Jing, ¹ Shen Ziqi

¹ Jiangxi Normal University

A study of the Russian translation of Xi Jinping's ideas on public administration

Abstract: since the publication of the first volume of the series of books «Xi Jinping: The Governance of China» in 2014 and the publication of the fourth volume in 2022, various circles in Russia have been actively researching this book. In total, over 100,000 scientific articles have been published, and the scale of the results achieved is rightly considered unprecedented among foreign studies. This article analyzes the research paradigm of the Russian academic community on the series of books «Xi Jinping: The Governance of China», based on data collected and systematized from the Russian Science Citation Index (RSCI) and the CyberLeninka electronic library. At the same time, the level of perception and recognition of political discourse, ideological concepts, Chinese culture, and the image of China contained therein are analyzed and interpreted in order to provide a basis for further study of Xi Jinping's ideas on socialism with Chinese characteristics for a new era. Research on the series of books «Xi Jinping: The Govern-

ance of China» in Russia is unparalleled in scale. Despite the fact that there have been some inaccurate or erroneous interpretations in the process, we have every reason to believe that interdisciplinary study will deepen in the future and that the active perception of Chinese wisdom will continue. This will allow for a comprehensive understanding of Russia's complete vision and interpretation of Chinese philosophy of state governance.

Keywords: «Xi Jinping: The Governance of China», Russian translation, idea, traditional, Chinese culture, policy, Russian audience

For citation: Cheng Jing, Shen Ziqi. A study of the Russian translation of Xi Jinping's ideas on public administration. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 131 – 140.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

«С XVIII съезда КПК коллективное руководство ЦК КПК во главе с Генеральным секретарем Си Цзиньпином, ориентируясь на общую стратегическую картину великого возрождения китайской нации и глубоких перемен, невиданных за столетие в мире, и под руководством идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи, вело народ всех национальностей страны к совместному преодолению трудностей, спокойно реагируя на новые вызовы как внутри страны, так и за рубежом, открыло новый поход реформ и открытости, социалистической модернизации Китая и успешно достигло цели первого столетия борьбы. Быстрый подъем Китая привел к тому, что международное сообщество все больше фокусирует свое внимание на Китае, и породил ряд вопросов, таких как: какие изменения произойдут в современном Китае, какое влияние окажет стремительно развивающийся Китай на мир, почему Коммунистическая партия Китая добивается успеха, в чем заключается сила и привлекательность идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» [8].

В ответ на озабоченность международного сообщества и для углубления понимания им «китайской мысли, китайского пути, китайского государственного управления», концепции развития Китая и его внутренней и внешней политики, государственное управление информации Госсовета КНР совместно с Исследовательским центром литературы ЦК КПК и Китайской корпорацией по изданию и распространению литературы на иностранных языках с 2014 по июнь 2022 года последовательно подготовили и опубликовали серию книг «Си Цзиньпин о государственном управлении» с первого по четвертый том. Это было сделано с целью «посредством книг, преодолевая языковые барьеры и культурные различия», представить миру образ Китая как мирно развивающейся великой державы – «образ более реальный, объемный и всесторонний, стремящийся к великому единению в мире и счастью всего человечества» [8].

Серия книг «Си Цзиньпин о государственном управлении» (тома I-IV) содержит в общей сложности 75 разделов, включающих 379 текстов, таких как выступления, речи, указания, поздравительные послания и другие материалы. Сразу после выхода в свет эта серия книг вызвала огромный интерес у международного сообщества, особенно встретив живой отклик в различных кругах России, и сыграла неоценимую роль в дальнейшем углублении понимания как концепций государственного управления Китая, так и в восприятии образа выдающейся традиционной китайской культуры.

В России российские ученые склонны подходить к исследованию данной проблемы, прежде всего, с позиций «самосознания России», «русскоцентризма», а также концепции «Русского мира», выдвинутой после прихода Путина к власти. Эти подходы неизбежно затрагивают вопросы: «Что Россия значит для мира?», «Что Россия может дать миру?» и «Что Россия может получить от мира?». Исследовательская тенденция по этим вопросам исходит из «русскоцентризма», но неблагоприятна для самой России и даже ведет к изоляции.

Для преодоления или как минимум ограничения неблагоприятного влияния «русскоцентризма» на Россию российские ученые сконцентрировали внимание на изучении мира как целого, рассматривая проблемы России как часть общечеловеческих проблем существования и подходя к ним с философской позиции. Это делается с целью решить собственные проблемы, найти российский путь и перестроить образ России. Появление серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении» предоставило российской академической среде совершенно новые перспективы и возможности для соответствующих исследований.

На основе этого российская академическая среда провела всестороннее, систематическое и многомерное исследование данной серии книг. Согласно официальным статистическим данным РИНЦ и электронной библиотеки «КиберЛенинка», с 2014 по 2022 год результаты исследований российских ученых по

различным темам, содержащимся в серии, превысили 100 тысяч публикаций. Такой масштаб исследовательской группы и богатство полученных результатов ставят Россию на первое место среди зарубежных исследователей.

Следует отметить, что эти данные исследования являются только официальной статистикой РИНЦ и электронной библиотеки «КиберЛенинка». Прочие электронные периодические издания, новости и другие источники не были включены в данный подсчет.

Авторы данного исследования обнаружили, что исследовательская парадигма российской академической среды такова: во-первых, проводится междисциплинарное и многоаспектное исследование различных тем, содержащихся в томах с первого по четвертый серии «Си Цзиньпин о государственном управлении», с экономических, политических, философских, исторических, социальных и других точек зрения; а во-вторых, осуществляется систематический анализ сквозных тем, проходящих через все тома серии. Например, соответствующие результаты исследований российских ученых по теме «сообщество единой судьбы человечества» в книгах серии «Си Цзиньпин о государственном управлении» достигли 10 904 публикаций; по теме «неуклонно придерживаться и развивать социализм с китайской спецификой» – 1890 публикаций; по теме «Один пояс – один путь» – более 16 000 публикаций; по теме «придерживаться принципа делать все во благо народа, опираться на народ» – 791 публикация; по теме «решительно завершить строительство общества среднего достатка, одержать победу в борьбе с бедностью» – 3950 публикаций; по теме «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» – более 1890 публикаций; по теме «высказывания Генерального секретаря Си Цзиньпина о всестороннем углублении реформ» – 978 публикаций; по высказываниям Генерального секретаря о «строительстве экологической цивилизации» – до 1900 публикаций; по теме «одно государство – два строя и мирное воссоединение» – около 1372 публикаций; общее количество статей по теме «китайская мечта» – около 4384 публикаций; общее количество статей по теме «содействие устойчивому и здоровому социально-экономическому развитию» – около 3906 публикаций; результаты исследований российских ученых по теме «правовое строительство Китая» в серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении» – 254 публикации; соответствующие результаты исследований по теме «Создать новую китайскую культуру и достигнуть новой славы» – 10 942 публикации; результаты исследований по теме «строительство мощной социалистической культуры» – 804 публикации; результаты исследований по теме «содействовать всестороннему углублению реформ для достижения новых прорывов» – 3764 публикации; результаты исследований по теме «формирование новой модели всесторонней открытости» – 1751 публикация; результаты исследований по теме «содействие высококачественному экономическому развитию» – 934 публикации; результаты исследований по теме «активное развитие социалистической демократии» – 3616 публикаций; результаты исследований по теме «повышение и гарантирование уровня жизни населения» – 4591 публикация; результаты исследований по теме «содействие гармоничному сосуществованию человека и природы» – 571 публикация; соответствующие результаты исследований по теме «углубленное продвижение дипломатии великой державы с китайской спецификой» – 880 публикаций и т.д.

Материалы и методы исследований

Данное исследование глубоко изучает распространение, восприятие и интерпретацию серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении» в России, стремясь выявить уровень познания и признания российским академическим сообществом политического дискурса, идейных концепций, китайской культуры и образа Китая, содержащихся в этих работах.

Материалы данного исследования в основном охватывают интерпретацию и принятие российскими учеными таких ключевых концепций, как «сообщество единой судьбы человечества», «социализм с китайской спецификой», «Один пояс – один путь» и «китайская мечта», а также представление и влияние традиционных китайских культурных элементов (таких как аллюзии, идиомы, пословицы) в русских переводах.

Кроме того, данное исследование также уделяет внимание эволюции исследовательских парадигм российских ученых, а именно изменению их менталитета от «учителя» к «наблюдателю», затем к «ученику» и, наконец, к «исследователю», а также указывает на возможные недостатки и неверные толкования в существующих исследованиях.

Что касается методов исследования, то оно в основном проводит макроскопический анализ исследовательских парадигм российского академического сообщества путем сбора и систематизации данных из Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и электронной библиотеки «КиберЛенинка». Одновременно применяются методы текстового анализа и сравнительного исследования для глубокого изучения стратегий русского перевода (включая интерпретационный перевод, буквальный перевод, вольный перевод и локализованную адаптацию) ключевых концепций и культурных выражений из серии книг. Это дополня-

ется многомерным сравнением с марксистской гуманитарной мыслью и ленинской теорией с целью всестороннего понимания российской когнитивной картины в отношении философии государственного управления Си Цзиньпина.

Результаты и обсуждения

Образы китайской культуры в переведенных текстах серии «Си Цзиньпин о государственном управлении». Идеи, содержащиеся в серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении», концентрируются в «космологическом представлении о “единстве неба и человека”, концепции международных отношений, основанной на гармонии всех стран, социальном представлении о гармонии при сохранении различий и моральном представлении о доброте человеческого сердца» [6]. Это также составляет идейную основу для формирования китайских ценностей.

Российский исследователь из Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета Кожухова в статье «Традиционные ценности в дипломатическом мышлении Си Цзиньпина» пишет: «В процессе исторического развития Китая особенности традиционной культурной мысли позволили ему абсорбировать все изменения в мировой политико-экономической системе, способствовать развитию государства, отбрасывать ненужный опыт, сохранять стабильность национальных традиций и ценностей, формировать основу китайской политической мудрости» [3, с.74].

Кожухова К.Е. считает проявляющиеся в политическом языке Генерального секретаря Си Цзиньпина средства национальной языковой выразительности и квинтэссенцию национальной культуры, включая уместное и живое использование исторических и культурных классических элементов, таких как аллюзии, идиомы, пословицы и т.д., основным средством для политика реализовать эмоциональную, аффективную, коммуникативную, металингвистическую и эстетическую функции его политического дискурса [3]. Цель состоит в том, чтобы позволить российской аудитории четко и ясно понять политический курс и установки нашей партии в сфере государственного управления, международное видение и нравственные представления, а также передать выдающуюся китайскую историческую культуру.

Политический дискурс в книгах серии «Си Цзиньпин о государственном управлении» представляет собой как точное изложение политических намерений Генерального секретаря Си Цзиньпина, так и процесс самоописания традиционной культуры страны в условиях межкультурной коммуникации [4]. Именно он непосредственно формирует выдающуюся китайскую традиционную культуру в культурном контексте русскоязычной страны, и благодаря различным переводческим приемам эта культура быстро интегрируется в культурный контекст принимающей стороны и успешно принимается ею.

Российский доктор политических наук из Дальневосточного федерального университета Бояркина А.В., взяв за отправную точку цитируемые Генеральным секретарем Си Цзиньпином в книгах классические тексты китайской культуры, исследует проявляющиеся в политическом дискурсе нынешнего руководителя Китая в сфере государственного управления традиционные классические элементы, такие как китайская традиционная культура и национальные ценности, основанные на гармонии всех стран. Путем интерпретационного перевода ей удалось успешно сформировать новый образ Китая и китайской культуры в среде российской аудитории [10].

Например, когда Генеральный секретарь Си Цзиньпин выступал с программной речью «Цивилизации становятся яркими благодаря обмену и обогащаются благодаря взаимному обучению» в штаб-квартире ЮНЕСКО, Генеральный секретарь процитировал фразу из сборника «Мудрые изречения древности и современности» эпохи Мин и Цин, чтобы показать, что человеческие цивилизации становятся многообразными благодаря обмену и процветают благодаря взаимному обогащению; в русском переводе эта фраза была передана как «Один цветок весны не делает». Генеральный секретарь намеревался, используя это меткое народное изречение, проиллюстрировать диалектическую связь между целым и частью в марксистской диалектике, что демонстрирует универсальность связей, и с помощью этой пословицы он прекрасно истолковал законы объективного развития и изменения вещей.

Неслучайно, используя прием интерпретационного перевода, российские исследователи перевели данную пословицу в более понятные для российской аудитории русские эквиваленты, такие как «одна ласточка весны не делает». Кроме того, некоторые российские ученые предлагают вариант «Одна роза весны не делает».

Исходя из этого, русская интерпретация Бояркиной дискурса Генерального секретаря в книгах по государственному управлению в значительной степени способствовала пониманию и принятию российской аудиторией китайской культуры и китайской мысли, проявляющихся в его политическом дискурсе, что позволило российской аудитории полностью осмыслить и понять основную суть выступления Генерально-

го секретаря о том, что цивилизации многообразны, равны и инклюзивны, а также осознать предложенную Китаем классическую концепцию управления «гармония при сохранении различий». Еще пример: 28 мая 2018 года в своей важной речи под названием «Стремиться стать крупным мировым научным центром и центром инноваций», произнесенной на совместном открытии 19-й сессии Общего собрания Академии наук Китая и 14-й сессии Общего собрания Инженерной академии Китая, Генеральный секретарь Си Цзиньпин процитировал строку из поэмы Цюй Юаня «Лисао».

В русском переводе эта строка была передана как «За то, что сердцу моему любезно, хоть девять раз я умереть готов». Чтобы российская аудитория лучше поняла историческое происхождение этой строки, в перевод были специально добавлены примечания, подробно разъясняющие историко-культурный фон создания поэмы, информацию о жизни поэта и т.д., что позволило российским читателям самым наглядным образом ощутить богатейшее китайское историческое и культурное наследие.

Подобным образом, 10 июня 2018 года в своей речи под названием «Продвигать “шанхайский дух” и строить сообщество единой судьбы», произнесенной на 18-м заседании Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества, Генеральный секретарь Си Цзиньпин процитировал высказывание Конфуция. В русском переводе эта цитата была полностью сохранена и снабжена пояснениями. Русский вариант перевода «Конфуций увидел все царство Лу, а на горы Тайшань – всю Поднебесную», выполненный методом прямого перевода в рамках русского языкового мышления, наглядно и образно выразил политическую решимость нашей страны в условиях глобализации стремиться к продвижению дела прогресса человеческой цивилизации, «отвергая узкие представления, основанные на игре с нулевой суммой, унилатерализме, менталитете холодной войны и т.д., и совместно создавать новый мир прочного мира, всеобщей безопасности и общего процветания»[7]. При этом он также продемонстрировал российской аудитории выдающуюся традиционную китайскую культуру.

С точки зрения перевода, как перевод политических текстов, так и представление традиционной культуры за рубежом являются основным путем для нашей страны по демонстрации внешнему миру уникального китайского историко-культурного и языкового ландшафта. Эти процессы порождают у зарубежной аудитории либо положительные, либо отрицательные субъективные представления, что, соответственно, влияет на восприятие современного Китая.

Благодаря культурной общности в понимании эмоций и явлений, присущей всем народам мира, она становится основным средством, часто используемым сторонами межкультурной коммуникации в переводных текстах для построения культурной идентичности.

Русские учёные Тушков А.А. и Фоменко Д.А., основываясь на рамках русского национального языка, перефразировали в такие русские пословицы, как: «Гость на порог – счастье в дом»; «Для дорогого гостя и ворота настежь»; «Гость не кость – за дверь не выкинешь» [9], и другие пословицы. Русская интерпретация Тушкова крылатого выражения Конфуция в книге не только семантически точно соответствует смыслу, но и соответствует способу понимания русских людей. Это напрямую способствует возникновению у русской аудитории чувства идентичности с китайской культурой, а за культурной идентичностью стоит идентичность этническая и национальная.

Этот подход российских исследователей, который они применяют в переводах текстов для лучшей интерпретации политического дискурса лидера другой стороны, сочетающий буквальный и смысловой перевод с одновременной интерпретацией переведённого текста в контексте собственной национальной языковой среды, эффективно позволяет российской аудитории интуитивно и образно ощутить уникальную китайскую историко-культурную и языковую картину мира и вызвать культурный резонанс и национальную идентичность, что значительно повышает у зарубежной российской аудитории степень принятия нашего политического языка и национальной культуры.

Интерпретация ключевых концепций.

Российские научные круги провели исследования различной степени по 75 темам в томах с первого по четвёртый «Си Цзиньпин о государственном управлении», проявляя особый интерес к теме «идентичности», проходящей через все четыре тома. Взяв в качестве примера концепцию «сообщества единой судьбы человечества», российские исследователи провели обширные исследования этой концепции, получив более десяти тысяч исследовательских работ. Эти плодотворные результаты показывают, что концепция Генерального секретаря Си Цзиньпина о сообществе единой судьбы человечества глубоко укоренилась в сознании людей и получила широкое признание.

Различные слои российского общества, посредством изучения серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении» и реальных действий Китая в международных делах, широко одобряют путь мирного развития Китая и приверженность созданию общих для всего человечества ценностей мира, процветания

и лучшего будущего. Они считают это наиболее выдающимся вкладом Китая в глобальное управление в XXI веке.

Именно по этой причине влияние Китая на международной арене становится всё больше, а его призывная сила – всё сильнее. Китайская мысль и китайская мудрость заслуживают изучения и освоения странами всего мира в условиях различных культур, обычаев и идеологий, чтобы вместе работать над реализацией общей судьбы человечества.

В процессе исследования концепции «сообщества единой судьбы человечества» российские учёные единодушно считают, что выдвижение Генеральным секретарём этой концепции основано на размышлениях над ключевыми мировыми проблемами, является идеальным сочетанием марксизма и китайской культуры, а также основано на всестороннем понимании мира, точном освоении и познании законов социального развития. Оно коренится как в самых передовых марксистских мировоззрениях, гуманитарной мысли и концепции развития, так и сочетается с философией традиционной китайской культуры, такой как: космология «единства неба и человека», мировоззрение «гармонии всех стран», социальная концепция «гармонии при сохранении различий» и т.д. Эти идеи в полной мере учитывают взаимосвязи между историей и реальностью, теорией и практикой, целым и частью, выдвигая таким образом концепцию сообщества судьбы, соответствующую общим ценностям человечества.

23 марта 2013 года Генеральный секретарь Си Цзиньпин в своей речи в Московском государственном институте международных отношений под названием «Идти в ногу со временем, содействовать миру и развитию на планете» впервые выдвинул концепцию «сообщества единой судьбы человечества». Это стало началом изучения данной концепции российскими учёными.

Российские исследователи провели глубокое исследование концепции «сообщества единой судьбы человечества», основываясь на последовательной приверженности китайского правительства на международной арене мирному развитию, поддержанию международной справедливости и мира, а также активной реализации общих ценностей всего человечества.

Они считают, что эта концепция является важной составной частью идеи социализма с китайской спецификой в новую эпоху Си Цзиньпина, была выдвинута китайским лидером, стоящим на высоте развития человеческой истории, на основе точного прогноза нынешних невиданных за столетие великих перемен в мире, является продуктом идеального сочетания китайской классической мудрости и марксистской мысли, представляет собой мудрое кристаллизованное воплощение китаизации марксизма и является одним из величайших вкладов в человеческую мысль в XXI веке.

Например, профессор Санкт-Петербургского государственного университета в России Бояркина А.В. в статье «Концепция Си Цзиньпина “сообщество единой судьбы человечества” – вклад в творческое развитие марксизма в XXI веке» указывает: «После XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая концепция “сообщества единой судьбы человечества”, выдвинутая китайским лидером Си Цзиньпином на основе общих ценностей всего человечества, является органическим сочетанием традиционной китайской культуры и законов социального развития марксизма [2]. Выдвижение этой концепции не только является огромным вкладом в творческое развитие марксизма в XXI веке, но и вносит китайскую мысль в глобальное управление» [2, 4].

Для дальнейшего изучения огромного вклада четырёхтомного издания «Си Цзиньпин о государственном управлении» в мир, Бояркина, взяв в качестве отправной точки исследования полную победу Китая в борьбе с бедностью, сосредоточилась на изучении концепции «сообщества единой судьбы человечества». Ещё один пример: Тушков А.А., один из самых известных российских синологов, в статье «Интерпретация концепции “сообщества единой судьбы человечества” как философии евразийского развития» отмечает: «Китайская философия развития, как составная часть марксистской философии, возникла в период реформ и открытости, неся миссию гармоничного социального развития. Китайская философия развития успешно реализовала идеальное сочетание исторического материализма и социалистической практики, а концепция “сообщества единой судьбы человечества” китайского лидера Си Цзиньпина подняла философию развития на новую высоту» [1, с. 35].

Профессор Дипломатической академии Министерства иностранных дел России В.Л. Нежданов в статье «Идеи Си Цзиньпина» в контексте глобальной проблемы “плохого управления” пишет: «Слово “управление” является одним из ключевых понятий в мышлении Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху. Это отправная точка для ряда идей и стратегий, выдвинутых после XVIII съезда КПК. Оно включает как китайский подход, проявляющийся в решении Китаем внутренних и международных дел, так и китайскую мудрость, демонстрируемую руководством КПК при продвижении укрепления китайской “права голоса”» [5].

Известный российский китаевед и синолог Юрий Тавровский в 2015 году опубликовал в России книгу «Си Цзиньпин: по ступеням китайской мечты», в которой анализируются «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» и международная обстановка, реальные условия китайского общества и практическая работа китайского правительства по реализации этой важной идеи. Он одобряет важные идеи и меры, выдвинутые Генеральным секретарём Си Цзиньпином на основе реальных условий Китая и невиданных за столетие великих перемен в мире. Кроме того, Юрий Тавровский также написал такие работы, связанные с мыслью Генерального секретаря Си Цзиньпина о государственном управлении, как «Новый Шелковый путь. Главный проект XXI века.» и другие, посвящённые серии книг о государственном управлении.

Российские учёные, исходя из перспективы марксистской гуманитарной мысли, исследуют богатую марксистскую гуманитарную мысль, содержащуюся в концепции Си Цзиньпина о «сообществе единой судьбы человечества». Например, профессор кафедры международных отношений Владивостокского государственного университета экономики и сервиса Тушков Александр Анатольевич в статье «Экспликация концепта Си Цзиньпина “сообщество единой судьбы человечества” как философия евразийского развития» пишет: «Китайский лидер Си Цзиньпин, чтобы постоянно адаптироваться к новым мировым тенденциям развития и строить новую структуру человеческого развития, умело применяет марксистскую гуманитарную мысль, концепцию развития, мировоззрение и методологию, творчески выдвинув концепцию “сообщества единой судьбы человечества”. Выдвижение этой концепции является концентрированным выражением китаизации марксизма и значительно обогатило содержание евразийской гуманитарной мысли и философии развития» [9].

Генеральный секретарь Си Цзиньпин, укоренившись в сути выдающейся традиционной китайской культуры, такой как «гармония при сохранении различий», «мир для всех», «гармоничный мир» и т.д., в сочетании с марксистской гуманитарной мыслью и мировоззрением, успешно создал идею ориентированности на человека, отличающуюся от западного гуманизма. Это великое интеллектуальное новшество российскими учёными рассматривается как оценка Си Цзиньпина Сталину и Ленину, а также как творческое развитие китаизации марксизма в XXI веке.

Кроме того, российские научные круги, исходя из предпосылки постоянно усиливающегося интереса к ленинизму в современном российском обществе, проводят сравнительное исследование некоторых теорий Ленина и концепции сообщества единой судьбы человечества, выдвинутой китайским лидером Си Цзиньпином. Результаты показывают, что российское общество одобряет взгляды Ленина на социальное многообразие и единство, а вопрос о том, как координировать противоречия и конфликты, привносимые в мир различными историческими культурами и разными национальными характерами, требует от всех стран необходимости исходить из интересов всего человечества и решать противоречия путём диалога.

Исходя из этого, некоторые российские учёные, отправляясь от концепции сообщества единой судьбы человечества Генерального секретаря Си Цзиньпина, считают, что это новые идеи и теории, выдвинутые на основе марксистского историзма, гуманитарной мысли и концепции развития в сочетании с китайской классической мудростью.

При сравнении с некоторыми национальными теориями Ленина советского периода в аспекте решения и урегулирования человеческих конфликтов, они считают, что в некоторой степени между ними есть общие черты, но, по сути, всё же имеются различия. Это также является одной из основных причин широкого распространения концепции сообщества единой судьбы человечества в России и её быстрого признания различными слоями российского общества.

Будущие перспективы исследования томов I-IV книги «Си Цзиньпин о государственном управлении» в России.

Основываясь на опыте исследований, российские ученые будут постоянно совершенствовать методы исследования и далее раскрывать глубокое содержание книги. С уверенным ростом китайской экономики, всеобъемлющей мощи и международного статуса, отношение российского общества к исследованиям нашей страны также незаметно меняется. Это отражается в результатах исследований российского научного сообщества, где происходит переход от “учителя” к “наблюдателю”, затем к “ученику” и, наконец, к яростному “исследователю”. Изменение менталитета российских исследователей определяет будущие направления и цели исследований, в конечном итоге служащие социальному развитию их страны.

Как “ученики”, они должны, прежде всего, проанализировать идеи социализма с китайской спецификой новой эпохи, научиться использовать марксистскую теорию в сочетании с конкретными условиями Китая для анализа идей государственного управления. Только так можно понять “китайское управление, китайский путь, китайскую логику” [2]. В связи с этим российские исследователи будут далее расширять сферу обучения и исследований, регулярно проводить учебные обмены и предлагать расширение экспертных

мозговых центров, чтобы максимально использовать результаты исследований и заложить основу для углубленного изучения соответствующих идей за рубежом.

Однако, следует признать, что в крайне малом количестве теоретических работ российских исследователей все еще существуют некоторые недостатки и неверные толкования, что является одной из проблем, с которыми столкнется российское научное сообщество в продолжении исследований государственного управления в будущем.

Автор считает, что идеи государственного управления являются важными стратегическими идеями и теоретическими положениями нашей страны, и процесс их изучения за рубежом должен быть динамичным, который неизбежно пройдет повторную теоретическую и практическую проверку, и затем его соответствующие идеи постепенно будут научно и рационально поняты, и приняты.

Аналогично, это также требует от нас, в сочетании с постоянно меняющейся новой ситуацией в международных исследованиях этой книги, придерживаться марксистской теории как руководящего принципа исследования, предотвращая «размывание» соответствующих идей и концепций зарубежными учеными.

Исследовательский горизонт серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении» в России будет далее расширяться. Исходя из результатов исследований последних десяти лет в России, основными направлениями исследований этой книги в России являются история, языкознание и литературоведение, политология, экология, философия, экономика и клиническая медицина. Хотя количество участвующих дисциплин велико, а сфера исследований широка, все они относятся к статическим исследованиям в рамках монодисциплинарного исследования.

В будущем российское научное сообщество должно увеличить междисциплинарные, многомерные и диверсифицированные динамические исследования этой книги.

Десятилетнее зарубежное распространение серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении» достигло огромного успеха. Идеи Си Цзиньпина о государственном управлении получили широкое признание в мире, особенно среди российской аудитории, которая принимает китайскую мудрость, китайские идеи, китайскую культуру и ряд идей и новых концепций, способствующих построению сообщества единой судьбы человечества и нового международного порядка. Это также требует от нас постоянно уделять внимание динамике исследовательских достижений по соответствующим идеям в различных кругах России. Несомненно, в последние годы российские ученые накопили богатый и ценный опыт в раскрытии новых идей и стратегий в серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении», что значительно повысило общий уровень зарубежных исследований соответствующих идей. Учитывая это, исследования этой 4 серии книг в России будут только в «настоящем времени» и «будущем времени», и не будет «завершенного времени».

Выводы

Идеи государственного управления являются важными стратегическими идеями и теоретическими положениями нашей страны, и процесс их изучения за рубежом должен быть динамичным, который неизбежно пройдет повторную теоретическую и практическую проверку, и затем его соответствующие идеи постепенно будут научно и рационально поняты, и приняты.

Кроме того, это также требует от нас, в сочетании с постоянно меняющейся новой ситуацией в международных исследованиях этой книги, придерживаться марксистской теории как руководящего принципа исследования, предотвращая «размывание» соответствующих идей и концепций зарубежными учеными.

Следует отметить, что исследовательский горизонт серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении» в России будет далее расширяться. Исходя из результатов исследований последних десяти лет в России, основными направлениями исследований этой книги в России являются история, языкознание и литературоведение, политология, экология, философия, экономика и клиническая медицина. Хотя количество участвующих дисциплин велико, а сфера исследований широка, все они относятся к статическим исследованиям в рамках монодисциплинарного исследования.

В будущем российское научное сообщество должно увеличить междисциплинарные, многомерные и диверсифицированные динамические исследования этой книги.

Таким образом, десятилетнее зарубежное распространение серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении» достигло огромного успеха. Идеи Си Цзиньпина о государственном управлении получили широкое признание в мире, особенно среди российской аудитории, которая принимает китайскую мудрость, китайские идеи, китайскую культуру и ряд идей и новых концепций, способствующих построению сообщества единой судьбы человечества и нового международного порядка. Это также требует от нас постоянно уделять внимание динамике исследовательских достижений по соответствующим идеям в различных кругах России. Несомненно, в последние годы российские ученые накопили богатый и ценный опыт в раскрытии новых идей и стратегий в серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении», что значи-

тельно повысило общий уровень зарубежных исследований соответствующих идей. Учитывая это, исследования этой 4 серии книг в России будут только в “настоящем времени” и “будущем времени”, и не будет “завершенного времени”.

Список источников

1. Абдрахимов Л.Г. «Концепция инициативы глобальной безопасности» Си Цзиньпина // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2023. № 3 (37). С. 32 – 44.
2. Бояркина А.В., Печерица В.Ф. Концепция Си Цзиньпина “сообщество единой судьбы человечества” – вклад в творческое развитие марксизма в XXI веке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 104 – 112.
3. Кожухова К.Е. Китайские традиционные ценности как основание внешнеполитического курса Си Цзиньпина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 3 (840). С. 71 – 82.
4. Мельничук О.А., Ци Хунвэй. Древнекитайские прецедентные тексты в современном китайском политическом дискурсе (на материале поздравительных речей председателя КНР Си Цзиньпина) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 3. С. 58 – 65.
5. Нежданов В.Л. "Идеи Си Цзиньпина" в контексте глобальной проблемы "плохого управления" // Известия восточного института. 2022. № 2. С. 96 – 109.
6. Си Цзиньпин. Выступление на торжественном собрании, посвященном 60-летию образования Китайского народного общества с границей (КНОДЗ). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2014-05/15/content_2680312.htm (дата обращения: 10.09.2025).
7. Си Цзиньпин. Развитие «Шанхайского духа» во имя формирования сообщества единой судьбы – Выступление Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина на 18-ом заседании Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 2018. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2018/content_5301804.htm (дата обращения: 10.09.2025).
8. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении (IV). М.: Пекин. Издательство литературы на иностранных языках, 2023. 847 с.
9. Тушков А.А., Фоменко Д.А. Экспликация концепта Си Цзиньпина “Сообщества единой судьбы человечества как философия евразийского развития” // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 3 (105). С. 123 – 127.
10. Ци Хунвэй, Мельничук О.А. Прагма-аксиологические функции местоимений первого лица в поздравительных обращениях Си Цзиньпина // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 1 (42). С. 77 – 85.

References

1. Abdrakhimov L.G. Xi Jinping's Concept of the Global Security Initiative. Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Russia and the World. 2023. No. 3 (37). P. 32 – 44.
2. Boyarkina A.V., Pecheritsa V.F. Xi Jinping's Concept of a “Community of Shared Destiny for Humanity” – a Contribution to the Creative Development of Marxism in the 21st Century. Oikumena. Regional Studies. 2020. No. 4. P. 104 – 112.
3. Kozhukhova K.E. Chinese Traditional Values as the Foundation of Xi Jinping's Foreign Policy. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2020. No. 3 (840). P. 71 – 82.
4. Melnichuk O.A., Qi Hongwei. Ancient Chinese Precedent Texts in Modern Chinese Political Discourse (Based on Congratulatory Speeches of Chinese President Xi Jinping). Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education. 2022. No. 3. P. 58 – 65.
5. Nezhdanov V.L. "Xi Jinping Thought" in the Context of the Global Problem of "Bad Governance". Bulletin of the Eastern Institute. 2022. No. 2. P. 96 – 109.
6. Xi Jinping. Speech at the Ceremonial Meeting Dedicated to the 60th Anniversary of the Founding of the Chinese People's Association with Foreign Countries (CPACB). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2014-05/15/content_2680312.htm (date of accessed: 10.09.2025).
7. Xi Jinping. Developing the "Shanghai Spirit" to Forge a Community of Shared Future – Speech by Xi Jinping, Chairman of the People's Republic of China, at the 18th Meeting of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization. 2018. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2018/content_5301804.htm (date of accessed: 10.09.2025).
8. Xi Jinping. Xi Jinping on Public Administration (IV). Moscow: Beijing. Publishing House of Literature in Foreign Languages, 2023. 847 p.

9. Tushkov A.A., Fomenko D.A. Explication of Xi Jinping's Concept of "Community of Shared Destiny for Humanity as a Philosophy of Eurasian Development". *International Research Journal*. 2021. No. 3 (105). P. 123 – 127.
10. Qi Hongwei, Melnichuk O.A. Pragma-axiological Functions of First-Person Pronouns in Xi Jinping's Congratulatory Addresses. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*. 2023. No. 1 (42). P. 77 – 85.

Информация об авторах

Чэн Цзин, преподаватель, Педагогический университет Цзянси, КНР, 1785499853@qq.com

Шэнь Цзыци, Педагогический университет Цзянси, КНР, 1306604280@qq.com

© Чэн Цзин, Шэнь Цзыци, 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81-139

¹ Щербина П.А.

¹ Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

Динамическая модель языковой личности критика (на примере эссе У.Х. Одена «Американская поэзия»)

Аннотация: статья посвящена анализу литературно-критических эссе У.Х. Одена, в частности произведению «Американская поэзия» из сборника *The Dyer's Hand* (1962), с целью реконструкции динамической модели его языковой личности как критика. Исследование основано на антропоцентрическом подходе, рассматривающем текст как отражение индивидуального и культурного сознания автора. Применены структурно-стилистический, прагматический и культурологический методы анализа, что позволило выявить ключевые параметры речевого и когнитивного стиля Одена: сочетание интеллектуальной рефлексивности, ироничности и философской глубины. Особое внимание уделено взаимодействию языковых средств и ценностных установок, определяющих его критическую позицию и коммуникативную стратегию. В результате построена модель языковой личности Одена как многоуровневой структуры, объединяющей индивидуальные, профессиональные и культурные компоненты. Полученные выводы расширяют представление о роли языковой личности в литературной критике и вносят вклад в развитие междисциплинарных исследований на стыке лингвистики, культурологии и когнитивной стилистики.

Ключевые слова: языковая личность, динамика, синкретичный текст, литературная критика, антропоцентризм

Для цитирования: Щербина П.А. Динамическая модель языковой личности критика (на примере эссе У.Х. Одена «Американская поэзия») // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 141 – 148.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Shcherbina P.A.

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia

A dynamic model of a critic's linguistic personality (based on the example of W.H. Auden's essay "American Poetry")

Abstract: the article analyzes W.H. Auden's literary-critical essays, particularly "American Poetry" from *The Dyer's Hand* (1962), to reconstruct a dynamic model of his linguistic personality as a critic. The research follows an anthropocentric approach, viewing the text as a reflection of the author's individual and cultural consciousness. Structural-stylistic, pragmalinguistic, and cultural analysis methods are applied to identify key parameters of Auden's linguistic and cognitive style, characterized by intellectual reflection, irony, and philosophical depth. Special attention is given to the interaction between linguistic means and value orientations that shape his critical stance and communicative strategy. The study constructs a model of Auden's linguistic personality as a multi-level structure integrating individual, professional, and cultural components. The findings contribute to a deeper understanding of the linguistic personality's role in literary criticism and advance interdisciplinary research at the intersection of linguistics, cultural studies, and cognitive stylistics.

Keywords: linguistic personality, dynamics, syncretic text, literary criticism, anthropocentrism

For citation: Shcherbina P.A. A dynamic model of a critic's linguistic personality (based on the example of W.H. Auden's essay "American Poetry"). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 141 – 148.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Антропоцентризм современных лингвистических исследований выдвигает на первый план вопросы функционирования языка и текста в связи с субъектом, их порождающего и воспринимающего, то есть – в связи с человеком. В фокусе внимания исследователей – живой язык, реализуемый в тексте как цельном средстве коммуникации.

Современное понятие языковой личности рассматривается исследователями как «интегративное, послужившее началом нового этапа в развитии языкознания – антропологистики» [1]. По определению Караулова языковая личность – совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [2].

Различные модели языковой личности предлагались отечественными исследователями, включая Карасика, Богина и Ворожбитову [2, 7, 8]. В своих работах о специфике языка литературной критики писал Р. Барт [10]. Так актуальной и перспективной представляется разработка динамической модели языковой личности автора-критика.

Актуализируемые в тексте доминантные смыслы позволяют изучить языковую личность автора, выявить особенности авторского менталитета, осмыслить специфику их отражения в авторском идиолекте [9]. Все проявления языковой личности критика в произведённом им тексте могут быть комплексно описаны с использованием динамической модели, включающей три взаимосвязанных аспекта: стилистический, прагматический и культурологический.

Стилистический аспект отражает индивидуальные языковые особенности и авторский почерк, проявляющийся в выборе лексики, синтаксиса и риторических приёмов.

В рамках стилистического аспекта анализируется разнообразие языковых средств, используемых критиком для создания уникального авторского стиля, включая выбор лексики (нейтральной, эмоционально окрашенной, профессиональной), типы синтаксических конструкций (простые, сложные, эллиптические), а также риторические фигуры и приёмы (метафоры, гиперболы, параллелизмы). Важным выступает определение специфики типа текста и способов его реализации через стилистические средства, что позволяет выявить степень оригинальности и выразительности высказывания. Кроме того, аспект включает обращение к темпоритму текста и к интонационным особенностям, которые формируют целостность текста и влияют на восприятие читателя. Анализ стилистических вариаций в зависимости от коммуникативной ситуации и целевой выявляет, как критик адаптирует свой язык для достижения максимального выразительного эффекта и убеждающей силы [11, 12].

Текстовый (прагматический) аспект учитывает коммуникативные намерения критика, его позицию по отношению к аудитории и цели высказывания, что проявляется в стратегии убеждения и аргументации.

Аспект включает анализ коммуникативных стратегий критика, включая способы установления контакта с аудиторией, уровень формальности и использование различных речевых актов (например, утверждений, вопросов, побуждений). Также рассматривается позиционирование критика относительно темы и оппонентов, выявляя выражение согласия, несогласия, иронии или дистанцирования. Производится изучение прагматических маркеров, которые помогают структурировать текст и направлять восприятие читателя, таких как вводные слова, модальные частицы и экспрессивные средства. Наконец, прагматический аспект охватывает анализ коммуникативных эффектов текста – как критик воздействует на эмоциональное состояние, мотивацию и когнитивные реакции аудитории, что способствует достижению его риторических целей. Такой углублённый подход позволяет более полно раскрыть динамику взаимодействия автора и читателя в процессе критического дискурса [3].

Культурологический аспект раскрывает влияние социально-культурного контекста, профессиональных и ценностных ориентиров личности критика, которые формируют содержательную и мировоззренческую основу текста.

Совместное рассмотрение этих трёх аспектов позволяет получить целостное и глубинное понимание языковой личности критика как динамической системы, постоянно развивающейся и адаптирующейся в процессе текстообразования.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили тексты литературно-критических эссе, в частности произведение У.Х. Одена «Американская поэзия» из сборника *The Dyer's Hand* (1962), рассматриваемое в аспекте динамической модели языковой личности критика [5, 6]. В качестве основных методов использованы структурно-стилистический, прагматический и культурологический анализ, направленные на выявление взаимосвязей между языковыми, коммуникативными и ценностными характеристиками автора. Исследование проводилось в рамках антропоцентрической парадигмы современной лингвистики, что позволило рассматривать текст как отражение индивидуального менталитета и профессиональной идентичности критика. Комплексный подход обеспечил возможность реконструировать языковую личность Одена как динамическую систему, объединяющую индивидуальные стилистические особенности, прагматические установки и культурно-исторические ориентиры.

Результаты и обсуждения

В рамках культурологического аспекта можно исследовать влияние социально-исторического контекста, в котором функционирует критик, на формирование его языковой личности и содержательной базы текста. Это включает анализ ценностных ориентиров, мировоззренческих установок и профессиональных норм, которые отражаются в выборе тем, проблем и аргументов [10]. Учитываются межкультурные влияния и интертекстуальные связи с другими культурными и литературными традициями, что обогащает смысловой пласт критики. Кроме того, изучение репрезентации социальных ролей, стереотипов и идеологий выявляет, каким образом критик позиционирует себя и свою аудиторию в культурном пространстве. Анализ культурологических компонентов способствует пониманию, как язык критика служит средством не только передачи информации, но и конструирования культурной идентичности, что делает текст глубоко укорененным и значимым в рамках определённого социокультурного контекста (таблица 1).

Таблица 1

Динамическая модель языковой личности критика.

Table 1

Dynamic model of the critic's linguistic personality.

Стилистический аспект			
Вербальные средства, отбираемые ЯЛ критика	Типы информации	Проявление функционально-стилевого синкретизма	
Текстовый (прагматический) аспект			
Прагматические установки	Стратегии убеждения и аргументации	Позиционирование критика относительно темы	Коммуникативные эффекты текста
Культурологический аспект			
Проявление черт критической школы в текстах ЯЛ критика	Влияние социально-культурного контекста	Особенности реализации интертекстуальных связей	

Благодаря этому модель учитывает индивидуальные особенности и изменения языковой личности в процессе развития и коммуникации. Кроме того, модель позволяет сопоставлять языковые личности разных критиков между собой, выявляя сходства и различия в стилистических, прагматических и культурологических аспектах их языкового поведения. Такой динамический подход обеспечивает глубокое и многомерное понимание языковой личности критика как сложной и изменчивой системы, что расширяет возможности её применения в лингвистических и литературоведческих исследованиях.

Пример анализа, эссе У.Х. Одена «Американская поэзия».

Сборник «The Dyer's Hand», 1962.

Стилистический аспект.

Стиль ранней поэзии У.Х. Одена характеризуется сочетанием традиционных форм и экспериментальных элементов, отражающих влияние модернизма и социальной ангажированности. В этот период его стихи часто отличаются строгой метрической структурой и рифмовкой, что свидетельствует о внимании к классическим поэтическим традициям. Вместе с тем, в ранних произведениях Одена заметна острая социальная критика, философская глубина и политическая тематика, что придаёт текстам серьёзный и иногда мрачный тон.

Стилистика языка У.Х. Одена в эссе «Американская поэзия» отличается ясностью, аналитичностью и критической точностью, что характерно для его публицистического стиля эссе. В этом тексте он использует чёткую, логически выверенную структуру изложения, что способствует убедительности и доступности аргументов. Это подтверждается последовательно хронологическим вводом рассматриваемых фигур американской поэзии: Tennyson – Longfellow – Poe – Dickinson – T.S. Eliot – Pound

В то же время подобный композиционный прием хронологического устройства эссе нарушается в отступлениях авторских размышлений: в тексте приводятся позиции Платона, Гёте, Шекспира, не имеющие непосредственного отношения к теме эссе, и тем не менее создающих несколько важных стилистических эффектов, среди которых: авторитетность и убедительность, интеллектуальная глубина, а также разнообразие речевых интонаций.

Включение чужих высказываний создаёт эффект межтекстового диалога (явление диалогизма), в котором автор вступает в беседу с предшественниками, усилив авторским рассуждения и подтвердив его позицию.

Лексика Одена в эссе преимущественно нейтральна, но насыщена терминологией, связанной с литературной критикой и поэтической теорией, что подчёркивает его профессиональный подход к теме. Среди специальной лексики показательно использование литературоведческих терминов: *genre, rhythm, stanza, verse, meter*.

Вместе с тем, в речи присутствуют выразительные средства – метафоры, сравнительные обороты и риторические вопросы – которые оживляют текст и делают его более эмоционально насыщенным.

Центральный приём оденовского эссе – антитеза. Являясь типичным приёмом публицистических эссе, она позволяет автору не только структурировать текст парными противопоставлениями: *Old World – New World, Tennyson – Whitman, Rosetti – Dickinson, monarchy – democracy, professional – amateur*.

Развернутая метафора в эссе Одена основана на переносе географического или исторического понятия в сферу художественной литературы – отрыв от обжитого места Оден уподобляет отрыву от литературной традиции:

«The European romantics may praise the charms of wild desert landscape, but they know that for them it is never more than a few hours' walk from a comfortable inn: they may celebrate the joys of solitude but they know that any time they choose they can go back to the family roof or to town and that there their cousins and nephews and nieces and aunts, the club and the salons, will still be going on exactly as they left them. Of real desert, of a loneliness which knows of no enduring relationships to cherish or reject, they have no conception».

Стиль Одена в этом эссе характеризуется умеренной иронией и критической дистанцией, позволяющей ему одновременно и уважительно, и требовательно оценивать состояние американской поэзии. При этом язык остаётся доступным широкой аудитории, что свидетельствует о стремлении автора донести свои мысли вне узких академических кругов.

Таким образом, стилистические особенности языка Одена в «Американской поэзии» – это сочетание аналитической строгости, выразительности и коммуникативной ясности, что делает эссе убедительным и содержательно богатым критическим текстом.

Фактическая информация. Оден приводит исторические данные, факты о развитии американской поэзии, упоминает конкретных поэтов и литературные направления, что даёт читателю основу для понимания темы.

«Maud, The Song of Hiawatha and the first edition of Leaves of Grass all appeared in the same year, 1855».

«Between 1533 and 1688 the English went through a succession of revolutions in which a Church was imposed on them by the engines of the State, one king was executed and another deposed».

Оценочная информация. Критик выражает свои субъективные суждения о качестве, значении и особенностях американской и английской поэзии, оценивает вклад разных поэтов и тенденций.

«...how different they are. There is much in Tennyson that Longfellow would never have dared to write...».

«...one cannot imagine Tennyson sitting down to write a long poem about them and choosing for it a Finnish meter».

«America has always been a country of amateurs where the professional, that is to say, the man who claims authority as a member of an elite which knows the law in some field or other, is an object of distrust and resentment».

«No dramatist in either country who has introduced a character from the other side, has, to my knowledge, been able to make his speech convincing».

«Tennyson and Longfellow were both highly skillful technicians in conventional forms».

«Democracy is the best form of government».

Интерпретативная информация. Оден анализирует причины и смысловые аспекты развития поэзии, а также повлиявших на нее исторических событий. Часто Оден подвергает сомнению общепринятые трактовки:

«If we apply the term revolution to what happened in North America between 1776 and 1829, it has a special meaning».

«Christianity might have deprived Aphrodite, Apollo, the local genius, of their divinity but as figures for the forces of nature, as a mode of thinking about the creation, they remained valid for poets and their readers alike».

«Jim, who has been his “buddy” in a friendship far closer than any enjoyed by Oliver, is left behind like an old shoe, just as in Moby Dick Ishmael becomes a blood-brother of Queequeg and then forgets all about him».

«Democracy is the best form of government, not because men will necessarily lead better or happier lives under it, but because it permits constant experiment; a given experiment may fail but the people have a right to make their own mistakes».

Эмоциональная информация. В эссе присутствуют оттенки личного отношения автора к теме – восхищение, критика, иногда ностальгия или обеспокоенность, что помогает передать настроение и глубину переживаний.

«The danger for the American poet is not of writing like everybody else but of crankiness and a parody of his own manner».

Отмечается, что в литературно-критическом эссе Одена "Американская поэзия" преобладает оценочная и интерпретативная информация, что позволяет судить о его прагматических установках.

Прагматический аспект. Стилистический анализ, а также соотношение видов информации позволяет вывести центральную прагматическую установку – не просто информировать, а формировать у читателя определённое отношение к американской поэзии, побуждать к размышлению и эмоциональному восприятию. Оценочные и интерпретативные компоненты, которые делают текст живым и убедительным, выдвигаются критиком на первый план.

При этом эссе, предполагающее субъективный взгляд, размышления и оценочные суждения, выстраивается Оденом аналитически как связанная система тезисов и доказательств, в том числе основанных на фактах. Высокая информативность критического эссе подтверждается введение читателя в глубокий социально культурный контекст посредством культуронимов, семантически отсылающих не только к сфере англоязычной художественной литературы: Платон, Гёте, Декарт и его философское учение, Американская война за независимость, Реформация и проч.

Именно сочетание объективных данных и субъективного осмысления характеризует критическое эссе Одена как синкретичный текст. Позиционирование автора относительно темы, таким образом, особое: языковая личность одновременно передаёт объективные знания и вызывает эмоциональный отклик, что усиливает состоятельность критических суждений для читателя.

Информативность усиливается благодаря балансу между фактами и авторской интерпретацией, когда предполагаемый читатель не столько узнал, но оценил литературный материал через субъективный взгляд критика.

В контексте синкретизма эссе У.Х. Одена применяет несколько ключевых стратегий убеждения и аргументации, которые делают текст убедительным и убедительно обосновывают его взгляды. Наиболее эксплицитно выражена стратегия опоры на авторитетность и цитаты. Оден опирается на известных поэтов и критиков, приводит цитаты из многочисленных произведений. Так в наиболее сильной позиции текста – его заключении – эссе завершается не авторским выводом, но обширной цитатой из посетившего Америку в середине XIX века Де Токвилю: «I am persuaded that in the end democracy diverts the imagination from all that is external to man and fixes it on man alone...».

Отказ от собственно авторского голоса в сильной позиции в пользу авторитетной цитаты характеризует языковую личность Одена как опирающуюся на авторитетных предшественников, мыслителей. Культурный контекст и опора на традицию играют для ЯЛ Одена-критика исключительную роль.

Другая стратегия убеждения в эссе – в аналитическом сравнительном подходе. Сопоставляя американскую поэзию с европейскими традициями или разными направлениями внутри самой Америки, Оден выявляет уникальные черты литературной жизни Америки и обосновывает свои оценки.

Логическая последовательность изложения и использование конкретных примеров составляют стратегии, направленные на определённый тип восприятия предполагаемого читателя, для которого ЯЛ и создает речевое произведение. Так читатель оденского эссе – готовый к диалогу с автором и восприятию субъективных взглядов человек. Поэтому акцент на интерпретации и оценках, а также последовательная аргументация позиций, отвечает ожиданиям и потребностям аудитории.

Текст построен так, что аргументы развиваются плавно и последовательно, что помогает читателю следовать рассуждениям и принимать выводы. К примеру, сравнивая романы *Oliver Twist* и *Huckleberry Finn*, Оден аргументирует уместность такого сравнения: «One could find no better illustration of the difference between the Old and the New World than the respective conclusions of *Oliver Twist* and *Huckleberry Finn*, both the heroes of which are orphans».

Схожая связка тезис-аргумент в случае анализируемых авторов: «The achievement of Emerson and Thoreau was twofold: they wrote of the American kind of nature, and they perceived what qualities were most needed by members of the American kind of society».

Также: «To take one more example – two poets, contemporaries, both women, both religious, both introverts preoccupied with renunciation – Christina Rossetti and Emily Dickinson».

Кроме того, приводятся яркие примеры из творчества поэтов, что иллюстрирует тезисы и делает аргументацию наглядной и убедительной. В совокупности эти стратегии создают убедительный, многоплановый и аргументированный текст, способный эффективно влиять на читателя, воздействуя на него средствами логического обоснования и эмоционального убеждения.

Культурологический аспект. У.Х. Оден обычно относят к школе модернистской литературной критики с сильными влияниями неоклассической традиции и культурологического подхода [3]. Его критика характеризуется интеллектуальной глубиной, интертекстуальностью, исторической осознанностью и междисциплинарным анализом, что сближает его с такими направлениями, как:

Модернистская критика, ориентированная на переосмысление традиций и эксперимент с формой и содержанием.

Неоклассическая школа, подчеркивающая важность классических норм, порядка и рациональности в литературе, но с критическим переосмыслением этих норм.

Культурологический подход, который рассматривает литературу в тесной связи с историческим, социальным и культурным контекстом.

Также языковая личность У.Х. Одена неизбежно отражает его трансатлантическую культурную принадлежность – поэт родился в Великобритании и в зрелом возрасте переехал в США, что сформировало его как «языковую личность», сочетающую британские и американские культурные и литературные традиции.

Разнообразие культурных влияний и обширное цитирование в эссе Одена указывает на мультикультурность его личности. Языковая личность Одена открыта к разным культурным влияниям, что выражается в интеграции различных культурных элементов в язык и стиль, способствуя созданию универсального и одновременно личностного поэтического голоса.

В эссе Оден тесно связывает литературу с национальной идентичностью, рассматривая язык и поэзию как ключевые средства выражения и формирования культурной принадлежности: «Just as in their political thinking Americans are apt to identify the undemocratic with monarchy, so, in their aesthetics, they are apt to identify the falsely conventional with rhyme and meter.» Он подчеркивает, что литература не просто отражает национальные особенности, но активно участвует в конструировании национального самосознания, служит инструментом сохранения и трансформации культурных ценностей.

Семантические поля политических и национальных значений в эссе Одена последовательно соотносятся с семантическим полем художественного творчества, а также с природной лексикой:

«From Bryant on there is scarcely one American poet whose work, if unsigned, could be mistaken for that of an Englishman».

«Until quite recently an English writer, like one of any European country, could presuppose two conditions, a nature which was mythologized, humanized, on the whole friendly, and a human society».

«Many poets in the Old World have become disgusted with human civilization but what the earth would be like if the race became extinct they cannot imagine; an American like Robinson Jeffers can quite easily, for he has seen with his own eyes country as yet untouched by history».

Эссе отражает литературноцентрическое мировоззрение Одена, в котором литература занимает центральное место в понимании человеческого опыта и культуры. Для него поэзия и литературная традиция – неотъемлемые элементы интеллектуальной и духовной жизни, способные влиять на восприятие мира и формирование ценностных ориентиров.

Выводы

Обобщая результаты анализа языковой личности У.Х. Одена с использованием динамической модели, включающей стилистический, прагматический и культурологический аспекты, можно выделить следующие ключевые особенности:

Стилистический аспект:

К средствам художественного в эссе относятся использования образов, развернутых метафор, эмотивной лексики, применение антитез, выраженных в синтаксическом и лексическом параллелизме и т.д.

Эссе Одена изобилует средствами научного – употребление терминов, хронологическая структура, аргументативность, обилие фактологической и интерпретативной информации и т.д.

Прагматический аспект:

Языковая личность Одена проявляется в осознанном использовании языка как инструмента коммуникативного воздействия в синкретичном типе текста. Основываясь на достоверном и фактическом материале Оден выдерживает прагматическую установку на глубокое вовлечение читателя в диалог о смысле, идентичности и роли литературы посредством логического обоснования и эмоционального вовлечения.

Культурологический аспект:

Оден интегрирует в свою языковую личность богатый культурный контекст, связывая литературное творчество с национальной идентичностью и историческим развитием. Композиция эссе и широко использованная интеллектуальность говорит об исключительной значимости культурного контекста и литературного диалога для языковой личности У.Х. Одена.

Таким образом, языковая личность У.Х. Одена в динамической модели предстает как комплексное явление, в котором стилистическое мастерство, прагматическая направленность и глубокий культурологический смысл взаимно дополняют друг друга, формируя уникальный голос поэта-критика.

Список источников

1. Кочеткова Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) // Вопросы стилистики. Саратов, 1996. Вып. 26. С. 14 – 24.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007. 264 с.
3. Fuller J.W.H. Auden: A Commentary. Faber Paperbacks. 640 p.
4. Зацепин К.А. Эссе как коммуникативная форма: проблемы чтения (на материале современной эссеистики): дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6. Самара, 2006. С. 30.
5. Walker H. The English essay and essayist. London, 1966. 346 p.
6. Auden W.H. The Dyer's Hand and Other Essays. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 1989. 600 p.
7. Богин Г.И. Концепция языковой личности. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1982. 756 с.
8. Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление: учеб. Пособие, 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2005. 367 с.
9. Щирова И.А. Текст сквозь призму сложного. СПб.: Политехника-Сервис, 2013. 217 с.
10. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
11. Ашева А.А. Теория языковой личности в русистике: проблемы и перспективы развития // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. С. 47 – 53.
12. Щирова И.А. Текст и контекст в меняющемся мире // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. С. 163 – 170.

References

1. Kochetkova T.V. The Problem of Studying the Linguistic Personality of a Bearer of Elite Speech Culture (review). Issues of Stylistics. Saratov, 1996. Vol. 26. P. 14 – 24.
2. Karaulov Yu.N. Russian Language and Linguistic Personality. Moscow, 2007. 264 p.
3. Fuller J.W.H. Auden: A Commentary. Faber Paperbacks. 640 p.
4. Zatsepin K.A. Essay as a Communicative Form: Reading Problems (Based on Contemporary Essay Writing): Diss. ... Cand. of Philological Sciences: 5.9.6. Samara, 2006. 30 p.
5. Walker H. The English Essay and Essayist. London, 1966. 346 p.
6. Auden W.H. The Dyer's Hand and Other Essays. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 1989. 600 p.
7. Bogin G.I. The Concept of Linguistic Personality. Moscow: Lomonosov Moscow State University Press, 1982. 756 p.
8. Vorozhitova A.A. Text Theory: Anthropocentric Direction: A Textbook. Manual, 2nd ed., corrected and expanded. Moscow: Vysshaya Shkola, 2005. 367 p.
9. Shchirova I.A. Text Through the Prism of Complexity. St. Petersburg: Politekhniko-Service, 2013. 217 p.
10. Barth R. Selected Works: Semiotics: Poetics. Translated from French, compiled, edited by, and with an introduction by G.K. Kosikov. Moscow: Progress, 1989. 616 p.

11. Asheva A.A. The Theory of Linguistic Personality in Russian Studies: Problems and Prospects of Development. Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism. 2012. P. 47 – 53.
12. Shchirova I.A. Text and Context in a Changing World. Bulletin of A.S. Pushkin Leningrad State University. 2014. P. 163 – 170.

Информация об авторах

Щербина П.А., кафедра английской филологии, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, scherbina.pav@yandex.ru

© Щербина П.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 82-95

¹ Белова А.М., ¹ Васюкович Э.И.,
¹ Чаунина Н.В.

¹ Северо-Восточный федеральный университет

Образ ребенка в произведениях современных писателей

Аннотация: в статье рассмотрен образ ребенка в произведениях современных писателей, изучена эволюция представления о детстве с опорой на анализ художественных произведений Т.Ш. Крюковой. Установлена схема анализа образа ребенка в художественных произведениях. Сделан вывод о том, что образ ребенка в современной литературе выступает как отражение реальности, при этом образ становится важным элементом для осмысления человеческой природы.

Актуальность статьи заключается в том, что образ ребенка в произведениях, играет ключевую роль, если образ прописан с учетом всех требований, то читателю произведение будет более доступно и понятно.

Объект исследования: образ ребенка в произведениях современных писателей.

Цель исследования: изучить образ ребенка в произведениях современных писателей.

Научная новизна: образ ребенка в произведениях произведений Т.Ш. Крюковой.

В статье использованы методы литературоведческого анализа, сравнительный метод, а также элементы психолого-педагогического анализа.

Ключевые слова: образ ребенка, детство, детская психология, современные писатели

Для цитирования: Белова А.М., Васюкович Э.И., Чаунина Н.В. Образ ребенка в произведениях современных писателей // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 149 – 154.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Belova A.M., ¹ Vasyukovich E.I.,
¹ Chaunina N.V.

¹ North-Eastern Federal University

The image of the child in the works of contemporary writers

Abstract: this article examines the image of the child in the works of contemporary writers and explores the evolution of the concept of childhood through an analysis of T.Sh. Kryukova's works. A framework for analyzing the image of the child in works of fiction is established. It is concluded that the image of the child in contemporary literature acts as a reflection of reality, and this image becomes an important element in understanding human nature.

The relevance of this article lies in the fact that the image of the child in works plays a key role. If the image is developed with due consideration for all requirements, the work will be more accessible and understandable to the reader.

Object of the study: the image of the child in the works of contemporary writers.

Objective of the study: to study the image of the child in the works of contemporary writers.

Scientific novelty: the image of the child in the works of T.Sh. Kryukova.

This article utilizes methods of literary analysis, a comparative method, and elements of psychological and pedagogical analysis.

Keywords: *image of a child, childhood, child psychology, contemporary writers*

For citation: Belova A.M., Vasyukovich E.I., Chaunina N.V. The image of the child in the works of contemporary writers. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 149 – 154.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Современный сюжет литературы актуализирует ориентиры детства, теперь сюжет отражает психологические и социальные явления. Образ ребенка в данном направлении является центральным способом осмысления гуманистических и нравственных ориентиров общества. Проблемой художественного изображения детства занимались такие ученые, как В.С. Мухина [8], Е.О. Матвеева [7], З.А. Гриценко [3], Л.С. Выготский [2] и др. Так, например, Л.С. Выготский писал: «Детство – это не только возрастной, но и культурный феномен, определяемый временем, обществом и словом» [2, с. 219].

Образ ребенка как художественная категория претерпела эволюцию от идеализированного «ангела» к трагичному герою современной прозы. Так, например, в эпоху Серебряного века символисты, такие как А. Белый и М. Волошин создавали образ ребенка как «пришельца из иной, метафизической реальности» [4, с. 98]. А А.Л. Козлов отмечал, что «Современный миф о ребенке родился в творчестве символистов, где детство – не утраченный рай, а иной мир» [4, с. 100].

Материалы и методы исследований

Стоит так же отметить, что литература конца XX – начала XXI века выделяет два основных подхода к образу ребенка. Один из них выделяет подход как к объекту социокультурного давления, другой выделяет подход как к субъекту морального поиска, или как к субъекту моральной истины. Так, например, в повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом» представлен восьми летний ребенок – Саша Савельев, который лишен эмоциональной поддержки и который находится в системе манипуляций и предательств. Из этого можно сделать вывод, что образ ребенка в современной литературе, больше не выстраивается, как идеализированный и беззаботный человек, без каких-либо переживаний, теперь образ выстраивается, отражая различные кризисы, происходящие в обществе. Данный вывод, можно подтвердить словами О.М. Маякина, который писал, что «В современной литературе образ ребенка становится свидетельством кризиса семьи как социального института» [9, с. 37].

Можно так же рассмотреть произведения А.Н. Толстого, Л. Думцовой, М. Новикова, и увидеть, что образ дошкольника предстает перед нами как активно развивающаяся личность, для которой в приоритете стоят вопросы морали и социального взаимодействия. Так, например, в сказке Л. Думцовой «Сказка о розовой чайке» дети, осознавая свою ответственность перед матерью, проходят длинный нравственный путь, они оценивают свои поступки и пытаются соответствовать нравственным нормам.

Если рассматривать образ ребенка с психологической точки зрения, то здесь можно обратиться к исследованиям Е.О. Матвеевой. Данные исследования делают акцент на том, что «эмоциональная реальность воображения – ключевая категория детского восприятия» [7, с. 61]. В соответствии с этим образ ребенка в современной литературе, который предложен в стихотворениях, прозах, повестях и других различных произведениях, отражает различные психические изменения, происходящих с ребенком во время взросления, так же показывает мир, глазами ребенка, тем самым данный образ становится основой для идентификации и нравственного самосознания ребенка. В.С. Мухина так же в своей работе отмечает, что «дошкольный возраст – это этап интенсивного развития социальной идентичности через художественные образы» [8, с. 164].

Так же можно ознакомиться с социальными и психологическими аспектами в изображении детских персонажей. Они играют важную роль в формировании восприятия детей, их самоидентификации и социализации. Например, в произведениях, персонажи часто отражают различные социальные группы, которые позволяют детям проводить эмоциональную идентификацию. Стоит так же отметить, что персонажи могут служить ролевыми моделями, которые будут показывать, как решать конфликты, проявлять доброту. В зависимости от изображаемых ценностей и норм поведения, персонажа может влиять на читателя, как негативно, так и позитивно. В произведениях так же дается представление о нравственных качествах, то есть персонажи могут демонстрировать различные важные нравственные качества, такие как сотрудничество,

доброта, поддержка, забота и многое другое, тем самым помогая детям приобретать и раскрывать данные качества в себе. Все вышесказанное подчеркивает, что детские персонажи – это не просто источник развлечения или инструмент для разнообразия или связки сюжета, это важный инструмент для формирования личности, норм и ценностей у детей.

Так же стоит отметить, что по словам Веселовского Ю.А. в современном мире ребенок в произведении теперь воспринимается совершенно по-другому: «он не изящная кукла или лишь эпизод из жизни взрослого человека, а самобытное, своеобразное существо, достойное, глубокого интереса, понимания, изучения» [1, с. 4-8].

В современной литературе образ ребенка часто используется для транслирования универсальных нравственных истин.

Так, например, герой детской прозы отличаются способностью к сопереживанию, прощению, а также наделены способностью принимать решения в сложных моральных ситуациях. Такими героями, например, могут являться герои произведения «Фунтик и жизнь».

Можно создать сравнительную характеристику литературных образов ребенка. Так, например, в произведении «Похороните меня за плинтусом», образ ребенка представлен в ребенке-жертвы, который испытывает страх, боль, одиночество.

А в сказке «Сказка о розовой чайке», нам представлен ребенок-пилигрим, который способен к самоанализу и искуплению. В сборнике стихов М. Новикова часто прослеживается ребенок-мечтатель, основные черты которого – это активное воображение и доброжелательность.

К образу ребенка в художественной литературе, относятся с большой ответственностью, к художественным особенностям при создании образа ребенка.

Проанализировать образ ребенка можно по различным характеристикам, но для себя мы выбрали схему, представленную в книги «Введение в литературоведение: в 2-х ч. Часть 1: учебно-методическое пособие. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 204 с.» Воробьева Т.Л., Плохотнюк Т.Г. С. 143 – 144.

Она предлагает анализировать внешние черты героя, то есть лицо, фигуру, костюм. Так же проводит психологический анализ, то есть воссоздание чувств, мыслей, побуждений. Провести анализ семантики имени, отмечать прямую авторскую характеристику, а также уделять отдельное внимание характеристике героя другими действующими лицами. Отмечать формы поведения и речь.

Результаты и обсуждения

Наша исследование ставило перед собой цель определить каким образом в произведениях Тамары Шамильевны Крюкова раскрывается образ ребенка.

Проводя анализ повесть-сказки Т.Ш. Крюковой «Вот так цирк!» можно рассмотреть главного героя Даньку, который мечтает стать циркачом и пытается убедить родителей в правильности выбора своей будущей профессии. Ему на помощь приходят друзья: пес Бублик, крыса Грымза, котенок Сосиска, кролик Фокус-Покус. Главная проблема данного произведения – это стремление ребенка найти признание и доказать взрослым, что ему можно доверять. То есть поднимается вопрос о доверии и самоутверждении. Проблема довольно актуально для детей. Для полной передачи проблемы, Тамара Шамильевна Крюкова воссоздает образ ребенка, который найдет отклик в каждом читателе. Внешний облик ребенка напоминает начинающего исследователя.

Он выбирает практикую и удобную одежду, отодвигая от себя красивые наряды. О самой его внешности достаточно мало описания. Но в его поступках и отношениях к одежде можно увидеть, как он хочет показать взрослым, что стоит с ними на одном уровне. Это можно подтвердить цитатой: «Данька деловито надел резиновые сапоги и плащ с капюшоном. Капюшон свисал почти до подбородка. В плаще Данька был похож...на большой кулек с ручками» [5].

При составлении творческого портрета необходимо учитывать, что Дани около 8-9 лет, он растет в творческой среде и его главная мечта, это стать циркачем «Данька тоже хотел стать цирковым артистом... Один день он был уверен, что будет фокусником... на другой день... дрессировщиком, как дядя Лева» [5]. Даню не назвать послушным мальчиком, он любит привлекать к себе внимание, он стремиться к признанию, и желает быть услышанным и увиденным. Даня желает быть реализованным, что олицетворяет среднестатистического ребенка, и он готов сделать все – что бы его заметили. Это можно подтвердить цитатой «Если бы он всегда вел себя хорошо, про него забыли бы совсем» [5].

Семантика имени Данька, показывает нам, что герой еще не возмужал, имеет довольно мягкую и детскую сторону. Его имя подчеркивает его потребность в заботе, а также указывает, что, не смотря на свои сильные стороны, он все еще хрупкий ребенок.

Сам автор описывает героя, как доброго, эмпатичного, хитрого, инициативного, но при этом мечтательного и ранимого ребенка. Даня очень любит животных, и даже готов нарушить все правила, чтобы их покормить. Он очень целеустремленный, он готов скрывать от мамы репетиции, чтобы добиться своей цели, и доказать, что он очень взрослый.

Описание Дани мы так же можем проследить от матери и отца, мама вечно говорит Дане, что он очень мал и оберегает его, отказываясь учить трюкам, а его отец считает мальчика способным и выступает за его развитие.

Формы поведения мальчика довольно типичны для ребенка данного возраста, он мечтателен, хитер, активный, готов нарушать правила и пытается балансировать от «веди себя хорошо» до «помечтаю, и стану артистом!».

Как итог, можно сказать, что Данька – это среднестатистический типичный ребенок: он мечтает, идеализирует своих родителей и ищет свое место под куполом. Как фокусник, укротитель, маленький разведчик, его детские амбиции сталкиваются с ограничениями взрослых. Активный, независимый, смелый и немного бунтарский, он готов достичь своей цели. Его внешний вид – практичный плащ и ботинки – свидетельствует о его настроении и готовности действовать.

Через Даньку тема получает дальнейшее развитие: детям для развития нужны доверие, внимание и пространство; если у них этого нет, они рискуют спрятаться от взрослых и слепо пытаться доказать свою ценность. История показывает, как важно слушать ребенка и поддерживать его амбиции на протяжении всего его роста.

Проводя анализ произведения Т.Ш. Крюковой «Потапов, к доске» можно выделить главного героя Леху Потапова. В произведении описывается, как Леха, вместе со своим другом проходят различные испытания: дежурят по школе, пытаются улучшить оценки Лехи, проходят первую любовь и многое другое.

Главная проблема героя выражена в том, что Лехи приходится менять свой характер из-за давления общества, он не может не оправдать ожидания матери, все это обостряет соперничество с Женей. Леха хочет быть хорошим сыном и другом, но из-за его довольно пассивного характера у него это не выходит должным образом.

Леха описывается, как простодушный и добрый подросток, физически развит, довольно крепкий. Это можно подтвердить цитатой «Рослый крепыш» или цитатой «На круглой розовощекой физиономии не было и тени истощения» [6].

Внутренний мир Лехи, довольно противоречивый, с одной стороны он прост и не амбициозен, с другой стороны скрыт, уязвим и испытывает чувство вины за свои оценки. Он довольно часто нуждался в помощи и поддержки взрослых, без указаний, как ему правильно учиться, и что ему делать. Он хотел, чтобы его поняли и услышали, и перестали его переделывать, это можно подтвердить цитатой «...величайшему огорчению и разочарованию, на... лице не было и тени истощения» [6]. Леха добрый и терпеливый, лояльный. Он ведомый, но не глупый.

Семантика имени говорит нам о том, что Леха – это защитник. Это довольно иронично, так как он не лидер, а сам нуждается в защите.

Но не все так неоднозначно, ведь по мере взросления в конце рассказа, мы увидим Леху, который показывает стойкость, он готов преодолеть лень и изменить себя.

Автор несколько раз описывает Леху следующими цитатами: «Леха был тугодумом», «Степенный и неторопливый», «Не лез в драку», «Честно заработанные тройки» [6]. Тем самым автор, описывает его как простого, мирного, надежного и искреннего ребенка.

Другие герои описывают его по-разному, родители оценивают его со всей строгостью, и сравнивают его с Женей. Женя, как истинный друг, считает его ленивым, но способным и во всем его поддерживает. Учитель физкультуры оставляет о Лехи только положительные отзывы: «Учитель физкультуры часто отличал его и ставил пятерки» [6].

Из форм поведения можно сказать, что Леха спокойный – принимает замечания, умеет анализировать. Не умеет отстаивать свою позицию, так как боится огорчить других, из этого можно сделать, что он довольно эмпатичный. Послушный и ответственный, если дал слово, то он его сдержит.

Леха говорит просто, неуверенно, часто задает уточняющие вопросы: «А вдруг у меня не получится?».

Как итог, можно сказать, что Леха воплощает простоту, терпение и внутреннюю устойчивость. Он не гений и не лидер, но умеет быть верным другом, честно работать и не жаловаться на трудности. Он не герой-победитель, а человек, которого может понять каждый школьник. В рассказе Леха – противоположность Жене: физически сильный, но не очень умный, но психически устойчивый и открытый. Их дружба – взаимодополняющий контраст.

Через образ Лехи автор подчеркивает, что не ум и гениальные идеи делают человека ценным, а верность, честность и терпение.

В своих произведениях Т.Ш. Крюкова показывает ребенка не как объект педагогического влияния, а как активного участника жизни, со своими желаниями, стремлениями, идеей. Герои не идеализированы, у них есть страхи, комплексы. Но все их поступки – это форма защиты и способ справиться с взрослением.

Обе повести объединяет мотив самоутверждения ребенка в мире взрослых, в котором он пока не на равных, но уже готов бороться за право быть услышанным.

Автор не осуждает героев, а подает все их поступки с теплом – это создает доверие между читателем и автором, это помогает детям видеть себя в героях.

Выводы

Подводя итоги исследования, можно отметить значимость образа ребенка в современной литературе, а также можно проследить влияние произведений Татьяны Крюковой на формирование детского восприятия мира, через создаваемый ею образ ребенка.

В соответствии с вышесказанным можно дать несколько методических рекомендаций:

- 1) использовать современную литературу, как материал для нравственного воспитания, обсуждать поступки и причины этих поступков на уроках и внеклассном чтении;
- 2) организовывать групповые обсуждения, предлагать детям формулировать собственное мнение о поступках и словах героев;
- 3) составление нравственно ориентированных вопросов для викторин;
- 4) проведение различных инсценировок с анализом эмоций героев;
- 5) проектная деятельность, которая будет направлена на создание «портрета героя».

Таким образом, образ ребенка в современной литературе выступает как отражение реальности, при этом образ становится важным элементом для осмысления человеческой природы. Литературные произведения в свою очередь выступают символами надежды, бунта или самопожертвования. В образовании же эти образы становятся мощным инструментом для нравственного и психологического развития, помогая ученикам формировать прочные моральные принципы и развивать способность понимать и управлять своими эмоциями.

Список источников

1. Веселовский Ю.А. Трагедия детской души. М.: Типо-литорг, 1908. 164 с.
2. Выготский Л.С. Психология. М.: Альфа, 2025. 356 с.
3. Гриценко З.А. Ты детям сказку расскажи. М.: Линка-Пресс, 2003. 176 с.
4. Козлова А.Л. Образ ребенка в творчестве символистов: истоки современного мифа. М.: Альфа, 2010. 112 с.
5. Крюкова Т.Ш. Вот так цирк! М.: Аквилегия, 2021. 256 с.
6. Крюкова Т. Ш. Потапов, к доске. М.: Аквилегия, 2021. 272 с.
7. Матвеева Е.О. Образ дошкольника в современной детской литературе: психолого-педагогический аспект // Вестник МГПУ. 2008. № 4. С. 57 – 66.
8. Мухина В.С. Возрастная психология. М.: Академия, 2000. 176 с.
9. Мякина О.М., Шитуева И.А. Тема семьи и детства в современной литературе // Вешние воды. Пет-роград: Невская типография, 1917. № 2. С. 36 – 41.
10. Санаев П. Похороните меня за плинтусом. М.: Астрель, 2009. 288 с.

References

1. Veselovsky Yu.A. The Tragedy of a Child's Soul. Moscow: Tipo-litorg, 1908. 164 p.
2. Vygotsky L.S. Psychology. Moscow: Alfa, 2025. 356 p.
3. Gritsenko Z.A. Tell the Children a Fairy Tale. Moscow: Linka-Press, 2003. 176 p.
4. Kozlova A.L. The Image of the Child in the Works of the Symbolists: The Origins of a Modern Myth. Mos-cow: Alfa, 2010. 112 p.
5. Kryukova T.Sh. What a Circus! Moscow: Aquilegia, 2021. 256 p.
6. Kryukova T.Sh. Potapov, to the Board. Moscow: Aquilegia, 2021. 272 p.
7. Matveeva E.O. The Image of a Preschooler in Modern Children's Literature: A Psychological and Pedagogi-cal Aspect. Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. 2008. No. 4. P. 57 – 66.
8. Mukhina V.S. Age Psychology. Moscow: Academy, 2000. 176 p.

9. Myakinina O.M., Shitueva I.A. The Theme of Family and Childhood in Modern Literature. Spring Waters. Petrograd: Nevskaya Printing House, 1917. No. 2. P. 36 – 41.
10. Sanaev P. Bury Me Behind the Baseboard. Moscow: Astrel, 2009. 288 p.

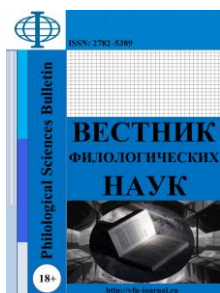
Информация об авторах

Белова А.М., Технический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет» в г. Нерюнгри

Васюкович Э.И., Технический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет» в г. Нерюнгри

Чаунина Н.В., кандидат филологических наук, доцент, Технический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет» в г. Нерюнгри

© Белова А.М., Васюкович Э.И., Чаунина Н.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1

¹ Юань Юйсинь

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Лингвопрагматические особенности выражения экспрессии эмоциональности в художественном тексте (на материале рассказа А. Матвеевой «На картине»)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности лингвопрагматической экспрессии эмоциональности в художественном тексте на материале рассказа А. Матвеевой «На картине». Исследование решает задачи определения теоретических основ изучения эмоциональности в художественном тексте, систематизации языковых средств выражения эмоциональности различных уровней, описания функционально-прагматических особенностей эмотивных единиц и установления их роли в создании художественного образа. Методологическую основу составляют труды ученых в области эмотиологии, лингвопрагматики и лингвистики текста. Анализ показал, что эмоциональная экспрессия в художественном тексте реализуется через многоуровневую систему взаимодействующих языковых средств. Центральным механизмом создания эмоциональности выступает метафоризация внутреннего состояния главного персонажа, контрастное сопоставление стилистических приёмов, композиционных элементов и цветовая символика. Результаты исследования могут найти практическое применение в преподавании курсов лингвистики текста, стилистики и лингвопрагматики, при анализе современных художественных текстов, а также в дальнейших исследованиях творчества А. Матвеевой. Выявленные приемы и способы выражения эмотивности способствуют более глубокому пониманию механизмов эмоционального воздействия художественного текста на читателя.

Ключевые слова: лингвопрагматика, эмоциональность, художественный текст, экспрессивность, метафоризация

Для цитирования: Юань Юйсинь. Лингвопрагматические особенности выражения экспрессии эмоциональности в художественном тексте (на материале рассказа А. Матвеевой «На картине») // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 155 – 161.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Yuan Yuxin

¹ St. Petersburg State University

Lingvopragmatic features of expressing emotionality in a literary text (based on A. Matveeva's story "In the Picture")

Abstract: this article examines the features of the lingua-pragmatic expression of emotionality in a fictional text using A. Matveeva's short story "On the Picture". The study addresses the challenges of defining the theoretical foundations for studying emotionality in fiction, systematizing the linguistic means of expressing emotionality at various levels, describing the functional and pragmatic characteristics of emotive units, and establishing their role in creating an artistic image. The methodological basis is formed by the works of scholars in the fields of emotiology, lingua-pragmatics, and text linguistics. The analysis revealed that emotional expression in a fictional text is realized through

a multi-level system of interacting linguistic means. The central mechanism for creating emotionality is the metaphorization of the main character's internal state, the contrasting juxtaposition of stylistic devices, compositional elements, and color symbolism. The results of the study can find practical application in teaching courses on text linguistics, stylistics, and linguopragmatics, in the analysis of contemporary literary texts, and in further research on A. Matveeva's work. The identified techniques and methods of expressing emotiveness contribute to a deeper understanding of the mechanisms of the emotional impact of literary texts on the reader.

Keywords: linguopragmatics, emotionality, literary text, expressiveness, metaphorization

For citation: Yuan Yuxin. Lingvopragmatic features of expressing emotionality in a literary text (based on A. Matveeva's story "In the Picture"). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 155 – 161.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Рассказ А. Матвеевой «На картине» представляет собой показательный материал для исследования способов лингвистической репрезентации эмоциональных состояний персонажей и создания эмоционального воздействия на читателя. Актуальность представленной работы состоит в применении комплексного лингвопрагматического подхода к анализу эмотивности художественного текста на материале рассказа современного автора, что позволяет выявить специфические способы языкового воплощения эмоциональности в нарративе и их роль в воздействии на читателя.

Цели и задачи исследования состоят в выявлении и описании языковых механизмов создания эмоционального воздействия в художественном тексте А. Матвеевой «На картине» с позиций комплексного лингвопрагматического подхода. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда взаимосвязанных задач, включающих определение теоретических основ изучения лингвопрагматической экспрессии эмоциональности в художественном тексте, выявление и систематизацию языковых средств выражения эмоциональности разных уровней в анализируемом рассказе, описание функционально-прагматических особенностей использования эмотивных языковых единиц, а также определение роли эмоциональной экспрессии в создании художественного образа и воздействии на читателя.

Проблема изучения эмоциональности в художественном тексте остается одной из актуальных в современной лингвистике, поскольку эмоциональная составляющая является неотъемлемым компонентом речевого воздействия и формирования эстетического эффекта произведения [2, 11]. Лингвопрагматический подход к анализу эмоциональности художественного текста позволяет выявить механизмы воздействия на читателя через систему языковых средств различных уровней [8, 9].

Эмоциональность в художественном тексте рассматривается современными исследователями как сложное лингвистическое явление, включающее в себя не только лексические средства выражения эмоций, но и синтаксические, морфологические, фонетические особенности организации текста [7]. В работах В.И. Шаховского, Л.Г. Бабенко, Н.А. Красавского подчеркивается многоуровневый характер эмотивности и необходимость комплексного подхода к её изучению [4, 10]. Лингвопрагматический аспект изучения эмоциональности предполагает анализ функционирования эмотивных единиц в контексте их воздействующего потенциала и коммуникативных целей автора [12, 13].

Одним словом, важность прагматики заключается в том, что изучение эмоциональности требует учета множества факторов, связанных с тем, как участники коммуникации воспринимают и интерпретируют тексты. Многие ученые считают, что прагматика имеет более высокий статус, чем лингвистика. Системой является язык, а прагматика изучает, как эта система используется. Семантика рассматривается с точки зрения конкретного речевого контекста и обязательно учитывает участников процесса коммуникации. Дж. Лич утверждает, что прагматика изучает значение в зависимости от ситуации общения, и этот подход важен для понимания того, как читатели воспринимают эмоциональную насыщенность текста (цит. по: [1, с. 4]). Данный автор также подчеркивает, что объектом исследования прагматики является как процесс порождения речевых актов, так и процесс их восприятия и понимания [3, с. 125]. Способность воспринимать и порождать речевые акты называется прагматической компетентностью, которая подразумевает наличие фоновых знаний.

Текст, как наиболее сложная структура в иерархии языковых единиц, обладает целостностью смысла, синтаксической и семантической связностью составляющих его компонентов и внешней информационной наполненностью. По мнению Г.Г. Матвеевой, прагматику текста следует понимать, как «аспект функции язы-

ковой единицы, выбор которого зависит от предполагаемой задачи воздействия отправителя текста с учетом ситуативных условий коммуникативного акта и принятых нормативных способов использования языка в том или ином функциональном стиле» [6, с. 7], что делает её концепцию ценной для нашего исследования.

Материалы и методы исследований

Материалом для настоящего исследования послужил рассказ современной российской писательницы А. Матвеевой «На картине». Для комплексного изучения эмоциональной стороны повествования были использованы следующие исследовательские подходы: метод структурно-семантического и функционально-прагматического анализа, описательный метод, а также методы контекстуального, интерпретационного и стилистического анализа.

Результаты и обсуждения

Лингвопрагматическая экспрессия эмоциональности в рассказе А. Матвеевой «На картине» представляет собой многоуровневую систему языковых средств, формирующую уникальную эмоциональную окраску художественного текста, в котором каждый элемент текста служит созданию психологического портрета современной женщины, оказавшейся в плену между подлинностью чувств и вынужденной фальшью профессионального существования. Автор использует богатейший арсенал экспрессивных приемов для передачи не только внутреннего состояния героини, но и создания особой атмосферы повествования, пронизанной болезненным осознанием несоответствия между идеалом и реальностью современного мира.

Центральным механизмом создания эмоциональной экспрессии выступает метафоризация душевного состояния, которая пронизывает весь текст и становится его смысловым стержнем. Ключевая метафора «кривая душа» в высказывании о главном персонаже Зоя функционирует как сквозной мотив, определяющий эмоциональную тональность всего текста и создающий эффект нарастающего напряжения. Эта метафора физического искривления передает духовную деформацию главной героини, вынужденной существовать в мире компромиссов и фальши, а подлинные чувства становятся непозволительной роскошью: «Я так устала кривить душой! Уже душа, кажется, стала кривой» [5, с. 1]. Развитие данной метафоры продолжается в самоопределении «галерная рабыня», которое усиливает ощущение духовного порабощения и потери личностной аутентичности, создавая образ человека, утратившего свободу внутреннего выбора: «Гера Борисовна – собственно, и есть настоящая галеристка, а я – ее заместитель и галерная рабыня» [5, с. 4]. Автор расширяет метафорическое поле через образы телесного дискомфорта и соматических проявлений психологического неблагополучия, создавая подробную карту эмоционального страдания персонажа через описания физических ощущений.

Особенно значимую роль в создании эмоциональной экспрессии играет ирония как защитный механизм психики и способ дистанцирования от болезненной реальности. А. Матвеева использует широкий спектр иронических приемов, от переименований до пародийных характеристик: «ГББ (Глупые Богатые Бабы)» [5, с. 1-2], «теплоход "Арчибальд Самойлов"» [5, с. 7], создавая эффект отчуждения и критического осмысления окружающей действительности. Ирония становится своеобразным спасательным кругом для главного персонажа Зои, позволяющим ей сохранить внутреннее достоинство и психологическое равновесие в мире тотальной профанации искусства. Показательно ироническое переосмысление названия выставки во фразе «Выставка называется "14.11. xx", но лично я назвала бы ее "Хочу стать Уорхолом, прославиться и накопить бабла"» [5, с. 2], в которой сталкиваются претензии на элитарность и грубая меркантильная правда. Иронический модус повествования расширяется через систематическое пародирование галерейного жаргона и псевдоинтеллектуальных клише, которыми оперируют персонажи современной арт-среды, обнажая пустоту за внешним лоском культурных претензий.

Эмоциональная напряженность текста создается через постоянный контраст возвышенного и приземленного, сакрального и профанного, которая характеризует идеальные представления об искусстве, неизбежно сталкивающиеся с меркантильной реальностью галерейного бизнеса. Этот контраст особенно ярко проявляется в описании поведения и творчества художников, при котором псевдодуховность соединяется с откровенным шарлатанством: «На этом месте Самойлов осенит свою широкую грудь неспешным крестным знаменем – тоже широким – и резко взглянет на меня в ожидании ответного жеста» [5, с. 1]. Пародийность ситуации подчеркивается разительным несоответствием между претензиями на высокую духовность и реальной внутренней пустотой персонажей. Автор усиливает этот прием через использование оксюморонных сочетаний и парадоксальных характеристик, обнажающих абсурдность и противоречивость подлинную творческую ценность.

Значительную роль в создании эмоциональной экспрессии играют сенсорные образы и синестетические метафоры, которые активно использует автор для передачи эмоционального состояния героини. А. Матвеева особенно активно использует обонятельные и тактильные ощущения: «...в комнате пахнет но-

чью...» [5, с. 1], «...от этой мертвой тетки пахнет, разит...» [5, с. 15], превращая запахи в маркеры эмоциональных состояний и атмосферных характеристик пространства. Синестетические метафоры значительно расширяют чувственную палитру художественного текста, создавая эффект глубокого эмоционального погружения читателя в переживания персонажа через апелляцию к различным органам чувств одновременно.

Важнейшим приемом создания эмоциональной экспрессии выступает использование сновидений как способа символического выражения подсознательных страхов, желаний и внутренних конфликтов героини. Подробное описание сна о болоте и горке создает сильнейшее ощущение отращения и безысходности, непосредственно отражающее реальное психологическое состояние героини: «В болоте зеленела сопливая и густая жидкость – даже в пустыне водой не назовут» [5, с. 1]. Онирический пласт повествования становится особым пространством символического выражения внутренних конфликтов и неосознанных стремлений к освобождению от ложной, неподлинной жизни, где сновидения функционируют как прямая проекция душевного состояния на визуальные образы.

Лингвистическая экспрессия значительно усиливается через тщательно продуманное использование разговорной лексики и жаргонизмов, создающих эффект непосредственности и пронзительной искренности повествования. Сознательное снижение стилистического регистра в выражениях типа «накосить бабла», «облажаюсь», резко контрастирует с претензиями арт-среды на элитарность и создает дополнительный мощный иронический эффект: «Хочу стать Уорхолом, прославиться и накосить бабла» [5, с. 2], «И эта улыбка стремительно исчезнет, если я вдруг облажаюсь с открытием “14.11. хх”» [5, с. 4]. Автор виртуозно балансирует между различными речевыми пластами – от высокого поэтического слога до бытового просторечия, что художественно отражает внутреннюю раздвоенность героини между недостижимым идеалом и болезненной реальностью повседневного существования.

Особое место в системе эмоциональной экспрессии также занимают цветовые характеристики и колористические решения текста. В рассказе явно доминируют мрачные, депрессивные тона: «буро-зеленая сопливая вода», «серый – как у зайца под хвостом», что непосредственно отражает подавленное душевное состояние героини и общую атмосферу духовного упадка окружающего мира: «И я увидела буро-зеленую сопливую воду и высоченную гору, похожую на слона с поднятым хоботом» [5, с. 6], «Мир в последние годы виделся мне серым – как у зайца под хвостом» [5, с. 7]. Колористика становится прямым отражением внутреннего состояния персонажей и эмоциональной атмосферы происходящих событий. Однако в финальных сценах с дочерью появляются более светлые краски и мягкие тона, символизирующие возможность духовного возрождения и обретения подлинного смысла через искреннюю материнскую любовь: «Я так устала кривить душой. Но пока Тася рядом, это неважно. И не страшно, что будет потом» [5, с. 16].

Чрезвычайно значимым средством создания эмоциональной напряженности становится лейтмотив материнства, который вносит в повествование совершенно особую ноту подлинности и искренней любви, резко контрастирующую с фальшью и притворством профессионального мира героини. Образ дочери Таси представлен как единственная неискаженная ценность в жизни главной героини, источник подлинных чувств в мире всеобщей эмоциональной фальсификации. Заключительный диалог с дочерью становится подлинной эмоциональной кульминацией всего художественного текста: «Мама, я все забываю спросить, ты меня любишь?» [5, с. 16]. Это событие становится моментом, когда главный персонаж наконец получает возможность говорить правду: «Только тебя и люблю, Тася. Больше всех на свете». Материнская любовь представлена как единственная неискаженная, неподдельная ценность в мире тотальной фальсификации человеческих чувств и отношений.

Дополнительная экспрессивность создается через особую ритмическую организацию текста, в котором А. Матвеева использует повторы, анафорические и эпифорические конструкции, параллелизмы, создающие особую музыкальность и мелодичность повествования. Рефреном звучит центральный мотив усталости от постоянной лжи и притворства, достигающий своего художественного разрешения в финальном искреннем признании: «Я так устала кривить душой. Но пока Тася рядом, это неважно. И не страшно, что будет потом» [5, с. 16]. Повторяющиеся конструкции создают эффект внушения, передающего навязчивость и болезненную интенсивность внутренних переживаний героини.

Важную роль играет также продуманная интертекстуальность как способ создания дополнительных культурных коннотаций и эмоциональных обертонов. Скрытые и явные отсылки к произведениям классической и современной литературы, живописи, кинематографа создают дополнительные смысловые пласты и эмоциональные резонансы, обогащающие восприятие текста и углубляющие его психологическое воздействие на читателя.

Особого внимания заслуживает мотив самообмана и попыток психологической самотерапии, представленный в эпизоде с письмами самой себе: «Иногда я так устаю, что пишу сама себе письма с приободрени-

ями – и отправляю их с одного ящика на другой» [5, с. 1]. Этот прием создает множественные эффекты, которые имитируют сцену межличностной поддержки в абсурдной форме, но поскольку «отправитель» и «получатель» – один и тот же человек, это еще больше подчеркивает глубокое одиночество героини – у нее нет реального человека, которому она могла бы довериться, и она может искать утешения только в этом самообмане; в то же время, поддержка «Мейл» «Джимейл» и ее готовность быть обманутой не только обнажают ее острое желание надежды перед лицом душевного истощения, но и показывают ее отчаянные попытки найти поддержку хотя бы в самой себе.

Символическое значение приобретает мотив сна и пробуждения, когда утреннее состояние главного персонажа становится метафорой внутренней борьбы между желанием быть искренней и необходимостью играть социальную роль: «Утром я просыпаюсь, как всегда, в расстегнутой на груди пижаме. Будто всю ночь рвала на себе рубаху, доказывая свою искренность и прямоту души» [5, с. 1].

Мистический элемент, воплощенный в образе художника Весноватова, который читает мысли Зои и точно в деталях воссоздает её сон, а название картины «Сон девушки» напрямую затрагивает её подсознание, создаёт дополнительное измерение текста, где реальность граничит с фантастикой, а внутренний мир героини получает внешнее художественное воплощение: «Мне снилась горка, какие бывают в аквапарках, только стояла она посреди редкостно гадкого болота. В болоте зеленела сопливая и густая жидкость – даже в пустыне водой не назовут. Увы, по всем законам сновидений, мне следовало лихо съехать с горы и погрузиться в жидкую дрянь, – но по приземлении это перестало быть важным. Внизу меня ждали, каждый сидя на своей кочке, черепаха и пеликан» [5, с. 1], «– Не рву, не вру! Георгий Весноватов! – представился он, выставив картину передо мной, словно защищаясь ею. И я увидела бурно-зеленую сопливую воду и высокую гору, похожую на слона с поднятым хоботом. А еще там были черепаха и пеликан, каждый сидел на своей кочке. Пеликан смотрел наглыми карими глазами, черепаха тянула ко мне маленькую глупую головку» [5, с. 6], «Я уже не удивлялась, что он читает мои мысли, к этому, оказывается, легко привыкнуть» [5, с. 7].

Лингвопрагматическая экспрессия эмоциональности в рассказе А. Матвеевой представляет собой тщательно выстроенную систему взаимодействующих и взаимодополняющих языковых средств, направленных на создание многомерного эмоционального пространства художественного текста. Эта сложная художественная система отражает основной экзистенциальный конфликт между стремлением к подлинности и необходимостью существования в мире фальши, становящийся источником как глубочайшего страдания, так и финального катарсиса героини, обретающей в конце рассказа возможность искреннего чувства через безусловную материнскую любовь, которая остается единственной неразрушенной ценностью в мире тотального духовного компромисса.

Выводы

Проведенный анализ лингвопрагматической экспрессии эмоциональности в рассказе А. Матвеевой «На картине» позволяет сделать вывод о том, что автор создает сложную многоуровневую систему языкового воплощения эмоциональных состояний, направленную на достижение максимального воздействующего эффекта. Исследование показало, что эмоциональная экспрессия в тексте реализуется через взаимодействие различных языковых средств, образующих единое художественное целое.

Центральным механизмом создания эмоциональности выступает метафоризация внутреннего состояния персонажа, где образ «кривой души» становится ключевым символом духовной деформации современного человека. Эта метафора пронизывает весь текст, создавая эмоциональную доминанту и обеспечивая целостность художественного воздействия. Лингвопрагматический потенциал текста раскрывается через контрастное сопоставление различных стилистических регистров речи, отражающее внутреннюю раздвоенность героини между подлинностью и фальшью.

Особую роль в создании эмоциональной экспрессии играет ритмическая организация текста, основанная на повторах и параллельных конструкциях, которые создают эмоциональный эффект произведения и усиливают воздействие на читателя. Цветовая символика, онирические образы и интертекстуальные связи формируют дополнительные смысловые пласты, обогащающие эмоциональное содержание художественного текста.

Исследование выявило, что лингвопрагматическая экспрессия эмоциональности в рассказе А. Матвеевой служит не только средством психологической характеристики персонажа, но и способом художественного осмысления актуальных проблем современности. Противопоставление материнской любви как единственной подлинной ценности миру профессиональной фальши создает мощный эмоциональный резонанс и обеспечивает катарсический эффект художественного текста.

Список источников

1. Александрова О.В. Единство прагматики и лингвопоэтики в изучении текста художественной литературы // Проблемы семантики и прагматики: сб. науч. тр. Калининград, 1996. С. 3 – 7.
2. Волкова А.Е. Проблема выражения эмоций в языке и художественных текстах // Молодой ученый. 2021. № 16 (358). С. 129 – 131. URL: <https://moluch.ru/archive/358/80075/> (дата обращения: 16.07.2025).
3. Говорова В.Ф. Прагматическая функция научного текста // Актуальные проблемы прагмалингвистики в контексте межкультурной коммуникации: материалы Всерос. науч. конф. Тольятти, 7-8 декабря 2006 года. Тольятти: ТГУ, 2006. С. 124 – 127.
4. Жангуразова Л.К. Категория эмотивности в тексте как лингвистический феномен // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2024. № 3 (101). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/kategoriya-emotivnosti-v-tekste-kak-lingvisticheskij-fenomen.html> (дата обращения: 16.07.2025).
5. Матвеева А. На картине: рассказы. М.: Астрель, 2012. 19 с.
6. Матвеева Г.Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста. Ростов н/Д.: Рост. гос. ун-т, 1984.
7. Опарина Е.О. Эмоциональные языковые средства в художественном тексте // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература // Языкознание: реферативный журнал. 2021. № 4. С. 190 – 199.
8. Пчелинцева И. Реализация лингвопрагматического подхода к обучению иностранному языку в вузе // Гуманитарные науки. 2021.
9. Савельева И.В. Непрофессиональный политический дискурс: лингвопрагматический и лингвоперсологический аспекты: монография. СПб.: Наукоемкие технологии, 2021. 139 с.
10. Смагулова А.С., Кучерявая Т.Л. Категория эмотивности в концептосфере языка // Молодой ученый. 2018. № 15 (201). С. 292 – 295. URL: <https://moluch.ru/archive/201/49308/> (дата обращения: 16.07.2025).
11. Трубкина А.И. Эмотивность в художественном тексте: лингвистические способы объективации // Гуманитарные и социальные науки. 2024. № 3. С. 136 – 143.
12. Трубкина А.И. Эмотивный код художественного текста: лингвопрагматический аспект // Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 5. С. 104 – 110.
13. Korostova S. The microfields of emotivity: language projections in Russian artistic texts // Russian language studies. 2018. Vol. 16. P. 412 – 427.

References

1. Aleksandrova O.V. "The Unity of Pragmatics and Linguopoetics in the Study of Fiction Texts." Problems of Semantics and Pragmatics: Collected Scientific Papers. Kaliningrad, 1996. P. 3 – 7.
2. Volkova A.E. "The Problem of Expressing Emotions in Language and Fiction." Young Scientist. 2021. No. 16 (358). P. 129 – 131. URL: <https://moluch.ru/archive/358/80075/> (date of accessed: 16.07.2025).
3. Govorova V.F. "The Pragmatic Function of Scientific Text." Actual Problems of Pragmalinguistics in the Context of Intercultural Communication: Proc. of the All-Russian Scientific Conf. Tolyatti, December 7-8, 2006. Tolyatti: TSU, 2006. P. 124 – 127.
4. Zhangurazova L.K. The Category of Emotivity in the Text as a Linguistic Phenomenon. Philological Aspect: International Scientific and Practical Journal. 2024. No. 3 (101). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/kategoriya-emotivnosti-v-tekste-kak-lingvisticheskij-fenomen.html> (date of accessed: 16.07.2025).
5. Matveeva A. In the Picture: Stories. Moscow: Astrel, 2012. 19 p.
6. Matveeva G.G. Actualization of the Pragmatic Aspect of the Scientific Text. Rostov n / D: Rostov State University, 1984.
7. Oparina E.O. Emotional linguistic means in fiction. Social and humanities. Domestic and foreign literature. Linguistics: abstract journal. 2021. No. 4. P. 190 – 199.
8. Pchelintseva I. Implementation of a linguapragmatic approach to teaching a foreign language at a university. Humanities. 2021.
9. Savelyeva I.V. Non-professional political discourse: linguapragmatic and linguapersonal aspects: monograph. St. Petersburg: Science-intensive technologies, 2021. 139 p.
10. Smagulova A.S., Kucheryavaya T.L. The category of emotiveness in the conceptual sphere of language. Young scientist. 2018. No. 15 (201). P. 292 – 295. URL: <https://moluch.ru/archive/201/49308/> (date of access: 16.07.2025).

11. Trubkina A.I. Emotivity in Fiction: Linguistic Methods of Objectification. Humanities and Social Sciences. 2024. No. 3. P. 136 – 143.
12. Trubkina A.I. Emotive Code of Fiction: Lingvopragmatic Aspect. Humanities and Social Sciences. 2022. No. 5. P. 104 – 110.
13. Korostova S. The Microfields of Emotivity: Language Projections in Russian Artistic Texts. Russian Language Studies. 2018. Vol. 16. P. 412 – 427.

Информация об авторах

Юань Юйсинь, Санкт-Петербургский государственный университет, st121753@student.spbu.ru

© Юань Юйсинь, 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.411.21

¹ Гаджимурадова Т.Э., ¹ Султанбегова З.З.

¹ Дагестанский государственный университет

Мотивы дома / театра в романе Нагиба Махфуза «Торжество возвышенного»

Аннотация: в статье рассматриваются два ведущих мотива в романе арабского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе Нагиба Махфуза «Торжество возвышенного». Произведение относится к зрелому периоду творчества писателя (опубликовано в Каире в 1981 году. Перевод на русский язык выполнен В.Н. Зарытовской в 2008 году). Роман «Торжество возвышенного» является романом-притчей, сочетающим в себе философскую глубину, социальную остроту и богатую образность. Несмотря на признание Махфуза как выдающегося писателя, роман «Торжество возвышенного» остается недостаточно исследованным произведением, особенно в российском литературоведении. В данной статье предпринимается попытка восполнить этот пробел, проанализировав мотивы дома и театра в романе. Все герои произведения – живущие постоянно, временно проживающие или периодически посещающие «старый» дом, – имеют отношение к театру, как второму дому. Граница между этими мирами непрочна и легко преодолима. Отношение к дому и театру позволяет понять суть поднимаемых в романе проблем. Мотивы-образы дома и театра становятся трагическим символом неразрешимых противоречий, разрушения внутрисемейного уклада, испытаний и утрат, заставляющих героя стать скитальцем, в вечном поиске себя и своего «гнезда». Недостаточная разработанность мотивно-символического уровня романа и его философского потенциала определяет актуальность проведенного исследования.

Ключевые слова: современная арабская литература, египетский роман, Нагиб Махфуз, роман-притча, проблематика, образность, мотивы, символический уровень

Для цитирования: Гаджимурадова Т.Э., Султанбегова З.З. Мотивы дома / театра в романе Нагиба Махфуза «Торжество возвышенного» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 162 – 169.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Gadzhimuradova T.E., ¹ Sultanbegova Z.Z.

¹ Dagestan State University

Motifs of home and theater in Naguib Mahfouz's novel "The Celebration of the Sublime"

Abstract: the article examines two leading motifs in the novel by the Arab writer and Nobel Prize laureate in literature Naguib Mahfouz, "The Celebration of the Sublime." The work belongs to the mature period of the author's career (published in Cairo in 1981; translated into Russian by V.N. Zarytovskaya in 2008). The novel "The Celebration of the Sublime" is a parable that combines philosophical depth, social sharpness, and rich imagery. Despite Mahfouz's recognition as an outstanding writer, this novel remains insufficiently studied, especially in Russian literary scholarship. The article attempts to fill this gap by analyzing the motifs of home and theater in the novel. All characters – those permanently or temporarily living in, or occasionally visiting, the "old" house – are connected to the theater as their second home. The boundary between these worlds is fragile and easily crossed. The attitude toward home and theater helps to understand the essence of the problems raised in the novel. The motifs and symbols of home and theater become tragic symbols of insoluble contradictions, the collapse of family order, trials, and losses that force the protagonist into eternal wandering in search of himself and his "nest." The

insufficient exploration of the symbolic level of the novel and its philosophical potential determines the relevance of this study.

Keywords: *modern Arabic literature, Egyptian novel, Naguib Mahfouz, parable novel, issues, imagery, motifs, symbolism*

For citation: Gadzhimuradova T.E., Sultanbegova Z.Z. Motifs of home and theater in Naguib Mahfouz's novel "The Celebration of the Sublime". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 162 – 169.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Роман «Торжество возвышенного» относится к произведениям интеллектуальной прозы египетского писателя, лауреата Нобелевской премии Нагиба Махфуза. Отличается обращенностью к актуальным философским и социальным проблемам современности, даёт новое прочтение проблемы «человек и его время».

Материалы и методы исследований

Материалом исследования является роман Нагиба Махфуза «Торжество возвышенного». Произведение относится к зрелому периоду в творчестве писателя (опубликовано в Каире в 1981 году. Перевод на русский язык выполнен В.Н. Зарытовской в 2008 году). Предложенный в статье аспект исследования отдельных ключевых образов (дома и театра) раскрывает их символическое значение и функцию в контексте произведения. Творчество Нагиба Махфуза достаточно широко изучено в зарубежном литературоведении, однако анализ символического уровня и философской глубины романа «Торжество возвышенного» в российском литературоведении пока не осуществлялся.

Ведущий метод исследования – аналитический, ориентированный на изучение внутренней организации произведения.

Результаты и обсуждения

Обсуждение касается функционирования двух мотивов-образов в романе Нагиба Махфуза «Торжество возвышенного». Мотив дома ведущий, театра – вспомогательный. Оба мотива позволяют понять сущность метаний героев, их внутренних проблем. В романе дом становится трагическим символом неразрешимых противоречий, разрушения внутрисемейного уклада, испытаний и утрат, заставляющих героя стать скитальцем, в вечном поиске себя и своего «гнезда» [9, с. 42-43]. В произведении сошлись две пространственные тенденции. Замкнутое пространство дома и театра и разомкнутое – в проблемах, поднимаемых в пьесе Аббаса. В изображении большого, многокомнатного дома – ностальгия по прошлому, коллективной, простой жизни, когда люди жили большими семьями, поддерживая друг друга в бедах и несчастьях.

События в романе «Торжество возвышенного» разворачиваются в Каире второй половины XX века. В нём изображается история жизни молодого драматурга Аббаса Юнеса, рассказанная его друзьями, родственниками и самим молодым человеком. Напряжённость повествования обусловлена звучанием четырёх «голосов», каждый из которых даёт свою версию, понимание происходящего – приём, довольно часто используемый Махфузом, например, в романах «Эхнатон, живущий в правде», «Пансионат "Мирамар"» и др. [1].

Первая история рассказывается от имени актера театра Тарика Рамадана. Вторая – от лица отца Аббаса – Карама Юнеса, который служил в театре суфлером и подпольно содержал игорный дом. Третья часть – исповедь билетера этого театра, госпожи Халимы аль-Каби, матери Аббаса. И наконец, последняя история – откровения самого Аббаса Юнеса о себе и окружающих людях. Тарик, Карам, Халима и Аббас – несчастные, одинокие люди, терзаемые несбывшимися мечтами, причиняющие себе и окружающим страдания.

Тема одиночества объединяет героев всех четырех историй. Вынужденные сосуществовать днем в театре, а ночью – в игорном доме, они разыгрывают сцены из человеческой трагедии. Не случайными являются горькие слова Тарика Рамадана: «Мир – это невод забот, а я – один из утопленников» [7, с. 25].

В романе обнаруживаются различные проявления реальности и иллюзорные составляющие, позволяющие рассмотреть одно явление с разных точек зрения, дать ему оценку, понять истинную сущность героев и прийти к пониманию, что у каждого персонажа своя правда. В.Н. Зарытовская называет подобное построение «разобранной мозаикой», «головоломкой», каждая история в которой заставляет пересмотреть своё отношение к описываемым событиям [3, с. 307]. Правда реальности легко сменяется вымыслом, историей, разыгранной на сцене театра. Читатель проводит своё разыскание, пытаясь докопаться до истины в этой почти детек-

тивной истории. Хасан аль-Муддан отмечает в романе отсутствие авторского текста и замену его монологами рассказчиков, что позволяет считать «Торжество возвышенного» романом голоса [12].

В четырех видениях произошедшего фокусируются все эмоционально-смысловые линии романа. Действительность изображается путём пропускания её через сознание четырех героев. Данный приём позволяет характеризовать одновременно несколько персонажей, сообщает сюжету динамизм. Изображение действительности становится многослойным и многозначным, исчезает однобокость в трактовке событий. У каждого своя правда и своё видение произошедшего. Махфуз настаивает на дуальной природе человека, в которой одновременно заложены низменно-материальное и возвышенно-духовное начала [5, с. 205].

Особого внимания заслуживают мотивы дома и театра – два, казалось бы, замкнутых (локальных) пространства, но сосуществующих друг с другом.

В романе нет предпроцессуальности – повествование начинается с «голоса» актера Тарика Рамадана, вспоминающего, как начинался один из дней начала осени [7, с. 3]. Режиссер Салем аль-Агруди зачитывает новую пьесу, которую решено поставить на сцене театра. Умело имитируя мужские и женские голоса, он создает «картины», которые «приводят ... в смятение страшной откровенностью, опустошают, бросают вызов» [7, с. 3]. В озвученном режиссером сценарии все присутствующие «узнают» себя и друг друга. «Да, это признание, это правда, а мы её реальные персонажи!» [7, с. 6]. Режиссер отмечает: «Я узнал тебя так же, как и себя» [7, с. 6]. Тарик называет автора пьесы преступником, которого нужно сдать в прокуратуру [7, с. 5]. В романе четыре человека, в том числе автор, дают оценку пьесе, объясняя все происходящее на сцене своими личными переживаниями.

В первой части – «Тарик Рамадан» – есть указание на время происходящих событий – начало осени [7, с. 3], имена действующих лиц (Тарик Рамадан, Салем аль-Агруди, Сархан аль-Хияли и др.), место действия – театр и дом.

Впервые дом упоминается в воспоминаниях временного жильца – Тарика, называющего Баб-аль-Шиария «кварталом благочестия и распутства», с торговыми рядами, «длинными и извилистыми, как змея» [7, с. 9], мрачными старыми воротами рынка и рядом «старый дом, ... скрывавший внутри горестные и радостные дни» [7, с. 9]. В нём и находится дом, где произойдут все важные события. В воспоминаниях Тарика оживают события прошлого – как он когда-то с возлюбленной Тахией пришёл в этот дом. На его глазах он менялся. В нём появилась лавка, в которой жарили и продавали семечки. Торговали здесь родители автора пьесы «Торжество возвышенного» Карам Юнес и его жена Халима. Тарик сообщает хозяевам, что действие пьесы, озвученной на репетиции, происходит в их доме. «Пьеса буквально повторяет произошедшее здесь» [7, с. 11], «разоблачает скрытые преступления, заставляет по-новому взглянуть на события» [7, с. 3].

Сужение хронотопа идёт от города, который только ночью «полон достоинства» [7, с. 30]. В дневное время – публичные дома, бары, притоны; улицы с разлитыми сточными водами, разбитым тротуаром, мерзкими запахами «мрачного квартала» [7, с. 32]. «Отбросы рассыпаны по плоти старой улицы... Порывы ветра гонят мелкий мусор...» [7, с. 57]. «Улица аль-Харам полна съемных квартир и увеселительных заведений...» [7, с. 48].

Все жильцы дома – и временные, и постоянные – называют его «старым». Он старый для Карам, потому что достался ему от отца и деда, когда-то его построившего.

Карам Юнес считает, что сын пытается забыть о них, как о прошлом, с которым хочется быстрее расстаться. С этой целью вернувшимся из тюрьмы родителям он помог открыть свое дело – лавку, чтобы у них были средства к существованию, и они не вернулись к «грязному» промыслу [7, с. 51].

Своё существование в доме Карам Юнес рассматривает как жизнь «в тюремной камере» [7, с. 52]. «Меня как будто приговорили к ещё одному сроку...» [7, с. 52]. Отношения с женой характеризуются постоянным раздражением друг другом «в клетке» [7, с. 57].

В семье Карам Юнуса всё началось с обмана – его жена Халима была любовницей режиссера театра и скрыла это от жениха. Совсем скоро любовь осталась в прошлом. «Началось новое безумное плавание» [7, с. 59]. Когда «источники заработка стали мелеть, ... вся радость жизни оказалась задущена в безжалостных тисках ломки» [7, с. 59] – наркотиков. Когда-то влюбленные, они стали «как два облетевших дерева. Голод стучит в дверь старого дома» [7, с. 59]. И Карам принимает решение – сделать из своего дома приют и игорный клуб. Дом в пьесе, сочиненной сыном Карам Юнуса, изображается местом преступлений и предательств [7, с. 72]. Тарик называет старый дом «клоакой». Карам возражает ему, что именно благодаря Тарику и ему подобным «дом стал клоакой» [7, с. 65].

Для Халимы проживание с нелюбимым мужем – та же тюрьма: «Из одной тюрьмы в другую. От презрения к ненависти» [7, с. 82]. Она надеялась уйти из дома вместе с сыном. Но сын принимает другое решение. Мать

задается вопросом: «... неужели ему не понять, что он запирает двух врагов в одной клетке?» [7, с. 82]. У неё надежда, что сын сумеет вытащить её «из этой ненавистной камеры» [7, с. 82].

«Торговля удовольствиями» [7, с. 101] увела из дома уважение. «Наше единственное развлечение, – говорит Халима, – обмен оскорблениями» [7, с. 101]. «Мы разошлись по отдельным комнатам. Любви нет, в доме – пусто» [7, с. 101]. Для неё единственная опора – сын Аббас, с которым она связывает надежды на будущее. «Пусть твоими друзьями будут учитель, книга и театр» [7, с. 102], – говорит она, называя сына «своим сыном и сыном других добрых людей» [7, с. 102].

«Несчетные криминальные прибыли» [7, с. 82] в прошлом. Сегодня продажа арахиса, семечек, кукурузных хлопьев, гороха приносит малый доход. «Горькие тюремные дни» [7, с. 83] продолжаются и на свободе. Ей ненавистен дом, в котором она вынуждена жить.

В романе упоминается ещё один дом – родителей Халимы, «светлый дом в аль-Тамбакшия», где «солнце скрывается только зимой и на ночь» [7, с. 88]. Он полон людей, «как в автобусе, от которого несёт резиной» [7, с. 107].

«Старый» дом – большой, двухэтажный, «пустых комнат – на целую армию» [7, с. 106]. Но в них нет любви, согласия, уважения. А дом Халимы – «гудящий улей», из которого она спешила уйти в новую жизнь – выйти замуж и иметь свой собственный дом. Хорошая хозяйка, прекрасная мать, она не смогла сделать из своего дома «гудящего улья», противостоять решению мужа открыть в доме картежный клуб.

Жизнь самого дома днём и ночью тоже даётся в контрастном построении. Днём старый дом спит. Хозяева-актёры вечером идут на спектакль, днем отсыпаются. Сын готовится к занятиям ночью и днём спит. «Мерзавцы проникают в старый дом под покровом ночи. Своими грешными, циничными сердцами они оскверняют дорогу, ведущую к святым местам» [7, с. 116]. Халима встречает их с притворной радостью, прислуживает официанткой, подавая закуски и выпивку. И всё время испытывает страх за сына, который, испуганный, кружит вокруг комнаты, где собираются грешники «с циничными сердцами» [7, с. 116]. Она старается уберечь его от «грязи, бедности», распущенности. Участники ночных картёжных игр называют дом «хорошим гнёздышком, безопасным» [7, с. 116]. При том, что дом не пустует и в нем по вечерам и ночью всегда многолюдно, для Аббаса «старый дом и одиночество – ... спутники с первых лет жизни» [7, с. 122]. Он не общается с теми, кто приходит в дом под покровом ночи, а у родителей, содержащих притон, нет времени заняться сыном днём из-за работы в театре.

К сожалению, театр, второй дом, не несёт спасения тем, кто в нём играет. Сначала для вновь прибывших – это «роскошное место с особенным, волнующим запахом» [7, с. 89], а затем, после «собеседования» у директора, – «... кошмар. Он заканчивается слезами, не предполагающими сочувствия» [7, с. 90]. Театр – свидетель преступлений. «Под его высоким сводом гремят притворные призывы к добру, а по мягким сиденьям льётся кровь» [7, с. 95]. Особое место в театре – «красный буфет» [7, с. 102], как будто насмехающийся «над переменами, произошедшими с его постоянными посетителями» [7, с. 102]. Здесь всегда подают чай и лепешку с бобами, отмечают премьеры, знакомятся, встречаются.

Халима с мужем пришли на премьеру пьесы своего сына. Женщина была потрясена тем, как сын изобразил её в пьесе: «Я ещё раз увидела себя в аду. Почему он меня так изобразил? <...> Ты режешь меня без ножа, Аббас. Ты сделал из меня демона своей пьесы» [7, с. 112].

Живя рядом, жильцы дома, тем не менее, мало знают друг о друге. Так, сын считает свою мать падшей женщиной, не всегда верно истолковывая её поступки. Об этом она узнает, посмотрев пьесу: «Как же ты можешь не знать своей матери, Аббас?!» [7, с. 114]. Мать размышляет о таком странном толковании её поведения: «Всем тем, кто меня соблазнял, я отказала. Шлюха?! <...> Я монашка, а не шлюха, сынок. Я обездоленная, несчастная женщина» [7, с. 114]. Недосказанность, отсутствие диалога между жильцами позволяет вторгнуться в их отношения лицемерию, лжи, непониманию поступков, глубинных причин поведения.

Показательно, что самое подробное описание дома даётся в четвертой части романа. Аббас знает его с самого раннего детства. «Его ворота в форме арки. Смотровое окошко с железной решеткой. Комнаты на двух этажах с высокими потолками и покрашенными деревянными балками, кафельным полом...» [7, с. 122]. Аббас целыми днями проводил время в одиночестве, в свободное время развлекаясь тем, что «гонял мышей, ящериц и сверчков» [7, с. 123]. При том, что в доме постоянно живут люди, наличие насекомых, пресмыкающихся наводит на мысль о его запустении, заброшенности и увядании. Он как бы возвращается к дикому состоянию и становится сначала тюрьмой (клеткой) для своих хозяев, гнёздышком для карточных игр, притоном – для постояльцев.

Вторым домом для жильцов «старого дома» стал театр, даже для Аббаса, который ещё младенцем лежал на диване в кассе театра в ожидании, когда его накормят. Он помнит, как «гулял по холлу театра либо за ку-

лисами» [7, с. 123] и слушал «гимны добру, проповеди, обеты злу и аду» [7, с. 123]. Так Аббас воспитывался – «не отцом и матерью – их никогда не было рядом, они или спали, или работали» [7, с. 123], а театром.

Изменения, происходящие с жильцами, отражаются на состоянии дома, жизнь которого даётся в динамике, переменах. Ведь когда-то он был домом «не только одиночества, но и согласия» [7, с. 126]. Хозяева любили друг друга. А их уход на работу всегда был болезненным для сына [7, с. 126]. Любовь к театру, искусству, книгам наполняла жизнь особым содержанием. И одиночество стало желанным. Аббас дал «обет театру, представляя его ... трибуной для героизма» [7, с. 127]. Он верил, что грядёт пора нового Египта, мечтал об идеальном мире [7, с. 128]. Для Аббаса театр – учитель. В то время как другие жильцы дома, в том числе Тарик, считают, что «зло начинается с театра» [7, с. 129].

Аббас рассуждает о том, как постепенно в дом пришли перемены – они «надвигались медленно и вкрадчиво, как тьма... Что же такое чёрное незаметно пробежало между нами?» [7, с. 130]. Перемены получают световое и цветное выражение, которые не отделяются друг от друга и, как правило, обладают иносказательным смыслом. Тьма олицетворяет собой зло, страхи, неизвестность, черный цвет – атрибут смерти, страданий. В контексте романа он же обозначает греховную совесть людей, которые посещают дом-притон. Жильцы дома меняются внешне. И дело не только в возрасте. Мать «всегда сияла, теперь этот свет угас. Карам жил внешним миром, хохотал, шутил и ... замкнулся в себе» [7, с. 130]. И даже в душе самого младшего члена семьи – Аббаса – «зародились беспокойство и безрадостные, томящие сердце предчувствия» [7, с. 130]. Аббас понимает, что в доме всё изменилось – родители стали равнодушными друг к другу. «Дом разломился на части. Мы стали просто... жильцами под одной крышей» [7, с. 133].

Мечтая стать драматургом, Аббас считает, что высоким искусством можно изменить мир в лучшую сторону, «добро обязательно победит» [7, с. 134]. «В мечтах я всё меняю и творю заново. Подметаю и поливаю из шланга щебневый рынок, осушаю сточные воды, разрушаю старые дома и возвожу на их месте высотные здания, воспитываю полицейских, наставляю учеников и преподавателей, ... искореняю наркотики и алкоголь» [7, с. 134]. И свой собственный дом он тоже надеется разрушить, построив на его месте новый. Осознав в какой-то момент, что дом становится местом встреч Тарика и Тахии, в которую он был влюблён, Аббас задаётся вопросом: «Или наш дом настолько безнадежен, что летит в пропасть?» [7, с. 135]. Обращаясь к отцу, сын настаивает, чтобы он объяснил Тарику, что «наш дом уважаем. Ты должен прогнать его!» [7, с. 136]. Аббас понимает, что «добрый очаг» отец «превратил в публичный дом» [7, с. 137]. «В центре поставили зелёный стол, кафельный пол накрыли большим ковром, вдоль большой стены установили буфет» [7, с. 139]. По словам матери, зал готовится отцом «для вечерних встреч с друзьями» [7, с. 139]. Аббас наблюдает за происходящим в зале и отмечает, что «всё ... в доме видится в настоящем свете только из темноты» [7, с. 139]. Новая сущность дома проявляется в ночное время, когда он оживает подобно театральным декорациям. Здесь два контрастирующих образа – дома и театра – создают новую символику. «Театральные трагедии со своими героями и жертвами перебираются в наш дом. На сцене эти люди противостоят друг другу, а здесь они стоят единым строем на стороне зла» [7, с. 140].

Сопоставление отрывков (суждений) с контрастным эмоциональным содержанием позволяет понять суть перемен, происходящих в сознании Аббаса. «Если случится потоп, только мы с матерью будем достойны взойти на ковчег» [7, с. 140]. И в то же время мать «обслуживает... мерзавцев», называет себя «хозяйкой дома», который при ней превратился в притон и картёжный клуб [7, с. 140]. «Дом стал добычей мерзавцев» [7, с. 141], «мир раскололся и разразился дьявольским смехом» [7, с. 142]. С этого момента Аббас отрекается от родителей, называя их новые роли – «сводник и шлюха» [7, с. 143], а мать – главным врагом. «... отец безумен и наркозависим, а мать в ответе за всё зло на свете» [7, с. 144]. Попутно заметим, что жильцы дома видят себя совершенно в другом свете.

Неоднократно в повествовании подчеркивается, что Аббас ходит в очках, «у него плохое зрение, он ничего не видит» [7, с. 145], он ущербный [7, с. 146]. Однако именно Аббас отмечает перемены, происходящие в доме, и больше всего от этого страдает. Родители видят его слепым, надеясь, что он не замечает происходящих в доме перемен. Показательно, что совершенно иначе его воспринимает Тахия: «... он красивый, как его мать. Сильный, как отец. Он должен быть безупречен» [7, с. 145]. Возможно, Аббас действительно в силу возраста не всё видит, не всегда верно интерпретирует факты и события. И отец, и мать не согласны с его трактовкой их жизни в спектакле. Они видят свою жизнь в совершенно другом ракурсе. Он – не жертва, она – не женщина лёгкого поведения. Осознав перемены в жизни дома, Аббас загорается идеей написать пьесу о том, как «старый дом, построенный потом и кровью... деда, превращается в притон» [7, с. 146].

Испытывая к Аббасу чувства, Тахия посещает его комнату и отмечает: «Это прям отдельная квартира, здесь и спальня, и библиотека» [7, с. 146]. Как видим, внутри дома появляется помещение (квартира), которое

существует как отдельная (обособленная) единица, со своими законами проживания, условиями и требованиями к жильцам.

Герой переживает мировоззренческий кризис – всё, чем он жил, во что верил и за что готов был бороться, разрушено. Не в силах отказаться от своих взглядов, не в состоянии видеть торжество лжи, цинизма, подлости, Аббас бросает свой дом, близких, к кому потерял доверие, и начинает всё с начала. Герой его пьесы «Торжество возвышенного» покончил с собой. И Аббас, и его герой реализуют идею «умри и возродись», чтобы начать жизнь с чистого листа, пережив всё, что было в прошлом, получив уроки жизни, готовясь к новым свершениям. Аббас и герой его пьесы надеются обрести себя после «смерти», вырастая в многозначный и выразительный смысл чистоты и духовности, противостоящих неуправляемому и неудержимому потоку жизни.

В сердце Аббаса зарождается любовь к Тахие. «Впервые оно встретило реальную женщину, в которую можно влюбиться до беспамятства. До этого оно было больно Лейлой, Лубной, Майей, Офелией и Дездемоной» [7, с. 148].

И Тахия уходит от Тарика, желая начать новую жизнь. Аббас покидает «мрачный, осквернённый дом» [7] и поселяется в маленькой квартирке Тахии. Здесь они должны «начать достойную жизнь» [7, с. 150]. Воздух свободы свеж, в отличие от «гнилого духа старого дома» [7, с. 153]. Прощаясь с ним, Аббас называет его «котлом», в котором герой «варился, задыхаясь и мучаясь от боли» [7, с. 156]. Прозаичное, без сожаления, прощание с обитателями дома, уход в другой мир, где «всё вокруг – в разговоре и в тишине, в весёлом и в серьёзном, за едой и на работе – всё оказалось волшебным» [7, с. 156].

Старый дом и театр идут рядом через всё повествование. Герой признается: «Я замыслил войну без всякого снисхождения против всех форм рабства, от которых страдает человечество. Но ограничиться ли только территорией театра? Подойдёт ли идея старого дома, который пал настолько низко, что стал приютом?» [7, с. 157]. Идея дома-приюта легла в основу пьесы, написанной Аббасом.

Жизнь с Тахией казалась «родником», припав к которому, он спасался «от цинизма и черствости» [7]. В то же время быт, нехватка средств (Аббас отказался от помощи родителей, считая их деньги «грязными»), невозможность заниматься любимым писательским делом уводили из жизни радость. «Остались только язвы на поверхности земли, сточные воды и кошмарный транспорт» [7, с. 160]. Аббас живёт ненавистью к прошлому, мечтая, чтобы «пламя поглотило старый дом и всех распутников в нём» [7, с. 161]. Мечь, как оковы, мешает двигаться вперед. Страдания со временем только усиливаются. «Я мечтаю о благословенном мире без греха, без рабства, без социальных условностей. Мире, который живёт идеями, созиданием, творчеством».

Полиция внезапно нагрянула в старый дом. «Деньги конфискованы... обнаружили большую партию наркотиков» [7, с. 163]. Дом и театр вновь соприкоснулись. Аббас хочет встретиться с арестованными родителями. Но театр не освобождает от обязанностей. «Таков театр... даже смерть близкого человека – не повод отказаться играть свою роль, даже комедийную» [7, с. 163]. Театр, изображающий жизнь людей, их чувства, радости и страдания, глух к эмоциям, страстям, потерям. Атмосфера скорби легко сменяется весельем и радостью комедии. Параллельно старому дому живёт своей особой жизнью маленькая, уютная квартира Тахии. В один из дней Тахия почувствовала себя плохо [7, с. 164]. Начинается борьба за её жизнь и жизнь полугодовалого ребёнка. Но усилия оказались тщетными – ушла из жизни Тахия, а за ней и маленький Тахир. «Дом пуст, но в нём тесно от воспоминаний и призраков» [7, с. 166]. Так же, как комната Аббаса в старом доме, квартирка Тахии становится «ложным домом», временным пристанищем, образом фантасмагорически-абсурдного мира [8, с. 38]. Аббас опять одинок. Целыми днями он живёт воспоминаниями. И только работа – создание пьесы «Приют в старом доме» (название к моменту выхода спектакля поменяется на «Торжество возвышенного») спасает от депрессии. Аббас охвачен «творческой горячкой» [7, с. 167]. Он чётко представляет содержание пьесы, место действия, главных и второстепенных действующих лиц. Писатель устами Аббаса настаивает: путь борьбы с самим собой, обстоятельствами необходим «человеку, родившемуся и выросшему в грехе и твёрдо решившему восстать» [7, с. 167]. На вопрос директора театра Сархана аль-Хиляли: почему пьеса названа «Торжество возвышенного», Аббас не отвечает. Ответ даёт Сархан: «Наверно, ты имеешь в виду торжество нравственной борьбы, несмотря на то, что кругом одни пресмыкающиеся. А может, играешь словами, и подразумевается обратное?» [7, с. 168]. Вероятно, писатель даёт читателю возможность понять, что нет однозначного ответа – у каждого героя своя правда и своё «торжество». Аббас встречает родителей из тюрьмы. Они отказываются возвращаться на прежнее место работы, «чувствуя ненависть к театру и людям» [7, с. 170]. Старый дом тоже изменился – в нём появилась лавочка, дающая возможность прокормиться, не возвращаясь к «гнусным» делам прошлого.

Жизнь для Аббаса продолжилась в комнате пансионата, среди книг и наедине со своим воображением. Тоска, одиночество, «вечная мерзлота и отвращение к жизни» [7, с. 173] стали его постоянными спутниками.

Тогда и появилось письмо-прощание, которое все восприняли как предсмертную записку. В какой-то мере это действительно прощание – со старым домом, театром, тяжелыми воспоминаниями. «Я ... проснулся в другой эпохе. <...> Я завершил длинное ...странствие» <...> Я вновь обрел и ощутил жизненную силу, несущую аромат победы» [7, с. 175]. Герой вытаскивает сам себя из мук отчаяния, боли, отправляясь в новое путешествие, в котором важно «идти вперёд», бросая «ликующий вызов» времени, обстоятельствам, нужде и тщетности усилий. Не случайно «Торжество возвышенного» и «Путешествие Ибн Фаттумы» (оба произведения из «зрелой» серии писателя) изменения в жизни, мировосприятии связывают с дорогой – её началом или завершением. В движении – жизнь и надежда, предчувствие и упоение [4].

Дом, когда-то выстроенный дедом, как надёжное пристанище, несущее чувство покоя и безопасности, претерпевает метаморфозы. Силы разрушения, таящиеся за его стенами, врываются в старый дом, неся хаос, жестокость, обречённость. Дом становится притоном. И из него уже навсегда уходит чувство защищённости, устоявшегося домашнего быта, уюта, семейного крова [2, с. 198]. Насмешкой из уст «гнусных» постояльцев звучит его определение как «гнездышка», которое создаёт уют для людей, потерявших кров, любовь, привязанность, семьи из-за пагубных привычек, дурных наклонностей, негативных убеждений. Показательно, что герои романа – Карам и Халима, являясь фактическими хозяевами дома, ощущают себя не свободными. Здесь двери открываются и закрываются постоянно, принимая тех, кто бесцеремонно входит в его пространство, не считаясь с чужими границами [11, с. 150]. Наверное, поэтому Аббас находится в постоянном поиске дома. Уходя из старого, он переходит из одного жилища в другое, чтобы, наконец, оказаться на станции в преддверии новых дорог и поиска дома. «Обжитое пространство дома <...> это мир тепла и постоянства, довольства и отдохновения, всего, что поддерживает человеческую жизнь и сообщает ей тихую радость земного пребывания, воплощённой грёзы» [6, с. 143]. Герои романа находятся в постоянном поиске дома, семейного гнезда. Даже те, кто относится к его постоянным жильцам, периодически оказываются выброшенными из него (пребывание в тюрьме). Стены дома оказались тесны и для Аббаса, который «пытается обрести свой порог, берег, дом» [10, с. 153]. Созданный для жизни в семье, он отправляется в дорогу в поисках нового дома, потому что старый для него – символ гибели, разрушения, нравственного падения домочадцев.

Выводы

Таким образом, мотивы-образы дома и театра становятся трагическим символом неразрешимых противоречий, разрушения внутрисемейного уклада, испытаний и утрат, заставляющих героя стать скитальцем, в вечном поиске себя и своего «гнезда». Те, кто остались в старом доме, не способны к «полёту», движению вперёд, им уже не дано сохранить полноценный запас жизненной прочности. Из дома ушёл тот, с кем были связаны надежды на прорыв, новую жизнь – «король в доме» Аббас. Познав преступление, падение нравственности, дом обречен на разрушение и гибель. Создаваемый годами праведной жизни, руками предков, он был не просто прочным строением, а семейным кровом, «родовым гнездом». Показав разрушительную силу зла (разрыв родственных уз, превращение семейного гнезда в притон и др.), писатель не уступает полё боя силам разрушения. Пошатнувшаяся земная твердь вновь обретает равновесие – герой принимает решение продолжить борьбу, начав с нуля, оставив в прошлом то, что мешало идти вперёд.

Список источников

1. Власова Ю.Е. Несколько слов о романе Нагиба Махфуза «Торжество возвышенного» // Языки и культуры в эпоху глобализации: особенности функционирования, перспективы развития и взаимодействия. М., 2016. С. 186 – 192.
2. Жулькова К.А. Образ дома в русской литературе первой половины XX в. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2019.
3. Зарытовская В.Н. Особенности позднего этапа творчества Нагиба Махфуза (анализ романов «Путешествие ибн Фаттумы» и «Торжество возвышенного») // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2018. Т. 23. № 3. С. 302 – 311. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pozdnego-etapa-tvorchestva-nagiba-mahfuza-analiz-romanov> (дата обращения: 17.09.2025).
4. Зарытовская В.Н. Путешествие мусульманина по утопиям. «Rihlat ibn Fattouma» Нагиба Махфуза (тезисы доклада) // Мир ислама: история, общество, культура. М.: Изд-во РУДН, 2010. С. 420 – 426.
5. Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX веков: в 2 т. Литература второй половины XX в. М.: Восточная литература, 2003. Т. 2.
6. Краснокутский В.С. О некоторых символических мотивах в творчестве И.С. Тургенева // Вопросы историзма и реализма в русской литературе XIX – начала XX века. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. С. 143.

7. Махфуз Нагиб. Торжество возвышенного. М.: Изд-во «Центр гуманитарного сотрудничества», 2008. 176 с.
8. Осьмухина О.Ю., Короткова Е.Г. Хронотоп квартиры в малой прозе М.А. Булгакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 4 ч. Тамбов, 2016. № 12 (66). Ч. 1. С. 35 – 38.
9. Параскева Е.В. Мотив дома в дореволюционном творчестве И.С. Шмелева // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3 ч. Тамбов, 2017. № 6 (72). Ч. 2. С. 41 – 45.
10. Темкина И.Я. Проблема изображения характера в русской советской прозе о Востоке (1920-1970 гг.). Ташкент: ФАН, 1985. С. 153.
11. Тютелова Л.Г. Дом как ценность в русской драме первой половины XX века // Вестник Самарского ун-та. Серия: История, педагогика, филология. 2017. № 12. С. 150.
12. Хасан аль-Муддан. Словесность против реальности. Прочтение романа «Торжество возвышенного» Нагиба Махфуза. URL: <http://aljabriabed.net> (дата обращения: 17.02.2025).

References

1. Vlasova Yu.E. A Few Words about Naguib Mahfouz's Novel "The Triumph of the Sublime". Languages and Cultures in the Era of Globalization: Features of Functioning, Prospects for Development and Interaction. Moscow, 2016. P. 186 – 192.
2. Zhulkova K.A. The Image of Home in Russian Literature of the First Half of the Twentieth Century. Social and Humanitarian Sciences. Russian and Foreign Literature. Series 7: Literary Criticism. 2019.
3. Zarytovskaya V.N. Features of the Late Stage of Naguib Mahfouz's Work (Analysis of the Novels "The Journey of Ibn Fattuma" and "The Triumph of the Sublime"). RUDN University Bulletin. Series: Literary Criticism, Journalism. 2018. Vol. 23. No. 3. P. 302 – 311. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pozdnego-etapa-tvorchestva-nagiba-mahfuza-analiz-romanov> (date of access: 17.09.2025).
4. Zarytovskaya V.N. A Muslim's Journey through Utopias. "Rihlat ibn Fattouma" by Naguib Mahfouz (summary of the report). The World of Islam: History, Society, Culture. Moscow: RUDN University Press, 2010. P. 420 – 426.
5. Kirpichenko V.N., Safronov V.V. History of Egyptian Literature of the 19th-20th Centuries: in 2 vol. Literature of the Second Half of the Twentieth Century. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. Vol. 2.
6. Krasnokutskiy V.S. On Some Symbolic Motifs in the Works of I.S. Turgenev. Questions of Historicism and Realism in Russian Literature of the 19th – Early 20th Centuries. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1985. 143 p.
7. Mahfouz Naguib. Triumph of the Sublime. Moscow: Center for Humanitarian Cooperation Publishing House, 2008. 176 p.
8. Osmukhina O.Yu., Korotkova E.G. The Chronotope of an Apartment in M.A. Bulgakov's Short Stories. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues: in 4 Parts. Tambov, 2016. No. 12 (66). Part 1. P. 35 – 38.
9. Paraskeva E.V. The Motif of the House in the Pre-Revolutionary Works of I.S. Shmelev. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues: in 3 parts. Tambov, 2017. No. 6 (72). Part 2. P. 41 – 45.
10. Temkina I.Ya. The Problem of Character Portrayal in Russian Soviet Prose about the East (1920-1970). Tashkent: FAN, 1985. 153 p.
11. Tyutelova L.G. The House as a Value in Russian Drama of the First Half of the Twentieth Century. Bulletin of Samara University. Series: History, Pedagogy, Philology. 2017. No. 12. 150 p.
12. Hasan al-Muddan. Literature versus Reality. A reading of Naguib Mahfouz's novel "The Triumph of the Sublime." URL: <http://aljabriabed.net> (date of access: 17.02.2025).

Информация об авторах

Гаджимурадова Т.Э., кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, taiba1970@mail.ru

Султанбегова З.З., ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, zuleikhaaa1510@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'33

¹ Власова О.В.

¹ Санкт-петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения

Персонажи русских народных сказок в креолизированных текстах (на материале рекламы и карикатуры)

Аннотация: в настоящей статье производится анализ персонажей русских народных сказок в креолизированных текстах на материале русскоязычной карикатуры и рекламы. Актуальность и влияние русских народных сказок на современную культуру проявляется в использовании их персонажей в креолизированных текстах, таких как карикатура и реклама, где традиционные образы получают новые функции и интерпретации. Цель данного исследования составляет изучение сказочных образов и выявление особенностей их функционирования в креолизированных текстах. В статье рассматриваются традиционные для русскоязычной культуры образы: Баба Яга, Кощей Бессмертный, Емеля и Колобок. Анализ их функционирования в рекламе и карикатуре производится путем изучения источника сказочного образа в фольклоре, частотности его использования, особенностей интеграции образа в креолизированный текст. В статье также отмечается функция персонажа сказки, реализуемая в конкретном примере, дифференциальные признаки, идентифицирующие принадлежность образа к сказке, а также тип визуального образа, при рассмотрении карикатур производится анализ визуального компонента, а также анализ вербального компонента с лингвистической точки зрения. В конце статьи представлены выводы, полученные в ходе исследования.

Ключевые слова: сказочный образ, реклама, карикатура, креолизированный текст, дифференциальные признаки, сказочные персонажи, русские народные сказки

Для цитирования: Власова О.В. Персонажи русских народных сказок в креолизированных текстах (на материале рекламы и карикатуры) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 170 – 179.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Vlasova O.V.

¹ Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Characters of Russian folk tales in creolized texts (based on advertising and caricature)

Abstract: this article analyzes Russian folk tale characters in creolized texts using Russian-language caricatures and advertising. The relevance and influence of Russian folk tales on contemporary culture is evident in the use of their characters in creolized texts, such as caricatures and advertising, where traditional images acquire new functions and interpretations. The aim of this study is to examine fairy-tale images and identify the features of their functioning in creolized texts. The article examines traditional images of Russian-language culture: Baba Yaga, Koschei the Deathless, Emelya and Kolobok. Their function in advertising and caricatures is analyzed by examining the source of the fairy tale image in folklore, the frequency of its use, and the peculiarities of its integration into creolized texts. The article also discusses the function of a fairy-tale character as demonstrated in a specific example, the distinctive features that identify an image as belonging to a fairy tale, and the type of visual image. When examining car-

ictures, the visual component is analyzed, as well as the verbal component from a linguistic perspective. The conclusions obtained during the study are presented at the end of the article.

Keywords: fairy-tale image, advertising, caricature, creolized text, differential features, fairy-tale characters, Russian folk tales

For citation: Vlasova O.V. Characters of Russian folk tales in creolized texts (based on advertising and caricature). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 170 – 179.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Распространенность применения прецедентного визуального образа обусловлена психологическими особенностями человека. Образ как средство визуальной коммуникации воспринимается быстрее и легче текста и предстает более наглядным и эмоциональным средством воздействия. Он, в отличие от вербальных средств, не требует перевода на другой язык, что облегчает межкультурную коммуникацию. Зачастую в качестве прецедентных образов используют сказочные образы, поскольку персонажи сказок, русских народных, в частности, знакомы людям с детства. Использование сказок в качестве источника вдохновения наиболее типично для русскоязычных креолизованных текстов. Количественный показатель примеров таких креолизованных текстов, в которых функционируют сказочные образы, достаточно внушительный: содержание в русскоязычном сегменте основано на сюжетах русских народных сказок, сказочных повестей, мультфильмов, интерпретациях сюжетов известных европейских сказок. Так, актуальность данного исследования обусловлена ростом использования креолизованных текстов для привлечения внимания реципиента.

Целью настоящего исследования является анализ использования и трансформации персонажей русских народных сказок на материале русскоязычной рекламы и карикатуры как креолизованного текста. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: 1) сбор и подготовка эмпирической базы в виде креолизованных текстов с использованием сказочных образов; 2) анализ полученного материала.

Предметом нашего исследования выступают персонажи русских народных сказок. В качестве объекта используется русскоязычная карикатура и реклама как креолизованный текст.

Материалы и методы исследований

В качестве эмпирической базы исследования нами было проанализировано более 200 примеров креолизованных текстов с использованием сказочных образов из русскоязычных источников. Персонажи русских народных сказок встретились в 35 примерах рекламы, в том числе в виде эргонимов, а также в 44 примерах карикатуры. В рамках исследования были выделены сказочные образы Бабы Яги, Емели, Кощея, Колобка, как самые частотные. Конкретные примеры были рассмотрены с учетом разделения на 3 категории: мужские образы, женские образы, образы антропоморфных животных и предметов. В ходе исследования образ сказочного персонажа изучается путем рассмотрения следующих аспектов: источник возникновения персонажа; количество примеров в креолизованных текстах; использование образа в креолизованном тексте.

Результаты и обсуждения

Сказка предстает одним из самых важных фольклорных жанров, в котором находит отражение мировоззрение и жизнь народа [14]. В.Я. Пропп под сказкой понимает «устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением» [22]. Э.В. Померанцева отмечает, что народное коллективное творчество в виде сказок легло в основу лучших авторских сказок [20].

Подчеркнем, что рассмотрение сказочного образа в креолизованных текстах требует, на наш взгляд, учета специфики преломления данного образа сквозь призму целей, ценностей, приоритетов и других аспектов, и категорий, выделяющих этот вид текстов на фоне других. И в связи с этим сказочный образ, репрезентируемый вербально-визуальным пространством креолизованного текста, нами понимается как совокупность сформировавшегося в сознании реципиента через призму его картины мира представления о герое сказочных сюжетов, включая отсылку к самому произведению, и визуального прецедентного образа, т.е. художественного изображения персонажа сказки.

Отметим, что под креолизованным текстом нами понимается текст, сочетающий вербальную и визуальную составляющую [4], при этом представляется необходимым проанализировать соотношение компонентов в изучаемых креолизованных текстах [4].

Кощей Бессмертный – известный персонаж восточнославянской мифологии и фольклора, в частности, волшебной сказки. В некоторых работах предстает подобием Аида [9]. Злой колдун, смерть которого спрятана в нескольких вложенных друг в друга волшебных животных и предметах. Упоминается в русских народных сказках: «Марья Моревна», «Царевна-лягушка», былина «Садков корабль стал на море», «Иван Годинович», «Царевна-змея», «Иван Соснович», «Медведко», «Кощей Бессмертный», «Меднобордый», и в авторских: «Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери» (В. Жуковский), «Вниз по волшебной реке» (Э. Успенский), «Руслан и Людмила» (А.С. Пушкин), «Соловей Разбойник против Кашея и Вовки-крестоносца» (В. Резанов), «О бедном Кощее замолвите слово...» (О. Громыко). Данный образ используется во множестве фильмов, сериалов, в т.ч. и современных, и, конечно же, мультфильмах и литературе. Описывается Кощей как худой, тощий человек, даже скелет. В.И. Даль в своем словаре указывает, что Кощей происходит от слова «касть, кастить», что означает пакостить, вредить [28], в то время как М. Фасмер отмечает связь имени со словом «кость» [29]. В качестве типа героя сказки фигурирует как вредитель и похититель. В ряде сказок врагом Кощея выступает Баба-Яга, сообщая информацию о том, как его убить, но в некоторых сказках они выступают заодно. Тип визуального образа – мужской.

В отобранных нами примерах прецедентных визуальных образов – 7: 3 примера рекламы, 4 – карикатуры. В Национальном корпусе русского языка [18] встречается 534 вхождений для «Кощей» и 369 для «Кашей».

Один из примеров использования образа Кощея – рекламное видео продукта «Растишка» [24]. В качестве дифференциальных признаков Кощея можно отметить следующие: корона, типичные одеяния с изображением костей. В данном примере как раз отмечается связь возникновения имени Кощей со словом «кость»: он оказывается на детском празднике, прыгает на батуте, но в какой-то момент оказывается на дереве и боится спрыгнуть. На вопрос почему, отвечает: «Боюсь, костей не соберу». Девочка из видео дает ему совет выпить Растишку, потому что он «для крепких костей».

В карикатуре использование сказочного образа Кощея строится на том, что он бессмертный. На этом, например, строится сюжет карикатуры [13], где Кощей звонит в Пенсионный фонд. Изображение сопровождается монологом: «Алле! Пенсионный фонд? У меня для вас сюрприз!», что значит, что Пенсионному фонду придется выплачивать Кощейю пенсию еще многие и многие годы.

Следующий частотный персонаж – Баба Яга. Баба Яга – персонаж славянского фольклора и мифологии. Зачастую уподобляется ведьме или колдунье, обладает волшебными силами и предметами (волшебными помощниками). Ее особенности состоят в том, что она умеет колдовать, летать в ступе и живет в избушке на курьих ножках. Согласно В.Я. Проппу, Баба Яга может выступать в трех функциях: дарительница, похитительница и воительница [21]. По некоторым теориям [2, 3] Баба Яга является воплощением богини, проводником между миром живых и мертвых. Встречается как в авторских, так и фольклорных сказках: «Баба-Яга»; «Гуси-лебеди»; «Царевна-лягушка»; «Василиса Прекрасная»; «Марья Моревна»; «Иван-царевич и Серый волк»; «Летучий корабль»; «Пёрышко Финиста ясна сокола». Тип визуального образа – женский. В качестве дифференциальных признаков можно отметить: большой нос, седые волосы, избушка на курьих ножках, метла.

В отобранных нами примерах прецедентных визуальных образов в рекламе – 5, а также 4 примера эргонимов, в карикатуре – 6. В Национальном корпусе русского языка встречается 709 вхождений.

Отобранные примеры рекламы подчеркнули функцию Бабы Яги как дарительницы: один из примеров – рекламная кампания сети магазинов «Галамарт», где Баба Яга выступает маскотом. Функция реализуется путем указания зрителям на магазин с выгодными ценами: «Галамарт. Цены просто песня».

В рекламе компании «Билайн» [23] Баба Яга выступает дарительницей, но не для молодого человека из рекламы, а для зрителей. Данная функция реализуется через внутрирекламный диалог, где они с ее гостем обсуждают выгодное предложение от «Билайн». В данном видеоролике присутствует один из главных атрибутов «лесной ведьмы» – избушка на курьих ножках. А в избушке рядом с ней сидит мини-версия трехголового Змея Горыныча. Именно за счет Бабы Яги и трех голов Змея строится рекламная кампания: можно смотреть 4 разных фильма на 4 разных устройствах по выгодной цене.

Один из интересных примеров карикатуры подчеркивает ведьминскую природу образа Бабы Яги, а именно зельеварение. На рисунке 1 представлен участковый, пришедший к Бабе Яге, проживающей в избушке на курьих ножках. На заднем плане расположен НЛО, а рядом с избушкой бутылка, инопланетяне в полуобморочном состоянии и позеленевший Колобок. Вербальный компонент – монолог участкового: «Яга, ты бы с этим зельем завязывала!» дополняет визуальный компонент, а слово «зелье» выступает в качестве метафоры для самогона, от которого и появились зеленые человечки и позеленел колобок.

Рис. 1. Баба Яга в карикатуре.
Rice. 1. Baba Yaga in a caricature.

Один из актуальных мужских образов в российской рекламе и карикатуре – известный персонаж русских народных сказок Емеля. Проанализируем вербально-визуальное содержание креолизованных текстов, в которых используется данный образ.

Емеля – герой распространенного сюжета народной сказки. В сборнике А.Н. Афанасьева встречается 3 раза [17]. Сам Емеля предстает человеком небольшого ума, дураком, своего рода аналогом Иванушки-дурачка. Встречается он в следующих публикациях: «Сказка о Емеле-дурачке» П. Тимофеева, «Емеля-дурачок» В. Давыда, «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее» И. Бунина, «По щучьему веленью» А. Толстого.

По сюжету сказки «По щучьему веленью» Емеля предстает чрезвычайно ленивым человеком, но при этом ловким и удачливым. Ему удается поймать волшебную щуку (по В.Я. Проппу – «волшебного помощника» [21]), которая способна выполнять его желания. Сначала его желания весьма просты, но одним из самых ярких проявлений его лени является превращение печки, самой любимой лежанки, в «транспортное средство». Так, основными признаками данного произведения являются ленивый Емеля, самоходная печка, щука и уже ставшее прецедентным высказывание «По щучьему веленью, по моему хотенью». Тип визуального образа – мужской, а также образ животного (щука).

Количество: в отобранных нами примерах прецедентных визуальных образов в рекламе – 3, а также 2 примера эргонима и 3 примера карикатуры. Отметим, что в Национальном корпусе русского языка встречается 315 вхождений для «Емеля», часть из которых является поговоркой «Мели, Емеля, твоя неделя». «По щучьему веленью» встречается 95 раз, «по моему хотению» – 17.

Один из рассмотренных нами примеров – часть рекламной кампании сотового оператора Мегафон с тарифом «Сказка». В нем представлено прецедентное высказывание «По вашему хотению» и силуэт Емели со щукой. Так, Мегафон демонстрирует, что готов исполнить любые желания своего абонента.

Также нами была проанализирована телереклама сухариков «Емеля с хреном» [10]. В видеоряде представлена Настенька, обычная русская девушка, которая отправляется в лес и находит там огромную пачку сухариков «Емеля», что, своего рода, является исполнением желания. Можно также предположить, что сама Настенька – героиня сказки «Морозко», где по сюжету нелюбимую падчерицу отправляют в лес. Рекламная кампания бренда «Емеля» строится на сюжетах и образах русских народных сказок для привлечения внимания русского зрителя.

Представляется интересным рассмотреть использование прецедентного имени «Емеля» в эргонимах.

В качестве примера выделяется реклама ресторана «Емельян, или По щучьему веленью» [7]. В описании заведения указано, что это ресторан в старорусском расписном стиле, везде используются изображения сказочных персонажей (в частности, Емеля), в меню названия блюд также отсылают к сказкам. Таким образом, подразумевается, что посетитель прочувствует весь уют той самой сказочной атмосферы.

Другой пример – вывеска заведения русской кухни «Емеля city». Здесь изображена русская печь, которая является одним из волшебных атрибутов сказки, помимо прецедентного имени «Емеля», используемого в названии. Классическая русская печь указывает нам, что в данном заведении можно вкусно поесть, она символизирует уют. Учитывая, что используются мотивы сказки, клиент может ожидать, что все его «вкусовые желания» будут исполнены.

Особенно интересным представляется проанализировать несколько примеров карикатуры с использованием сказочного образа Емели. При рассмотрении карикатуры дополнительно производится анализ типа

карикатуры на основе работ А.С. Айнутдинова и А.В. Дмитриева [1, 6], а также языковых особенностей вербального компонента.

Комический эффект карикатуры на рисунке 2 создаётся:

а) визуальным искажением образа Шуки, которая выполняет функции полицейского: во-первых, она изображена в полицейской фуражке, во-вторых, выполняет действие, входящее в компетенцию полицейского, – принимает заявление у Емели;

б) вербальными компонентами – надписью «По щучьему велению» на заднем плане карикатуры (расположенной за спиной у Шуки) и монологом Емели «Все чисто украли! К ведрам и то ноги приделали». «По щучьему велению» – непосредственная цитата из сказки, ставшая крылатым выражением. Монолог Емели, несмотря на свойственную карикатуре лаконичность, реализуется с помощью разноуровневых единиц – 1) лексемой «чисто», относящейся в контексте анализируемой карикатуры к жаргонизмам; 2) словосочетанием «приделать ноги», которое является единицей фразеологического фонда русской языковой картины мира и употребляется в значении «украсть»; 3) служебной единицей разговорной речи «и то», участвующей в формировании смысловой организации высказывания, употребляющейся для усиления действия: в конструкциях с данным служебным компонентом «доминирует семантика несоответствия, уступительности и ограничения» [25], а коммуникативно-прагматическая роль этой конструкции «проявляется в актуализации пресуппозиции» [25], следовательно, единица «и то» – необходимый семантический компонент, обеспечивающий смысл фразы (утверждения), которую произносит Емеля.

Рис. 2. Образ Емели и шуки в карикатуре.

Fig. 2. The image of Emelya and the pike in a caricature.

Таким образом:

1. Вербальный компонент карикатуры поддерживает иконический.
2. Тип карикатуры: изощренная эзоповская группа.
3. Языковые особенности: использование фразеологизма «приделать ноги», жаргонизма «чисто», прецедентного высказывания «По щучьему велению», служебной единицы разговорной речи «и то», восклицания.
4. Тип визуального образа: мужской + образ животного.
5. Дифференциальные признаки, идентифицирующие принадлежность образа определённой сказке: 1) Щука как антропоморфный образ и волшебный помощник; 2) прецедентное высказывание «По щучьему велению»; 3) указание на волшебные предметы (ведра, которые могут ходить) в монологе Емели, ср. «...К ведрам и то ноги приделали».

Традиционно в карикатуре комический эффект создаётся посредством преувеличения отрицательных признаков внешности и характера и заострения на них внимания, а также через неожиданные сопоставления и уподобления [5]. Таким же образом данный эффект достигается и в карикатуре на рисунке 3, однако нельзя не заметить неоднозначной вербально-визуальной трактовки изображаемого. На наш взгляд, в анализируемом примере очевиден синергетический характер сюжета, который реализуется за счёт взаимодействия как визуальных фрагментов карикатуры между собой, так и этих фрагментов с вербальными компонентами. Относительно визуализации нельзя не заметить, что на переднем плане оказывается изображение истекающей кровью шуки, убитой Емелей, а оптическое восприятие в значительной степени увеличенного указательного пальца руки Емели создаёт иллюзию равнозначного расположения данных фрагментов: жертвой оказывается тот, кто, согласно сюжету сказки, выполняет функцию помощника главного героя,

что свойственно волшебным сказкам, а исполнителем изображённого преступления – персонаж (Емеля), которому не свойственна жестокость. Таким образом, в сюжете анализируемой карикатуры происходит трансформация эмоции ужаса вербальными и визуальными компонентами. На вербальном уровне данная эмоция реализуется за счёт фразы «...эта.а..а... щ..щ...ука ... РАЗГОВАРИВАЛА!!!», в которой, во-первых, используется приём дубликации звуков, имитирующих заикание как следствие испуга, состояния ужаса, неожиданности и тем самым передающих усилительный оттенок такого состояния персонажа; во-вторых, нарочито подчеркнута заглавными буквами выделяется глагол «разговаривала» – глагол «поддержания контакта» [15]. Прошедшее время глагола указывает на неожиданную утрату поддержания контакта, который в сказке играет важнейшую роль, поскольку желаемое сбывается «по чужьему велению».

Рис. 3. Емеля и убийство щуки.

Fig. 3. Emelya and the killing of the pike.

Тип карикатуры: изощровка без указания группы.

Языковые особенности: использование, во-первых, дубликации звуков с целью имитации испуга и заикания, во-вторых, восклицания, которое реализуется с помощью глагола поддержания контакта «разговаривала», прошедшая форма которого указывает на утрату данного контакта.

Тип визуального образа: мужской + образ животного.

Дифференциальные признаки, идентифицирующие принадлежность образа определённой сказке: 1) щука как антропоморфный образ и волшебный помощник; 2) изображение ведра как волшебного предмета.

Другим распространённым для карикатуры персонажем предстает Колобок, добавим, что в отобранных примерах рекламы данный образ не встретился. Колобок – персонаж восточнославянских народных сказок, который изображается в виде шара из теста. Согласно сюжету, сбежал от бабушки и дедушки, зайца, волка и медведя, но был пойман и съеден лисой.

Количество отобранных визуальных прецедентных образов в карикатуре – 9. В Национальном корпусе русского языка встречается 674 вхождения, в которых отражается как персонаж сказки, так и форма предметов. Во многих проанализированных примерах Колобок представлен как «сторона зла», нежели жертва.

Наиболее интересен пример на рисунке 4 – отсылка к популярному в 2000-х гг. разделу интернет-мемов. Данная карикатура использует чёрный юмор: иконический компонент выражен Колобком, который отрезал голову и уши зайцу и сам разместился вместо головы зайца, приложив уши. В кустах находятся лиса и волк, которые в ужасе от этой картины (что подчеркивается вербальным компонентом).

Вербальный компонент представлен в виде диалога: Колобок говорит: «Йа зайчегг!!!», искажённая орфография и восклицание позволяют сделать вывод, что надпись – на так называемом «падонкафском» или «олбанском» языке, где употребляется «фонетически почти верное, но орфографически нарочно неправильное написание слов» [27]. Реплика Лисы «Это не колобок, это падонок!!!» допускает игру слов, основанную на многозначности. Во-первых, Лиса называет Колобка «падонком» («русскоязычная сетевая субкультура» [26]), что является отсылкой к «падонкафскому» языку, на котором написана фраза Колобка, а во-вторых, подразумевается, что Колобок ведёт себя как падонок, т.е. как «Ничтожный, вызывающий презрение человек» [8]. Вербальный компонент полностью поддерживает и дополняет иконический.

Рис. 4. Колобок в карикатуре.
Fig. 4. Kolobok in a caricature.

Таким образом:

Тип карикатуры: изощровка с элементами социально-бытовой карикатуры (поскольку высмеивается «па-донкафское» движение) эзоповской группы.

Языковые особенности: использование восклицаний, а также намеренное искажение написания слов в соответствии со стилистикой сетевой субкультуры.

Тип визуального образа: образ антропоморфного предмета + животное.

Дифференциальные признаки, идентифицирующие принадлежность образа сказке: присутствие волка и лисы, образ колобка

Присутствует пример, где автором карикатуры высмеивается то, что колобок по сюжету сказки сбежал. Иконический компонент карикатуры [11] выражен изображением Колобка с клещами, который перерезал колючую проволоку и сбежал, предположительно, из тюрьмы. На смотровой площадке – Бабушка и Дедушка с автоматами. Вербальный компонент представлен в виде монолога Колобка, трансформированной цитаты из самой сказки: «И от бабушки ушел и от дедушки ушел...», где местоимение «я» заменено на повторяющийся союз и. Связь иконического и вербального компонента позволяет интерпретировать Дедушку и Бабушку как надсмотрщиков колобка, таким образом текст поддерживает и дополняет изображение.

Тип карикатуры: изощровка без указания группы.

Языковые особенности: использование прецедентного высказывания, нарушение правил пунктуации.

Тип визуального образа: образ антропоморфного предмета + мужской + женский.

Дифференциальные признаки, идентифицирующие принадлежность образа сказке: наличие бабушки и дедушки, образ колобка.

Анализ последующих карикатур сведем к краткому анализу вербального и визуального компонентов. Один из примеров [12] интересен монологом Лисы, содержащим два прецедентных высказывания: «Наскребли по сусекам» и «Морда кулацкая».

В другом примере [19] изображен Колобок (а точнее, блин) и Лиса. Вербальный компонент представлен в виде монолога Колобка: «Не Колобок я, а первый блин!..», что является отсылкой к русской пословице «Первый блин комом». Только благодаря этому тексту и создается юмористический эффект на данном изображении.

На следующем примере [16] представлен юный лис с телефоном и в наушниках, пожилая Лиса в очках, а рядом с ними улыбающийся Колобок (или как говорит юный лис – смайлик).

Вербальный компонент: диалог пожилой лисы и юного лиса:

«– Колобок...

– Эх, бабушка, это же смайлик!»

Текст поддерживает изображение, благодаря нему обыгрывается проблема взаимопонимания поколений. В следующем отобранном примере вербальный компонент представлен в виде так называемого «пирожка», популярного, прежде всего, в интернете. Это четверостишие без рифмы, прописных букв и знаков препинания, но с соблюдением стихотворного размера:

«учтя все прошлые ошибки
и острую нужду в еде

бабуля принимает меры
лепя квадратный колобок».

Выводы

В предложенной статье нами была произведена попытка проанализировать использование персонажей русских народных сказок в современных креолизованных текстах. На основе исследованного материала можно сделать вывод о том, что использование сказочных образов как в рекламе, так и в карикатуре представляет собой частое явление, в связи с тем, что данные образы функционируют в сформированной у человека с детства сказочной картине мира.

Для креолизованных текстов со сказочными персонажами характерно преобладание визуальных прецедентных феноменов над вербальными, что позволяет сделать вывод о том, что реклама и карикатура для привлечения внимания реципиента используют, прежде всего, визуальные средства. Вербальные компоненты сообщения выполняют в данном контексте вспомогательную функцию, отсекая нежелательные коннотации и уточняя денотативные значения креолизованных текстов (например, в рекламе у сказочных персонажей, в частности у Бабы Яги и Кощея, теряется функция вредителя). При этом сказочные образы в карикатуре используются как средство отражения тенденций развития современного общества и актуальных стереотипов (демонстрируется проблема взаимопонимания поколений и отражаются Интернет-течения через использование стихов-«пирожков» и «падонкафского» языка и др.).

Список источников

1. Айнутдинов А.С. Типология и функции карикатуры в прессе // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология, искусствоведение. 2008. № 21. С. 20 – 28.
2. Баба-Яга // PR в славянской мифологии. URL: <http://mifologia.osipova-pr.com/soderjanie/slavyane/babayaga> (дата обращения: 22.09.2025).
3. Братухина А.А. Баба-Яга в русской сказке: посредник или медиатор? // Студент: наука, профессия, жизнь: материалы VIII всероссийской студенческой научной конференции с международным участием. Омск, 26-30 апреля 2021 года. Омск: Омский государственный университет путей сообщения, 2021. Т. 2. С. 210 – 214.
4. Власова О.В. Креолизованный текст: понятие и типология // Иностранный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития. 2019. № 9.
5. Дземидок Б. О комическом. URL: <https://www.klex.ru/1c1g> (дата обращения: 22.09.2025).
6. Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки. М., 1996. 214 с.
7. Емельян, или По шучьему велению // Restoclub. URL: <https://www.restoclub.ru/spb/place/emeljan-ili-po-shhuchemu-veleniju> (дата обращения: 14.12.2022).
8. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. URL: <https://efremova.slovaronline.com/74939-PODONOK> (дата обращения: 21.09.2025).
9. Жучкова К.В., Галай К.Н. Функциональное значение мифологического образа Кощея бессмертного и его отражение в русских волшебных сказках. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnoe-znachenie-mifologicheskogo-obraza-koscheya-bessmertnogo-i-ego-otrazhenie-v-russkih-volshebnyh-skazkah> (дата обращения: 20.03.2025).
10. Как "Емеля с хреном" Настю соблазнял // Advertology. Наука о рекламе. URL: <http://www.advertology.ru/article122612.htm> (дата обращения: 12.12.2022).
11. Колобок. URL: https://pikabu.ru/story/kolobok_8279477 (дата обращения: 20.11.2024).
12. Колобок. URL: https://pikabu.ru/story/kolobok_8516710 (дата обращения: 20.11.2024).
13. Кощей бессмертный. Фотохостинг и фотохостинг для Озон. URL: https://vfl.ru/fotos/024a2c1117964574_01.html?antid=1 (дата обращения: 20.08.2022).
14. Лазутин Г.С. Поэтика русского фольклора. URL: https://imwerden.de/pdf/lazutin_poetika_russkogo_folklor_1981__ocr.pdf (дата обращения: 20.09.2025).
15. Маточкина А.Е. Семантика и функционирование глаголов поддержания контакта водить, встречаться, знать, разговаривать в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 8 (86). Ч. 2. С. 367 – 372.
16. Молодым не понять интересов старых // НЕ ВЯНЬ. URL: <https://zavjalovo.ru/karikatury/molodym-ne-poniat-interesov-staryh.html> (дата обращения: 20.11.2024).
17. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1985.
18. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 22.09.2025).
19. Первый блин. URL: <https://illustrators.ru/illustrations/891315> (дата обращения: 20.11.2024).

20. Померанцева Э.В. Русская народная сказка. URL: <https://www.klex.ru/1m29> (дата обращения: 18.09.2025).
21. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2014. 332 с.
22. Пропп В.Я. Русская сказка (собрание трудов В.Я. Проппа.) / ред. и ком. Ю.С. Рассказова. М.: Издательство "Лабиринт", 2000. 416 с.
23. Реклама Билайн с Бабой Ягой. REKLAMAsite. URL: <https://reklamasite.ru/reklama-bilayn-s-baboy-yagoy/> (дата обращения: 11.01.2023).
24. Реклама Растишка – «Кощей». URL: <https://rutube.ru/video/cf1402e6338dddf0817f021f3d2a68e/> (дата обращения: 20.06.2025).
25. Скрипникова Н.Н. Служебная единица И ТО и ее функциональные эквиваленты в современном русском языке: дис ... канд. филол наук: 5.9.8. Воронеж, 1995.
26. Субкультуры интернета. Глава 1: паДонки и блогеры. repetit.ru. URL: <https://repetit.ru/blog/articles/subkultury-interneta-glava-1-padonki-i-blogery/> (дата обращения: 16.12.2024).
27. Технология общения в социальных сетях. URL: <https://www.informio.ru/publications/id4094/Tehnologija-obshhenija-v-socialnyh-setjah> (дата обращения: 16.12.2022).
28. Толковый словарь В.И. Даля. Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/lectures/dictionaries/63283/kashei> (дата обращения: 30.09.2025).
29. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Gufo.me словари и энциклопедии. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer/košej> (дата обращения: 11.09.2025).

References

1. Ainutdinov A.S. Typology and Functions of Caricature in the Press. Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology, Art Criticism. 2008. No. 21. P. 20 – 28.
2. Baba Yaga. PR in Slavic Mythology. URL: <http://mifologia.osipova-pr.com/soderjanie/slavyane/babayaga> (date of accessed: 22.09.2025).
3. Bratukhina A.A. Baba Yaga in a Russian Fairy Tale: Intermediary or Mediator? Student: Science, Profession, Life: Proceedings of the VIII All-Russian Student Scientific Conference with International Participation. Omsk, April 26-30, 2021. Omsk: Omsk State University of Transport, 2021. Vol. 2. P. 210 – 214.
4. Vlasova O.V. Creolized Text: Concept and Typology. Foreign Language and Culture in the Context of Education for Sustainable Development. 2019. No. 9.
5. Dzemidok B. On the Comic. URL: <https://www.klex.ru/1c1g> (Accessed: September 22, 2025).
6. Dmitriev A.V. Sociology of Humor: Essays. Moscow, 1996. 214 p.
7. Emelyan, or By the Pike's Command. Restoclub. URL: <https://www.restoclub.ru/spb/place/emeljan-ili-po-shhuchemu-veleniju> (date of accessed: 14.12.2022).
8. Efremova T.F. New Dictionary of Explanatory Word-Formation of the Russian Language. URL: <https://efremova.slovaronline.com/74939-PODONOK> (date of accessed: 21.09.2025).
9. Zhuchkova K.V., Galai K.N. Functional Meaning of the Mythological Image of Koschei the Deathless and His Reflection in Russian Fairy Tales. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnoe-znachenie-mifologicheskogo-obraza-koscheya-bessmertnogo-i-ego-otrazhenie-v-russkih-volshebnyh-skazkah> (date of accessed: 20.03.2025).
10. How "Emelya with Horseradish" Seduced Nastya. Advertology. Advertising Science. URL: <http://www.advertology.ru/article122612.htm> (date of accessed: 12.12.2022).
11. Kolobok. URL: https://pikabu.ru/story/kolobok_8279477 (date of accessed: 20.11.2024).
12. Kolobok. URL: https://pikabu.ru/story/kolobok_8516710 (date of accessed: 20.11.2024).
13. Koshchei the Deathless. Photo hosting and photo hosting for Ozon. URL: https://vfl.ru/fotos/024a2c1117964574_01.html?antid=1 (date of accessed: 20.08.2022).
14. Lazutin G.S. The Poetics of Russian Folklore. URL: https://imwerden.de/pdf/lazutin_poetika_russkogo_folklor_a_1981__ocr.pdf (date of accessed: 20.09.2025).
15. Matochkina A.E. Semantics and Functioning of the Contact-Maintaining Verbs "to Drive," "to Meet," "to Know," and "to Talk" in Modern Russian. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. Tambov: Gramota, 2018. No. 8 (86). Part 2. P. 367 – 372.
16. The Young Cannot Understand the Interests of the Old. NOT WITHER. URL: <https://zavjalovo.ru/karikatury/molodym-ne-poniat-interesov-staryh.html> (date of accessed: 20.11.2024).
17. Russian Folk Tales by A.N. Afanasyev: in 3 vol. Moscow: Nauka, 1985.
18. National Corpus of the Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru/> (date of accessed: 22.09.2025).

19. The First Pancake. URL: <https://illustrators.ru/illustrations/891315> (date of accessed: 20.11.2024).
20. Pomerantseva E.V. Russian Folk Tale. URL: <https://www.klex.ru/1m29> (date of accessed: 18.09.2025).
21. Propp V.Ya. Historical Roots of the Magic Tale. Moscow: Labyrinth, 2014. 332 p.
22. Propp V.Ya. Russian Fairy Tale (collected works by V.Ya. Propp). Ed. and comment. Yu.S. Rasskazova. Moscow: Labyrinth Publishing House, 2000. 416 p.
23. Beeline advertisement with Baba Yaga. REKLAMAsite. URL: <https://reklamasite.ru/reklama-bilayn-s-baboy-yagoy/> (date of accessed: 11.01.2023).
24. Rastishka advertisement – "Koschei". URL: <https://rutube.ru/video/cf1402e6338ddddf0817f021f3d2a68e/> (date of accessed: 20.06.2025).
25. Skripnikova N.N. The service unit ITO and its functional equivalents in modern Russian: diss ... cand. philological sciences: 5.9.8. Voronezh, 1995.
26. Internet subcultures. Chapter 1: Padonki and bloggers. repetit.ru. URL: <https://repetit.ru/blog/articles/subkultury-interneta-glava-1-padonki-i-blogery/> (date of accessed: 16.12.2024).
27. Communication technology in social networks. URL: <https://www.informio.ru/publications/id4094/Tehnologija-obshenija-v-socialnyh-setjah> (date of access: 16.12.2022).
28. Explanatory dictionary of V.I. Dahl. Culture.RF. URL: <https://www.culture.ru/lectures/dictionaries/63283/kashei> (date of access: 30.09.2025).
29. Vasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. Gufo.me dictionaries and encyclopedias. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer/koschey> (date of accessed: 11.09.2025).

Информация об авторах

Власова О.В., старший преподаватель, кафедра иностранных языков, ФГАОУ ВО "Санкт-петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", ksana_vlasova@mail.ru

© Власова О.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 327.8.81

¹ Горбач С.Р.

¹ Донской государственный технический университет

Многоязычие и его роль в современных обществах: язык как средство интеграции и конфликта

Аннотация: в условиях глобализации феномен многоязычия приобретает всё большее значение как фактор интеграции и взаимодействия между различными этническими и социальными группами. Многоязычие способствует культурному обмену и взаимопониманию, однако в то же время может становиться источником конфликтов и социальной напряжённости. Проблема баланса между доминирующими и миноритарными языками остаётся актуальной для современных многонациональных государств, что определяет необходимость исследования влияния глобализационных и миграционных процессов на языковое разнообразие. Исследование основано на анализе данных о языковой политике различных стран и примерах законодательных инициатив, отражающих проблемы доминирования одного языка. Применены методы сравнительного анализа исторических и социокультурных прецедентов, а также количественные и качественные подходы для оценки влияния языковых факторов на межкультурную коммуникацию и социальную стабильность. Выявлено, что многоязычие одновременно выступает механизмом социальной интеграции и фактором, способным провоцировать конфликты. Преобладание одного языка в полиэтнических обществах ведёт к ущемлению лингвистических прав меньшинств и усилению межэтнических противоречий. Примеры из истории США, Европы и России показывают, что несбалансированная языковая политика может стать причиной дискриминации и культурной ассимиляции. Вместе с тем развитие многоязычных образовательных программ, переводческих технологий и цифровых коммуникаций способствует укреплению взаимопонимания и сохранению культурного многообразия. Современные формы государственного и личностного многоязычия (на примере Швейцарии, Канады, Индии и РФ) демонстрируют возможности гармоничного сосуществования языков при условии правового равенства. Многоязычие является ключевым элементом социальной динамики, влияющим на развитие межкультурных связей и устойчивость общества. Для предотвращения языковых конфликтов и сохранения культурного наследия необходима комплексная языковая политика, обеспечивающая равноправие всех языковых сообществ. Эффективное управление многоязычием возможно только при признании его интеграционного потенциала и приоритета культурного диалога над лингвистическим доминированием.

Ключевые слова: языковой конфликт, язык мирового общения, многоязычие, глобализация, культура, многообразие

Для цитирования: Горбач С.Р. Многоязычие и его роль в современных обществах: язык как средство интеграции и конфликта // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 180 – 188.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Gorbach S.R.

¹ Don State Technical University

Multilingualism and its role in modern societies: language as a means of integration and conflict

Abstract: *in the context of globalization, the phenomenon of multilingualism is becoming increasingly important as a factor of integration and interaction between different ethnic and social groups. Multilingualism promotes cultural exchange and mutual understanding, but at the same time it can become a source of conflict and social tension. The problem of the balance between dominant and minority languages remains relevant for modern multinational states, which determines the need to study the impact of globalization and migration processes on linguistic diversity. The study is based on an analysis of data on the language policy of various countries and examples of legislative initiatives reflecting the problems of the dominance of one language. Methods of comparative analysis of historical and socio-cultural precedents, as well as quantitative and qualitative approaches are applied to assess the influence of linguistic factors on intercultural communication and social stability. It has been revealed that multilingualism simultaneously acts as a mechanism of social integration and a factor capable of provoking conflicts. The predominance of one language in multiethnic societies leads to the infringement of linguistic rights of minorities and the intensification of interethnic contradictions. Examples from the history of the United States, Europe, and Russia show that an unbalanced language policy can lead to discrimination and cultural assimilation. At the same time, the development of multilingual educational programs, translation technologies and digital communications contributes to strengthening mutual understanding and preserving cultural diversity. Modern forms of state and personal multilingualism (on the example of Switzerland, Canada, India and the Russian Federation) demonstrate the possibilities of harmonious coexistence of languages under the condition of legal equality. Multilingualism is a key element of social dynamics, influencing the development of intercultural relations and the sustainability of society. To prevent language conflicts and preserve cultural heritage, a comprehensive language policy is needed to ensure the equality of all linguistic communities. Effective management of multilingualism is possible only if its integration potential and the priority of cultural dialogue over linguistic dominance are recognized.*

Keywords: *language conflict, language of world communication, multilingualism, globalization, culture, diversity*

For citation: Gorbach S.R. Multilingualism and its role in modern societies: language as a means of integration and conflict. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 180 – 188.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Многоязычие представляет собой использование нескольких языков в рамках конкретной социальной группы, поэтому в условиях глобализации его значение в современном обществе продолжает расти. Так же многоязычие служит средством интеграции, обеспечивая взаимодействие между языками. Это содействует гармонизации социальных отношений и развитию культур, обогащая каждую из них. В мультикультурном обществе многоязычие особенно важно для достижения взаимопонимания между этническими и социальными группами.

Тем не менее многоязычие также имеет негативные аспекты. В некоторых случаях оно может ограничивать распространение экономических ресурсов и замедлять научное и технологическое развитие. Кроме того, в определённых обществах возникают языковые конфликты, способные серьёзно повлиять на политическую жизнь и национальное строительство. Таким образом, влияние многоязычия в современных обществах зависит от конкретных условий и может проявляться как в интеграции, так и в конфликтах [1, 2].

В связи с вышеизложенными обстоятельствами, настоящей теме уделено внимание таких исследователей, как Могилевич Б.Р., Полосухина М.Р. и Соколова И.А. акцентируя внимание на возникновении языковых конфликтов в полиэтнических государствах. В этом контексте, авторами рассмотрен феномен языкового конфликта и его социокультурная природа, типология языковых конфликтов и роль языка мирового общения. Обращалось внимание на распространённость многоязычия в киберпространстве и его значимость для стабильности и миропорядка. В то же время, исследователями рассматривались причины и последствия языковых конфликтов в полиэтнических странах, а также способы их разрешения. В ходе анализа были выявлены тенденции и закономерности функционирования языков, а также ограничения языковых прав и

угроза культурному выживанию. В результате, итоги исследования подчеркивали различную степень институциональной и правовой поддержки языков в условиях многоязычия [3-5].

Данное обстоятельство подчеркивает тот факт, что языковой репертуар современного общества выходит далеко за рамки индивидуального владения несколькими языками, формируя сложную систему коммуникации между различными этническими группами внутри государств. Масштабное распространение многоязычных практик привело к трансформации международного взаимодействия через экономические альянсы, политические объединения и глобальные структуры, среди которых особое место занимают Европейский Союз, ООН и ЮНЕСКО. Развитые страны Европы и Северной Америки, несмотря на преобладающий многоязычный уклад жизни, зачастую проявляют недостаточное понимание реального масштаба языкового разнообразия как внутри собственных границ, так и за их пределами.

Важно отметить, что многоязычное общество современности демонстрирует несостоятельность концепции единоязычных национальных государств. Активизация международного взаимодействия усиливает потребность в углубленном изучении феномена мультилингвизма, способствующего преодолению культурно-языковых преград между народами. Процессы унификации языков и культур создают существенные риски безвозвратной утраты лингвистического и культурного многообразия человечества. Поэтому, данная тема является актуальной и обусловлена растущей глобализацией и многообразием культурных идентичностей.

Таким образом, цель исследования заключается в анализе влияния глобализации и миграционных процессов на языковое разнообразие в многоязычных обществах и выявлении последствий доминирования определенных языков для межкультурной коммуникации и социальной стабильности.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили данные о языковом разнообразии и языковой политике в многонациональных обществах. В исследовании также рассмотрены примеры законодательных инициатив разных стран, свидетельствующих о проблемах доминирования одного языка над другими и последствиях данной политики для миноритарных языков. Авторитетные лингвисты регулярно проводили масштабные исследования распространенности языков в мировом информационном пространстве, включая цифровую среду, уделяя особое внимание сохранению культурного многообразия.

Методология исследования основана на комплексном сравнительном анализе исторических прецедентов языковой политики. Кроме того, она включала рассмотрение социокультурных аспектов межнациональных отношений и изучение парадигм мультилингвизма. Количественные и качественные показатели позволяли оценить воздействие языковых факторов на общественные процессы и межкультурную коммуникацию. Это формировало основу для создания оптимальных стратегий языковой политики и интеграционных программ.

Результаты и обсуждения

В настоящее время, лингвистическое многообразие создает благоприятные условия для взаимного обогащения культур, одновременно порождая сложности во взаимодействии между представителями разных национальностей. Коммуникативная функция языка может служить объединяющим звеном для межкультурного диалога либо становиться причиной социальной напряженности среди носителей различных языковых групп.

В этом контексте, проблема доминирования одного языка над другими представляет собой фундаментальный источник лингвистических противоречий. Многонациональные государства зачастую законодательно закрепляют приоритетный статус определенного языка, придавая ему официальный характер. Подобная языковая политика создает дисбаланс между различными языковыми группами населения, вызывая сопротивление со стороны носителей миноритарных языков. Ущемление лингвистических прав национальных меньшинств усиливает межэтническую напряженность, обостряет общественные разногласия и может перерасти в масштабные социальные конфронтации. Соперничество различных языков проявляется в разнообразных социальных контекстах, создавая определенные противоречия между языковыми группами.

Наиболее заметное влияние подобного противостояния наблюдается в экономической сфере, когда преобладание одного языка существенно влияет на эффективность деловых коммуникаций и переговорных процессов. Возникающий лингвистический дисбаланс формирует барьеры для носителей иных языков, ограничивая их возможности полноценного участия в экономической деятельности. Данные ограничения усугубляют современные процессы миграции и глобализации представляя серьезную угрозу для сохранения множества языков и диалектов. Лингвисты и защитники культурного наследия выражают глубокую озабоченность стремительного исчезновения локальных языковых форм. Каждый утраченный язык уносит с собой неповторимое культурное богатство, включая особые способы восприятия мира и вековые традиции народов [6].

Чтобы предотвратить данные утраты и сохранить культурное наследие, многоязычные программы образования, развитие переводческой деятельности и межкультурной коммуникации создают благоприятные условия для гармоничного взаимодействия различных языковых сообществ. Так же, современные технологические решения и инструменты перевода способствуют преодолению коммуникационных барьеров, укрепляя взаимопонимание между носителями разных языков и культурных традиций. В дополнение, программы толерантности и социальной интеграции формируют благоприятную среду для плодотворного взаимодействия различных языковых сообществ, способствуя взаимному культурному обогащению и развитию глобального наследия народов.

Однако, несмотря на эти усилия, лингвистическое многообразие современного общества проявляется двояко: язык служит средством объединения групп населения и одновременно может становиться источником разногласий. Успешная языковая интеграция основывается на признании равноценности каждого языка и защите лингвистических прав всех социальных групп, закладывая фундамент справедливого общественного устройства. Так, например, законодательные инициативы различных штатов США демонстрируют многолетнюю практику языковой дискриминации населения. Законодательное собрание Калифорнии внесло поправки в основной закон штата в 1879 году, лишив граждан возможности использовать испанский язык в официальных документах. Схожая ситуация возникла в Пенсильвании, где владение английским языком стало обязательным требованием для работы в угольной промышленности с 1897 года, что привело к вытеснению итальянских и славянских рабочих. Подобные законодательные меры превратили языковой фактор из потенциального инструмента объединения общества в механизм социального расслоения и межнациональных конфликтов [7].

В результате, глобализационные процессы современности порождают множественные противоречия между различными интерпретациями исторических событий и актуальных явлений, формируя основу межкультурных разногласий. Функциональные аспекты культурного развития определяют специфику социальных конфликтов между народами, создавая уникальную типологическую структуру межнациональных противоречий в современном мире. В этой типологии выделяются два основных типа конфликтов:

1. Территориальные конфликты, связанные с желанием этносов обосноваться на своих территориях. Главным аспектом этих конфликтов является «ценность человеческой жизни».
2. Мировоззренческие конфликты, определяемые культурными установками этносов, где ценностные различия проявляются в информационных и пропагандистских войнах.

Таким образом, межкультурные противоречия раскрывают многогранную природу этнических взаимоотношений, проявляясь через территориальные и мировоззренческие аспекты на различных социальных уровнях. Межличностные столкновения микроуровня возникают преимущественно из-за укоренившихся предрассудков и несовместимости ценностных систем отдельных представителей этносов. Традиционные разногласия мидиуровня находят отражение в информационном пространстве и культурных практиках этнических групп. Масштабные идеологические конфронтации макроуровня разворачиваются между национальными движениями под влиянием экономических элит. Комплексное решение подобных противоречий требует системного подхода на каждой стадии развития конфликта.

В результате, современная цифровая среда создает уникальное пространство взаимодействия, где границы между физическим и виртуальным мирами становятся все более размытыми, выдвигая многоязычную коммуникацию на передний план общественного развития. Глобализационные процессы способствовали формированию двух основных направлений языкового многообразия. Государственное многоязычие проявляется в официальном признании нескольких языков на территории одного государства, что можно наблюдать в Швейцарии, Индии, Канаде, Бельгии, Российской Федерации и во множестве стран Африки. Так же, личностное многоязычие характеризуется способностью отдельных представителей общества свободно осуществлять коммуникацию на двух или более языках, реализуя принципы билингвизма и полилингвизма.

Это подчеркивает, что языковые взаимодействия современного общества формируют многогранную систему коммуникаций, способствующую расширению многоязычного присутствия в цифровой среде через глобализационные механизмы. Масштабное распространение разноразличного информационного наполнения открывает пользователям доступ к международным базам знаний, минимизирует социальные барьеры и обеспечивает качественное улучшение условий существования населения. В настоящее время доля английского языка в межсетевом пространстве составляет 52%, в то время как русский язык занимает 6,5%, японский – 5,6%, а немецкий – 5,5%. Эти данные подтверждают преобладание английского языка как глобального [3]. Более подробно это представлено на рисунке (рис. 1).

Рис. 1. Доля языков в киберпространстве.

Fig. 1. The share of languages in cyberspace.

Таким образом, будущее миноритарных языков зависит от их способности противостоять доминирующим языкам, среди которых английский язык играет роль посредника. Английский облегчает доступ носителей редких языков к знаниям и информации через переводы. Для сохранения миноритарных языков ЮНЕСКО акцентирует важность создания письменности для тех языков, которые ее не имеют. Кроме того, организация подчеркивает необходимость перевода различных материалов и обеспечения доступа к образованию на родном языке, а также на английском [8].

В современной российской научной среде латинские термины «мультилингвизм» и «билингвизм» постепенно вытесняют традиционные понятия «многоязычие» и «двуязычие». Носители нескольких языков получили новые обозначения – «мультилингвы» и «билингвы». Древнегреческое слово «полиглот», появившееся в английском языке между 1635-1645 годами, несет дополнительную коннотацию исключительности языковых способностей человека. Масштабные социолингвистические исследования демонстрируют трансформацию общественного восприятия многоязычия под влиянием промышленных и научно-технических революций, превратив владение несколькими языками в распространенное явление современности [9].

Масштабные социально-экономические трансформации конца XX века, сопровождавшиеся активными миграционными процессами и расширением международных связей, существенно повлияли на лингвистическую стабильность полиэтнических государств, поставив под угрозу сохранность уникальных языковых систем. Эффективное разрешение межкультурных коммуникативных вызовов в многонациональных странах напрямую зависит от способности общества найти баланс между потребностью в едином средстве общения и стремлением этносов к сохранению собственной идентичности. Формирование благоприятной социальной среды, основанной на принципах взаимоуважения и признания культурных различий, становится определяющим фактором для гармоничного развития современных многоязычных сообществ [10].

Все же многоязычие является ключевым фактором социальной динамики, который определяет взаимодействие различных общественных групп. Лингвистическое разнообразие, проявляющееся в использовании нескольких языков в одной территории, может способствовать как объединению, так и разобщению. Для понимания механизмов языкового влияния на социальную консолидацию и конфликты необходим глубокий анализ в контексте полилингвальных сообществ (рис. 2).

В результате, феномен многоязычия формирует социокультурное пространство современных государств, выступая механизмом социальной интеграции либо потенциальным источником противоречий. Многоязычная среда создает благоприятные условия для межкультурного взаимодействия, стимулирует экономический рост и способствует интеграционным процессам. Одновременно языковой плюрализм может провоцировать общественные разногласия при ущемлении лингвистических прав малых этнических групп доминирующими языковыми сообществами [11].

Однако, несмотря на его преимущества, языковое разнообразие современных обществ порождает комплекс взаимосвязанных недостатков. Недостаточно сбалансированная языковая политика ущемляет права представителей малых народностей, создавая неравные условия доступа к ресурсам. Подавление родных языков национальных групп приводит к размыванию культурной самобытности и ощущению дискриминации.

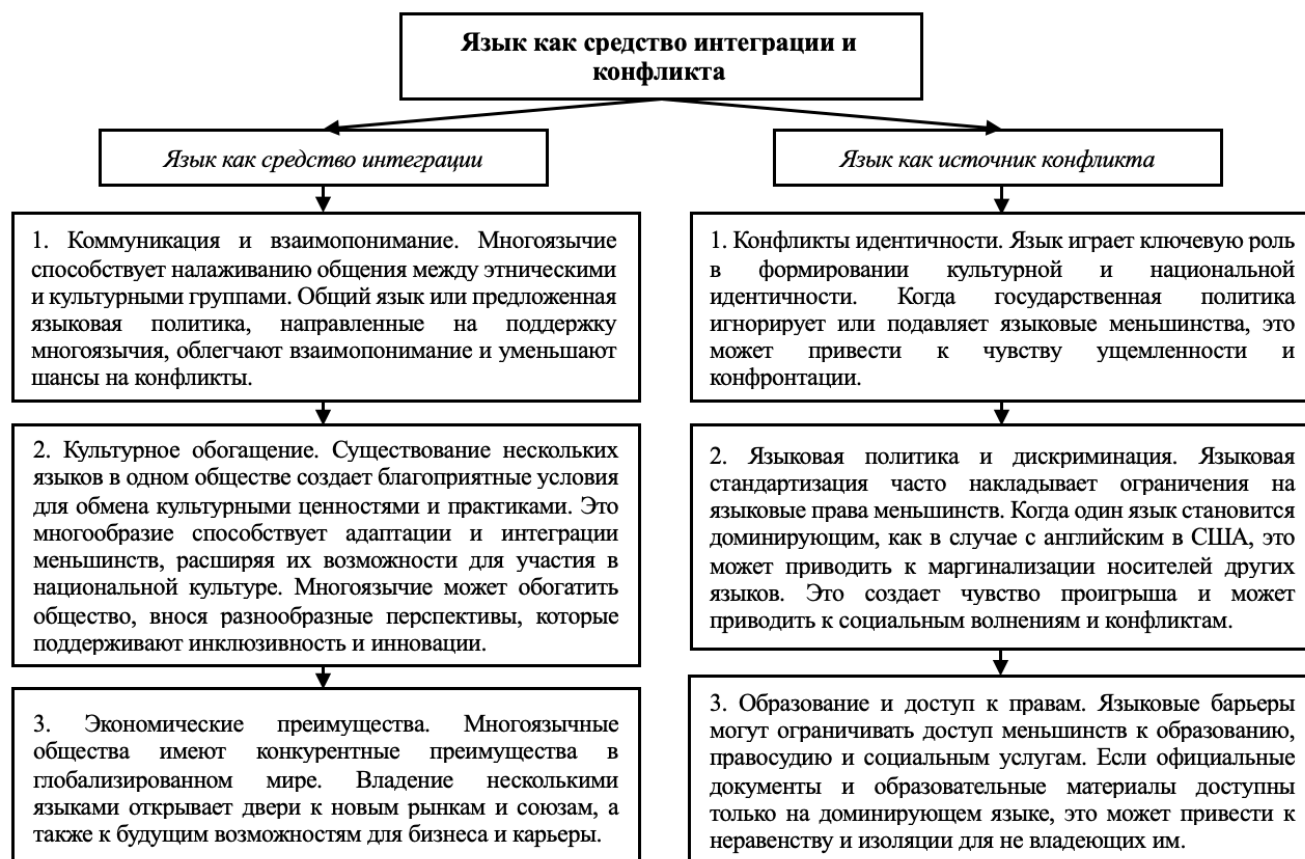

Рис. 2. Язык как средство интеграции и конфликта.
Fig. 2. Language as a means of integration and conflict.

Ограниченный доступ носителей миноритарных языков к образовательным материалам существенно снижает качество получаемых знаний. Межгрупповые противоречия на языковой почве дестабилизируют социальную обстановку в многонациональных регионах. Ограниченные возможности трудоустройства для представителей языковых меньшинств усугубляют их экономическую уязвимость. Манипулятивное использование языковой политики служит инструментом давления на отдельные группы населения.

Тем не менее разработка комплексной языковой политики предполагает внедрение образовательных программ на родных языках населения, создание площадок межкультурного диалога и расширение присутствия миноритарных языков в медиапространстве. Реализация программ повышения квалификации государственных служащих в области многоязычной коммуникации, совместно с формированием эффективных механизмов урегулирования разногласий, позволит укрепить социальную стабильность и обеспечить гармоничное взаимодействие представителей различных лингвистических сообществ. Более подробно это описано на рисунке (рис. 3).

Как показано на рисунке, языковые системы выступают фундаментальным инструментом международной коммуникации, обеспечивая равноправный доступ к образовательным ресурсам, знаниям и межкультурному диалогу, способствуя преодолению социального неравенства. Разрешение языковых противоречий, возникающих вследствие дисбаланса экономического и социально-политического статуса носителей различных языков, представляет масштабную задачу мирового сообщества, требующую комплексного подхода к урегулированию существующих разногласий.

Многоязычие в мире не является хаосом, который ведет к нарушению межъязыковой и межкультурной коммуникации или утрате языкового разнообразия. Поэтому для предотвращения конфликтов и обеспечения гармоничного сосуществования различных языков и культур, эффективное управление многоязычием

требует внедрения сбалансированной лингвистической политики, обеспечивающей равноправие всех языковых сообществ. Подобный подход позволяет выстраивать конструктивный диалог между различными этническими группами, превращая язык в инструмент социальной консолидации вместо катализатора конфликтов [12].

Рис. 3. Стратегия комплексной языковой политики.

Fig. 3. Strategy of integrated language policy.

Выводы

В заключение, лингвистическая вариативность в современных глобализационных процессах формирует многогранное явление, оказывающее влияние на межкультурное взаимодействие и социальную стабильность общества. Отсутствие сбалансированной лингвистической стратегии и преобладание определенного языка в коммуникативном пространстве приводят к нарастанию противоречий между различными этническими сообществами, вызывая серьезные общественные разногласия. Ограничение возможностей малочисленных языковых сообществ, необоснованные изменения лексических норм в распределении образовательных и культурных ресурсов препятствуют формированию единого мультикультурного пространства.

Таким образом, эффективная реализация многоязычия как механизма объединения общества требует признания равных прав всех языковых групп. Академический подход к языковой политике должен сочетаться с внедрением практических инициатив, основанных на взаимном уважении культурного многообразия. Сохранение лингвистического наследия планеты напрямую зависит от способности вести продуктивный межкультурный диалог, воспринимая многоязычие как ресурс для глубокого взаимодействия между народами.

Список источников

1. Таскаева Е.Б. Многоязычие в современном мире: культурные традиции и направления исследования // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2017. № 2. С. 50 – 57.
2. Дрисс Л.М., Ковалевская И.И. Многоязычие и возможности взаимопонимания между различными языками // Проблемы фоносемантики: материалы Международного научного семинара. Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2016. С. 63 – 65.
3. Могилевич Б.Р. Языковые конфликты как компоненты социокультурной конфликтологической парадигмы современности // Современное культурно-образовательное пространство гуманитарных и социальных наук: материалы VIII Международной научной конференции. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2020. С. 677 – 685.
4. Полосухина М.Р. Языковые конфликты современности // Современные методы взаимодействия и способы сотрудничества специалистов помогающих профессий: материалы X Международной очно-заочной научно-практической конференции. Орёл: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2024. С. 411 – 417.
5. Соколова И.А. Многоязычие в современном мире // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2023. № 1 (93). С. 149 – 155.
6. Казак Е.А. Язык в глобальном контексте: языковые контакты и языковые конфликты в современном мире: сб. науч. тр. (История и теория языкознания) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал / отв. ред. В.В. Потапов. 2021. № 3. С. 41 – 50.
7. URL: https://spravochnik.ru/-yazykoznanie_i_filologiya/mnogoyazychie/ (дата обращения: 10.06.2025).
8. Смокотин В.М., Петрова Г.И. Многоязычие как способ языковой организации культурного и языкового разнообразия мира // Язык и культура: сборник статей XXXI Международной научной конференции. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021. С. 137 – 149.
9. URL: <https://web.snau-ka.ru/issues/2017/02/78285> (дата обращения: 10.06.2025).
10. Казак Е.А. Связь языка и глобализации в современном обществе // Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: социокультурный контекст и динамика речевых практик: тезисы докладов II Международной конференции. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2021. С. 55 – 56.
11. URL: <https://publications.hse.ru/mir-ror/pubs/share/folder/wr7dhe3evt/direct/73620962> (дата обращения: 10.06.2025).
12. URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bit-tream/handle/123456789/12804/2014532.pdf?sequence=1> (дата обращения: 10.06.2025).

References

1. Taskaeva E.B. Multilingualism in the Modern World: Cultural Traditions and Research Directions. Bulletin of the Siberian State Transport University: Humanitarian Studies. 2017. No. 2. P. 50 – 57.
2. Driss L.M., Kovalevskaya I.I. Multilingualism and the Possibilities of Mutual Understanding between Different Languages. Problems of Phonosemantics: Proceedings of the International Scientific Seminar. Orekhovo-Zuyevo: State University of Humanities and Technology, 2016. P. 63 – 65.
3. Mogilevich B.R. Language Conflicts as Components of the Sociocultural Conflictological Paradigm of Our Time. Modern Cultural and Educational Space of the Humanities and Social Sciences: Proceedings of the VIII International Scientific Conference. Saratov: Saratov Istochnik Publishing House, 2020. P. 677 – 685.
4. Polosukhina M.R. Language Conflicts of Our Time. Modern Methods of Interaction and Ways of Cooperation between Specialists in Helping Professions: Proceedings of the X International In-Person and Correspondence Scientific and Practical Conference. Orel: Oryol State University named after I.S. Turgenev, 2024. P. 411 – 417.
5. Sokolova I.A. Multilingualism in the Modern World. Socio-Economic and Technical Systems: Research, Design, Optimization. 2023. No. 1 (93). P. 149 – 155.
6. Kazak E.A. Language in the Global Context: Language Contacts and Language Conflicts in the Modern World: Coll. of Scientific Papers (History and Theory of Linguistics). Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics. Abstract Journal. Ed. V.V. Potapov. 2021. No. 3. P. 41 – 50.
7. URL: https://spravochnik.ru/-yazykoznanie_i_filologiya/mnogoyazychie/ (date of accessed: 10.06.2025).
8. Smokotin V.M., Petrova G.I. Multilingualism as a Way of Linguistic Organization of the World's Cultural and Linguistic Diversity. Language and Culture: Collection of Articles from the XXXI International Scientific Conference. Tomsk: National Research Tomsk State University, 2021. P. 137 – 149.

9. URL: <https://web.snau-ka.ru/issues/2017/02/78285> (date of accessed: 10.06.2025).
10. Kazak E.A. The Connection between Language and Globalization in Modern Society. Lingvocultural Aspects of Globalization Processes: Sociocultural Context and Dynamics of Speech Practices: Abstracts of the II International Conference. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2021. P. 55 – 56.
11. URL: <https://publications.hse.ru/mir-ror/pubs/share/folder/wr7dhe3evt/direct/73620962> (date of accessed: 10.06.2025).
12. URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bit-tream/handle/123456789/12804/2014532.pdf?sequence=1> (date of accessed: 10.06.2025).

Информация об авторах

Горбач С.Р., преподаватель, кафедра «Документоведение и языковая коммуникация», Донской государственный технический университет, Whitedove81@mail.ru

© Горбач С.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки: немецкий) (филологические науки)

УДК 811.1/2

¹ Горшков И.П.

¹ Государственный университет просвещения

Влияние доминантности текстовых категорий на интерпретацию немецкой религиозной притчи

Аннотация: в данной статье основным объектом исследования послужили тексты притч, которые как в немецкой религиозной традиции, так и в других культурах играют важную роль в передаче моральных и духовных уроков. Для анализа отобрано восемь текстов религиозных притч. В статье представляется их сопоставительный анализ на примере притчи августинского монаха Абрахама а Санта-Клара и одной евангельской притчи с применением двустороннего подхода к рассмотрению притчи как типа текста и как литературного жанра. На первом этапе анализа данный подход позволил выделить не только иерархическую картину пяти текстовых категорий, участвующих в формировании притчи, но и доминантных категорий среди них. На второй этапе описывается активность инвариантных признаков каждой из приведенных категорий в реализации жанровых характеристик притчи. Интерпретация полученных результатов позволила провести параллели между участием текстовых категорий в формировании этого жанра и построении типа текста, что является особенно важным при восприятии притчи читателем.

Ключевые слова: немецкая религиозная притча, доминантность текстовых категорий, жанр, тип текста

Для цитирования: Горшков И.П. Влияние доминантности текстовых категорий на интерпретацию немецкой религиозной притчи // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 189 – 195.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Gorshkov I.P.

¹ Federal State University of Education

The influence of the dominance of textual categories on the interpretation of German religious parables

Abstract: in this article, the main object of study is the texts of parables, which play an important role in conveying moral and spiritual lessons in both the German religious tradition and other cultures. Eight religious parables were selected for analysis. The article presents a comparative analysis of these parables using the example of the parable of Augustine's Abraham and Santa Clara and one Gospel parable, applying a two-pronged approach to examining the parable as a type of text and as a literary genre. At the first stage of analysis, this approach made it possible to identify not only a hierarchical picture of the five text categories involved in the formation of the parable, but also the dominant categories among them. The second stage describes the activity of the invariant features of each of the categories in the realization of the genre characteristics of the parable. The interpretation of the results obtained allowed us to draw parallels between the participation of text categories in the formation of this genre and the construction of the text type, which is especially important for the reader's perception of the parable.

Keywords: German religious parable, dominance of textual categories, genre, text type

For citation: Gorshkov I.P. The influence of the dominance of textual categories on the interpretation of German religious parables. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 189 – 195.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Притчи являются основополагающими религиозными и философскими текстами в христианской и еврейской культурах. Они выступают в качестве фундамента изречений богословов и многих библейских книг. В частности, с помощью евангельских притч раскрывается не только жизнь Иисуса Христа, но его в мудрость в виде поучений и наставлений [9].

Священник и магистр богословия Дионисий Каменщиков отмечает, что в Священном Писании встречаются два вида притч: паримии и параволи [4]. От этих двух греческих слов и произошло само понятие притчи. Паримии являются короткими духовными изречениями и их количество достаточно велико [10]. Параволи всего насчитывают тридцать три, и они представляют из себя сюжетные повествования, репрезентирующие иносказательные отсылки через житейские образы и ситуации [8].

Для притч характерно использование понятия так называемых «операциональных языков описания мира», которое ввел А.Г. Максапетян, что делает их предметными и подходящими для восприятия разными слоями общества [7]. Измайлова М.А. и Левченко М.Н. отмечают отсутствие темпоральных, локальных и индивидуальных маркеров, что дополнительно подчеркивает актуальность религиозных текстов вне зависимости от времени и места и, соответственно, их универсальность [3, 5].

Алексеева Е.М. и Велижанина Е.М. в своих работах, рассматривающих возможность интерпретации сакрально-религиозных текстов подчеркивают необходимость более детального изучения и анализа религиозных притч с точки зрения лингвостилистического подхода [1, 2].

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили восемь религиозных немецкоязычных притч монахов и евангельских притч [11, 12]. Основной целью статьи является оценка влияния доминантности текстовых категорий на интерпретацию немецкой религиозной притчи. Для достижения данной цели применялись контекстуальный метод и метод сопоставительного анализа, чтобы выявить и отнести характерные языковые сигналы к каждой из названных пяти текстовых категорий, а также провести аналогию на примере двух текстов.

Результаты и обсуждения

Первый текст для анализа – притча августинского монаха Абрахама а Санта-Клара «Der blinde und der lahme Bettler».

Fürwahr, jene zwei Bettler haben sehr verständig gehandelt, deren einer an beiden Füßen krumm und lahm, der andre an beiden Augen stockblind, indem sie beratschlagten, wie sie doch möchten in einen gewissen Ort kommen. »Ich«, sagt der Blinde, »hab sehr gute Fuß und kann stattlich gehen. Es mangelt mir aber das Gesicht, und weil du ein gutes Gesicht hast, entgegen lahme und krumme Fuß, also will ich dich auf meinen Achseln tragen. Du mußt mir aber den Weg zeigen, der ich stockblind bin.« Sind also diese zween armen Bettler nach allem Wunsch an den bestimmten Ort gelangt.

Es scheint demnach nichts Schöners, als wenn einer dem andern Hülff leistet.

Притча «Der blinde und der lahme Bettler» является двухсистемной в плане своей темпоральной, локальной, модальной, референтной и персональной структуры, так как в тексте присутствует план автора (zwei Bettler haben sehr verständig gehandelt...) и план персонажей («Ich», sagt der Blinde...).

С точки зрения грамматического построения в притче «Der blinde und der lahme Bettler» соотношение временных форм глаголов настоящего времени в прямой речи и морали (sagt, hab, kann, scheint) и прошедшего времени в авторской речи (haben gehandelt, sind gelangt) указывает на политемпоральность текста по категории времени. Также в тексте присутствует нарушения временного континуума, благодаря межфразовой проекции (sie beratschlagten, wie sie doch möchten in einen gewissen Ort kommen). Степень насыщенности темпоральными сигналами, как на уровне предложения, так и на уровне текста, является нулевой.

К локальным сигналам можно отнести синсемантические обстоятельства места in einen gewissen Ort и ans bestimmten Ort, существительное der Weg, а также глаголы kommen, gelingen. Текст по категории локальности, следовательно, будет синсемантически детерминированный (нет конкретизации места событий), полилокальный (поскольку автор предполагает смену места главными героями: möchten in einen gewissen Ort kommen – sind also...ans bestimmten Ort gelangt) и неоднородный по языковым средствам (есть существитель-

ные, прилагательные и глаголы с локальной семантикой). Насыщенность локальными сигналами в рамках одного предложения и в тексте является низкой.

Категория модальности выражена с помощью глаголов в *Indikativ*, модальных глаголов *möchten*, *wollen*, *können*, частицы *doch*, модальных слов *fürwahr*, *demnach*, наречий *verständlich*, *stattlich* формы *es scheint*, прилагательного с модальным оттенком *stockblind* и союзов *als wenn* и *indem*. Таким образом, модальная архитектура текста характеризуется как детерминированная с высокой насыщенностью модальных средств, мономодальная (все глаголы в форме одного наклонения) и неоднородная (выражена глаголами в изъявительном наклонении, модальными глаголами и модальными словами, модальной частицей, союзом, формой *es scheint*, наречиями).

Относительно категории референтности необходимо выделить саму суть проблемы, с которой столкнулись главные герои, а именно с необходимостью попасть в другой город. Данная проблема раскрывается с помощью референтных сигналов разных уровней: морфологического – *stockblind*, морфолого-синтаксического – *sehr gute Fuß*, *lahme und krumme Füß*, *ein gutes Gesicht*, *auf meinen Achseln tragen*, *den Weg zeigen* и синтаксического – *kann stattlich gehen*, *möchten in einen gewissen Ort kommen*, *Es mangelt mir...das Gesicht*, *Sind...an den bestimmten Ort gelangt*. Референтная архитектура текста является детерминированной и автосемантической, монореферентной, ненасыщенной (всего один референт), неоднородной (выражена морфологическими, морфолого-синтаксическими и синтаксическими средствами).

Персональные семы содержат следующие элементы текста:

jene...zwei...Bettler...haben...gehandelt...deren.einer...der..andere..sie...beratschlagten...sie...möchten...ich...sagt...der...Blinde...hab...kann...mir...du...hast...will...ich...dich...meinen...du...musst...mir...ich...bin...sind.gelangt...diese...zwei...arme...Bettler...einer...dem..anderen...leistet

Характеристики текста притчи по категории персональности будут следующие: детерминированный и автосемантический (согласно построенной архитектонике, в тексте есть языковые средства с персональной семантикой), полиперсональный (два нищих и абстрактное лицо в морали) и неоднородный (репрезентируется с помощью существительных, личных окончаний глаголов, числительных, личных, притяжательных и указательных местоимений).

Архитектонику текста притчи можно представить в виде следующей цепочки символов относительно каждой из категорий:

М..П..П..П..М/П..М..М..П....П....М..М..П..М/П..П..М..М/П..Л/Р..М/Л..П..М/П..П..П..М/П..М..Р..М/П..М..Р..М/Л..Р..М..П..П..Р..М/П..Р..М/П..П..П..Р..П..М..П..М/П..П..Л..Р..М..П/Р..М..М/П/Р..М/П/Л..П..П....П..М..Л..М..М..М..П..П..М/П

Иерархия представленных категорий выглядит следующим образом: доминантные категории – Персональность и Модальность; второстепенная категория – Референтность; нейтральные категории – Локальность и Темпоральность.

Проведем анализ притчи «Der blinde und der lahme Bettler» на соответствие всем характерным жанровым характеристикам, а также их сочетаемость с инвариантными признаками по категориям темпоральности, локальности, модальности, референтности и персональности [6].

О лаконичности данного текста можно говорить благодаря нулевой концентрации темпоральных и низкой концентрации локальных сигналов в рамках одного предложения, а также ненасыщенности текста указателями времени и невысокой насыщенности указателями места. При этом автор не акцентирует внимание читателя на конкретизации данных указателей, ограничиваясь синсемантическими языковыми средствами (*in einen gewissen Ort*, *kommen*, *gelingen* и т.д.). Важно отметить ненасыщенность текста и по категории референтности (один референт).

Авторский план речи позволяет отметить повествовательный стиль притчи. Повествование ведется от третьего лица с использованием глаголов в формах прошедшего и настоящего времен (*haben...gehandelt*, *beratschlagten*, *möchten*, *leistet*) в наклонении *Indikativ*. Автосемантическая детерминация и неоднородность категорий референтности и персональности раскрывает, соответственно, двух главных действующих лиц притчи (*zwei Bettler*) и их трудности (*sehr gute Fuß*, *lahme und krumme Füß*, *Es mangelt mir...das Gesicht...*), а смена действий, характерная для повествовательного стиля, выражается с помощью высокой степени насыщенности модальными средствами (*möchten kommen*, *gehen*) и с помощью детерминации и неоднородности локальных маркеров (*in einen gewissen Ort*, *gelingen*).

Через субстантивацию основных персонажей (*der Blinde*) и референтные сигналы (*krumm und lahm*, *stockblind*, *gute Fuß*, *lahme und krumme Füß*) автор иносказательно подразумевает разные трудности, которые могут встретиться на жизненном пути каждого человека. А за счет детерминации и неоднородности модаль-

ных сигналов (*sehr, doch möchten, es mangelt*) Abraham a Sancta Clara подчеркивает гипотетическую степень сложности преодоления этих трудностей.

Дидактизм выражен в первую очередь за счет наличия авторской подсистемы речи, а также модальной детерминации с высокой насыщенностью модальных средств и мономодальностью. С помощью неоднородных модальных маркеров (*Fürwahr, also, nach allem Wunsch, es scheint, demnach, als wenn*) автор выражает свое оценочное суждение.

Говоря о построении данного примера, можно отметить параболическое развитие сюжета, характерное для кольцевой композиции. Данный признак реализуется за счет раскрытия основного эксплицитного референта - в конце притчи читатель понимает, что задача, которую ставит автор перед героями в самом начале (*möchten in einen gewissen Ort kommen*) по итогу выполняется, и они вместе достигают желанного места (*sind also...ans bestimmten Ort gelangt*).

Автор не вводит авторсеманичные характеристики места событий и временного промежутка, что делает сам текст универсальным.

Мораль притчи в данном примере выражена эксплицитно в последнем предложении («*Es scheint demnach nichts Schöners, als wenn einer dem andern Hülff leistet*» / «Нет ничего прекраснее, чем, когда один помогает другому»).

Она подчеркивается за счет политемпоральности, потому что авторская речь построена в форме прошедшего времени (перфект и претеритум – *haben..gehandelt, beratschlagten*), а в морали используется настоящее время (*scheint, leistet*). Также насыщенность неоднородными модальными сигналами (*Es scheint, demnach, als wenn*) и авторсемантическая детерминация, полиперсональность и неоднородность категории персональности (*einer dem andern...leistet*), указывает на авторское отношение к оказанию взаимопомощи.

Таким образом, данный текст притчи включает в себя все жанровые признаки притчи: лаконизм, повествовательный стиль, иносказательность, дидактизм, кольцевую композицию и универсальность, наличие морали.

Статистический анализ участия инвариантных признаков каждой из категорий позволяет построить цепочку символов, обозначающих основные текстовые категории, для каждого жанрового признака притчи:

- Лаконизм – ТЛР,
- Повествовательный стиль – ТЛМПП,
- Иносказание – РПМ,
- Дидактизм – ТЛМПП,
- Кольцевая композиция – Р,
- Универсальность – ограничения Т и Л,
- Мораль – ТМП.

Следовательно, высокую активность демонстрируют инвариантные признаки категорий темпоральности и референтности (участвуют в реализации пяти жанровых признаков), инвариантные признаки категорий локальности, модальности, персональности – умеренную (участвуют в реализации четырех жанровых признаков).

В данном примере обращает на себя внимание дихотомический контраст активности категорий темпоральности, локальности. Категории темпоральности и локальности являются нейтральными в иерархической структуре, но их инвариантные признаки демонстрируют повышенную активность для жанрового построения. При этом позиции категорий референтности, персональности и модальности меняются незначительно, однако, как со стороны типа текста, так и со стороны жанра играют ведущие роли.

В качестве примера рассмотрим еще одну притчу «О зерне горчичном» из Евангелия от Марка (Мк. 4:30-32, нумерация сохраняется по Евангелию).

Das Gleichnis vom Senfkorn

Er sagte: Womit sollen wir das Reich Gottes vergleichen, mit welchem Gleichnis sollen wir es beschreiben?

Es gleicht einem Senfkorn. Dieses ist das kleinste von allen Samenkörnern, die man in die Erde sät.

Ist es aber gesät, dann geht es auf und wird größer als alle anderen Gewächse und treibt große Zweige, sodass in seinem Schatten die Vögel des Himmels nisten können.

Относительно планового построения в тексте притчи «Das Gleichnis vom Senfkorn» присутствует подсистема автора и основного рассказчика – Иисуса (*Er sagte...*), поэтому каждая из 5 категорий является двусистемной.

Основная стержневая форма повествования в данном тексте – это форма настоящего времени (*sollen..vergleichen, ist, geht..auf...*), при этом стоит отметить, что сама притча в Евангелие вводится с помощью прошедшего времени – *Präteritum* (*sagte*). Нарушения временного континуума выявлены не были. Действие

разворачивается последовательно, описывая весь жизненный цикл зерна (Senfkorn), тем самым подчеркивая рамочную композицию. В качестве темпоральных сигналов можно отметить только синсемантический союз *dann*, следовательно, степень насыщенности на уровне текста и предложения является крайне низкой. Темпоральность текста получается детерминированной и синсемантической, политемпоральной со стержневой формой настоящего времени и однородной (выражена союзом).

В тексте отсутствует большое количество локальных маркеров, поэтому насыщенность предложений и текста сигналами является низкой. Локальность данной притчи является детерминированной, синсемантической и полилокальной – в тексте говорится о Божьем Царстве (*das Reich Gottes*) и о нашем мире (*in die Erde...*), но без территориальной конкретизации. Текст по категории локальности является однородным и выражен языковыми средствами морфолого-синтаксического уровня (*das Reich Gottes, in die Erde, in seinem Schatten...*).

К модальным сигналам можно отнести глаголы в изъявительном наклонении (*gleichet, ist, wird...*) и модальные глаголы (*sollen, können*). Таким образом, модальность текста определяется как детерминированная с низкой насыщенностью модальных маркеров, одномодальная (один модальный план), однородная (выражена только глаголами).

Центральным эксплицитным референтом данной притчи является Божье Царство (*das Reich Gottes*), которое сравнивается с горчичным зерном (*Senfkorn*). Референт актуализируется языковыми средствами разных уровней – морфологического (*es*), морфолого-синтаксического (*in seinem Schatten*), синтаксического (*es gleicht einem Senfkorn, dieses ist das kleinste, ist es gesät, dann geht es auf und wird größer als, treibt große Zweige*). Поэтому референтность представляется детерминированной и автосемантической, ненасыщенной и монореферентной (один референт), неоднородной (участвуют средства разных языковых уровней).

Для характеристики текста по категории персональности выделим все языковые средства с персональными семами:

Er..sagte..sollen..wir..sollen..wir..man..sät

Персональную структуру можно охарактеризовать как детерминированную и автосемантическую, полиперсональную (Иисус, *wir, man*) и неоднородную (выражена личными местоимениями, местоимением *man* и окончаниями глаголов).

Архитектоника текста притчи, её каркас, с учётом участия категорий темпоральности (Т), локальности (Л), модальности (М), референтности (Р) и персональности (П) можно представить в виде следующей цепочки символов:

П/Р..М/П..М/П..П..Л/Р..М..М/П..П..Р..М..Р..М..П..Л..М..М..Р..Т..М..Р..М..М..Р..Л..Л..М..М

Таким образом, иерархия представленных категорий выглядит следующим образом: доминантные категории – Модальность и Референтность; второстепенная категория – Персональность; нейтральные категории – Локальность и Темпоральность.

Анализ соответствия притчи «О зерне горчичном» всем жанровым особенностям притч начнем с лаконичности. Лаконичность текста подчеркивается за счет крайне ненасыщенной выраженности категорий темпоральности, локальности, модальности и референтности. При этом темпоральные и локальные сигналы являются синсемантическими (*dann, in die Erde, in seinem Schatten...*), без указания конкретных временных и географических реалий.

Двусистемность всех категорий отражает признак повествовательного стиля. Автор ведет свое повествование в прошедшем времени, а рассказчик (Исус) в настоящем времени *sollen..vergleichen, ist, geht..auf...*. Все события описаны в изъявительном наклонении – *Indikativ*. При этом референтная и персональная детерминация и неоднородность (*es, in seinem Schatten.../ Er..sagte..sollen..wir..sollen..wir..man..sät*) позволяют читателю не только детально проанализировать основного референта, но и обратить внимание на всех действующих лиц.

Иносказание в данном тексте выражено напрямую за счет эксплицитного референта – *das Reich Gottes*, неоднородно детерминированного на разных уровнях (морфологическом, морфолого-синтаксическом и синтаксическом). Данный прием автор усиливает за счет использования глаголов со сравнительной семантикой (*vergleichen, beschreiben, gleicht*).

Дидактизм проявляется уже с первых слов с помощью политемпорального контраста авторской системы речи и речи рассказчика (*Präteritum – Prasens*), тем самым все рассказанное воспринимается как нечто пережитое. Использование модальных глаголов и местоимения *wir* в риторическом вопросе (*Womit sollen wir das Reich Gottes vergleichen, mit welchem Gleichnis sollen wir es beschreiben?*), как и безличного местоимения *man* способствует тому, что читатель сам чувствует себя участником размышлений и пытается найти ответ на данный вопрос.

Кольцевая композиция прослеживается в данном примере в самом сравнительном описании изменений, происходящих с основным детерминированным референтом, а следовательно, с горчичным зерном – от этапа посева (*Ist es aber gesät*) до момента прораствания (*geht es auf und wird größer..treibt große Zweige*).

Характерное для притчи отсутствие автосемантических локальных и темпоральных детализаций позволяет считать данный текст универсальным.

В притчи нет явно выраженной морали, она скрыта в сопоставлении Царства Божьего и горчичного зерна, которое благодаря трудолюбию из крошечного зернышка произрастает до огромного дерева, способного укрыть птиц в своих ветвях. (*Dieses ist das kleinste von allen Samenkörnern..., treibt große Zweige, sodass in seinem Schatten die Vögel des Himmels nisten können.*)

Данный текст притчи включает в себя 6 из 7 жанровых признаков притчи: лаконизм, повествовательный стиль, иносказательность, дидактизм, кольцевую композицию и универсальность.

Структура корреляции жанровых признаков и типологических характеристик:

- Лаконизм – ТЛМР,
- Повествовательный стиль – ТЛМПР,
- Иносказание – РМ,
- Дидактизм – ТЛМПР,
- Кольцевая композиция – Р,
- Универсальность – ограничения Т и Л.

Высокую активность демонстрируют инвариантные признаки категории референтности (участвуют в реализации пяти жанровых признаков), инвариантные признаки категорий темпоральности, локальности, модальности – умеренную (участвуют в реализации четырех жанровых признаков), персональности – низкую (участвуют в реализации двух жанровых признаков).

Во втором тексте религиозной притчи можно подвести аналогичные итоги текстового анализа относительно участия категорий локальности и темпоральности и их инвариантных признаков. С точки зрения типа текста выстроенная архитектура указывает на их нейтральность, при этом их инвариантные признаки будут достаточно активными для жанрового построения.

Инвариантные признаки категории персональности демонстрируют более низкую активность по сравнению с первым текстом, однако, с учетом отсутствия одного из жанровых признаков (наличие морали) можно отметить схожую тенденцию.

Что касается категорий референтности и модальности, то они также занимают ведущие места в иерархии типологического каркаса притчи, и степень участия их инвариантных признаков в жанровых характеристиках значительна.

Выводы

Таким образом, можно подвести совокупный итог анализа религиозных притч. Религиозные притчи монахов и притчи из Евангелий демонстрируют зеркальные корреляционные активности текстовых категорий в реализации жанровых признаков. При этом отсутствие или наличие одного из жанровых признаков влияет только на количественный фактор, сохраняя общую структуру их распределения.

Относительно текстовых архитектур, формируемых категориями темпоральности, локальности модальности, персональности и референтности притч, следует отметить, что они также схожи, однако обнаруживают разную иерархию доминантных, второстепенных и нейтральных категорий.

По результатам проведенного анализа можно сделать вывод, что в религиозной притче возможна доминантность категории персональности, в том случае, когда для автора первостепенным являются характеристика действующих героев, события, происходящие с ними, их действия и поступки. А когда же в религиозной притче на первый план выходит референтность, то внимание читателя акцентируется на метафоричном раскрытии основного эксплицитного референта, чем подчеркивается иносказательность идеи целого текста.

Список источников

1. Алексеева Е.М. Текстоментальные категории евангельской притчи (на материале немецкого и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 3. С. 713 – 719.
2. Велижанина Е.М. Лингвостилистические тенденции текстатива в процессе сакральной интерпретации новозаветной притчи // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2011. № 1. С. 68 – 72.
3. Измайлова М.А. Использование в Новом Завете притчевых структур в качестве средства воздействия на сознание слушателей // Лингвокультурология. 2014. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-v-novom-zavete-pritchevyh-struktur-v-kachestve-sredstva-vozdeystviya-na-soznanie-slushateley> (дата обращения: 08.09.2025).

4. Каменщиков Д.А. Евангельская притча как теоретическая основа миссиологии // Труды СПДС. 2017. № 11. С. 100 – 123.
5. Левченко М.Н. Языковая архитектура текста молитвы «Отче наш» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2013. № 2. С. 1 – 10.
6. Левченко М.Н., Горшков И.П. Феномен категорий текста как основополагающее условие формирования текста немецкой притчи // Modern Humanities Success. 2025. № 9. С. 46 – 51.
7. Макапетыан А.Г. Языки описания и модели мира (постановка вопроса) // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 53 – 65.
8. Райкен Л. Библия как памятник художественной литературы. СПб., 1999. С. 151.
9. Синило Г.В. Жанр притчи и его модификации в Библии // Скрижали / сост. и гл. ред. В.В. Акимов. Минск: Ковчег, 2015. Вып. 9. С. 7 – 27.
10. Таушев А. Четвероевангелие. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. М., 2006. С. 145.
11. Einheitsübersetzung der Heiligen Schrift. URL: <https://www.bibleserver.com/EU/Markus4> (дата обращения: 07.09.2025).
12. Krusche D. Aufschluss – Kurze deutsche Prosa im Unterricht Deutsch als Fremdsprache. 1992. 93 p.

References

1. Alekseeva E.M. Textual-mental categories of the Gospel parable (based on the German and Russian languages). Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2024. Vol. 17. Iss. 3. P. 713 – 719.
2. Velizhanina E.M. Linguistic and stylistic tendencies of the text in the process of sacred interpretation of the New Testament parable. Bulletin of SUSU. Series: Linguistics. 2011. No. 1. P. 68 – 72.
3. Izmailova M.A. The use of parable structures in the New Testament as a means of influencing the consciousness of listeners. Lingvoculturology. 2014. No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-v-novom-zavete-pritchevykh-struktur-v-kachestve-sredstva-vozdeystviya-na-soznanie-slushateley> (date of access: 08.09.2025).
4. Kamenshchikov D.A. The Gospel Parable as a Theoretical Basis of Missiology. Proceedings of the SPDS. 2017. No. 11. P. 100 – 123.
5. Levchenko M.N. Linguistic Architectonics of the Text of the Lord's Prayer. Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2013. No. 2. P. 1 – 10.
6. Levchenko M.N., Gorshkov I.P. The Phenomenon of Text Categories as a Fundamental Condition for the Formation of the Text of a German Parable. Modern Humanities Success. 2025. No. 9. P. 46 – 51.
7. Maksapetyan A.G. Languages of Description and Models of the World (Statement of the Question). Issues of Philosophy. 2003. No. 2. P. 53 – 65.
8. Raiken L. The Bible as a Monument of Fiction. St. Petersburg, 1999. 151 p.
9. Sinilo G.V. The Genre of Parable and Its Modifications in the Bible. Tablets. Compiled and ed.-in-chief V.V. Akimov. Minsk: Kovcheg, 2015. Iss. 9. P. 7 – 27.
10. Taushev A. The Four Gospels: A Guide to the Study of the Holy Scriptures of the New Testament. Moscow, 2006. 145 p.
11. Einheitsübersetzung der Heiligen Schrift. URL: <https://www.bibleserver.com/EU/Markus4> (date of access: 07.09.2025).
12. Krusche D. Aufschluss – Kurze deutsche Prosa im Unterricht Deutsch als Fremdsprache. 1992. 93 p.

Информация об авторах

Горшков И.П., Государственный университет просвещения, gorivang@gmail.com

© Горшков И.П., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.112.2'42+81'27+808.54

¹ Извольская Д.Р.

¹ Государственный университет просвещения

Авторские и читательские интенции в текстах немецких СМИ о Д. Трампе

Аннотация: фокусом данной работы стала интенциональность текстов, созданных журналистами, или иначе – медиадискурса.

Цель исследования – изучить интенциональность текстов сообщений и статей немецких СМИ на примере журнала *Der Spiegel* о бывшем (на момент написания) президенте США Д. Трампе.

В ходе исследования перед нами стояли следующие задачи: 1) исследовать языковые средства, использовавшиеся в немецкой прессе в 2024 году в отношении Д. Трампа; 2) выявить, какие коммуникативные задачи ставил автор – информировать или же воздействовать на читателя, создать в его сознании определенное представление о политической личности, убедить его в чем-то; 3) исследовать взаимодействие авторских интенций и читательского восприятия и подтвердить гипотезу об их синхронии.

В результате исследования было выявлено, что интенции авторов текстов заключаются в том, чтобы убедить читателей в определенных качествах политика и синхронизируются с определенной аудиторией. В отношении авторов *Der Spiegel* можно с большой уверенностью сказать, что направленность их текстов согласуется с направленностью ожиданий от текста аудиторией журнала.

Ключевые слова: образ автора, интенциональность, образ политика, метафора, медиадискурс, языковые средства, немецкие СМИ

Для цитирования: Извольская Д.Р. Авторские и читательские интенции в текстах немецких СМИ о Д. Трампе // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 196 – 202.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Izvolskaya D.R.

¹ Federal State University of Education

Author and reader intentions in the German mass media texts about D. Trump

Abstract: this study focuses on the intentionality of journalistic texts, or media discourse.

The aim of the study was to examine the intentionality of German media on the example of *Der Spiegel* magazine reports and articles about former (at the time of writing) US President Donald Trump.

The following objectives were pursued: 1) to examine the linguistic means used in the German press in 2024 regarding Donald Trump; 2) to identify the author's communicative goals – to inform or influence readers, to create a certain perception of the politician, or to persuade them; 3) to examine the interaction between authors intentions and reader intentions and to confirm the hypothesis of their synchronicity.

The study revealed that the authors' intentions are to convince readers of certain qualities of the politician and are synchronized with perceptions of the audience. In regard to the authors of *Der Spiegel*, it can be said with a high degree of certainty that the intentionality of their texts corresponds to the views of the magazine's readers.

Keywords: author, intentionality, image of a politician, metaphor, media discourse, linguistic means, German mass media

For citation: Izvol'skaya D.R. Author and reader intentions in the German mass media texts about D. Trump. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 196 – 202.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Исследователи медиадискурса – Н.Д. Арутюнова, М.Р. Желтухина, В.А. Буряковская, Т.Г. Добросклонская, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, А.В. Олянич, О.В. Ширяева и др. Современный медиадискурс изучают А.В. Болотнова, Б.Н. Головкин, Т.С. Дроняева, А.А. Леонтьева, А.А. Негрышева, С.И. Сметанина, Т.В. Чернышова.

Политический дискурс пересекается с масс-медийным; область их пересечения зависит, как считает Е.И. Шейгал, от журналистского жанра [22, с. 38]. Взаимопроникновение как одну из основных черт медиадискурса отмечает и Мохирева [12, с. 30]. Например, медиаполитический дискурс включает политическое общение, а целью его является характеристика политического курса. Таким образом, медиадискурс «представляет собой синкретичное образование».

М.А. Степанова и В.Б. Кондратьева считают, что предназначение политического дискурса – внушить адресатам «необходимость «политически правильных» действий и / или оценок» [15, с. 38].

Т.В. Чернышова отмечает, что СМИ постоянно находятся в среде разнообразных социально-политических факторов [18]. Кроме того, журналисты уже на стадии отбора материала знают о предпочтительных для разных социальных групп темах, стиле и форме изложения и учитывают эти факторы. Ф.С. Кудряшева отмечает: вариантность используемых языковых средств в медиатексте обусловлена авторской индивидуальностью [9, с. 179].

Интенциональность – понятие, которое используется разными науками: лингвистикой в теории речевых актов, философией в феноменологии и др. Вопрос значимости авторской позиции для понимания текста уже давно дискутируется. В этой полемике известны точки зрения именитых ученых: М.М. Бахтина, В.В. Виноградова. Развита М.М. Бахтиным концепция «образа автора» утверждает важность намерения, заложенного автором в свою речь, подтверждает значение интенциональности. «Слово станет «своим», когда говорящий наделит его своей интенцией... приобщит к своей смысловой и экспрессивной устремленности» [23, с. 29]. В лингвистику же понятие интенции было введено Дж. Серлем.

Материалы и методы исследований

Мы рассматривали коммуникацию происходящую от лица автора-журналиста, которую А.П. Чудинов включал в политическую коммуникацию [19, с. 53-59].

Были изучены авторские колонки журнала Der Spiegel на сайте <https://www.spiegel.de> за 2024 год, содержащие ироничную или агрессивную лексику по отношению к Д. Трампу, или же метафоры. Таких было большинство.

Журнал Der Spiegel оппозиционен власти с момента своего основания. Он критиковал еще первого канцлера Германии Конрада Аденауэра, поэтому известен своим критичным, порой чересчур, взглядом. Именно этому журналу принадлежат многие известные расследования. Он распространяется в 165 государствах мира, что говорит о его влиянии не только в Германии, но и в других странах.

Мы прибегаем к инструментарию коммуникативной лингвистики, а также дискурс-анализу.

Результаты и обсуждения

Интересно в связи с вопросом восприятия автора и адресата рассмотреть понятия интенциональности и интенции в журналистике, которые также интересуют исследователей [6, 9, 11, 12, 13, 20].

Интенция – смысл, который стремится передать автор в своем тексте. Социологическое понимание интенции следующее: интенция есть «субъективная направленность на некий объект» [20, с. 315-316]. Это подразумевает, по нашему мнению, желание определенных действий. Некоторые называют интенцию «мысленным предвосхищением участником коммуникации желательного для него результата коммуникации» [23, с. 30]. Коммуникативная интенция ставится в один ряд и в некотором смысле пересекается с коммуникативной задачей и коммуникативной направленностью. Интенциональность, согласно представителям, изучавшим лингвистику текста, это «желание произвести связный и целостный текст» [23, с. 29], а «коммуникативная интенция» – это «мысленное предвосхищение участником коммуникации желательного для него результата коммуникации» [23, с. 30]. В коммуникативистике понятие интенции означает, что каждый речевой акт имеет коммуникативную цель, в связи с чем текст понимается как целенаправленное

социальное действие [24]. Интенциональность тесным образом связана с коммуникативной задачей автора текста, однако несет и психологический компонент. По мнению Н.Д. Павловой, она представляет собой «систему интенций, (...) образующих (...) глубинное психологическое содержание его (автора) речи, связанное с целью деятельности» [9, с. 180]. В медиатексте содержится указание на вид мотивации (объективную / субъективную).

Однако согласно концепции медиадискурса, которая охватывает многочисленные экстралингвистические факторы, в медиатексте могут проявиться интенции не только автора, но и читателя [6, с. 112]. Далее проанализируем медиатексты и с этой точки зрения тоже.

А.И. Чепурная подразделяет интенции на следующие типы: интенции информирования, интенции оказания воздействия, интенции убеждения, интенции побуждения к действию [20]. В современной журналистике очень многие тексты направлены именно на убеждение, а не на простое информирование. Некоторые исследователи даже разделяют интенции на информационную и коммуникативную. Первая сигнализирует только о желании сообщить нечто вторая же имеет целью воздействие. Часто они сливаются воедино [11, с. 75].

Таким образом, автор является «обязательным участником коммуникативного акта, определяющим параметры интерпретации события в медиатексте, обладающим «идеальным» знанием о тексте и «ожидаемых смыслах» аудитории, реализуя субъективную интенцию в соответствии со своими аксиологическими установками» [13, с. 60]. Автор имеет в своей голове собирательный образ получателя информации. В нем заключаются как общие установки, убеждения, так и языковые стилистические средства, привычные данной группе читателей. Сюда относятся: манера речи пишущего, система аргументации, система выразительных средств [18, с. 44]. Как говорил М.М. Бахтин, «слово ориентировано на собеседника... Абстрактного собеседника быть не может» [11, с. 74].

Чтобы интерпретировать дискурс, мы должны смотреть на него взглядом автора [17]. Различия в интерпретации одних и тех же фактов создают «определенную картину политической реальности, которая внедряется в сознание членов политической общности» [22, с. 54].

То, что относится к журналистам, относится, как утверждает Т. ван Дейк, и к читателям: при восприятии и интерпретации текстов они ориентируются на известные им ценности и установки журналистов [5, с. 151].

Результат же взаимодействия автора и читателя зависит от того, пересеклись ли интенции автора и ожидания читателя. Если это пересечение произошло, значит, текст будет понят читателем так, как его задумал автор [12, с. 61-62].

Для выражения отношения к объекту описания также часто используется метафора – средство определенного способа категоризации мира: выделение необходимых адресанту аспектов ситуации и вытеснение на второй план других. Она позволяет создать необходимый для адресанта образ мира и присвоить ему определенные ценностные характеристики [25, 1988], а также выразить сложные идеи в доступной форме [17, с. 63]. По мнению А.Н. Баранова, используемые в таком качестве метафоры наделены определенными характеристиками, отличающими их от метафор чисто когнитивных [1].

При конкретном исследовании политической метафоры крайне сложно писать о глобальных закономерностях, абсолютное большинство публикаций выполнено на материале одного (реже двух) национального дискурса, то есть ориентировано на материалы политической коммуникации в одной-двух странах [3, с. 90], и метафоры, рассматриваемые в нашей статье, также характерны для немецкого медиадискурса. Согласно Э. Будаеву и А. Чудинову [4], медийный дискурс стоит на втором месте после политического по количеству метафор.

В следующих примерах автор создает образ Трампа как человека, несправедливо обвиняющего своих противников, вероломного, готового «повернуть копьё против того, кто его на него направил»:

Wenn er einer besonders üblen Missetat beschuldigt wird, dreht er den Spieß einfach um. Er gibt das Opfer und beschuldigt seine Gegner, die eigentlichen Bösewichte zu sein. Обвинительный тон, уничижительное выражение «он играет жертву» говорят о том, что этот образ соответствует представлению, уже созданному в головах людей благодаря СМИ, иначе журналист не мог бы позволить себе такой тон, и статьи Der Spiegel не отличались бы постоянством в этом плане.

Donald Trump ließ keine Zeit verstreichen, um aus der Niederlage Profit zu schlagen. Es gehört inzwischen zur Routine Trumps, die Strafverfahren gegen ihn ... zu nutzen, um sich als Opfer zu inszenieren und bei seinen Fans Geld einzusammeln. Aber die dramatischen Worte in dem Spendenaufruf können nicht darüber hinwegtäuschen.

В приведенном выше отрывке журналист René Pfister высмеивает качество Д. Трампа, которое в глазах некоторых людей может выглядеть и как положительное, а именно его умение красиво выходить из сложных ситуаций («Дональд Трамп не потратил ни секунды даром, чтобы извлечь выгоду из своего положения»). В тексте часта ирония: Diese Strategie ist fürs Erste spektakulär gescheitert («с треском провалилась»).

Используются другие выражения, цель которых – выставить усилия Д. Трампа как тщетные и возможно даже ничтожные – Profit zu schlagen, können nicht darüber hinwegtäuschen. Журналист подыгрывает тому читателю, который привык находить в действиях людей власти “грешки” и подвохи и тем как бы оправдывать собственное мнение, что люди во власти – «жулики и воры». Если говорить о стратегиях, то журналист использует стратегию дискредитации. Она стала привычной для журналистов Der Spiegel в отношении Д. Трампа еще в 2020 г. [10, с. 495]. Такие слова, как «потерпеть неудачу», «крах» стали популярны в связи с его именем.

В статье, озаглавленной Niemand steht über dem Gesetz («Никто не стоит выше закона») с подзаголовком Regeln, die für alle Amerikaner gelten («Правила, которые действуют для всех американцев») делается упор на то, что закон един для всех: и для простых, и для президента. Используя пафос, журналист якобы претендует на то, чтобы убедить читателя с помощью высоких смыслов, но на самом деле в его эпитетах читается злая ирония: Mit anderen Worten: Es ist auch Recht und Gesetz, das einen Präsidenten daran hindert, sich zum Autokraten aufzuschwingen («Иными словами: те же законы мешают президенту получить безграничную власть»). Тем самым автор текста представляет себя защитником закона – ценности, стоящей на самом вершине в немецком сознании [8].

В другой статье та же мысль приобретает оттенок иронии и используются слова, усиливающие семантику сдерживания: Kann er so einen unbeherrschten Angeklagten endlich bändigen? («Может ли он наконец укротить столь необузданного обвиняемого?», речь идет о судье по отношению к Д. Трампу). Журналист Der Spiegel Marc Pitzke, известный сатирическими статьями, еще усиливает тональность сдерживания: wird er das Prozedere leiten, mit harter Hand und kurzem Geduldsfaden («твёрдой рукой и с терпением, которое уже на исходе, будет он вести процесс», речь идет о судье процесса над Д. Трампом), как бы усиливается семантика сдерживания Трампа, держания его в тисках. И с этой довольно высокопарной лексикой соседствует ироничный разговорный стиль: Der schmetterte noch am Freitag einen Antrag Trumps ab, die ganze Sache... unbefristet abzublasen («Он еще в пятницу отмел заявление Трампа, в котором тот просит отложить дело на неопределенный срок»).

В немецкой прессе по отношению к Трампу нередко оскорбительные метафоры. Это говорит о том, что читатель Der Spiegel готов воспринимать Д. Трампа в данном качестве. Журналист использует оскорбления, едкую иронию и агрессию так, словно бы пишет хвалебную статью.

Weil er erneut seinen richterlichen Maulkorb (намордник) missachtete, muss der Ex-Präsident noch einmal 1000 Dollar zahlen. («Поскольку бывший президент снова проигнорировал тот факт, что на нем надет “юридический намордник”, ему снова пришлось платить 1000 долларов»).

Е.С. Ульянова и О.В. Принципалова рассматривали, как влияют номинации политического деятеля в медиадискурсе на формирование мнения о нем адресатов сообщений. Предметом исследования стали 50 номинаций. Было доказано, что их использование в политическом медиадискурсе является эффективным инструментом манипуляции сознанием, которая помогает формировать у адресатов образ политика, наделенный набором определенных характеристик. Они отмечают: часто в медийных сообщениях журналисты создают «вторичный» образ политической личности» с целью управления сознанием своих читателей [16, с. 22].

«Процессы номинации взаимодействуют с различными дискурсивными и прагматическими факторами, которые часто отражаются ... в самом обозначении лица» [16, с. 22]. Дефиниции формируют отношение к личностям в политике, могут деперсонализировать людей, снизить их общественный статус, подвергнуть их опасности агрессии.

Автор следующей новости, используя субстантивированное прилагательное (der Eitle) в качестве номинации, как бы делает прозвище Д. Трампа зафиксированным за ним и закрепляет за ним названное качество:

Trump wurde am Samstagabend auf der Libertarian National Convention von vielen Anwesenden ausgebuht und ausgepiffen. Das konnte der notorisch Eitle nicht einfach hinnehmen. («Трамп в субботу вечером был ... осмеян и освистан. Известный своим тщеславием, он не мог это просто принять»). Образ человека, думающего только о своем имидже и использующего людей, нарцисса [2, с. 72], давно закрепился за Трампом.

В следующем примере, в отличие от предыдущего, Д. Трамп, напротив, выставляется человеком, не способным на трезвомыслие:

Trump's erste Amtszeit war geprägt von erratischen (необычн., заимств.) Impulsentscheidungen. Данная характеристика отвечает восприятию читателей, которые считают Д. Трампа человеком, то и дело меняющим свои решения, не способным действовать последовательно. Данная характеристика политика характерна для 6-ой статьи журнала «Der Spiegel», что было показано Г.Е. Бобровой на выборке из 68 статей [2, с. 72]. В данном примере, как и во многих вышеприведенных, чувствуется агрессия. Данная манера речи была перенята и другими СМИ, например, Deutschlandfunk.

Выводы

В качестве выводов заметим, что тексты о Дональде Трампе содержат весь набор характеристик, отражающих отрицательное отношение автора: это ирония, сарказм, агрессия, уничижительные метафоры.

Данные тексты апеллируют к уже сформированному читательскому отношению к Д. Трампу, так как иначе интенсивность отрицательного тона не была бы столь сильной и смелой. То, что он сохраняется от публикации к публикации, говорит о том, что читатель уже привык читать о Д. Трампе в таком ключе и одобряет это.

Таким образом, можно сделать вывод о взаимодействии авторских и читательских интенций и подтвердить гипотезу об их пересечении, или синхронии.

В результате исследования было выявлено, что интенции авторов текстов заключаются в том, чтобы убедить читателей в определенных качествах политика и синхронизируются с определенной аудиторией. Можно с большой долей уверенности сказать, что направленность текстов авторов *Der Spiegel* согласуется с направленностью ожиданий от текста аудиторией журнала.

Список источников

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994. 330 с.
2. Боброва Г.Е. Имидж Дональда Трампа в *Der Spiegel* // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7. № 2 (26). С. 70 – 77.
3. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации: монография. М.: Флинта: Наука, 2008. 248 с.
4. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная российская политическая метафорология (2011-2020). Филологический класс. 2020. Т. 25. № 2. С. 103 – 113.
5. Дейк Тен ван. Язык. Познание. Коммуникация: 2-е изд. / пер. с англ., ред. В.И. Герасимова, сост. В.В. Петрова, вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. М.: ЛЕНАНД, 2014. 309 с.
6. Добросклонская Т.А. Медиалингвистика: теория, методы, направления. 2020. 180 с.
7. Езан И.Е., Ковтунова Е.А. Оценочные номинации лица в немецком политическом медиадискурсе // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 2-1 (56). С. 21 – 24.
8. Извольская Д.Р. Концепт «безопасность» (*Sicherheit*) в языковой картине мира немцев и немецких политиков. Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110). С. 145 – 153.
9. Кудряшева Ф.С. Политический медиадискурс и языковые средства реализации его интенции. Вестник Башкирского университета. 2022. Т. 27. № 1. С. 179 – 186.
10. Лежнина А.С. Сарказм как речевое средство реализации стратегии дискредитации политического деятеля (на материале текстов немецкоязычной прессы о Д. Трампе). Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 2. С. 494 – 499.
11. Манаенко С.А. Интенциональность как черта современных текстов публицистического дискурса. *Textus*. 2014. № 14. С. 74 – 76.
12. Мохирева С.В. Медиадискурс как реализация интерпретационного потенциала события: на материале публикаций в русскоязычных СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Кемерово, 2017. 241 с.
13. Мощева С.В. Интенциональность речевого поведения: система средств интенсификации: на материале коммерческого и некоммерческого рекламного дискурса: дис. ... док. филол. наук: 10.02.19. М., 2019. 52 с.
14. Никонова Н.В., Петрова А.С., Рашидова Д.Т. Речевая агрессия: формы и сферы бытования. Культурно-национальная специфика проявления. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 15. С. 413 – 418.
15. Степанова М.А., Кондратьева В.Б. Интерпретативный потенциал медиа-политического дискурса: оценочная вариативность официальной поздравительной речи. Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10. № 4. С. 38.
16. Ульянова Е.С., Принципалова О.В. Языковые средства создания образов политиков в немецкоязычной прессе. Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1 (86). С. 322 – 323.
17. Чебыкина Е.С. Эволюция метафорических моделей репрезентации России в колумнистике *The Washington Post*: анализ изменения коннотативных значений // Вестник филологических наук. 2025. Т. 5. № 3. С. 62 – 72.
18. Чернышова Т.В. Тексты в СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: 2-е изд., перераб. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 296 с.

19. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие: 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 254 с.
20. Чепурная А.И. Порождение медиадискурса: дискурсообразующая роль автора // Научный журнал «Дискурс». Филологические науки. 2018. № 12 (26). С. 311 – 318.
21. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... док. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2000. 431 с.
22. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 324 с.
23. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания: монография. Санкт-Петербург: Кн. дом, 2006. 171 с.
24. Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 190 – 191.
25. Langacker R. A view of linguistic semantics // Current issues in linguistic theory. Topics in Cognitive Linguistics. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 49 – 90.

References

1. Baranov A.N., Karaulov Yu.N. Dictionary of Russian Political Metaphors. Moscow: Pomovsky and Partners, 1994. 330 p.
2. Bobrova G.E. Donald Trump's Image in Der Spiegel. Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences". 2020. Vol. 7. No. 2 (26). P. 70 – 77.
3. Budaev E.V., Chudinov A.P. Metaphor in Political Communication: Monograph. Moscow: Flinta: Nauka, 2008. 248 p.
4. Budaev E.V., Chudinov A.P. Contemporary Russian Political Metaphorology (2011-2020). Philological Class. 2020. Vol. 25. No. 2. P. 103 – 113.
5. Dijk ten van. Language. Cognition. Communication: 2nd ed. Translated from English, ed. by V.I. Gerasimova, compiled by V.V. Petrova, introduction by Yu.N. Karaulova, V.V. Petrova. Moscow: LENAND, 2014. 309 p.
6. Dobroslonskaya T.A. Medialinguistics: Theory, Methods, Directions. 2020. 180 p.
7. Ezan I.E., Kovtunova E.A. Evaluative Nominations of a Face in German Political Media Discourse. International Research Journal. 2017. No. 2-1 (56). P. 21 – 24.
8. Izvolskaya D.R. The Concept of "Security" (Sicherheit) in the Linguistic Picture of the World of Germans and German Politicians. Political Linguistics. 2025. No. 2 (110). P. 145 – 153.
9. Kudryasheva F.S. Political Media Discourse and Linguistic Means of Realizing its Intentions. Bulletin of Bashkir University. 2022. Vol. 27. No. 1. P. 179 – 186.
10. Lezhnina A.S. Sarcasm as a Speech Means of Implementing the Strategy of Discrediting a Politician (Based on Texts of the German-Language Press about D. Trump). Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2022. Vol. 15. Iss. 2. P. 494 – 499.
11. Manaenko S.A. Intentionality as a Feature of Contemporary Journalistic Discourse Texts. Textus. 2014. No. 14. P. 74 – 76.
12. Mokhireva S.V. Media Discourse as the Realization of the Interpretive Potential of an Event: Based on Publications in Russian-Language Media: Diss. ... Cand. of Philological Sciences: 10.02.01. Kemerovo, 2017. 241 p.
13. Moshcheva S.V. Intentionality of Speech Behavior: A System of Intensification Means: Based on Commercial and Non-Commercial Advertising Discourse: Diss. ... Doc. of Philological Sciences: 10.02.19. Moscow, 2019. 52 p.
14. Nikonova N.V., Petrova A.S., Rashidova D.T. Speech aggression: forms and spheres of existence. Cultural and national specificity of manifestation. Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2022. No. 15. P. 413 – 418.
15. Stepanova M.A., Kondratieva V.B. Interpretive potential of media-political discourse: evaluative variability of an official congratulatory speech. The world of science. Sociology, philology, cultural studies. 2019. Vol. 10. No. 4. 38 p.
16. Ulyanova E.S., Principalova O.V. Linguistic means of creating images of politicians in the German-language press. The world of science, culture, education. 2021. No. 1 (86). P. 322 – 323.
17. Chebykina E.S. Evolution of Metaphorical Models of Representing Russia in The Washington Post Columns: Analysis of Changes in Connotative Meanings. Bulletin of Philological Sciences. 2025. Vol. 5. No. 3. P. 62 – 72.
18. Chernyshova T.V. Texts in the Media in the Mental-Linguistic Space of Contemporary Russia: 2nd ed., revised. Moscow: LKI Publishing House, 2007. 296 p.
19. Chudinov A.P. Political Linguistics: A Study Guide: 4th ed. Moscow: Flinta: Nauka, 2012. 254 p.

20. Chepurnaya A.I. Generation of Media Discourse: The Discourse-Forming Role of the Author. Scientific Journal "Discourse". Philological Sciences. 2018. No. 12 (26). P. 311 – 318.
21. Sheigal E.I. Semiotics of Political Discourse: Diss. ... Doc. of Philology: 10.02.01. Volgograd, 2000. 431 p.
22. Sheigal E.I. Semiotics of Political Discourse. Moscow: Gnosis, 2004. 324 p.
23. Shchirova I.A., Goncharova E.A. Text in the Paradigms of Modern Humanitarian Knowledge: Monograph. St. Petersburg: Kn. Dom, 2006. 171 p.
24. Effective Speech Communication (Basic Competencies). Dictionary and Reference. Electronic publication. Siberian Federal University / edited by A.P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk, 2014. P. 190 – 191.
25. Langacker R. A view of linguistic semantics. Current issues in linguistic theory. Topics in Cognitive Linguistics. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 49 – 90.

Информация об авторах

Извольская Д.Р., Государственный университет просвещения, izvolik@yandex.ru

© Извольская Д.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.512.157

¹ Акимова А.С.

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

О якутском кузнечном термине суохапчы

Аннотация: целью данного исследования является семантический и этимологический анализ термина суохапчы (звондильня), который используется в кузнечном деле народа саха. В нашу задачу входит: 1. Краткий обзор религиозных воззрений народа саха связанных с кузнечным делом. В героическом эпосе олонхо и в веровании народа саха покровителем и предводителем кузнецов выступает Кудай Бахсы. Он считается покровителем кузнечного дела и духом-создателем великих кузнецов. Его образ несет амбивалентное содержание, имеет двойственную природу добра и зла, он – созидающий дух, но и в, то, же время имеет демоническое происхождение. Кузнецы пользовались особым почётом и уважением в обществе. Их ремесло считалось священным и имело глубокие мифоритуальные корни. Кузнецы воспринимались, как носители высших знаний и сверхъестественных сил, способных противостоять злым духам. Подобно шаманам, чей дар также передавался по наследству, кузнецы имели сильную связь с потусторонним миром. 2. Анализ семантики и этимологии термина суохапчы. В традиционных представлениях якутов кузнечные инструменты, имели мощную защитную силу. Их использовали, как обереги против злых духов и в частности, против шаманов. Данное исследование может найти практическое применение в документировании и сохранении уникальных лингвистических и этнографических данных, связанные с кузнечным делом и верованиями, которые могут исчезнуть с течением времени. Также исследование может послужить материалом для лингвистов, изучающих развитие языка, происхождение и эволюцию терминологии в конкретной профессиональной области, а также влияние религиозного мировоззрения на формирование лексики.

Ключевые слова: якутский язык, термин, словарь, кузнечное дело, суохапчы, Кудай Бахсы

Для цитирования: Акимова А.С. О якутском кузнечном термине суохапчы // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 203 – 208.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Akimova A.S.

¹ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS

About the Yakut blacksmith term suokhapchy

Abstract: the aim of this study is a semantic and etymological analysis of the term suokhapchy, which is used in the blacksmithing of the Sakha people. Our objective is to: 1. Briefly review the religious beliefs of the Sakha people related to blacksmithing. In the heroic epic olonkho and in Sakha beliefs, Kydai Bakhsy is the patron and leader of blacksmiths. He is considered the patron of blacksmithing and the creator spirit of great blacksmiths and shamans. His image carries ambivalent connotations, possessing a dual nature of good and evil. He is a creative spirit, but at the same time, he has a demonic origin. Blacksmiths enjoyed special honor and respect in society. Their craft was considered sacred and had deep mythological and ritual roots. Blacksmiths were perceived as bearers of higher knowledge and supernatural powers, capable of resisting evil spirits. Like shamans, whose gifts

were also passed down through generations, blacksmiths had a strong connection with the other world. 2. Define the term 'suokhapchy'. Analyze the semantics and etymology of the term 'suokhapchy' (meaning "nail-making"). In traditional Yakut beliefs, blacksmithing tools, including suokhapchy, had powerful protective powers. They were used as amulets against evil spirits, and in particular, against shamans. This research may have practical applications in documenting and preserving unique linguistic and ethnographic data related to blacksmithing and beliefs that may disappear over time. The study can also serve as material for linguists studying the development of language, the origin and evolution of terminology in a specific professional field, as well as the influence of religious worldview on the formation of vocabulary.

Keywords: the Yakut language, term, dictionary, blacksmithing, suokhapchy, Kudai Bakhsy

For citation: Akimova A.S. About the Yakut blacksmith term suokhapchy. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 203 – 208.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Кузнечное дело неразрывно связано с религиозными воззрениями и занимает сакральное место в культуре и мировоззрении народа саха. Кузнецы, которых на якутском языке называют уус, считались не просто ремесленниками, а избранниками божественных сил, наделёнными сверхъестественными способностями. Согласно героическому эпосу олонхо и верованиям народа саха, Кыдай Бахсы является верховным покровителем всех, кто занимается кузнечным делом. Об этом, Н.В. Емельянов пишет, «В олонхо «Потомки божества Юрюнг Айыы Тойон» Кытай Бахсыла представлен, как третий сын верховного божества Юрюнг Айыы Тойона. Он является покровителем кузнецов и прародителем выдающихся мастеров кузнечного дела и шаманов [6, с. 12].

Важно отметить, что в разных олонхо встречаются различные варианты этого имени, например: Күдэй Бахсытай, Кытай Бахсы, Кытай Махсыын, Кыдай Бахсы, Кудай Бахсы и прочие. Но все эти варианты указывают на одного и того же персонажа – покровителя кузнечного рода. Как пишет, Федорова Л.В. «Этот архетипический персонаж – воплощение амбивалентности. Его образ сочетает в себе добро и зло, свет и тьму» [14, с. 190]. Но, не смотря на свое неоднозначное описание: «Считается, что Кытай Бахсылан – является первопредком всех кузнецов, и его творения всегда были направлены на благо, воплощая в жизнь лишь самое нужное и ценное. Под его руководством и вдохновением, кузнецы в раскаленных горнах создавали для богатырей айыы не только их доспехи и облачение, но и все боевое убранство для их верных коней» [7, с. 96].

У народа саха, кузнечное дело традиционно передавалось из поколения в поколение, что обеспечивало преемственность мастерства. В якутских эпических сказаниях отмечается, что чем больше предков-кузнецов было у мастера, тем могущественнее он считался. Кузнецы пользовались особым почётом и уважением в обществе. Их ремесло считалось священным и имело глубокие мифоритуальные корни. Кузнецы воспринимались, как носители высших знаний и сверхъестественных сил, способных противостоять злым духам. Подобно шаманам, чей дар также передавался по наследству, кузнецы имели сильную связь с потусторонним миром. Так, «Потомственных шаманов и потомственных кузнецов объединяло якутское наименование «сайда или сайда төрүттээх киһи», что в переводе означает «потомок кузнеца или шамана»» [10, с. 126]. Исследование записей А.Е. Кулаковского позволяет выявить, что кузнецов нередко сравнивали с шаманами, а иногда даже отводили им более почетное место: «шаман не может убить кузнеца, даже если бы очень этого хотел...» [8, с. 65], потому что, кузнец с помощью «суохапчы», мог вынуть душу (кут) шамана из тела и поместить его в гвоздильню (суохапчы). Об этом, Алексей Елисеевич писал: «Кузнец, заметив приближение шамана, бросает у порога свой «чуолбан» (суохапчы). Перешагнув суохапчы, шаман оставляет свой 'кут' в чуолбане [8, с. 65]. Колдовское противостояние достигает пика, когда кузнец раскаляет в огне суохапчы вместе с пойманной душой шамана, что влечет за собой его гибель. Еще у якутов есть поверье, про то что искры, вылетающие из кузнечного горна, могут изгнать или убить духов-помощников шамана, которые приблизились к кузнице с целью навредить кузнецу. Также искра из горна способна сильно нарушить баланс сил самого шамана. Считалось, что шаман может покрыться болячками и даже умереть если его коснется такая искра.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили «Словарь якутского языка» в трех томах Э.К. Пекарского, «Древнетюркский словарь», «Большой толковый словарь якутского языка» в 15 томах, «Якутско-русский словарь» и др. Монографии и научные статьи, посвященные мифологии народов Якутии, кузнечному делу, лексике материальной культуры народа саха, а также архивные материалы с использованием научного оборудования ЦКП Федерального исследовательского центра «Якутский научный центр СО РАН» и др. В работе использованы методы компонентного, терминологического и семантического анализа.

Результаты и обсуждения

Термином суохапчы или по-другому чуолбан, что в переводе означает ‘гвоздильня’ [9, с. 41] – называют железную пластину с отверстиями разного диаметра для изготовления проволоки и гвоздей, которая, по поверьям, обладает магической силой и является сильным оберегом своего владельца [10, с. 127].

В Архиве ЯНЦ СО РАН хранятся материалы Ливадина В.В. под названием «О якутских ремеслах», мы там нашли интересные записи о кузнечном деле народа саха. В.В. Ливадин пишет, «гвоздильня ‘чуолбан’ четырех гранный стальной брусок с дырочками разного диаметра с нижней стороны эти дырочки расширены, так что дырочки, собственно говоря, имеют коническую форму» [1, с. 83].

Кроме описания изделий, изготовленных кузнецами и инструментов, которыми они пользовались Ливадин В.В. еще сделал записи о поверьях связанные с кузнечным ремеслом и другими ремеслами по металлам. Он пишет, (орфография и пунктуация автора сохранены), «по гвоздильне чуолбан можно определить достоинство кузнеца. У самого лучшего кузнеца гвоздильня должна быть с 9-ти дырам, у среднего с 7-дыр, у плохого – 5-ю дыра, а самый плохой кузнец со всем не имеет права на гвоздильню. Больные глазами воровски от кузнеца пользуются гвоздильней, чтобы посмотреть через дырочки ее на солнце пред восходом и заходом его, и получит таким образом облегчение. С этого же целью смотрят и через фурму ‘сорго’» [1, с. 110]. «Количество отверстий, просверленных в суохапчы, имело глубокий смысл – оно указывало на то, сколько поколений потомков будут продолжать кузнечное ремесло. Когда же известные кузнецы не имели сыновей, способных унаследовать их дело, то после их кончины часть их инструментов отправлялась в могилу вместе с ними» [10, с. 127].

«Если шаман преследует кузнеца, путем своего шаманства, зная с духами пожелает сделать ему всего нехорошего, гвоздильня ‘чуолбан’ для кузнеца защита. Некоторые кузнецы из-за предрассудка не делают гвоздильню для другого кузнеца» [1, с. 110].

Количество отверстий в гвоздильне, у каждого кузнеца (примечание автора кто был достоин иметь суохапчы) было индивидуальным и это определялось во время обряда посвящения в кузнецы. Этот обряд совершали, когда начиналась кузнечная болезнь, и тогда кузнец был вынужден пригласить шамана, чтобы тот провел обряд посвящения. Этот обряд подробно описан в статье Даниловой Н.К. и Ушницкого В.В.: «В ходе ритуала шаман выступает посредником между больным кузнецом и духом-покровителем кузнечного рода, Кытай Бахсы. Шаман передает слова духа кузнецу: «услышав стук твоего молота, я требую жертвоприношения – черного бычка». После приведения животного, шаман проводит обряд, символически передавая душу бычка духу в обмен на исцеление и благословение на кузнечное ремесло. По завершении камлания, бычка привязывают и забивают. Затем, сердце животного извлекают кузнечными клещами и помещают на наковальню. Посвящаемый должен ударить сердце молотом, чтобы раскрошить его» [4, с. 167]. Чем меньше ударов кузнец сделает, тем могущественным мастером он станет. К.Д. Уткин и К.Е. Гагарина в книге «Саха уус удьуора» пишут: «Если он разобьет сердце одним ударом молота, то станет великим кузнецом, два раза – средним, три раза ударит – будет слабым кузнецом. Тому, кто раскрошит сердце жертвенного бычка первым ударом молота, вручали суохапчы с девятью дырами, изготовленный самым старым кузнецом» [13, с. 25].

Далее рассмотрим определения термина суохапчы и чуолбан ‘гвоздильня’ зафиксированных в словарях. Суохапчы.

В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского дано следующее определение: «суохапчы [от суохаи+лчы] ‘кузнечный инструмент для сверления дыр’ Пр.; ср. чāчардāх сāбārālliä, чуолбан. 2. суохапчы, сūхапчы = суохапчы ‘железная пластина с дырами для пробивания дыр и для делания шляпок’ Ион. [11, с. 2355].

В «Большом толковом словаре якутского языка» (далее БТСЯ), к термину суохапчы дано следующее определение: «Суохапчы үүттэнэн тимиргэ үүт онорорго эбэтэр көнө тимири уган анаар уһугун суохайан сэлээпэлииргэ аналлаах үүттэрдээх халын хаптаҕай тимир. Ө Железная пластина с дырами для пробивания отверстий в металлах и для заклёпки шляпки гвоздя ... Ср. п.-монг. чобу, бур. соо ‘через, насквозь, напролёт, протыкая’» [2, с. 163].

В «Якутско-русском словаре» (далее ЯРС) мы нашли фонетический вариант термина суохапчы. Суохаачы ‘железная пластинка (с дырами различной величины для пробивания отверстий в металлах)’ [15, с. 344]. Там же дано другое определение суохай = клепать, заклепывать; суохайан онор = заклепать [15, с. 344].

В словаре Э.К. Пекарского, к слову суохай дано следующее определение: суохаи (v) обмолачивать хлеб (Асс.) в ступе Ион.; заклепывать гвоздь, сделать на гвозде шляпку (заклеп) ДП., заклепывать клепку Ион. [11, с. 2355]. В «БТСЯЯ», к слову суохай нашли следующее определение: «Тимири тэнитэ таптай (хол., буолта, тоһоҕо сэлээппэтэ суох уһуга угуллубут үтүттэн төттөрү уһуллубатын курдук) Ө ‘Клепать, заклепывать’» [2, с. 163]. В «ЯРС», суохай = клепать, заклепывать; суохайан онор = заклепать [15, с. 344].

Чуолбан.

В словаре Э.К. Пекарского дано определение термина: чуолбан [ср. бур. солган, сұлган, монг. «чоулба», «чолбун» прорубь].

1) ров, яма, пещера, отверстие Пор.; сквозное отверстие в каком-либо предмете ГБ.; дыра, продолбленная в стене для выстрелов изнутри; дыра в твердом предмете, в которую проходит гвоздь для устройства шляпки ДП. (ср. чуолабаи).

2) кузнечный инструмент с дырами различной величины, употребляемый для устройства шляпки гвоздя и при пробивании в железном листе, напр., дыр (ср. суохалча, суохапчы); железная полоса с семью или девятью отверстиями различного диаметра для пробивания отверстий в металлах АК.; штамп Ион.

3) две пластины на шаманском костюме, изображающие кости шамана, которые фигурируют в заклинаниях и благопожеланиях его во время камлания Вас.

4) Магическая железная пластинка, которую прячут в постель ребенка, и которая должна предохранить ребенка от возможного с ним несчастья Сойк. [12, с. 3690].

В «БТСЯЯ» дано толкование: чуолбан «чараас тимири үттүүргэ аналлаах араас кээмэйдээх кыра хай-аҕастардаах уһун ньолбуһах тимири. Ө Железный инструмент овальной формы с дырками различного диаметра, используемый для пробивания железных пластин [3, с. 235].

По поводу этимологии термина суохапчы мы обратились за консультацией, к нашему коллеге, специалисту по этимологии Попову В.Г., по его мнению: «корень слова суохапчы образовано от слова суохай, который возник от древнетюркского слова сох». В «Древнетюркском словаре», к слову сох мы нашли следующее определение: сох ‘бить, ударять’» [5, с. 508]. В итоге, путем присоединения омертвелого аффикса -пчы, образовалось слово суохай + пчы > суохапчы.

Выводы

Таким образом, суохапчы (чуолбан) – это инструмент якутского кузнеца в виде железной пластины с дырами для пробивания отверстий в металлах, изготовления гвоздей и заклёпки шляпки гвоздя. Суохапчы передавали по наследству от отца кузнеца, к сыну. Он имеет магическую силу, поэтому служит мощнейшим оберегом для своего хозяина. Число отверстий в суохапчы определяло количество будущих поколений кузнецов.

Кузнецы, прошедшие ритуал посвящения и владевшие суохапчы, занимали в якутском обществе более высокое положение, чем шаманы, и обладали большей силой. Считалось, что они неуязвимы для злых духов (абаасы) и воздействия черных шаманов. Сила кузнеца, по мнению якутов, напрямую зависела от количества его предков, занимавшихся кузнечным делом. Несмотря на то, что в разных олонхо встречаются различные написания имени покровителя кузнечного рода – Күдэй Бахсытай, Кытай Бахсы, Кытай Махсыын, Кыдай Бахсы и прочие – все эти формы легко узнаваемы как обозначение одного и того же персонажа.

Название кузнечного инструмента суохапчы образовано от слова суохай, который возник от древнетюркского глагола сох ‘бить, ударять’ при помощи омертвелого аффикса -пчы. У термина суохапчы имеется несколько фонетических вариантов, которые были зафиксированы в словарях якутского языка: ‘суохалча’, ‘суохаачы’, а также есть синоним – чуолбан.

Сохранение и дальнейшее изучение терминологической лексики, относящейся к кузнечному делу, является важным шагом в деле возрождения знаний и традиций якутского кузнечества. Потому что, потеря слов влечет за собой утрату знаний, понимания и культурных тонкостей мастерства. Кузнечное дело занимает особое место в культуре якутов, оно тесно переплетено с мифологией и историей народа. Сохранение языка ремесла помогает сохранить эту часть культурного наследия. Для современных мастеров и исследователей точная терминология необходима для правильного понимания и воспроизведения традиционных методов.

Благодарность

Исследование выполнено с использованием научного оборудования ЦКП Федерального исследовательского центра «Якутский научный центр СО РАН».

Список источников

1. Ливадин В.В. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. О якутских ремеслах. 1960. 129 с.
2. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта (Буква С: сөллөй-сээн, буква h): в 15 т. / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2012. Т. 11. 630 с.
3. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта (Буквы Ч, Ы): в 15 т. / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2017. Т. 14. 592 с.
4. Данилова Н.К., Ушницкий В.В. «Профанный» и «сакральный» миры якутского кузнечества: мифы, традиции, современность // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 163 – 169.
5. Боровкова Т.А., Дмитриева Л.В., Зырин А.А. Древнетюркский словарь. Академия наук СССР, Институт языкознания / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 676 с.
6. Емельянов Н.В. Мифологические божества «Потомки Юрюнг Айыы Тойона» и «Баай Барыылаах» Дух хозяин леса // Мифология народов Якутии. Якутск: Якут. филиал СО АН СССР, 1980. 97 с.
7. Илларионов В.В. Отражение в якутском эпосе кузнечного дела // Айыы Танара и кузнечный культ в тенгрианстве: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции / ред. Л.В. Федорова, А.М. Копырин, Н.П. Уарова. Якутск, 2024. С. 93 – 98.
8. Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск: Якут. книж. изд-во, 1979. 484 с.
9. Бравина Р.И., Федорова С.С. Күөртээх Күөрдэмнэр = Жемконские кузнецы. Дьокуускай: Алаас, 2024. 124 с.
10. Акимова А.С., Борисова Ю.М., Готовцева Л.М. Лексика материальной культуры в якутском языке / отв. ред. Н.И. Данилова. Новосибирск: СО РАН, 2025. 206 с.
11. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3-х т., 3-е изд., испр. и доп. СПб: Наука, 2008. Т. 2. Вып. 5-9. 2355 с.
12. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3-х т., 3-е изд., испр. и доп. СПб: Наука, 2008. Т. 3. Вып. 10-13. 3690 с.
13. Уткин К.Д., Гагарина К.Е. Саха уус удьуора. Дьокуускай: Медиа-холдинг Якутия, 2008. 168 с.
14. Федорова Л.В. О кузнецах племени сако-ариев Кудай Бахсы // Айыы Танара и кузнечный культ в тенгрианстве: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Айыы Танара и кузнечный культ в тенгрианстве» / ред. Н.П. Уарова. Якутск: Дани Алмас, 2020. С. 118 – 206.
15. Якутско-русский словарь / под ред. П.А. Слепцова. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1972. 606 с.

References

1. Livadin V.V. Archive of the Yaroslavl Scientific Center SB RAS. F. 5. Op. 1. D. 351. About Yakut crafts. 1960. 129 p.
2. Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryyalaakh ulakhan tyldyta (Letter S: solloy-seen, letter h): in 15 vol. Ed. P.A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2012. Vol. 11. 630 p.
3. Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryyalaah ulakhan tyldyta (Letters CH, Y): in 15 vol. Ed. P.A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2017. Vol. 14. 592 p.
4. Danilova N.K., Ushnitsky V.V. “Profane” and “sacred” worlds of Yakut blacksmithing: myths, traditions, modernity. Bulletin of Tomsk State University. Story. 2023. No. 81. P. 163 – 169.
5. Borovkova T.A., Dmitrieva L.V., Zyrin A.A. Ancient Turkic dictionary. Academy of Sciences of the USSR, Institute of Linguistics / ed. V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tennishev, A.M. Shcherbak. L.: Nauka, Leningrad branch, 1969. 676 p.
6. Emelyanov N.V. Mythological deities “Descendants of Yuryung Aiyy Toyon” and “Baai Baryyalaakh” The spirit is the owner of the forest. Mythology of the peoples of Yakutia. Yakutsk: Yakut. Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, 1980. 97 p.
7. Illarionov V.V. Reflection of blacksmithing in the Yakut epic. Aiyy Takhara and the blacksmith cult in Tengrism: collection of materials of the IV All-Russian scientific-practical conference. ed. L.V. Fedorova, A.M. Kopyrin, N.P. Uarova. Yakutsk, 2024. P. 93 – 98.
8. Kulakovskiy A.E. Scientific works. Yakutsk: Yakut. books publishing house, 1979. 484 p.
9. Bravina R.I., Fedorova S.S. Kүөртеekh Kүөрдemner = Zhemkon blacksmiths. Djokuuskai: Alaas, 2024. 124 p.
10. Akimova A.S., Borisova Yu.M., Gotovtseva L.M. Vocabulary of material culture in the Yakut language. rep. ed. N.I. Danilova. Novosibirsk: SB RAS, 2025. 206 p.

11. Pekarsky E.K. Dictionary of the Yakut language: in 3 vol., 3rd ed., revised. and additional St. Petersburg: Nauka, 2008. Vol. 2. Iss. 5-9. 2355 p.
12. Pekarsky E.K. Dictionary of the Yakut language: in 3 vol., 3rd ed., revised. and additional St. Petersburg: Nauka, 2008. Vol. 3. Iss. 10-13. 3690 p.
13. Utkin K.D., Gagarina K.E. Sakha uus uduora. Dyokuuskai: Media Holding Yakutia, 2008. 168 p.
14. Fedorova L.V. About the blacksmiths of the Sako-Aryan tribe Kudai Bakhsy. Ayyy Takhara and the blacksmith cult in Tengrism: collection of articles of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation "Ayyy Takhara and the blacksmith cult in Tengrism". ed. N.P. Uarova. Yakutsk: Dani Almas, 2020. P. 118 – 206.
15. Yakut-Russian dictionary. ed. P.A. Sleptsova. M.: Publishing house "Soviet Encyclopedia", 1972. 606 p.

Информация об авторах

Акимова А.С., кандидат филологических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академия наук, sikkier84@mail.ru

© Акимова А.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070:004.738.5(045)

¹ Чучалин В.В., ¹ Ефремов Д.А.

¹ Удмуртский государственный университет

Использование Telegram-каналов для продвижения веб-сайтов: инструменты, стратегии и кейсы

Аннотация: в статье представлен комплексный анализ эффективности использования Telegram-каналов для продвижения веб-сайтов на примере четырёх кейсов: образовательной платформы «Нетология», онлайн-ритейлера «Lamoda», бизнес-медиа «VC.ru» и новостного агентства «РИА Новости». Исследование охватывает период с октября 2024 по апрель 2025 года и оценивает ключевые параметры: частоту упоминаний сайта, типы контента с редиректом, используемые инструменты продвижения и показатели эффективности (охват, вовлечённость). Результаты проведенного исследования показывают, что наиболее эффективным оказался канал «Lamoda» благодаря оптимальной частоте публикаций (3-5 раз в неделю), активному использованию визуального контента («UGC», «сторис») и интеграции сервисного бота. В статье систематизированы успешные стратегии продвижения и даны практические рекомендации по оптимизации работы с Telegram-каналами для различных типов веб-сайтов.

Ключевые слова: Telegram-маркетинг, продвижение сайтов, трафик, контент-стратегия, чат-боты

Для цитирования: Чучалин В.В., Ефремов Д.А. Использование Telegram-каналов для продвижения веб-сайтов: инструменты, стратегии и кейсы // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 209 – 214.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Chuchalin V.V., ¹ Efremov D.A.

¹ Udmurt State University

Using Telegram channels for website promotion: tools, strategies and case studies

Abstract: this article provides a comprehensive analysis of the effectiveness of using Telegram channels for website promotion, using four case studies: the educational platform "Netology," the online retailer "Lamoda," the business media "VC.ru," and the news agency "RIA Novosti." The study covers the period from October 2024 to April 2025 and evaluates key parameters: the frequency of website mentions, types of content featuring redirects, promotional tools used, and performance metrics (reach, engagement). The results of the study show that the "Lamoda" channel was the most effective due to its optimal posting frequency (3-5 times per week), active use of visual content (UGC, "stories"), and the integration of a service bot. The article systematizes successful promotion strategies and offers practical recommendations for optimizing the use of Telegram channels for various types of websites.

Keywords: Telegram marketing, website promotion, traffic, content strategy, chatbots

For citation: Chuchalin V.V., Efremov D.A. Using Telegram channels for website promotion: tools, strategies and case studies. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 209 – 214.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

С развитием сети Интернет, появлением и стремительной популяризацией социальных сетей, видеохостингов и маркетинговых технологий, связанных с ними, складываются новые реалии, направленные на продвижение веб-сайтов. Глобальная сеть Интернет не имеет границ между регионами и государствами, а ее использование населением России и других стран постоянно возрастает и стремится к полному охвату населения.

В связи с этим возможности по нахождению целевой аудитории значительно возрастают. В цифровую эпоху открытое распространение информации позволяет устанавливать маркетинговые коммуникации со значительным числом потенциальных потребителей с меньшими затратами и большей эффективностью [11].

Telegram является одной из наиболее перспективных площадок для продвижения веб-сайтов благодаря ряду уникальных преимуществ и инструментов, которые можно использовать для привлечения трафика на сайт [1, с. 54]:

1. Каналы – идеальны для публикации анонсов статей, новостей и ссылок на сайт. Подписчики получают контент напрямую, без лишнего информационного шума.

2. Боты – позволяют автоматизировать рассылку материалов, собирать заявки, проводить опросы и даже интегрироваться с CRM-системами; к примеру, можно настроить бота, который будет отправлять пользователям ссылки на новые статьи или спецпредложения.

3. Групповые чаты – создают пространство для обсуждения контента с аудиторией, что повышает вовлеченность и доверие к бренду. В чатах можно делиться ссылками, обсуждать публикации и собирать обратную связь.

4. Стикерпаки и интерактивные элементы – помогают усилить вовлечение, делая коммуникацию более запоминающейся.

5. UGC-контент (User Generated Content) в Telegram – это контент, который создают сами подписчики; к нему относятся, например, комментарии, репосты, мемы и обсуждения в чате [12].

Согласно данным Mediascope по итогам 2023 года Telegram стал самой популярной соцсетью России в топе интернет-ресурсов; согласно опросу «Анкетолога», Telegram используют 91% россиян. Средняя месячная аудитория (MAU) Telegram в России к октябрю 2023 года достигла 82,3 млн. пользователей. За два года этот показатель вырос на 13%. Таким образом, по объему месячной аудитории Telegram практически достиг показателей «ВКонтакте». Среднесуточный охват аудитории (DAU) Telegram в России достиг отметки в 56,6 млн. человек в октябре 2023 года – согласно результатам исследования Mediascope. К концу года мессенджером ежедневно пользовался уже практически каждый второй россиянин (47%). По показателю DAU Telegram обошел все популярные в стране социальные сети.

Согласно опросу «Анкетолога», россияне используют ресурсы Telegram в среднем 80 минут в день. Больше времени они проводят только в YouTube и TikTok. Россияне используют Telegram: для общения с друзьями и близкими – 70%; для чтения новостей – 56%; для работы – 35%. На какие каналы подписаны пользователи (исследование Tgstat): новостные – 85%; новости своей индустрии – 48%; развлекательные – 62%; образовательные – 58%; политические – 50% [11].

К октябрю 2023 года число авторов Telegram достигло 14 млн. – за год показатель вырос на 33%, ссылается на исследование Brand Analytics ИД «Коммерсантъ» [16]. Большинство каналов, в которых не размещается реклама, насчитывают до 100 подписчиков. Размещать объявления здесь начинают авторы, на которых подписаны от 1000 до 10 000 человек, об этом пишет холдинг «РБК» со ссылкой на исследование Tgstat [7].

Telegram известен высоким уровнем защиты данных, что особенно важно для пользователей, заботящихся о конфиденциальности. Кроме того, в отличие от некоторых соцсетей, Telegram остаётся доступным даже в регионах с ограничениями, что расширяет потенциальную аудиторию [3]. Благодаря интерактивным функциям (опросам, голосованиям, чатам) бизнес может не только продвигать сайт, но и формировать активное сообщество вокруг бренда. Это повышает доверие и увеличивает шансы на повторные переходы на сайт. Через Telegram-ботов и API можно настроить автоматическую публикацию контента с сайта в канал, сбор подписчиков или даже продажу товаров напрямую из мессенджера. Это делает платформу удобным инструментом для комплексного digital-маркетинга [2, с. 58].

Материалы и методы исследований

С учетом актуальности использования мессенджера Telegram для продвижения веб-сайтов в качестве объекта исследования были выбраны следующие телеграм-каналы: «Нетология» (образовательная платформа) [10], «Lamoda» (онлайн-ритейлер) [18], «VC.ru» (бизнес-медиа) [5], «РИА Новости» (новостное

агентство) [14]. Целью исследования является раскрытие механизмов использования Telegram-каналов для продвижения веб-сайтов. Анализ эффективности продвижения веб-сайтов через Telegram-каналы проводился по следующим параметрам:

- Частота и способы упоминания веб-сайта.
- Типы контента с редиректом на сайт.
- Используемые инструменты продвижения.
- Показатели эффективности (вовлеченность, охваты).

Период выборки контента составил шесть месяцев: с 09.10.2024 по 09.04.2025 года.

Результаты и обсуждения

Кейс 1:

Образовательная платформа «Нетология»: веб-сайт [8] и телеграм-канал [10]. Крупнейшая российская платформа онлайн-образования, предлагающая курсы по digital-профессиям (маркетинг, программирование, дизайн, управление). Основной контент канала – анонсы новых программ, кейсы выпускников и экспертные материалы. Анализ эффективности продвижения веб-сайта «Нетология» представлен в таблице 1 [9].

Таблица 1

Анализ эффективности продвижения веб-сайта «Нетология» через Telegram-канал.

Table 1

Analysis of the effectiveness of promoting the Netology website via the Telegram channel.

Параметр	Значение	Анализ
Упоминания сайта	1-2 раза в неделю	Ссылка в шапке канала и в постах с анонсами курсов
Типы постов с ссылками	Анонсы курсов (87%), кейсы выпускников (10%), новости компании (3%)	Основной упор на образовательный контент
Основные инструменты	Бот для консультаций, чаты курсов, стикерпак	Чат-бот помогает в привлечении лидов
Охват публикаций	876 (средний)	Средний показатель для образовательного сегмента
ERR (вовлеченность)	8.7%	Выше среднего по платформе

Канал использует образовательный контент с акцентом на анонсы курсов. Улучшить можно за счет увеличения частоты упоминаний и интерактивных форматов (опросы, тесты).

Кейс 2:

Онлайн-ритейлер «Lamoda»: веб-сайт [17], телеграм-канал [18]. Один из лидеров российского e-commerce в сегменте моды. В Telegram-канале публикует новинки коллекций, акции, коллаборации с брендами и стилистические рекомендации. Результаты анализа эффективности продвижения веб-ресурса «Lamoda» отражены в таблице 2 [19].

Таблица 2

Анализ эффективности продвижения веб-сайта «Lamoda» через Telegram-канал.

Table 2

Analysis of the effectiveness of Lamoda website promotion via the Telegram channel.

Параметр	Значение	Анализ
Упоминания сайта	3-5 раз в неделю	Ссылка в шапке и в каждом втором посте
Типы постов с ссылками	Новые коллекции (45%), акции (35%), блогеры (20%)	Акцент на визуальный контент
Основные инструменты	Бот поддержки, сторис, UGC-контент	Интерактивность и вовлечение через пользовательский контент
Охват публикаций	2,699 (средний)	Высокий охват для e-commerce
ERR (вовлеченность)	13.4%	Очень высокий показатель

Наиболее эффективный канал среди подвергаемых исследованию. Успешно использует UGC, сторис и бота поддержки.

Кейс 3:

Ведущее деловое издание о стартапах, технологиях и цифровой экономике «Бизнес, технологии, идеи, модели роста»: веб-сайт [4], телеграм-канал [5]. Канал агрегирует главные новости, аналитические статьи и кейсы компаний с глубокими ссылками на материалы сайта. В таблице 3 отражены данные по эффективности продвижения бизнес-издания [6].

Таблица 3

Анализ эффективности продвижения веб-сайта «Бизнес, технологии, идеи, модели роста» через Telegram-канал.

Table 3

Analysis of the effectiveness of promoting the "Business, Technologies, Ideas, Growth Models" website via the Telegram channel.

Параметр	Значение	Анализ
Упоминания сайта	1-2 раза в день	Ссылка в шапке и в дайджестах
Типы постов с ссылками	Дайджесты (60%), эксклюзивы (25%), аналитика (15%)	Новостной и аналитический контент
Основные инструменты	Бот вакансий, кросс-постинг	Интеграция с сайтом через новостные материалы
Охват публикаций	13,176 (средний)	Высокий охват для медиа
ERR (вовлеченность)	16.1%	Максимальный среди анализируемых

Эффективность достигается за счет кросс-постинга и дайджестов. Можно улучшить за счет интерактивных опросов.

Кейс 4:

Новостное агентство «РИА Новости»: веб-сайт [13], телеграм-канал [14]. Государственное информационное агентство России. Telegram-канал дублирует основные новости с сайта, дополняя их эксклюзивными репортажами и спецпроектами. Оценка эффективности маркетинговых инструментов, используемых для продвижения новостного портала «РИА Новости», систематизирована в таблице 4 [15].

Таблица 4

Анализ эффективности продвижения веб-сайта «РИА Новости» через Telegram-канал.

Table 4

Analysis of the effectiveness of RIA Novosti website promotion via the Telegram channel.

Параметр	Значение	Анализ
Упоминания сайта	1-2 раза в день	Ссылка в шапке и в новостях
Типы постов с ссылками	Новости (90%), спецпроекты (10%)	Основной упор на новостной контент
Основные инструменты	Репосты, новостные push-уведомления	Отсутствие ботов
Охват публикаций	655,548 (средний)	Огромный охват
ERR (вовлеченность)	20.1%	Лидер по вовлеченности

Канал ориентирован на новостной трафик, но не использует ботов. Рекомендуется внедрить чат-бота для персонализации контента.

Сравнительный анализ эффективности использования инструментов продвижения веб-сайтов в Telegram-каналах приведен в таблице 5.

Анализ эффективности использования инструментов продвижения веб-сайтов «Нетология», «Lamoda», «VC.ru», «РИА Новости» в Telegram-каналах выявил ключевые принципы продвижения.

Лидером является «Lamoda», благодаря оптимальной частоте упоминаний (3-5 раз / неделю), визуальному контенту (UGC, сторис) и интеграции сервисного бота.

Успешные стратегии продвижения включают:

- баланс профессионального и пользовательского контента;
- регулярные ссылки на сайт;
- использование ботов;
- визуальные форматы.

Таблица 5

Сравнительный анализ эффективности использования инструментов продвижения веб-сайтов «Нетология», «Lamoda», «VC.ru», «РИА Новости» в Telegram-каналах.

Table 5

Comparative analysis of the effectiveness of website promotion tools used by Netology, Lamoda, VC.ru, and RIA Novosti in Telegram channels.

Показатель / Компания	«Нетология»	«Lamoda»	«VC.ru»	«РИА Новости»
Подписчики	23 787	37 508	100 606	3 367 038
Средний охват	876	2 699	13 176	655 548
ERR (вовлеченность)	8.7%	13.4%	16.1%	20.1%
Основные инструменты	Чат-бот, образовательные чаты, стикерпак	Бот поддержки, UGC-контент, сторис	Бот вакансий, кросс-постинг	Новостные push-уведомления
Частота упоминаний сайта	1-2 раза в неделю	3-5 раз в неделю	1-2 раза в день	1-2 раза в день
Типы контента со ссылками	Анонсы курсов (87%), кейсы (10%)	Коллекции (45%), акции (35%)	Дайджесты (60%), аналитика (15%)	Новости (90%), спец-проекты (10%)
Гендер аудитории	70.8% мужчин	79.5% женщин	Сбалансированный	Не указано
Рекомендации	Увеличить частоту упоминаний	Развивать чат-бот	Добавить интерактив	Внедрить персонализацию

Выводы

Для эффективного продвижения сайтов в Telegram необходимо сочетать маркетинговые и сервисные функции, адаптировать контент под ЦА, анализировать метрики (CTR, конверсия) и использовать специфичные инструменты (чаты, боты, стикеры). Наибольший результат достигается при комплексном подходе с учетом типа сайта и особенностей аудитории.

Telegram доказал эффективность использования каналов для привлечения целевого трафика. Критически важными остаются: качество контента, регулярность публикаций и анализ метрик (CTR, bounce rate).

Список источников

- Андрянова С.С., Веретено А.А. Использование мессенджера Telegram для продвижения бренда // Economics. 2018. № 3 (35). С. 54 – 57.
- Аргылов А.А., Лаврищева М.С. Контент-маркетинговые стратегии российских бренд-медиа в социальных сетях (по материалам Телеграм-каналов) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 2 (48). С. 58 – 74.
- Аудитория девяти крупнейших соцсетей в России в 2024 году: исследования и цифры. URL: <https://ppc.world/articles/auditoriya-devyati-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2024-godu-issledovaniya-i-cifry> (дата обращения: 21.09.2024).
- Бизнес, технологии, идеи, модели роста. URL: <https://vc.ru/> (дата обращения: 09.10.2024).
- Бизнес, технологии, идеи, модели роста. URL: <https://t.me/vcnews> (дата обращения: 09.10.2024).
- Бизнес, технологии, идеи, модели роста. URL: <https://tgstat.ru/channel/@vcnews/stat> (дата обращения: 09.10.2024).
- Доля пользователей Telegram достигла почти половины населения России. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/06/02/2024/65c0bc179a7947176b534458 (дата обращения: 15.10.2024).
- Нетология. URL: <https://netology.ru/> (дата обращения: 09.10.2024).
- Нетология. URL: https://tgstat.ru/channel/@netology_ru/stat (дата обращения: 09.10.2024).
- Нетология. URL: t.me/netology_ru (дата обращения: 09.10.2024).
- Остапчук А.В. Практические рекомендации по созданию и продвижению веб-сайтов для бизнеса // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2017. Т. 3 (69). № 1. С. 59 – 69.

12. Почему Telegram – идеальный выбор для бизнеса в 2024 году: преимущества перед другими соцсетями! URL: <https://vc.ru/marketing/1475364-pochemu-telegram-idealnyi-vybor-dlya-biznesa-v-2024-godu-preimushhestva-pered-drugimi-socsetyami> (дата обращения: 25.10.2024).
13. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 09.10.2024).
14. РИА Новости. URL: https://t.me/rian_ru (дата обращения: 09.10.2024).
15. РИА Новости. URL: https://tgstat.ru/channel/@rian_ru/stat (дата обращения: 09.10.2024).
16. Соцсети растут на военных конфликтах. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6349552> (дата обращения: 12.11.2024).
17. Lamoda. URL: <https://www.lamoda.ru/> (дата обращения: 09.10.2024).
18. Lamoda на связи. URL: https://t.me/lamoda_na_svyazi (дата обращения: 09.10.2024).
19. Lamoda на связи. URL: https://tgstat.ru/channel/@lamoda_na_svyazi/stat (дата обращения: 09.10.2024).

References

1. Andrianova S.S., Vereteno A.A. Using the Telegram Messenger for Brand Promotion. Economics. 2018. No. 3 (35). P. 54 – 57.
2. Argylov A.A., Lavrishcheva M.S. Content Marketing Strategies of Russian Brand Media in Social Networks (Based on Telegram Channels). Znak: A Problematic Field of Media Education. 2023. No. 2 (48). P. 58 – 74.
3. The Audience of the Nine Largest Social Networks in Russia in 2024: Research and Figures. URL: <https://ppc.world/articles/auditoriya-devyati-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2024-godu-issledovaniya-i-cifry> (date of accessed: 21.09.2024).
4. Business, technologies, ideas, growth models. URL: <https://vc.ru/> (date of accessed: 09.10.2024).
5. Business, technologies, ideas, growth models. URL: <https://t.me/vcnews> (date of accessed: 09.10.2024).
6. Business, technologies, ideas, growth models. URL: <https://tgstat.ru/channel/@vcnews/stat> (date of accessed: 09.10.2024).
7. The share of Telegram users has reached almost half of the Russian population. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/06/02/2024/65c0bc179a7947176b534458 (date of accessed: 15.10.2024).
8. Netology. URL: <https://netology.ru/> (date of accessed: 09.10.2024).
9. Netology. URL: https://tgstat.ru/channel/@netology_ru/stat (date of accessed: 09.10.2024).
10. Netology. URL: t.me/netology_ru (date of accessed: 09.10.2024).
11. Ostapchuk A.V. Practical recommendations for creating and promoting websites for business. Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Economics and Management. 2017. Vol. 3 (69). No. 1. P. 59 – 69.
12. Why Telegram is the Ideal Choice for Business in 2024: Advantages over Other Social Networks! URL: <https://vc.ru/marketing/1475364-pochemu-telegram-idealnyi-vybor-dlya-biznesa-v-2024-godu-preimushhestva-pered-drugimi-socsetyami> (date of accessed: 25.10.2024).
13. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/> (date of accessed: 09.10.2024).
14. RIA Novosti. URL: https://t.me/rian_ru (date of accessed: 09.10.2024).
15. RIA Novosti. URL: https://tgstat.ru/channel/@rian_ru/stat (date of accessed: 09.10.2024).
16. Social networks grow during military conflicts. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6349552> (date of accessed: 12.11.2024).
17. Lamoda. URL: <https://www.lamoda.ru/> (date of accessed: 09.10.2024).
18. Lamoda in touch. URL: https://t.me/lamoda_na_svyazi (date of accessed: 09.10.2024).
19. Lamoda in touch. URL: https://tgstat.ru/channel/@lamoda_na_svyazi/stat (date of accessed: 09.10.2024).

Информация об авторах

Чучалин В.В., старший преподаватель, Удмуртский государственный университет, han-92@yandex.ru

Ефремов Д.А., кандидат филологических наук, доцент, Удмуртский государственный университет, dmitjef@mail.ru

© Чучалин В.В., Ефремов Д.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.161.1

¹ Кельбеханова М.Р.

¹ Дагестанский государственный университет

Природа художественной детали и ее функции в литературе

Аннотация: в работе проводится анализ природы художественной детали и ее функций в художественной литературе. Приводятся различные точки зрения исследователей на данную проблему. Делается попытка осветить вопросы, касающиеся природы художественной детали и ее функций в литературе. Художественная деталь присутствует в структуре любого художественного произведения. Деталь – это подробность, которая охватывает ключевые моменты образа или события. Реалистичность детали есть непереносимое условие эстетической оценки. Основными деталями могут быть особенности пейзажных зарисовок, какие-нибудь черты характера, внешности персонажа. То есть то, на чем автор произведения акцентирует внимание читателя. Такие детали обычно служат основными очерчивающими штрихами для сюжетных зарисовок. Сама идея произведения может быть заострена именно на деталях. Во многих случаях деталь и является расшифровкой самой идеи произведения. Принципиальное выделение категории детали, демонстрация ее функций обозначили стойкий интерес к проблеме детали.

Ключевые слова: природа художественной детали, функционально-семантические, художественный контекст, отображение действительности, эстетический эффект, выразительность, метафора, типичные характеры, типы деталей

Для цитирования: Кельбеханова М.Р. Природа художественной детали и ее функции в литературе // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 215 – 218.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Kelbekhanova M.R.

¹ Dagestan State University

The nature of an artistic detail and its functions in literature

Abstract: the paper analyzes the nature of artistic detail and its functions in fiction. Various points of view of researchers on this problem are given. An attempt is made to highlight issues concerning the nature of artistic detail and its functions in literature. An artistic detail is present in the structure of any work of art. A detail is a detail that covers the key points of an image or event. The realism of the detail is an indispensable condition for aesthetic evaluation. The main details may be the features of landscape sketches, some character traits, or the character's appearance. That is, what the author of the work focuses the reader's attention on. Such details usually serve as the main outline strokes for plot sketches. The very idea of the work can be focused on the details. In many cases, the detail is the decoding of the very idea of the work. The fundamental identification of the part category and the demonstration of its functions indicated a strong interest in the part problem.

Keywords: the nature of an artistic detail, functional and semantic, artistic context, representation of reality, aesthetic effect, expressiveness, metaphor, typical characters, types of details

For citation: Kelbekhanova M.R. The nature of an artistic detail and its functions in literature. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 215 – 218.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Актуальность работы. Природа художественной детали и ее функционирование в художественных текстах имеет ключевое значение в произведении, поскольку художественная деталь служит для того, чтобы глубже и ярче нарисовать картины или образ, подчеркнуть важность образа в художественном произведении. В постановке вопроса о природе художественной детали есть нерешенные вопросы и свои трудности. Расходятся взгляды литературоведов и на формулировку самой детали. В литературоведческих работах данный вопрос еще не получил своего окончательного решения.

Основная цель – дать характеристику природе художественной детали и ее роли в литературе.

Задачи:

- рассмотреть понятие «художественная деталь»;
- определить место и роль художественной детали в литературе.

Материалы и методы исследований

В ходе работы привлечены метод литературоведческого анализа, дедуктивно-индуктивный метод, который дает возможность всесторонне и комплексно рассмотреть природу художественной детали и ее роль в литературе.

Результаты и обсуждения

Художественная деталь – это такая характерная черта или подробность, имеющая самостоятельное значение и служащая для более глубокого и содержательного описания произведения.

Художественная деталь является предметом научных исследований таких ученых, как М.М. Бахтин [1], Ю.М. Лотман [9], Н.И. Колодина [7].

Детали определяются по их главной содержательной функции в произведении [6].

Функционально-семантические характеристики детали зависят от текстотипологической принадлежности текста [2].

В острых характерных деталях схватывается эта изобразительная сконцентрированность, достигается четкость видения всего объекта. Обычно рассматривают роль и значение детали в художественном контексте целого и в связи с основными содержательными категориями творчества. В произведениях русских писателей и поэтов поражает наблюдательность и слой деталей, умение обрисовать облик человека, зверя, природы, вещи, передать переживание.

Уточняющий и изобразительный типы детали, служат передаче эмоционального состояния [4].

Здесь тонко прослеживается эстетический эффект художественной детали и в произведении и устанавливается содержание детали, в особенности то, что деталь несет на себе мысль, мотив и связи произведения. Для того, что почувствовать воздействие искусства необходимо, чтобы автор произведения находил те бесконечные моменты, из которых и складывается произведение искусства. Смысл, глубина и сила детали в том, что в бесконечное малое вмещается целое, иногда очень большое.

Ряд литературоведов считают, что подробность особенной формы и есть деталь. Разница между ними в степени лаконизма и уплотненности, а также в норме отбора. Деталь может заменять целый ряд мелких подробностей.

Классики русской литературы, Л. Толстой, Ф. Достоевский, И. Тургенев, А. Чехов и другие находят тончайшие способы для передачи глубинной правды человеческого характера. В их произведениях каждая частичка эстетически и психологически значима, специфична, проникнута глубоким смыслом.

Художественная деталь ценна тем, что тонко соответствует самому главному в образе – его внешнего склада, шаблонности, тривиальности его переживаний, личных эмоций, свойственности, психологии. Она тяготеет к выразительности. Художественная деталь многоаспектна и полифункциональна [10].

По сравнению с подробностью деталь более содержательна. Всякая подробность в произведении связана с логикой развития показываемого. Все зависит от степени содержательной нагрузки.

К примеру, тропы средство выявления путем сравнения предметов, качеств, состояний. Троп может совпадать с деталью. Может сыграть роль простой подробности, осветить пространство.

Художественная деталь является репрезентативным средством обобщения, это есть четкость, наглядность. Она несет в себе общее, и по замыслу писателя должна проявиться самым лучшим образом.

Она вбирает в себя элементы речевой характеристики персонажей, описаний их жизни, быта [3].

Деталь есть первичное обобщение, оформленное художественным способом. Выразительность, живописность и липидарность детали определяется логической нагрузкой и целым рядом декораций и тонкостей, заключенных в образной системе произведения.

В фабуле изобразительности детали находится отбор характерности, моментальное или постепенное акцентирование выделение подробностей в соответствии логики идейного замысла произведения.

Для воспроизведения реалистичной картины жизни, в создании содержательных характеров, в утверждении жизненных идей имеют место конкретика, воздействие малых образов, как значимого звена в самой системе обобщений.

Многообразны, сложны содержательные связи деталей в художественной литературе. Они могут осуществляться на различных уровнях. Во-первых, правдивость деталей ценна и имеет первостепенную важность для документально точного изображения. Во-вторых, эстетический эффект, который связан с одновременностью и неразрывностью различных направлений восприятия.

Все конкретно-чувственные случайные детали, в которых раскрывается художественный образ, являются могучим рычагом для того, чтобы сосредоточить наше восприятие, весь наш эмоциональный аппарат на существенном, повторяющемся, общественно-типичном.

Выводы

Анализируя природу художественной детали и ее функции в литературе, мы пришли к следующему заключению:

Художественная деталь определяет главную содержательную линию произведения. Она представляет собой репрезентативное средство обобщения, которая оформлена художественным способом. Эта характерная черта, которая имеет самостоятельное значение и служит для более глубокого описания произведения.

В литературе художественная деталь занимает особое место. Ценность ее заключается в способности развешиваться в микро или макрообраз. В деталях жизнь персонажа произведения не только воспроизводится, но и познается, раскрывается во всей своей полноте. Детали демонстрируют изобразительную природу, наглядно передают переживания человека, обрисовывают облик человека, животного, описывают предметы.

Список источников

1. Бахтин М.М. Вопросы и литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 506 с.
2. Варлакова Е.А. Художественная деталь как средство создания образа персонажа в различных типах детективного текста // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2010. № 3. С. 66 – 69.
3. Гусева Е.В. Национальный колорит как категория художественного текста и ее языковое выражение // Вестник Поволжской государственной социально-гуманитарной академии. Факультет иностранных языков. Самара, 2010. Вып. 10. С. 79 – 84.
4. Гусева Е.В. Художественная деталь как жанрообразующий признак // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 2 (6). С. 1502 – 1508.
5. Жаворонок И.А. Художественная деталь и её функции в творчестве Л.Е. Улицкой: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.2. Тверь, 2012. 19 с.
6. Кельбеханова М.Р. К вопросу об определении понятия художественной детали произведения // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 8. С. 27 – 30.
7. Колодина Н.И. Художественная детали как средство текстопостроения, вовлекающее читателя в рефлексивный акт: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.2. Тверь, 1997. 16 с.
8. Колодина Н.И. Художественная деталь как средство текстопостроения, вовлекающее читателя в рефлексивный акт: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.2. Тверь, 1997. 16 с.
9. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. 1970. 384 с.
10. Сараева А.Д. Деталь как жанрообразующий элемент научно-фантастического текста // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 2 (2). С. 485 – 487.

References

1. Bakhtin M.M. Problems of Literature and Esthetics. Studies from Different Years. Moscow: Fiction, 1975. 506 p.
2. Varlakova E.A. Artistic Detail as a Means of Creating a Character Image in Various Types of Detective Texts. Bulletin of the St. Petersburg University of Economics and Finance. 2010. No. 3. P. 66 – 69.

3. Guseva E.V. National Color as a Category of Artistic Text and Its Linguistic Expression. Bulletin of the Volga Region State Academy of Social Sciences and Humanities. Faculty of Foreign Languages. Samara, 2010. Iss. 10. P. 79 – 84.
4. Guseva E.V. Artistic Detail as a Genre-Forming Feature. Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2012. Vol. 14. No. 2 (6). P. 1502 – 1508.
5. Zhavoronok I.A. Artistic detail and its functions in the works of L.E. Ulitskaya: Diss. ... Cand. of Philological Sciences: 5.9.2. Tver, 2012. 19 p.
6. Kelbekhanova M.R. On the issue of defining the concept of artistic detail in a work. Bulletin of Philological Sciences. 2024. Vol. 4. No. 8. P. 27 – 30.
7. Kolodina N.I. Artistic detail as a means of text construction, involving the reader in a reflective act: Diss. ... Cand. of Philological Sciences: 5.9.2. Tver, 1997. 16 p.
8. Kolodina N.I. Artistic detail as a means of text construction, involving the reader in a reflective act: diss. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.2. Tver, 1997. 16 p.
9. Lotman Yu.M. The structure of the fiction text. 1970. 384 p.
10. Saraeva A.D. Detail as a genre-forming element of a science fiction text. Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2013. Vol. 15. No. 2 (2). P. 485 – 487.

Информация об авторах

Кельбеханова М.Р., кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, nurselin7@mail.ru

© Кельбеханова М.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 316.62.8.2

¹ Магомедова А.Н.

¹ Дагестанский государственный университет

Деструктивное влияние Интернет-ресурсов на студенческую молодежь

Аннотация: в современном мире в последнее десятилетие использование интернета и социальных сетей заметно усилилось и такое явление стало «неотъемлемой частью» в повседневной жизни всех людей. Такое использование интернета и все возрастающее и прогрессирующее бурное развитие самого интернета стало мощным стимулом в развитии и в повседневной жизни всех людей. При помощи интернета люди стали без всяких затруднений налаживать знакомства, совершать многие жизненно необходимые действия. Например, онлайн закупки, получение образования и даже спокойно работать дома, используя удаленный доступ к сети.

Вместе с тем пользование интернетом сулит нам не только положительные стороны, но и имеет отрицательное воздействие и влияние на нашу повседневную жизнь. К негативным воздействиям можно отнести такие явления, как зависимость от интернета, кибербуллинг, социальная изоляция, киберсуицид, киберрасизм и тому подобные явления.

Кроме таких явлений в статье автор постарался показать отрицательные стороны воздействия интернета на существующую в настоящее время систему образования.

В нашей статье автор ставил задачей фиксацию и анализ всех психологических и социальных факторов и их воздействие на сознание учащейся молодежи при стабильном пользовании интернетом.

Ключевые слова: интернет, социальная сеть, кибербуллинг, киберрасизм, интернет-зависимость, интернет-риски, онлайн-мошенничество, молодежь

Для цитирования: Магомедова А.Н. Деструктивное влияние Интернет-ресурсов на студенческую молодежь // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 219 – 226.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Magomedova A.N.

¹ Dagestan State University

The destructive impact of Internet resources on the students

Abstract: in the modern world, in recent decades, the use of the Internet and social networks has noticeably increased and this phenomenon has become an “integral part” in the everyday life of all people. This use of the Internet and the ever-increasing and progressive rapid development of the Internet itself has become a powerful stimulus in the development and daily life of all people. With the help of the Internet, people began to make acquaintances without any difficulty and perform many vital actions. For example, online purchasing, getting an education, and even working quietly at home using remote network access.

However, using the Internet not only promises us positive aspects, but also has a negative impact and impact on our daily lives. Negative impacts include such phenomena as Internet addiction, cyberbullying, social isolation, cybersuicide, cyberracism and similar phenomena.

In addition to such phenomena, in the article the author tried to show the negative aspects of the impact of the Internet on the currently existing education system.

In our article, the author sets the task of recording and analyzing all psychological and social factors and their impact on the consciousness of students with stable use of the Internet.

Keywords: *Internet, social network, cyber bullying, cyber racism, Internet addiction, Internet risks, online fraud, youth*

For citation: Magomedova A.N. The destructive impact of Internet resources on the students. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 219 – 226.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Актуальность темы исследования: Компьютеры и интернет – несомненно, два из самых значительных достижений человечества, коренным образом изменившие наш мир. Их влияние пронизывает все сферы жизни: от научных открытий и образовательных процессов до повседневных рутинных задач и развлечений. Непосредственный и беспрепятственный доступ к информации, невероятные возможности коммуникации, – всё это стало реальностью благодаря развитию этих технологий.

Результаты трудов исследователей в данной сфере демонстрируют, что слишком частое пользование интернетом отрицательно сказывается на психологическое и эмоциональное состояние, приводит к его расстройству. Также это понижает степень реального физического взаимодействия, что неизбежно приводит к разрушению межличностных компетенций и опыта.

Возраст подростков является очень важным периодом в их жизни, когда происходит формирование основ общественного и общего развития каждого из них. Потому и понимание влияния интернета и высоких технологий на этот процесс является одной из главных и основных задач.

Правильное разрешение сложившейся проблемы или возникших вопросов имеет очень важное и жизненное значение в вопросах создания благоприятных основ для создания положительного и благополучного фундамента в обеспечении будущего подрастающего поколения. И не менее важной является и использование положительного опыта в формировании стратегии, которая бы базировалась на реальных данных и фактах.

Целью настоящего исследования является изучение и анализ воздействия интернет-сообщества на воспитание и становление мышления и взглядов современной молодежи и моделирование становления их мировосприятия и мировоззрения.

Новизна исследования: Настоящая статья является тоже частью общей концепции в развитии данной отрасли, внося свою лепту. Исследование соединяет воедино качественные характеристики и количественный анализ для изучения степени воздействия зависимости от глобальной сети на психическое состояние молодежи и их адаптацию к различным жизненным ситуациям и ролям. В настоящей статье в отличие от других исследований, которые рассматривали психологическое здоровье и зависимость от социальных сетей в отдельных ракурсах, указанные явления исследованы в едином аспекте, включая их взаимную связь и формы вмешательства для социализации подрастающего поколения.

Практическая значимость статьи заключается в том, проведенное исследование показало, что Интернет предлагает быстрый доступ к информации и облегчает общение, однако это довольно опасно, особенно для молодых пользователей. По этой причине пользователи должны знать об этом и с осторожностью относиться к любой информации, которую они встречают на просторах Интернет-ресурсов.

Материалы и методы исследований

При исследовании применялись и теоретический и эмпирический методы:

- накопление и систематизация информации;
- структурно-функциональное моделирование;
- эмпирический (обобщение опыта).

Результаты и обсуждения

Компьютеры и интернет – несомненно, два из самых значительных достижений человечества, коренным образом изменившие наш мир. Их влияние пронизывает все сферы жизни: от научных открытий и образовательных процессов до повседневных рутинных задач и развлечений. Реальный и без каких-либо ограничений доступ к глобальной сети интернет, информационным ресурсам и огромный потенциал общения –

это все сегодня возможно в связи с прогрессом в модернизации высоких технологий. Каждый из нас имеет возможность без ограничения поддерживать коммуникацию в онлайн режиме, осуществлять закупки услуг и товаров, не выходя за порог дома, воспользовавшись глобальной сетью интернет. Посредством интернета мы имеем возможность получить к любым образовательным ресурсам, архиву или библиотеке, которые нам не были ранее доступны.

Всемирная глобальная сеть сегодня является грандиозной мультимедийной платформой, библиотекой и электронным маркетом, которая соединена в одно целое. Но, в то же время эти высокие технологии не всегда идеальные. В довольно быстром развитии таких технологий и кроется его обратная сторона, которая содержит разного рода отрицательные общественные стороны. Тот громадный объем ресурса, который стал сегодня нам всем доступен, возможность действовать, скрывая свое настоящее имя или данные, благоприятствуют для злоупотреблений.

Видное место в медиапространстве глобальной сети принадлежит социальным сетям. Каждый индивид является социальным существом и с этим связано то, что платформы, действующие в режиме реального времени, стали площадкой для разного рода коммуникаций и взаимодействия.

Социальные сети – это онлайн-сервисы, которые дают возможность пользователям создавать личные профили, общаться друг с другом, делиться контентом (текстом, фото, видео), присоединяться к группам по интересам и участвовать в онлайн-сообществах. Они формируют сложные сети взаимосвязей и влияют на формирование личности и общественного мнения.

Но, однако, тут необходимо отметить, что социальные сети вызывают зависимость, могут снизить самооценку пользователя, также могут стать фактором, создающим не связанных с фактической жизнью и реальностью мировоззрением, ценностей жизни и еще больше способствовать социальной изоляции. Да и сама социальная сеть специально создается на таких платформах, которые чаще всего ориентируются на максимальное удержание пользователя в сети.

Чаще всего результатом таких действий является поглощение пользователя «информационными пузырями», т.е. пользователь сети имеет доступ и получает только такую информацию, подтверждающую его мировосприятие и мировоззрение, и он не видит других, отличающихся от его взглядов на жизнь, точек. Это чаще всего приводит к поляризации и радикализации. Кроме этого, все пользователи соцсетей могут стать объектами и предметами целевой аудиторной рекламы, сами того не подозревая.

По мнению исследователей в данной области, наиболее актуальными и требующими внимания проблемами в глобальной мировой сети являются:

- кибербуллинг: преследование потенциальных жертв на просторах интернет пространства, и эта проблема настолько серьезной стала, что уже приводит к суициду пользователей (жертв буллинга) или эти жертвы страдают сильными психологическими последствиями;

- груминг в сети: очень сильная, порой даже преступная, активность в онлайн сети, конечная цель которой – установление контакта с детьми для дальнего сексуального насилия над ним;

- ксенофобия и расизм: чаще всего проявляется в сообщениях и онлайн комментариях, являются сильными детонаторами радикализации и поляризации общества, способствующие для разжигания ожесточенных споров, нередко сопровождающимися взаимными оскорблениями.

Наряду с этим всемирная глобальная сеть сегодня превратилась и в платформу с очень благодатной почвой для разного рода и вида мошеннических действий.

Финансовые пирамиды, фишинговые атаки и фальшивые магазины для онлайн покупок в настоящее время превратились в реальную угрозу и проблему для тех, кто пользуется интернетом.

Мошенники стали применять очень сложные технические способы и методы для достижения своей цели в получении доступа к личным данным, денежным средствам неопытных и доверчивых людей. Иногда, даже очень продвинутые и с огромным жизненным опытом люди тоже становятся жертвами таких преступников. Благодатную почву для действий кибермошенников создает и современное состояние глобальной сети, в котором нет действенных и гарантирующих стопроцентный результат механизмов и алгоритмов регулирования и контроля за такими действиями.

Специалисты определяют онлайн мошенничество как хищение имущества или становление собственником чужого имущества в результате злоупотребления доверием или обмана в глобальной сети.

Можно выделить следующие виды интернет-мошенничества:

- фишинг: преступные действия, преследующие цель завладения конфиденциальной информацией доверчивых пользователей (чаще всего это пароли и логины), путем направления им поддельных электронных писем от известных фирм или компаний;

– фарминг представляет собой технологию, направляющую пользователей сети на сайты киберпреступников, используя вредоносные или «вирусные» ссылки;

– скам: создание фальшивых профилей, страниц, разного рода не существующих левых проектов для привлечения инвестиций и перечислений от благотворительных организаций или физических лиц, которые исчезают вместе с кибермошенниками;

– оказание не существующих услуг и реализация несуществующих товаров: публикация в сети интернет объявлений о таких акциях, фактически в реальности отсутствующих с непременной предоплатой от потребителей;

– мошенничество с применением социальной инженерии: кибермошенники пользуются психологическими методами для достижения своей цели – завладения личными данными и денежными средствами пользователей глобальной сети;

– электронные азартные игры представляют собой такие игры, в которых победа участника всецело зависит от чистой случайности, проводятся в основном с применением электронных средств и устройств. К числу таких игр можно отнести онлайн казино, бинго игры или онлайн лотореи, виртуальные карточные игры или рулетка и прочие. Отрицательное воздействие таких игр на подростков проявляется в том, что это вызывает зависимость, приводящее нередко к очень серьезным финансовым проблемам, рушатся и разрушаются взаимоотношения. Слишком частое участие в таких играх очень часто снижает способность человека принимать решение или снижается концентрация внимания. Проигрыш может вызвать стресс, тревогу и депрессию, особенно у молодых людей, которые ещё не умеют справляться с неудачами.

Постоянно растущее использование компьютеров и цифровых технологий оказывает существенное негативное влияние на физическое и психическое здоровье человека, затрагивая практически все системы организма и, приводя к снижению качества жизни. Это не просто временные неудобства, а серьезные проблемы, требующие пристального внимания, как со стороны пользователей, так и со стороны медицины и общественных организаций.

Рассмотрим подробнее наиболее распространённые физические последствия длительной работы за компьютером.

Сидячий образ жизни и его многогранные последствия. Проблема далеко выходит за рамки банальной «плохой осанки». Длительное сидение за компьютером приводит к гиподинамии – недостатку физической активности. Это, в свою очередь, вызывает целый каскад негативных последствий.

Проблемы с позвоночником, остеохондроз, сколиоз, межпозвоночные грыжи – все эти заболевания возникают из-за постоянного статического напряжения мышц спины и неправильного распределения нагрузки на позвоночник. Сидячая поза приводит к деформации позвоночника, что влечет за собой боли в спине, шее, головные боли и ограничение подвижности. Более того, длительное сидение способствует сдавливанию нервных окончаний, что может вызывать парестезии (онемение, покалывание) в конечностях.

Ожирение и метаболический синдром. Недостаток физической активности в сочетании с часто увеличивающимся потреблением высококалорийной пищи, которую часто заказывают онлайн, приводит к избыточной массе тела и ожирению. Это, в свою очередь, повышает риск развития сердечно-сосудистых заболеваний, диабета и других, опасных для жизни патологий. Сидячий образ жизни замедляет метаболизм, что также способствует накоплению жира.

Проблемы с кровообращением. Длительное сидение препятствует нормальному кровообращению в нижних конечностях, что может привести к варикозному расширению вен, тромбозам и другим заболеваниям сосудов. Застой крови также негативно влияет на работу внутренних органов.

Проблемы с пищеварением. Сидячий образ жизни нарушает работу желудочно-кишечного тракта, способствуя запорам, метеоризму и другим диспепсическим расстройствам.

Проблемы со зрением: цифровая астигматизация и её проявления. Чрезмерное использование компьютеров и гаджетов приводит к развитию «цифровой астигматизации» – синдрома зрительного напряжения, который характеризуется усталостью глаз. Постоянная фокусировка на близком расстоянии приводит к переутомлению глазных мышц, что проявляется в ощущении жжения, сухости, покраснения и боли в глазах.

Сухость глаз. Длительная работа за компьютером приводит к уменьшению частоты моргания, что вызывает высыхание слизистой оболочки глаза.

Ухудшение зрения. В долгосрочной перспективе, постоянное напряжение глаз может привести к развитию близорукости, дальнозоркости и других рефракционных нарушений. Синий свет, излучаемый экранами, также негативно влияет на сетчатку глаза, увеличивая риск возрастной макулярной дегенерации. Важно помнить о необходимости регулярных перерывов, использовании специальных очков и правильном освещении рабочего места.

Психологические проблемы, выходящие за рамки стресса. Влияние цифровых технологий на психику сложно переоценить. Регулярное посещение страниц всемирной паутины не только приводит к психологическому стрессовому состоянию человека и вызывает у него тревожность, но также может и повлечь намного худшие последствия.

Тревожное состояние. Регулярное использование глобальной сети интернет и льющийся при этом поток информации приводит к напряженному состоянию организма в связи с тревогой от того, что возникает потребность «находиться постоянно в зоне доступности».

Депрессия. Не секрет, что страницы социальных сетей во всемирной паутине довольно часто выдают не достоверную, а иногда искаженную и искаженную информацию и картину. И это очень часто вызывает у пользователей некоторое чувство безвыходности и безысходности, они чувствуют себя одинокими. И на этой почве снижается самооценка, что является прямой дорогой к усилению психологического дискомфорта и угнетенному состоянию.

Зависимость от интернета. Бесперывное увлечение и посещение страниц интернета и социальных сетей вызывает у человека полную потребность и зависимость, аналогичной наркологической или алкогольной зависимостью. Такое состояние мы можем заметить в человеке, который практически не контролирует свое время, не видит ничего происходящее вокруг и практически оторван от реальной жизни. Он не видит, что он деградирует. И это в настоящее время становится очень актуальной и важной проблемой.

Постоянное сравнение себя с другими в социальных сетях приводит к страху упустить что-то важное, что вызывает чувство тревоги и неудовлетворенности.

Зависимость от технологий и её влияние на физическое здоровье. Зависимость от интернета и гаджетов имеет не только психические, но и физические последствия. Люди, страдающие от этой зависимости, зачастую пренебрегают физической активностью, сном, здоровым питанием, что приводит к снижению иммунитета, ухудшению физической формы и развитию хронических заболеваний.

Для предотвращения этих проблем необходим комплексный подход, включающий в себя: регулярную физическую активность, правильную организацию рабочего места, контроль времени, проводимого за компьютером, регулярные перерывы, здоровое питание, достаточный сон и осознанное использование цифровых технологий.

Мы считаем, что является важным акцентировать внимание и на то, что консультации со специалистами, а именно: психологами, врачами тоже способствует скорейшему обнаружению таких отрицательных воздействий и помогут в разрешении проблем, которые возникают из-за непрерывного времяпровождения в глобальной сети или в социальных сетях. Тут самое главное, что каждый пользователь сети должен знать, что высокие технологии созданы для того, чтобы быть полезными для людей и должны служить людям.

Отрицательное воздействие сети интернета на образовательную систему. Образовательная система тоже не стала исключением, как и все остальные отрасли тоже находится под сильным воздействием глобальной сети. Это воздействие имеет и положительные аспекты, и отрицательные стороны. Тут мы остановимся более подробно на отрицательном воздействии всемирной паутины на систему образования и просвещения.

Перенасыщение и переизбыток информации. Казалось бы, что возможность использовать доступность огромной информации и есть огромный «плюс» для пользователей сети и обучающихся. Но такая доступность приводит к избытку получаемого потока информации, ее перенасыщению. При таком переизбытке информации у лиц, которые проходят обучение, возникают существенные трудности от фильтрации такого информационного потока. При затруднении выявления качественной информации среди общего потока и определения объективности самой информации и ее достоверности пользователь сталкивается с реальными проблемами и это приводит к следующему:

- не корректному восприятию информации: обучающиеся используют недостоверную, неточную и непроверенную информацию, такие действия чаще всего чреваты неправильным восприятием сути изучаемой темы и искажению фактов и реальной картины;

- подросток или обучающийся, постоянно пользующийся глобальной сетью, начинает терять способность анализировать полученную информацию из-за ее переизбытка, так он начинает ориентироваться на общедоступную и поверхностную информацию.

Подражание и заимствование. Всемирная паутина имеет очень сильно упрощенную систему, при помощи которой любой человек может получить любую информацию. Но в то же время такой упрощенный доступ и создал обучающимся возможность для заимствования. То обстоятельство, что любой человек одним нажатием кнопки может легко копировать и добавить себе в работу любые отрывки текста приводит к нижеперечисленному негативу:

– слабая уникальность создаваемого труда (магистерской диссертации, курсовой работы, реферата и т.д.) максимально снижают желание и способность высказать свои соображения и мысли, так как студент надеется и рассчитывает на чужие идеи;

– возможность заимствования очень тесно связана и добросовестностью, и этикой, потому что выявление таких заимствований резко снижает качество оценок самого студента, снижает его практический авторитет и чреват для него многими проблемами, связанными с успеваемостью.

Недостаток концентрации и внимания. Всемирная сеть сегодня является кладезью всякой информации, вместе с полезной нужной информацией там же любой пользователь может найти и всякие игры и многое для развлечений. Такое «соседство» и множество информации создают реальную почву для снижения внимания, человек не может сосредоточиться на необходимом, также попытки выполнения нескольких действий одновременно и постоянного переключения: сидеть в социальной сети и учить материал заметно уменьшает способность и возможность выучить и усвоить изучаемый материал.

Социальная изоляция. Глобальная сеть, как мы уже говорили, расширяет круг знакомства и общения, но в то же время интернет способствует к тому, чтобы пользователь самоизолировался от общества. Такая самоизоляция выражается в следующем:

– студенты практически перестают физически общаться между собой, виртуальное общение становится для них более предпочтительней, чем физический контакт и прямое общение, а это прямо связано с развитием интеллекта и социальных навыков;

– привязанность студента к виртуальному миру и его зависимость от социальных сетей развивает в нем чувство одиночества и отсутствие физического общения со сверстниками и реальными людьми отрицательно воздействует на его психологическое и эмоциональное состояние.

Разные возможности для получения информации. Всемирная глобальная сеть сама не ограничивает доступ к информации, но в то же время не все студенты имеют одинаковые возможности для получения доступа к ней. Неравные возможности для доступа к интернету обусловлены прежде всего тем, что высокоскоростным интернетом не обеспечены отдаленные населенные пункты. А это существенно ограничивает возможность пользования всемирной паутиной и получения образования дистанционно.

При этом очень сильно увеличивается разрыв в обучении между студентами, у которых разные возможности доступа к информации и сети. Такой разрыв существенно влияет и сказывается на результатах обучения и ставится некоторым дополнительным препятствием к получению качественного образования.

Зависимость от развитых технологий. Сегодня весь процесс получения образования и обучения студентов очень сильно зависит от техник и самих технологий. Ограничения сети, сбои в работе сети и программного оборудования, обеспечивающего доступ к сети, а также и возникающие трудности подключения к глобальной сети очень сильно сказывается на психологическом здоровье и нервной системе пользователей. Нарушение процесса обучения и образования провоцируют стрессовые ситуации пользователей, преподавателей и самих обучающихся. Еще одним существенным отрицательным фактором может явиться и то, что студенты могут стать полностью зависимыми от техники и технологий, что очень сильно снижает их мыслительные и интеллектуальные способности.

Выводы

Воздействие всемирной глобальной сети на образовательную систему является разносторонним и многообразным.

Интернет с одной стороны предоставляет собой ценный клад, с огромными и самыми разнообразными источниками знаний и информации, но в то же время отрицательные стороны его тоже требуют нашего пристального внимания.

Мы считаем, что найти равновесие между обычными методами образования и с использованием высоких технологий очень актуальная и важная сегодня задача. Главное – чтобы обучающийся смог развить свои когнитивные способности и мышление.

И подытоживая статью необходимо отметить, что интернет – это явление многогранное. Одна грань этого явления дает нам возможность получить неограниченный доступ к множеству источников различной информации, а другая сторона ее – открытые и скрытые вызовы обществу, угрозы и масса неприятностей для обычного рядового пользователя. И чтобы остаться в выгодном положении и не стать жертвами отрицательных сторон, прежде всего, необходимо регулярно обновлять и развивать механизм защиты от таких угроз и каждый день развивать грамотность в сфере высоких технологий всех людей – пользователей интернета.

Только в этом случае мы сможем полностью реализовать потенциал этой революционной технологии, минимизировав при этом риски и угрозы, с которыми она связана.

Список источников

1. Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е., Смылова О.В. Интернет: воздействие на личность. Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. 432 с.
2. Балонов И.М. Компьютер и подросток. М., 2002.
3. Статистика интернет-зависимости у российских подростков. URL: <http://security.mosmetod.ru/internet-zavisimosti/127-statistika-internet-zavisimosti-u-rossijskikh-podrostkov> (дата обращения: 20.08.2025).
4. Веретельник И.А. Функционирование СМИ-иноагентов в современной медиасреде России (на примере издания «Медуза» и телеканала «Дождь») // Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2021. С. 148 – 153.
5. Грабельников А.А. Деструктивные медиа в эпоху цифровизации. Журналистика в эпоху цифровых трансформаций: ценности и практики: сборник материалов X Международной научно-практической конференции. 2022. С. 8 – 19.
6. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Дренёва А.А., Илюхина С.Н. Мы в ответе за цифровой мир: Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете: учебно-методическое пособие. М.: Когито-Центр, 2019. 176 с.
7. Король Д.П., Рахманова Е.Н. Несовершеннолетнее лицо как субъект преступлений в сети Интернет: материалы Всероссийского студенческого круглого научно-практического стола с международным участием «Киберпреступность: риски и угрозы». Санкт-Петербург, 11 февраля 2021 года. СПб: Астерион, 2021. 236 с. URL: <https://spec-nwb.rgup.ru/rimg/Nauka/Seminar%20and%20conf/11.02.2021/Sbornik.Kiberprestupnost.pdf> (дата обращения: 22.08.2025).
8. Ульянов М.В. Противодействие преступности в сфере информационно-коммуникационных технологий в условиях применения карантинных мер // Национальная безопасность. Notabene. 2020. № 2. С. 52 – 61. URL: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc/article/download/6694/4641> (дата обращения: 29.08.2025).
9. Харламова Д.А. К вопросу о влиянии деструктивных групп сети «Интернет» на несовершеннолетних в современных реалиях: материалы МСНК «Студенческий научный форум 2022». 2022. № 11. С. 54 – 56.
10. Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыровяшина К.В. Психологические, социальные и информационные аспекты нападения несовершеннолетних на учебные заведения // Психология и право. 2020. № 10 (2). С. 97 – 110.
11. Лангман П. Почему дети убивают. Что происходит в голове у школьного стрелка. М.: Бомбора, 2021. 304 с.
12. Пучнин А.В., Пучнина М.Ю. Влияние деструктивного интернет-контента на формирование колумбайн-идей среди несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (91). С. 115 – 120.

References

1. Babaeva Yu.D., Voiskunsky A.E., Smyslova O.V. The Internet: Its Impact on Personality. Humanitarian Research on the Internet. Edited by A.E. Voiskunsky. Moscow: Mozhaik-Terra, 2000. 432 p.
2. Balonov I.M. Computer and Teenager. Moscow, 2002.
3. Statistics on Internet Addiction in Russian Teenagers. URL: <http://security.mosmetod.ru/internet-zavisimosti/127-statistika-internet-zavisimosti-u-rossijskikh-podrostkov> (date of accessed: 20.08.2025).
4. Veretelnik I.A. The Functioning of Foreign Agent Media in the Contemporary Russian Media Environment (Based on the Meduza Publication and the Dozhd TV Channel). The Legacy of Yu.I. Seleznev and Current Issues in Journalism, Criticism, Literary Studies, and History: Proceedings of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Krasnodar: KubSU Publishing House, 2021. P. 148 – 153.
5. Grabelnikov A.A. Destructive Media in the Digital Era. Journalism in the Era of Digital Transformations: Values and Practices: Collection of Materials from the X International Scientific and Practical Conference. 2022. P. 8 – 19.
6. Soldatova G.U., Chigarkova S.V., Dreneva A.A., Ilyukhina S.N. We are responsible for the digital world: Prevention of destructive behavior of adolescents and young people on the Internet: a teaching aid. Moscow: Kogito-Center, 2019. 176 p.

7. Korol D.P., Rakhmanova E.N. Minors as subjects of crimes on the Internet: Proceedings of the All-Russian student round table scientific and practical discussion with international participation "Cybercrime: risks and threats". St. Petersburg, February 11, 2021. St. Petersburg: Asterion, 2021. P. 47 – 50. URL: <https://spec-nwb.rgup.ru/rimg/Nauka/Seminar%20and%20conf/11.02.2021/Sbornik.Kiberprestupnost.pdf> (date of accessed: 22.08.2025).

8. Ulyanov M.V. Combating Crime in the Sphere of Information and Communication Technologies in the Context of Quarantine Measures. National Security. Notabene. 2020. No. 2. P. 52 – 61. URL: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc/article/download/6694/4641> (date of accessed: 29.08.2025).

9. Kharlamova D.A. On the Influence of Destructive Internet Groups on Minors in Modern Realities: Proceedings of the International Scientific Conference "Student Scientific Forum 2022". 2022. No. 11. P. 54 – 56.

10. Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V. Psychological, Social, and Informational Aspects of Attacks by Minors on Educational Institutions. Psychology and Law. 2020. No. 10 (2). P. 97 – 110.

11. Langman P. Why Children Kill: What's Going on in the Head of a School Shooter. Moscow: Bombora, 2021. 304 p.

12. Puchnin A.V., Puchnina M.Yu. The Impact of Destructive Internet Content on the Formation of Columbine Ideas Among Minors. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3 (91). P. 115 – 120.

Информация об авторах

Магомедова А.Н., кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, an-dsu@mail.ru

© Магомедова А.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81'367.623:81'246.3

¹ Мокшенинова О.М.

¹ Оренбургская православная гимназия им.
св. прав. Иоанна Кронштадтского

Дискурсивные практики как знак репрезентации знания русско-церковнославянской языковой личности

Аннотация: статья посвящена феномену русско-церковнославянской языковой личности на основе дискурсивных практик как знака репрезентации знаний – согласно специфике этапов развития, которое происходит на трех основных уровнях. Основные задачи исследования заключаются в описании понятия о дискурсе применительно к языковой личности, трактуемой в работе как русско-церковнославянская, а также представление дискурсивных практик как знака репрезентации знания русско-церковнославянской языковой личности слов и их толкования, синтаксических конструкций церковнославянского языка и специфики их перевода на русский язык. В работе дискурс рассматривается как особая форма использования языка, в процессе которого создается текст, регистрирующий коммуникативное проявление русско-церковнославянской языковой личности в письменной форме. Так как каждый дискурс имеет свои адресатов, в работе учитывается факт подготовленности коммуникантов к восприятию информации на семантическом, прагматическом и интеракционном уровнях. Особое внимание уделено роли метаязыкового типа коммуникации, в основе которого лежит передача общественного опыта осмысления идентификации языковых единиц, понимаемых как главные концепты славянской языковой картины мира, а также репрезентации знания стереотипных конструкций церковнославянского языка – «Дательный падеж с инфинитивом» и «Дательный самостоятельный» как способов выражения ментальности обозначенной картины мира.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивные практики, репрезентация, русско-церковнославянская языковая личность, лингвокреативность, идентификация языковых единиц, синтаксические обороты с дательным падежом

Для цитирования: Мокшенинова О.М. Дискурсивные практики как знак репрезентации знания русско-церковнославянской языковой личности // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 227 – 232.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Moksheninova O.M.

¹ Orenburg Orthodox Gymnasium named
after St. John of Kronstadt

Discursive practices as a sign of representation of knowledge in the Russian-Church Slavonic linguistic personality

Abstract: this article explores the phenomenon of the Russian-Church Slavonic linguistic personality based on discursive practices as a sign of knowledge representation, according to the specific stages of development, which occurs at three main levels. The main objectives of the study are to describe the concept of discourse in relation to the linguistic personality, interpreted in the paper as Russian-Church Slavonic, and to present discursive practices as a

sign of the representation of the Russian-Church Slavonic linguistic personality's knowledge of words and their interpretation, syntactic constructions of the Church Slavonic language, and the specifics of their translation into Russian. The paper considers discourse as a special form of language use, which involves the creation of a text that registers the communicative manifestation of the Russian-Church Slavonic linguistic personality in written form. Since each discourse has its own addressees, the paper takes into account the fact that communicants are prepared to perceive information at the semantic, pragmatic, and interactional levels. Particular attention is given to the role of metalinguistic communication, which is based on the transfer of social experience in understanding the identification of linguistic units understood as the main concepts of the Slavic linguistic worldview, as well as the representation of knowledge of stereotypical Church Slavonic constructions – the "Dative Case with Infinitive" and the "Dative Independent" – as ways of expressing the mentality of this worldview.

Keywords: *discourse, discursive practices, representation, Russian-Church Slavonic linguistic personality, linguo-creativity, identification of linguistic units, syntactic phrases with the dative case*

For citation: Moksheninova O.M. Discursive practices as a sign of representation of knowledge in the Russian-Church Slavonic linguistic personality. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 227 – 232.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Церковнославянский язык является основополагающей составляющей богослужебного опыта православных христиан [2, с. 41]. Научный интерес исследования церковнославянского языка представляет, среди прочих, область применения его ресурсов в дискурсивных практиках языковой личности, где осуществляется репрезентация знания русско-церковнославянской языковой личности тезауруса генетически родственных языков и сознательное включение его в индивидуальный дискурс. В данной работе под дискурсом понимается речь, которая, по определению Н.Д. Арутюновой, погружена в жизнь [1, с. 137]. Поскольку целью описания дискурса является выражение особой ментальности [14, с. 38-39] носителя двух генетически родственных языков, язык видится в действии и является главной его составляющей [11, с. 529-530]. По мнению Е.С. Кубряковой, конкретный тип дискурса оказывает влияние на создание идеального адресата, который отличается от просто воспринимающего дискурса [11, с. 529]. Применительно к данной работе подобным идеальным адресатом выступает русско-церковнославянская языковая личность, подготовленная к репрезентации знания лексического значения церковнославянских словесных единиц, особенности их включенности в синтаксические обороты, а также специфики перевода на русский язык.

Таким образом, адресаты дискурсивных практик обнаруживают готовность к рецепции семантико-грамматических структур на семантическом, прагматическом и интеракционном уровнях [9, с. 530].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования выступают дискурсивные практики как знак репрезентации знания деятельно-коммуникативных потребностей русско-церковнославянской языковой личности. В работе применены сопоставительный, исторический методы, а также сравнение слов как знак идентификации.

Результаты и обсуждения

Описание дискурсивных практик как знака репрезентации знания русско-церковнославянской языковой личности специфики перевода на русский язык слов и синтаксических конструкций «Дательный падеж с инфинитивом» и «Дательный самостоятельный» являются целью настоящей работы. Рассмотрение русско-церковнославянской языковой личности представлено в дискурсивных практиках как знаке описания славянской языковой картины мира, согласно которой строятся адресно направленные высказывания, содержащие свойственные церковнославянскому языку обозначенные синтаксические конструкции.

Способность генетически родственных языков к созданию своей языковой картины мира, отражение тесного взаимодействия русского и церковнославянского языков позволяют ввести понятие русско-церковнославянской языковой личности и проанализировать дискурсивные практики как знак, объективирующий потенциальные возможности указанной личности на разных уровнях: вербально-семантическом, лингво-когнитивном и мотивационном [9, с. 24] для репрезентации славянской картины мира.

Поскольку репрезентация знания русско-церковнославянской языковой личности наблюдается в формате двух типов коммуникации – прагматической и метаязыковой, им в исследовании отведено приоритетное место, а описание проиллюстрировано множествами «Русский язык» и «Церковнославянский язык».

Прагматическая коммуникация проявляется в демонстрации обмена личными дискурсами. Актуальность метаязыковой коммуникации подтверждается опытом сообщения важных общественных сведений, обусловленных репрезентацией знания семантики слов генерализованного высказывания участниками дискурса [6, с.144].

Дискурсивные практики отражают связь толкования как идентификации языковых единиц и перевод одних единиц в другие как знаний, накопленных обществом. Метаязыковая функция актуализирует репрезентацию знания в речи, процесс которой свидетельствует о формировании семантики словесных знаков. Процесс идентификации слов в дискурсивных текстах как знак репрезентации знания русско-церковнославянской языковой личности связан с контекстом речи (дискурса), демонстрирующим описание готовности русско-церковнославянской личности к рецепции семантико-грамматических структур и названным в работе поясняющей идентификацией. Она оформлена в дискурсивных практиках посредством репрезентации знания русско-церковнославянской языковой личностью определения слов и синтаксических конструкций.

Стереотипы или паттерны церковнославянского языка содержат немало подобных устройств, которые его характеризуют. Они включают модели словосочетаний и предложений [9, с. 26]. В настоящей работе представлено описание некоторых из них – это синтаксические конструкции «Дательный падеж с инфинитивом» и «Дательный самостоятельный» [8, с. 122]. Их нет в русском языке, поэтому рассмотрение специфики их вкрапления в индивидуальный дискурс и перевода на русский язык особенно значимо при описании дискурсивных практик репрезентации их знания русско-церковнославянской языковой личностью.

Конструкция «Дательный падеж с инфинитивом» состоит из именной части речи, выраженной дательным падежом и сочетающейся с глаголом в форме инфинитива [13, с. 21]. Ее перевод осуществляется при помощи придаточного предложения в случае, если его нельзя перевести буквально. Другой особенностью данной конструкции выступает употребление ее с безличными глаголами: подобаетъ и бѣсть (в значении «случилось») и др.: Бѣсть же и въ дргю сбѣвѣт вѣсти ѿмъ въ сонмище и учѣти; подобаетъ снѣу человеческому пострадати [7, с. 119]. Взгляд на генерализованное высказывание с точки зрения включенных в него концептов позволяет выделить следующие: снѣу, человекъ, пострадати. Анализ этих концептов и их пересечений с близкими им по смыслу концептами плачущи в дискурсивных практиках позволяет идентифицировать каждую единицу, иллюстрируя контекстом их применения в генерализованных высказываниях и личном дискурсе (таблица 1).

Таблица 1

Анализ концептов.

Table 1

Concept analysis.

Дискурсивные практики	
Множество «Церковнославянский язык»	Множество «Русский язык»
снѣу человеческому	Известны варианты – чловечскъ и чловець, соответствующие греческому <i>ἀνθρωπος</i> [13]. Однако слово род связано с чловець (чловець) [10, с. 152]. Выражение сынъ чловецьскъ употребляют по отношению к Христу, различие в степени притяжательности отражает отличие по отношению к роду и лицу. Человек является частью рода (чловець), личность же отчуждена от рода, лишь принадлежит ему, обозначая в языке форму чловецьскъ [10, с. 153]
плачущи	Бжени плачущи: <i>ἡκω τῆι ὑτῆшатсз</i> – В греческом евангельском тексте слово <i>πενθοῦντες</i> переведено как «плачущие» [13, с. 107]. Оно характеризует скорбь, являющуюся следствием страданий и соединенную с пролитием слез. Существительное <i>πένθο</i> связано с <i>πάσχω</i> – «страдаю». Оно означает горе, траур, сокрушение об утрате бесконечно дорогого. Обычно это слово употребляется тогда, когда речь идет о смерти [13, с. 102]
пострадати	Терпеть мучение, <i>πάσχω</i> [Сед]: И# речЕ и5мъ, <i>ἡκω</i> такw пи1сано е4сть, и3 такw подобаше пострадати хгтY и3 воскгнуги t мертвыхъ въ третій день

Дискурсивные практики как знак репрезентации знания русско-церковнославянской языковой личности конструкции «Дательный падеж с инфинитивом» демонстрируют ее употребление с союзами: вгдѣ, *ἡκω* (в значении «так что») (таблица 2).

Таблица 2

Межъязыковые соответствия.

Table 2

Interlingual correspondences.

Множество «Церковнославянский язык»	Множество «Русский язык»
Межъязыковые соответствия	
Дательный падеж	Именительный падеж
Инфинитив	Глагол (время глагола выбирается по смыслу контекста)
Ўслѣши мѦ гДи, внигда възвати ми2 къ тебѣ	При переводе нужно поставить союз так, чтобы, когда, так что и др.: Услышь меня, Господи, когда я буду взывать к Тебе
ми2 возвати	я воззову, буду взывать

Использование названных синтаксических конструкций осуществляется не только в практике переводов, но и личном дискурсе при составлении текстов, включающих обозначенные обороты. Потенциал русской и церковнославянской языковых систем является основой лингвокреативности русско-церковнославянской языковой личности, которая находит свое отражение в индивидуальный дискурсе, оформленном в виде дискурсивных практик. Благодаря лингвокреативности можно наблюдать «личность в языке», в процессе владения им [4, с. 15].

Дискурсивные практики.

Воспоминания детства наполнены лесными ароматами разнотравья, словно уместились в сердце поля и луга, леса и тропы, по которым временами ходишь по-прежнему и сейчас каким-то неясным образом. Детство всегда живет в тебе, оно имеет особую память – сердца. Оно зрячее – видит несказанное, помнит, сокровенное. Как-то бабушка привела нас с сестрой в гости к своей тете Марии – тайной монахиней, жившей в селе Андреевка в домике, построенном для нее крестником. Разговоры бабушек я не запомнила. Правда, сердце навсегда услышало дыхание другого мира: он жил в горнице, где все было иным, отличным от того, что мы видели в городе: небольшие нехитрые предметы быта – печка, сундук, столик и кровать, но главным предметом был образ Богородицы, перед Которым горела лампада. В домике вместе с хозяйкой жила Тишина. Прошло время, но воспринятое хранится в тайниках сердца. Помянешь давно ушедших бабушек, тихо польется молитва: Ўслѣши мѦ гДи, внигда възвати ми2 къ тебѣ (Варя, 15 лет).

Синтаксический оборот «Дательный самостоятельный» выражается сочетанием именной части речи, стоящей в форме дательного падежа, и согласующейся с ней формой причастия (в роде, числе и дательном падеже). Являясь частью простого предложения, с точки зрения смысла данный оборот выступает как самостоятельное предложение с логическим субъектом, выраженным именем существительным в дательном падеже и логическим сказуемым – причастием в дательном падеже, которые, однако, не всегда соответствуют фактической грамматической основе [3, с. 99]. Как отмечает Н. Афанасьева, главное действие подобного церковнославянского высказывания осуществляется на фоне действия второстепенного: оно определяется посредством подчинительного действия обстоятельства времени, условия, причины или следствия, в результате чего оказывается возможным течение главного действия, поэтому «Дательный самостоятельный» переводится на русский язык придаточным предложением в обстоятельном значении [3, с. 99].

Дискурсивные практики содержат примеры наблюдения подобного синтаксического оборота в генерализованных высказываниях, определения обстоятельственного значения придаточных предложений, входящих в их состав, а также идентификацию слов, оформляющих содержание притчи о блудном сыне (таблица 3).

Таблица 3

Дискурсивные практики.

Table 3

Discursive practices.

Множество «Церковнославянский язык»	Множество «Русский язык»
Дискурсивные практики	
И#жи1вшу же є3м҃Ѹ всЕ, б҃хсть гладь крѣпокъ на странѢ т0й	Когда же он все изжил, в той стране настал сильный голод
Е#ще же є3м҃Ѹ далече сущу, ѹзрѣ̑ є3го2 птец҃ь є3гw2, и3 ми1ль є3м҃Ѹ б҃хсть, и3 текъ нападЕ на в҃ню є3гw2, и3 ѡблобызА є3го2	Когда же он был еще далеко, увидел его отец его, и сжалился над ним [13, с. 171].
ми1ль (є3м҃Ѹ б҃хсть)	Вызывающий жалость, сжалился над ним [13, с. 171]
Блуди1ти (блужд҃Ѹ), соблуди1ти (соблужду). 1. Блуждать, сбиться с пути, плутать, <i>πλαναω</i> . 2. Изменять Богу, поклоняться идолам, (<i>εχ</i> -) <i>πορνεω</i> . 3. Воставше людіе сїи соблудзть во слѣдь богНвѣ чужди1хъ [11, с. 45]	Анализ словарных статей показывает различие церковнославянского блуди1ти и русского блудить. Русское блудный – заблудший, сошедший с праведного пути [15, с. 1042]
Церковнославянское избывати выступает в двух значениях – избывати, из3б҃hti. 1. Освободиться от чего-либо, избавиться, <i>απαλλατσοα</i> . 2. Избыточествовать, быть в изобилии <i>περισσευω</i>	Русское избыть означает «избавиться, освободиться от чего-нибудь, устранить от себя»: Уж коли горе пить, так лучше сразу, чем медлить, а беды медленьем не избыть [15, с. 1143]
В греческом оригинале блудный – <i>ασώτος</i> , что значит распутный, беспутный, расточительный, но еще точнее и буквально – потерянный, погибший, неспасенный. Это слово – однокоренное со словами <i>σωτήρ</i> или <i>σωτηρία</i> (спаситель, спасение), а приставка <i>α-</i> здесь означает отрицание указанного состояния [15, с. 63]	

Выводы

Итак, выше рассмотрено понятие дискурса применительно к русско-церковнославянской языковой личности. Дискурсивные практики представлены как особая форма идентификации словесных единиц двух генетически родственных языков из генерализованных высказываний прецедентных текстов. Идеальным адресатом выступает русско-церковнославянская языковая личность, репрезентирующая знания толкования церковнославянских единиц, входящих в синтаксические обороты «Дательный падеж с инфинитивом» и «Дательный самостоятельный» с учетом направленной на подготовленных к подобной информации адресатов.

Таким образом, адресаты дискурсивных практик обнаруживают готовность к рецепции семантико-грамматических структур на семантическом, прагматическом и интеракционном уровнях.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1990. С. 136 – 137.
2. Архипов М.И. Проблема восприятия церковнославянского языка в контексте вопроса о реформе языка православного богослужения // Отечественная филология. 2023. № 1. С. 37 – 50.
3. Афанасьева Н.Е. Учебник церковнославянского языка. Долгопрудный: Издатель. А.Б. Гоняйкин, 2018. 272 с.
4. Беляевская Е.Г. Дискурсивная реализация концептуальных оппозиций как мера креативности дискурса // Дискурс и язык в эпоху «Больших данных»: вариативность, креативность, эксперимент. М.: Р-Валент, 2023. С. 10 – 22.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
6. Воробьева А.Г. Учебник церковнославянского языка. М.: ПСТГУ, 2014. 368 с.
7. Грамматика церковнославянского языка. Конспект. Упражнения. Словарь. СПб.: Синописис, 2019. 368 с.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.

9. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филологический факультет СПб, 2000. 326 с.
10. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
11. Маршева Л.И. Церковнославянский язык. Глагол. Теоретический очерк. Упражнения. Псков: Псково-Печорский монастырь, 2020. 104 с.
12. Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М.: Практика, 2021. 423 с.
13. Степанов Ю.С. Язык и метод. М.: Языки русской культуры, 1999. 784 с.
14. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. М.: Русские словари, 1994. Т. 3. 672 с.

References

1. Arutyunova N.D. Discourse. Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow: Sovetskaya Encyclopediya, 1990. P. 136 – 137.
2. Arkhipov M.I. The Problem of Perception of Church Slavonic in the Context of the Issue of Reforming the Language of Orthodox Liturgy. National Philology. 2023. No. 1. P. 37 – 50.
3. Afanasyeva N.E. Textbook of Church Slavonic. Dolgoprudny: Publisher. A.B. Gonyaykin, 2018. 272 p.
4. Belyaevskaya E.G. Discursive Realization of Conceptual Oppositions as a Measure of Discourse Creativity. Discourse and Language in the Era of "Big Data": Variability, Creativity, Experiment. Moscow: R-Valent, 2023. P. 10 – 22.
5. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and Culture. Three Linguistic and Regional Concepts: Lexical Background, Speech-Behavioral Tactics, and Sapientemes. Moscow: Indrik, 2005. 1040 p.
6. Vorobieva A.G. Textbook of the Church Slavonic Language. Moscow: PSTGU, 2014. 368 p.
7. Grammar of the Church Slavonic Language. Abstract. Exercises. Vocabulary. St. Petersburg: Synopsis, 2019. 368 p.
8. Karaulov Yu.N. Russian Language and Language Personality. Moscow: LKI, 2010. 264 p.
9. Kolesov V.V. Ancient Rus': A Heritage in Words. The World of Man. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg, 2000. 326 p.
10. Kubryakova E.S. Language and Knowledge. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 560 p.
11. Marsheva L.I. Church Slavonic. Verb. Theoretical Essay. Exercises. Pskov: Pskov-Pechersky Monastery, 2020. 104 p.
12. Sedakova O.A. Dictionary of Difficult Words from Divine Services: Church Slavonic-Russian Paronyms. Moscow: Praktika, 2021. 423 p.
13. Stepanov Yu.S. Language and Method. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. 784 p.
14. Ushakov D.N. Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vol. Moscow: Russian dictionaries, 1994. Vol. 3. 672 p.

Информация об авторах

Мокшенинова О.М., учитель русского языка, учитель церковнославянского языка, Оренбургская православная гимназия им. св. прав. Иоанна Кронштадтского

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.33

¹ Стрижкова О.В.

¹ Оренбургский государственный университет

Лингвистическое исследование юмористического контента, содержащего признаки запрещенной информации

Аннотация: в данной статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты лингвистической экспертизы юмористического контента. Анализируется феномен юмора, его вербальные характеристики, функции и классификации. Особое внимание уделяется трудностям, возникающим при идентификации в юмористических текстах признаков запрещенной информации, обусловленных субъективностью восприятия комического. Предлагаются методологические подходы к анализу таких текстов, включая работу с креолизированными текстами (интернет-мемами) и устной речью (стендап). Статья иллюстрирована примерами и их лингвистическим разбором.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, юмористический контент, запрещенная информация, вербальный юмор, интернет-мем, стендап, семантическая декомпозиция, креолизированный текст

Для цитирования: Стрижкова О.В. Лингвистическое исследование юмористического контента, содержащего признаки запрещенной информации // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 233 – 237.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Strizhkova O.V.

¹ Orenburg State University

Linguistic study of humorous content containing attributes of prohibited information

Abstract: this article examines both theoretical and practical aspects of linguistic expertise in humorous content. It analyzes the phenomenon of humor, its verbal characteristics, functions, and classifications. Special attention is directed towards the challenges arising from the identification of indicators of prohibited information within humorous texts, which are influenced by the subjectivity of comedic perception. Methodological approaches to the analysis of such texts are proposed, including the examination of creolized texts (internet memes) and oral discourse (stand-up comedy). The article is illustrated with examples and their linguistic analysis.

Keywords: linguistic expertise, humorous content, prohibited information, verbal humor, internet meme, stand-up, semantic decomposition, creolized text

For citation: Strizhkova O.V. Linguistic study of humorous content containing attributes of prohibited information. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 233 – 237.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Юмор, будучи неотъемлемым компонентом человеческой коммуникации, в цифровую эпоху приобрел новые формы и масштабы распространения. Широкое разнообразие юмористического контента в интернете и на телевидении соседствует с возрастающими рисками усмотрения в нем признаков информации, запрещенной законом (экстремистской, разжигающей рознь, оскорбительной и т.д.). Это закономерно делает подобные материалы объектом судебно-лингвистического исследования.

Проблема заключается в крайней субъективности восприятия юмора, что приводит к разным трактовкам одного и того же контента как правоохранительными органами, так и экспертами. Актуальность данной работы составляет вопрос необходимости углубленного изучения унифицированных методик анализа юмористических текстов ввиду их специфики. Цель настоящей статьи – всесторонне рассмотреть лингвистические особенности юмористического контента и обозначить научно обоснованные подходы к его экспертной оценке на предмет выявления признаков запрещенной информации.

В рамках данного исследования под юмористическим контентом понимаются разнообразные информационные материалы (текст, видео, изображения с текстовой составляющей), содержащие лингвистическую и прагматическую модель смехового поведения, направленную на возникновение комического эффекта у адресата.

Юмор является одной из форм комического – сложной эстетической и социальной категории. Традиционно выделяют три основные формы: юмор (доброжелательное осмеяние), иронию (скрытое осмеяние) и сатиру (жесткое, обличающее осмеяние) [10].

В практическом экспертном исследовании продуктивно рассматривать юмористический контент в широком ключе, включая смежные формы: сарказм, насмешку, карикатуру, «черный юмор» [2].

Классификация юмористического контента может быть проведена по нескольким основаниям:

По функциональному стилю: публицистический (фельетон, памфлет) и разговорный (стендап, интернет-мем, скетч).

По форме происхождения: устный (стендап, спонтанная шутка) и письменный (мем, пост в социальной сети).

По объему и сложности: простые (краткая шутка), сложные (монолог) и комплексные (креолизованные тексты, видеозаписи).

Наиболее актуальными и сложными для экспертизы являются комплексные тексты, такие как стендап и интернет-мем.

Стендап – это жанр, где комик выступает в роли рассказчика от первого лица, используя подготовленный монолог с элементами импровизации. Ключевая особенность – «тотальная свобода» выражения мнения, что зачастую приводит к обсуждению табуированных тем и использованию ненормативной лексики [4].

Интернет-мем – полимодальный креолизованный текст, сочетающий вербальный (надпись) и невербальный (изображение) компоненты. Его специфика – детабуизация (нарушение коммуникативных запретов), десакрализация (осмеяние сакрального) и опора на прецедентные феномены (общеизвестные события, личности, цитаты) [3].

Лингвистическая теория юмора (В. Раскин, С. Аттардо) основывается на концепции бисоциации – столкновении в сознании адресата двух противоположных скриптов (ассоциативных контекстов). Лексический триггер (неожиданное слово, игра слов) вызывает «переключение» с одного скрипта на другой, что приводит к «сбросу эмоциональной энергии» – смеху [1, 7].

Пример 1: Игра слов (каламбур).

Текст: «В России две беды: дураки и дети. Дураки – потому что дороги, а дети – потому что дураки».

Лингвистический анализ: Комический эффект достигается за счет переосмысления устойчивого выражения «дураки и дороги». Происходит столкновение двух скриптов: 1) традиционная формулировка проблемы; 2) абсурдная причинно-следственная связь, где «дураки» объясняются через «дороги», а «дети» через «дураков». Лексическим триггером служит многозначное слово «дураки», которое в первом случае означает «глупые люди», а во втором – разговорное обозначение трудностей («вот дураки!»). На синтаксическом уровне используется параллелизм конструкций, усиливающий неожиданность подмены.

Для создания юмора используются разнообразные языковые средства:

Фонетические: орфоэпические деформации («кросавчег» вместо «красавчик»).

Лексические: использование жаргонизмов, обесцененной лексики, стилистически сниженной лексики, каламбур.

Синтаксические: нарушение синтаксических норм, ритмики.

Стилистические: ирония, гипербола, гротеск, аллюзия.

Р. Мартин выделяет ключевые функции юмора:

1. Воздействующая: юмор используется для косвенного влияния на аудиторию, в том числе в пропагандистских целях.
2. Маскировочная: позволяет передать неприемлемые сообщения под видом шутки с возможностью отказа от сказанного («Я просто пошутил»).
3. Идентифицирующая: укрепляет групповую идентичность через высмеивание «чужих» (по этническому, гендерному, религиозному признаку). Эта функция наиболее тесно связана с агрессией и часто становится источником запрещенной информации.
4. Функция снятия напряжения: позволяет справляться с негативными ситуациями через их переосмысление [6].

В экспертной практике именно деструктивные аспекты маскировочной и идентифицирующей функций представляют наибольший интерес, так как под видом шутки может распространяться информация, унижающая достоинство человека или группы лиц, разжигающая рознь или оправдывающая экстремизм.

Материалы и методы исследований

Анализ юмористического контента требует от эксперта высокой квалификации и отказа от метода интроспекции – опоры на личные впечатления. Субъективное восприятие юмора – главный источник ошибок.

Основу методики составляет семантическая декомпозиция – расчленение смысла высказывания на компоненты:

1. Денотативный (пропозициональный) компонент: о чем говорится в тексте? Какие события, лица, факты описываются?
2. Оценочный компонент: какое отношение (позитивное, негативное, уничижительное) выражает автор к объекту высказывания?
3. Иллокутивный компонент: какова цель высказывания? (информировать, оскорбить, призвать к действию, высмеять).
4. Анализ коммуникативной ситуации: кто? кому? в какой обстановке? с какой целью? [9].

Для выявления этих компонентов используются частнонаучные методы:

Контекстуальный анализ: определение значения слова / высказывания с учетом окружения.

Дефиниционный анализ: обращение к толковым словарям для установления значения.

Экспликация содержания (синонимическое перефразирование): перевод имплицитных, скрытых смыслов в явную форму.

Функционально-прагматический анализ: определение речевого жанра и коммуникативного намерения автора посредством вычленения речевых актов сообщения. Исследуя речевой акт с точки зрения его структуры, можно дать следующее определение этого понятия: “высказывание говорящего, оформленное с помощью различных видов предложения (побудительного, повествовательного, вопросительного), лексическое наполнение и синтаксическая структура которого зависит от интенций говорящего, коммуникативного контекста и сферы общения. С содержательной стороны речевой акт представляет собой действие адресанта по отношению к адресату, осуществляемое в определенной ситуации общения и направленное на реализацию определенного замысла говорящего” [8].

Результаты и обсуждения

Интернет-мем требует комплексного анализа вербального и изобразительного компонентов и их взаимодействия.

Пример 2: Интернет-мем с признаками разжигания розни.

Изображение: карикатурное изображение представителя определенной национальности в стереотипной одежде, с exaggerated чертами лица.

Текст: «[Название национальности] готовы на все ради денег, даже на работу».

Лингвистический анализ:

1. Денотативный компонент: Утверждается, что некая этническая группа характеризуется готовностью работать ради денег.
2. Оценочный компонент: Оценка носит негативный и уничижительный характер. Это достигается за счет: Карикатурного изображения, которое формирует визуальный стереотип, акцентируя и высмеивая внешние черты.

Конструкции «готовы на все... даже на...». Частица «даже» вносит смысл неожиданности, implying, что работа для этой группы является чем-то экстраординарным, маловероятным или низменным. Это создает имплицитный смысл о лени, недобросовестности или алчности группы.

Обобщающего местоимения «все», которое распространяет негативную характеристику на всю этническую группу без исключения.

3. Иллокутивный компонент: Цель высказывания – не просто констатация, а создание и закрепление негативного стереотипа, унижение национального достоинства, формирование презрительного отношения к данной группе. Юмор здесь служит инструментом маскировки агрессивного высказывания.

4. Анализ взаимодействия компонентов: Изображение и текст находятся в отношениях взаимного усиления. Карикатура визуализирует и усиливает стереотип, а текст придает ему конкретное «обоснование». В отрыве друг от друга ни текст, ни изображение не несли бы столь выраженного оскорбительного заряда.

При анализе стендапа ключевую роль играет аудитивный и перцептивный анализ: эксперту необходимо оценить интонацию, тембр голоса, паузы, логические ударения, смех комика и зала, невербальные реакции (мимика, жесты) [5].

Пример 3: Стендап-монолог на грани экстремизма.

Текст (фрагмент): «Вот говорят: "Нельзя призывать к насилию". А я смотрю на наших чиновников и думаю... *(драматическая пауза, комик многозначительно смотрит в зал, улыбается)*... что есть вещи, которые сами себя оправдывают».

Лингвистический анализ:

1. Денотативный компонент: Рассуждение о призывах к насилию и чиновниках.

2. Оценочный компонент: Отношение к чиновникам резко негативное. Ключевой прием – импликатура. Прямого призыва к насилию нет, но он имплицитно выводится из контекста: «есть вещи, которые сами себя оправдывают» по отношению к чиновникам на фоне темы насилия.

3. Иллокутивный компонент: Цель – не просто пошутить, а донести мысль о допустимости насилия в отношении определенной группы лиц, маскируя ее под размышление. Юмор служит щитом.

4. Анализ коммуникативной ситуации (звучащая речь): Драматическая пауза и многозначительный взгляд – это невербальные триггеры, которые сигнализируют аудитории о «подтексте», приглашая ее «дошутить» мысль самостоятельно. Смех в зале в этот момент может быть нервным, что указывает на понимание аудиторией провокационности высказывания. Без учета этих паралингвистических элементов выводы эксперта будут неполными.

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует высокую сложность и комплексный характер лингвистической экспертизы юмористического контента. Специфика юмора, основанная на бисоциации, имплицитности, игре с нормами и табу, требует от эксперта применения тонкого и многоуровневого аналитического инструментария.

Ключевыми выводами являются:

1. Анализ не может опираться на субъективное восприятие эксперта и должен проводиться исключительно на основе научных методов лингвистической семантики и прагматики.

2. Центральным методом является семантическая декомпозиция с обязательным выявлением денотативного, оценочного и иллокутивного компонентов смысла.

3. При работе с комплексными объектами (интернет-мемы, стендап) необходимо учитывать все семиотические системы (вербальную, визуальную, аудиальную) и анализировать их в неразрывном единстве.

4. Коммуникативная ситуация, включая невербальные компоненты, является неотъемлемой частью смысла юмористического высказывания и подлежит тщательному исследованию и вербализации в заключении эксперта.

Разработка детальных методических рекомендаций по проведению лингвистической экспертизы юмористического контента, учитывающих его жанровое и структурное разнообразие, является насущной задачей современной прикладной лингвистики. Это позволит обеспечить единообразие и объективность экспертной практики в данной сложной и социально значимой сфере.

Список источников

1. Аттардо С. Лингвистические теории юмора / пер. с англ. И. В. Шаронова. М.: Либроком, 2018. 311 с.
2. Дементьев В.В. Речевые жанры юмора и комического: теория и таксономия // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 182 – 192.
3. Ильина Т.В. Интернет-мем как полимодальный креолизованный текст: лингвопрагматический аспект // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2022. № 5. С. 112 – 128.
4. Кошкарлова Н.Н. Прагматика имплицитности в юмористическом дискурсе (на материале стендап-выступлений) // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3 (49). С. 78 – 95.

5. Красных В.В. "Свой" среди "чужих": иллюзия или реальность? Идентифицирующая функция юмора в интернет-коммуникации // Научный диалог. 2022. № 11. С. 65 – 83.
6. Мартин Р.А. Психология юмора / пер. с англ., под ред. Л.В. Куликова. Санкт-Петербург: Питер, 2020. 480 с.
7. Раскин В. Семантические механизмы юмора // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 101 – 122.
8. Стрижкова О.В. Специфика реализации коммуникативных стратегий в рекламном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Челябинск, 2012. 22 с.
9. Федорова Л.Л. Цифровой сторителлинг: лингвистический анализ интернет-мемов и медиатекстов. М.: Флинта, 2022. 198 с.
10. Щирова И.А., Томская М.В. Лингвистическая экспертиза текста: комплексный анализ. Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 315 с.

References

1. Attardo S. Linguistic Theories of Humor. Translated from English by I.V. Sharonov. Moscow: Librokom, 2018. 311 p.
2. Dementyev V.V. Speech Genres of Humor and the Comic: Theory and Taxonomy. Speech Genres. 2020. No. 3 (27). P. 182 – 192.
3. Ilyina T.V. Internet Meme as a Polymodal Creolized Text: A Linguopragmatic Aspect. Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology. 2022. No. 5. P. 112 – 128.
4. Koshkarova N.N. Pragmatics of Implicitness in Humorous Discourse (Based on Stand-Up Performances). Issues of Psycholinguistics. 2021. No. 3 (49). P. 78 – 95.
5. Krasnykh V.V. "Ours" among "Strangers": Illusion or Reality? The Identifying Function of Humor in Online Communication. Scientific Dialogue. 2022. No. 11. P. 65 – 83.
6. Martin R.A. Psychology of Humor / translated from English, edited by L.V. Kulikov. St. Petersburg: Piter, 2020. 480 p.
7. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. Issues of Linguistics. 2019. No. 6. P. 101 – 122.
8. Strizhkova O.V. Specifics of the Implementation of Communicative Strategies in Advertising Discourse: Diss. ... Cand. of Philological Sciences: 10.02.20. Chelyabinsk, 2012. 22 p.
9. Fedorova L.L. Digital Storytelling: Linguistic Analysis of Internet Memes and Media Texts. Moscow: Flinta, 2022. 198 p.
10. Shchirova I.A., Tomskaya M.V. Linguistic Text Analysis: Comprehensive Analysis. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University, 2019. 315 p.

Информация об авторах

Стрижкова О.В., кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Оренбургский государственный университет, Yanusic79@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 659.1:794

^{1, 2} Шестов Н.А.

¹ Московский университет имени А.С. Грибоедова

Использование видео блогеров в маркетинговой стратегии компаниями на рынке видеоигр

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу и систематизации практик использования видеоблогеров и онлайн-трансляций в маркетинговых стратегиях компаний на рынке видеоигр. На основе теоретико-аналитического синтеза данных выявлены и классифицированы ключевые типы игровых компаний по интенсивности и целям использования стример-маркетинга, форматы сотрудничества (корпоративные ивенты, спонсируемая интеграция, органическое упоминание), уровни профессионализма их организации, а также эволюция рекламных инструментов. Доказано, что сотрудничество со стримерами трансформировалось из тактического инструмента в неотъемлемый компонент маркетингового микса, эффективность которого детерминирована стратегической согласованностью между выбранными форматами, производственными стандартами и конкретными маркетинговыми KPI. На примере кейсов «Assassin's Creed Shadows», «Cyberpunk 2077» и «Diablo IV» раскрыты особенности современных высокобюджетных кампаний, основанных на стратегическом выборе инфлюенсеров, долгосрочном партнерстве и создании многокомпонентного контента.

Ключевые слова: маркетинг в видеоиграх, стример-маркетинг, инфлюенс-маркетинг, игровая индустрия, онлайн-трансляции, видеоблогеры, маркетинговые стратегии, цифровой маркетинг, медиакоммуникации, продвижение игр

Для цитирования: Шестов Н.А. Использование видео блогеров в маркетинговой стратегии компаниями на рынке видеоигр // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 238 – 242.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Shestov N.A.

¹ A.S. Griboyedov Moscow State University

The use of video bloggers in the marketing strategy of companies in the video game market

Abstract: the article is devoted to a comprehensive analysis and systematization of the practices of using video bloggers and online broadcasts in the marketing strategies of companies in the video game market. Based on a theoretical-analytical synthesis of data, the key types of gaming companies are identified and classified according to the intensity and goals of using streamer marketing, cooperation formats (corporate events, sponsored integration, organic mention), levels of professionalism in their organization, and the evolution of advertising tools. It is proven that collaboration with streamers has transformed from a tactical tool into an integral component of the marketing mix, the effectiveness of which is determined by the strategic alignment between the chosen formats, production standards, and specific marketing KPIs. Using the cases of "Assassin's Creed Shadows," "Cyberpunk 2077," and "Diablo IV," the features of modern high-budget campaigns based on the strategic selection of influencers, long-term partnership, and the creation of multi-component content are revealed.

Keywords: video game marketing, streamer marketing, influencer marketing, gaming industry, live streaming, video bloggers, marketing strategies, digital marketing, media communications, game promotion

For citation: Shestov N.A. The use of video bloggers in the marketing strategy of companies in the video game market. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 238 – 242.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Актуальность исследования определяется динамичным развитием рынка игрового стриминга, трансформацией моделей медиапотребления и недостаточной научной проработанностью стратегий интеграции видеоблогеров в маркетинговые коммуникации игровых компаний.

Цель исследования – анализ и систематизация практик использования видеоблогеров и онлайн-трансляций в маркетинговых стратегиях компаний на рынке видеоигр. Задачи исследования:

1. Выявить типы игровых компаний, наиболее активно использующих стример-маркетинг.
2. Классифицировать форматы организуемых и спонсируемых трансляций.
3. Оценить уровень профессионализма организации стримерских кампаний.
4. Определить спектр рекламных инструментов, применяемых в сотрудничестве со стримерами.
5. Проанализировать эффективность различных стратегий на примере конкретных кейсов (Assassin's Creed Shadows, Cyberpunk 2077, Diablo IV).
6. Разработать практические рекомендации по интеграции стример-маркетинга в коммуникационные стратегии игровых компаний.

Видеоигровая индустрия представляет собой быстрорастущий глобальный рынок с прогнозируемым увеличением капитализации с 42,16 млрд долларов в 2024 году до 80,80 млрд к 2035 году [7]. Рост сопровождается экспансией стриминговых платформ, трансформирующих потребление игрового контента.

Ключевыми факторами развития выступают диверсификация аудитории и распространение мобильного гейминга, а облачные технологии устраняют необходимость в мощном аппаратном обеспечении. В условиях высокой конкуренции компании переходят от традиционной рекламы к инфлюенс-маркетингу, где стримеры становятся авторитетными источниками для аудитории [2-4].

Исследование основано на гипотезе о принципиальном различии стратегий AAA-издателей, создающих медиасобытия, и разработчиков мобильных проектов, ориентированных на измеримую конверсию. Проверка гипотезы позволит определить факторы эффективности маркетинговых стратегий.

Материалы и методы исследований

Методология исследования основана на теоретико-аналитическом синтезе, предполагающем систематизацию и обобщение данных открытых источников для построения целостной модели изучаемого феномена. Вспомогательными инструментами выступили анализ вторичных данных и кейс-стади публичных маркетинговых кампаний.

База источников включила отраслевые материалы, пресс-релизы и корпоративные блоги, описывающие кампании по запуску игр «Cyberpunk 2077» и «Diablo IV». Дополнительно анализировались рекламные возможности стриминговых платформ Twitch и YouTube.

Результаты и обсуждения

Проведенный теоретико-аналитический анализ выявил ключевые закономерности использования видеоблогеров и онлайн-трансляций в маркетинговых стратегиях компаний на рынке видеоигр.

На основе вторичных данных разработана типология игровых компаний по интенсивности и целям использования стример-маркетинга. Крупные издатели AAA-игр (Electronic Arts, Activision Blizzard, Ubisoft) применяют стриминг для создания массового интереса и управления репутацией своих проектов. Их глобальные кампании привязаны к ключевым этапам жизненного цикла продукта и направлены на формирование восприятия игры как обязательной к приобретению.

В отличие от них, издатели мобильных free-to-play проектов (MiHoYo, Playrix) сосредоточены на прямой конверсии и увеличении LTV клиента. Их стратегия основана на массовых точечных кампаниях со строго регламентированными инструментами для отслеживания ROI. Отдельную категорию составляют инди-разработчики, для которых сотрудничество со стримерами представляет доступную альтернативу традиционной рекламе.

Примечательно, что популярные инди-игры (Fall Guys – 253 млн, Phasmophobia – 128 млн, Palworld – 121 млн) активно используются стримерами для расширения аудитории, составляя 1% от общего числа инди-проектов [8] (рис. 1).

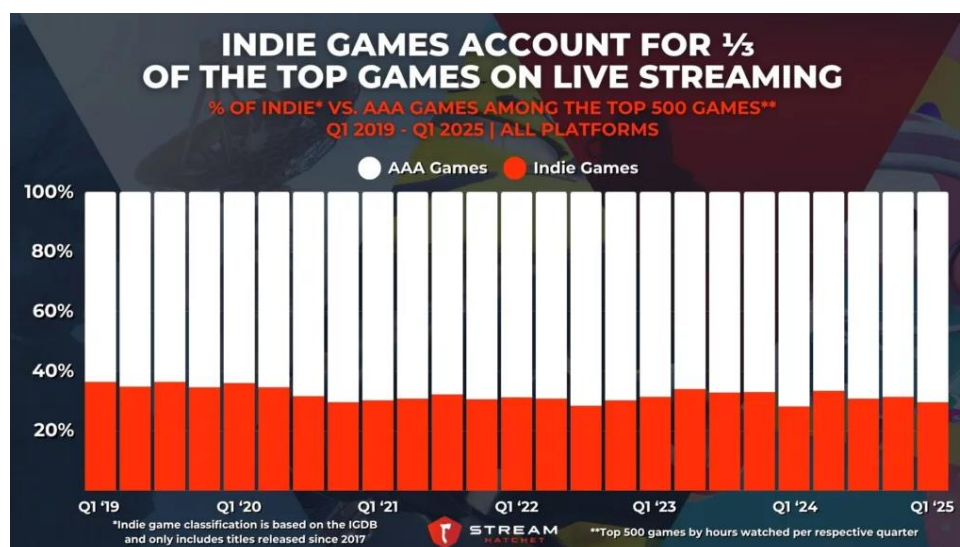

Рис. 1. Соотношение AAA и инди-игр на стримингах за период первого квартала с 2019 по 2025 год.
Fig. 1. Ratio of AAA and indie games on streaming for the first quarter of 2019 to 2025.

На основе анализа маркетинговых практик в игровой индустрии можно выделить следующие форматы сотрудничества со стримерами, которые систематизированы по критерию уровня контроля компании над рекламным сообщением (таблица 1).

Таблица 1

Систематизация форматов сотрудничества по степени контроля коммуникации.

Table 1

Systematization of cooperation formats according to the degree of communication control.

Уровень контроля	Формат трансляции	Сущность и механизм реализации	Ключевая коммуникативная задача
Высокий	Корпоративные ивенты (напр., Nintendo Direct, PlayStation State of Play)	Полностью управляемые компанией медиасобытия с тщательно выверенным сценарием и контентом	Обеспечение прямого взаимодействия с комьюнити, анонс продуктов и формирование информационной повестки без риска искажения ключевых сообщений
Средний	Спонсируемая интеграция и ранний доступ	Компания устанавливает рамки (бюджет, ключевые сообщения, сроки), но делегирует стримеру право на аутентичную подачу материала	Эффективное сочетание доверия аудитории к инфлюенсеру с донесением запланированного рекламного посыла
Низкий	Органическое упоминание («Keymailing»)	Бесплатное предоставление копий игры большому количеству стримеров без каких-либо условий, в расчете на естественный интерес к продукту	Создание естественного ажиотажа («хайпа») и получение непредвзятой обратной связи от целевой аудитории

Этот формат позволяет наглядно сравнить характеристики каждого подхода и проиллюстрировать зависимость между выбранным форматом и степенью управляемости коммуникацией.

Высокий уровень профессионализма, или продакшн, характерен для корпоративных ивентов и достигается за счет привлечения профессиональных продюсерских команд, сценаристов, ведущих и модераторов. Его основной целью является создание и поддержание безупречного имиджа бренда. Для инди-разработчиков и нишевых проектов характерна стратегическая установка на аутентичность в ущерб производственной полировке. В то же время, опыт стримеров оказывает положительное влияние на доверие зрителей, что говорит о том, что опыт стримеров играет решающую роль в формировании доверия и достоверности среди потребителей [1]. Таксономия рекламных инструментов демонстрирует эволюцию от базовых форматов к комплексным гибридным решениям. Эффективность измеряется через систему показателей: узнаваемость, вовлеченность, конверсия и удержание [6].

Анализ кампании «Assassin's Creed Shadows» показал целевой отбор релевантных стримеров для генерации контента при бюджете \$1.48-2.78 млн, что подтверждает приоритет вовлеченности над массовым охватом [10]. В продвижении Cyberpunk 2077 использован многоканальный подход, сочетающий инфлюенс-маркетинг, кросс-брендинг с OnePlus и мерчандайзинг для создания эффекта тотального погружения [5]. Стратегия Diablo IV основана на стратегическом симбиозе с создателями контента, долгосрочных партнерствах и разноформатном контенте, что обеспечило аутентичность и глубокую вовлеченность аудитории [9]. Во всех случаях эффективность определилась не объемом инвестиций, а стратегической согласованностью подходов. Подтвердилась исходная гипотеза о том, что крупные издатели AAA-игр и разработчики мобильных free-to-play проектов, будучи одинаково активными пользователями данного инструмента, преследуют различные цели.

Практическая значимость исследования заключается в разработке структурированного подхода к планированию стример-маркетинга. Перспективные направления исследований включают количественный анализ эффективности форматов, изучение региональных особенностей и долгосрочного влияния на лояльность к брендам. Отдельный интерес представляют этические аспекты взаимодействия компаний и стримеров, включая прозрачность спонсируемого контента [12]. Особую актуальность имеют региональные исследования, в частности анализ рынка Юго-Восточной Азии, где прогнозируется рост пользовательской базы до 152,31 млн к 2030 году при увеличении проникновения с 17,13% до 21,02% [11].

Выводы

Проведенное исследование позволило достичь поставленной цели и систематизировать современные практики использования видеоблогеров и онлайн-трансляций в маркетинговых стратегиях компаний на рынке видеоигр. В результате теоретико-аналитического синтеза была разработана комплексная модель, описывающая данное явление через призму ключевых параметров: типологии компаний, классификации форматов, уровней профессионализма и эволюции рекламных инструментов. Основным выводом работы заключается в том, что сотрудничество со стримерами трансформировалось из экспериментального тактического инструмента в неотъемлемый и высокоадаптивный компонент маркетингового микса игровых компаний. Продемонстрировано, что эффективность этого канала коммуникации носит детерминированный характер и напрямую зависит от стратегической согласованности между выбранным форматом, уровнем производственных стандартов, набором рекламных инструментов, с одной стороны, и спецификой целевой аудитории и конкретными маркетинговыми KPI – с другой. Выявленная дифференциация стратегий между крупными издателями, мобильными разработчиками и инди-студиями подчеркивает отсутствие универсальных решений и подтверждает тезис о необходимости глубокого сегментирования подходов.

Перспективы дальнейшего развития темы видятся в нескольких направлениях. Наиболее актуальным является проведение количественного анализа эффективности различных форматов интеграций на основе big data платформ, что позволит перейти от качественных моделей к измеримым корреляциям между параметрами кампаний и ключевыми метриками, такими как вовлеченность и конверсия. Значительный научный и практический интерес представляет сравнительный кросс-культурный анализ стратегий в различных регионах, включая Северную Америку, Европу, Азию и страны СНГ, где культурные особенности и модели медиапотребления могут порождать существенно различающиеся практики.

Список источников

1. Jiang Y., Lee H.-T., Li W. The effects of live streamer's expertise and entertainment on the viewers' purchase and follow intentions // *Frontiers in Psychology*. 2024. Vol. 15.
2. Kim M., Kim H. What online game spectators want from their twitch streamers: flow and well-being perspectives // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2022. Vol. 66.
3. Li Y., Peng Y. What drives gift-giving intention in live streaming? The perspectives of emotional attachment and flow experience // *International Journal of Human – Computer Interaction*. 2021. Vol. 37. Iss. 13. P. 1317 – 1329.
4. Liao J., Chen K., Qi J., Li J., Yu I.Y. Creating immersive and parasocial live shopping experience for viewers: the role of streamers' interactional communication style // *Journal of Research in Interactive Marketing*. 2022. Vol. 17. Iss. 1. P. 140 – 155.
5. Zhang C. Case Study Analysis of Cyberpunk 2077's Content Marketing Strategies // *Advances in Economics, Management and Political Sciences*. 2024. Vol. 85. P. 98 – 106.
6. Brands are playing to win with gaming livestreamers // *Jing Daily*. URL: <https://jingdaily.com/posts/brands-are-playing-to-win-with-gaming-livestreamers> (дата обращения: 25.09.2025).
7. Global Video Game Market Size & Growth Report // *Market Research Future*. URL: <https://www.marketresearchfuture.com/reports/video-game-market-10594> (дата обращения: 25.09.2025).

8. Indie Game Popularity on Live Streaming // StreamHatchet. URL: <https://streamhatchet.com/blog/indie-game-popularity-on-live-streaming/> (дата обращения: 25.09.2025).
9. Influencer and Content Marketing in Gaming: Lessons from Diablo 4's Success // Voymedia. URL: <https://voymedia.com/influencer-and-content-marketing-in-gaming-lessons-from-diablo-4s-success/> (дата обращения: 25.09.2025).
10. Lombardi A. Assassin's Creed Shadows: Influencer Marketing Budget & Hired Creators // LinkedIn. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/assassins-creed-shadows-influencer-marketing-budget-hired-lombardi-hhfnf/> (дата обращения: 25.09.2025).
11. Video Games Live Streaming – Southeast Asia // Statista. URL: <https://www.statista.com/outlook/amo/media/games/games-live-streaming/southeast-asia> (дата обращения: 25.09.2025).
12. Семеницкая В.С. Вопросы авторского права игровых трансляций // 79-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: материалы конференции: в 3 ч. / ред. В.Г. Сафонов. Минск, 10-21 мая 2022 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2023. Ч. 2. С. 357 – 360.

References

1. Jiang Y., Lee H.-T., Li W. The effects of live streamer's expertise and entertainment on the viewers' purchase and follow intentions. *Frontiers in Psychology*. 2024. Vol. 15.
2. Kim M., Kim H. What online game spectators want from their twitch streamers: flow and well-being perspectives. *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2022. Vol. 66.
3. Li Y., Peng Y. What drives gift-giving intention in live streaming? The perspectives of emotional attachment and flow experience. *International Journal of Human – Computer Interaction*. 2021. Vol. 37. Iss. 13. P. 1317 – 1329.
4. Liao J., Chen K., Qi J., Li J., Yu I.Y. Creating immersive and parasocial live shopping experience for view-ers: the role of streamers' interactional communication style. *Journal of Research in Interactive Marketing*. 2022. Vol. 17. Iss. 1. P. 140 – 155.
5. Zhang C. Case Study Analysis of Cyberpunk 2077's Content Marketing Strategies. *Advances in Economics, Management and Political Sciences*. 2024. Vol. 85. P. 98 – 106.
6. Brands are playing to win with gaming livestreamers. *Jing Daily*. URL: <https://jingdaily.com/posts/brands-are-playing-to-win-with-gaming-livestreamers> (date of accessed: 25.09.2025).
7. Global Video Game Market Size & Growth Report. *Market Research Future*. URL: <https://www.marketresearchfuture.com/reports/video-game-market-10594> (date of accessed: 25.09.2025).
8. Indie Game Popularity on Live Streaming. *StreamHatchet*. URL: <https://streamhatchet.com/blog/indie-game-popularity-on-live-streaming/> (date of accessed: 25.09.2025).
9. Influencer and Content Marketing in Gaming: Lessons from Diablo 4's Success. *Voymedia*. URL: <https://voymedia.com/influencer-and-content-marketing-in-gaming-lessons-from-diablo-4s-success/> (date of accessed: 25.09.2025).
10. Lombardi A. Assassin's Creed Shadows: Influencer Marketing Budget & Hired Creators. *LinkedIn*. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/assassins-creed-shadows-influencer-marketing-budget-hired-lombardi-hhfnf/> (date of accessed: 25.09.2025).
11. Video Games Live Streaming – Southeast Asia. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/outlook/amo/media/games/games-live-streaming/southeast-asia> (date of accessed: 25.09.2025).
12. Semenitskaya V.S. Copyright Issues of Game Broadcasts. 79th Scientific Conference of Students and Post-graduates of the Belarusian State University: Conference Proceedings: in 3 parts. Ed. V.G. Safonov. Minsk, May 10-21, 2022. Minsk: Belarusian State University, 2023. Part 2. P. 357 – 360.

Информация об авторах

Шестов Н.А., Московский университет имени А.С. Грибоедова, zzzikuratt@mail.ru

© Шестов Н.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.411.21

¹ Гаджимурадова Т.Э., ¹ Исаева М.М.

¹ Дагестанский государственный университет

Проблематика и образность цикла рассказов Махмуда Теймура о суевериях

Аннотация: в статье рассматривается цикл рассказов классика новоарабской литературы египетского писателя Махмуда Теймура, посвященных теме возникновения и разоблачения суеверий. Относясь к писателям старшего поколения, Махмуд Теймур поднимает актуальные для общественной жизни 20-30-х годов XX века проблемы, в том числе увлечения европейскими ценностями и забвения собственных национальных традиций и обычаев. В то же время в творчестве писателя отразились поиски жанра, форм. И не последнюю роль здесь сыграло влияние европейской литературы. Изменения нашли отражение в особенностях сюжетостроения, обрисовки характеров, стилистических приёмах и др. В статье рассматриваются рассказы М. Теймура, написанные в 1925-1926 гг., образующие цикл о суевериях. Вопросы проблематики, сюжетостроения, хромотона, образности рассматриваются в рассказах «Шейх Джума», «Шейх Сейид слабоумный», «Амм Митвалли», «Шейх Наим, имам, или Многоженец», «Шейх охраны». Отмечая доброту и наивность простых людей, писатель резко критически относится к отрицательным явлениям в их жизни. Используя «местный» материал для изображения конкретных жизненных ситуаций, он выражает свои идеи, настроения. Рассказы писателя демонстрируют укрепление реалистических тенденций, появление нового социально-дифференцированного героя.

Ключевые слова: египетская литература, Махмуд Теймур, жанр рассказа, проблематика, образность, цикл рассказов о суевериях

Для цитирования: Гаджимурадова Т.Э., Исаева М.М. Проблематика и образность цикла рассказов Махмуда Теймура о суевериях // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 243 – 249.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Gadzhimuradova T.E., ¹ Isaeva M.M.

¹ Dagestan State University

The problematics and imagery in Mahmud Taymur's cycle of stories about superstitions

Abstract: the article analyzes a cycle of short stories by the classic of modern Arabic literature, Egyptian writer Mahmud Taymur, devoted to the theme of the origin and exposure of superstitions. Belonging to the older generation of writers, Taymur raised pressing social issues of the 1920s-1930s, including fascination with European values and the neglect of national traditions. His works also reflect his search for new genres and forms, influenced by European literature. These changes manifested in plot construction, character depiction, and stylistic techniques. The article examines Taymur's stories written in 1925-1926, forming a cycle about superstitions, including "Sheikh Juma," "Sheikh Seyyid the Simpleton", "Amm Mitwalli," "Sheikh Naim, Imam or 'The Polygamist,'" and "The Sheikh of Security." While noting the kindness and naivety of ordinary people, the author sharply criticizes the negative aspects of their lives. The stories demonstrate the strengthening of realist tendencies and the emergence of new socially differentiated characters.

Keywords: Egyptian literature, Mahmud Taymur, short story genre, issues, imagery, cycle of stories about superstitions

For citation: Gadzhimuradova T.E., Isaeva M.M. The problematics and imagery in Mahmud Taymur's cycle of stories about superstitions. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 243 – 249.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

К первой половине XX века относится творчество крупнейших писателей-реалистов, классиков новоарабской литературы – Махмуда Теймура, Тауфика аль-Хакима, Таха Хусейна, Нагиба Махфуза, Йусуфа Идриса и др. Происходит формирование новых литературных жанров, в том числе новеллы и рассказа. Появившись в египетской литературе начала XX века, они получили широкое распространение в творчестве египетских писателей-реалистов благодаря новизне, актуальности тематики, реализовав в образной форме особо актуальные вопросы.

Исследуемые нами рассказы писателя из цикла о суевериях имеют достаточно сложную структуру. В них отмечаются последовательность, неторопливость в изложении событий, стремление к замкнутости повествования, структурирование текста вокруг определенного события, значимого для жизни конкретного человека [6, с. 192]. Писатель стремится к детализации в описаниях, выражении впечатления, экономно используя художественные средства создания образности [10, с. 180].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования является цикл рассказов египетского писателя Махмуда Теймура о суевериях; научно-критическая литература о творчестве писателя; теоретические источники о жанровой природе рассказа.

Методы исследования: в процессе написания статьи были использованы сравнительно-исторический, культурно-исторический и аналитический методы.

Результаты и обсуждения

Цикл рассказов Махмуда Теймура о суевериях [8, с. 153-176] относится к 1925-1930 годам. Этот период в своём творчестве писатель отмечает как особенно плодотворный. К произведениям этих лет он возвращается неоднократно, что-то добавляя, меняя, переделывая на протяжении всего творческого пути. Цикл рассказов о суевериях, впервые опубликованный в сборнике «Первый прыжок», тоже был отредактирован автором в 1931 году.

Уже в ранних рассказах писателя реализуется то, что станет определяющим для всего его творчества – правдивое изображение жизни Египта, разных слоёв общества (крестьян, чиновников, слуг, городской бедноты и др.). А.А. Долинина отмечает: «Теймур предельно объективен, в его рассказах почти нет лирических отступлений, авторских оценок, но его внешняя беспристрастность» оказывает на читателя особое воздействие [4, с. 14]. Очень интересны в этом плане рассказы Теймура, в которых разоблачаются суеверия.

В цикл ранних рассказов о том, как создаются святые, вошли рассказы «Шейх Джума», «Шейх Сейид слабоумный», «Амм Митвалли», «Шейх Наим, имам, или Многоженец». Один из поздних рассказов Теймура – «Шейх охраны» («сборник «За покрывалом», 1947 г.) – как бы перекликается с «Шейхом Джумой» [4, с. 14].

Всякий раз локальная ситуация рассказа отражает то, что характерно для жизни в целом. Повествование отличается ёмкостью текста и одновременно краткостью, чуткостью к деталям, описательностью, медлительностью, разнообразием сцен, характеров [7, с. 76]. Для рассказов характерны развернутые портретные характеристики, которые способствуют созданию в тексте произведения планов действия и повествования. Герой изображается в действиях, поступках. И в то же время элемент описательности занимает большое место в повествовании.

Писатель находится в постоянном поиске положительного идеала. Можно сказать, что его он нашёл в образе шейха Джумы. В рассказе «Шейх Джума» повествование начинается с воспоминаний о детстве – днях радости и забавы, когда жизнь была «простой и лишённой суровой мудрости» [8, с. 153]. Автор (повествование ведётся от первого лица) вспоминает, как шейх Джума рассказывал историю о правителе Сулеймане и старом орле, который «жил тысячу тысяч лет» назад. Прошли годы, шейх не меняется – «он всё тот же, черты его не изменились, и речь осталась прежней». И историю о Сулеймане и орле он рассказывал с теми же деталями и выражениями. Рассказ шейха заставляет автора вспоминать детство – «пору чистоты и наивности» [8, с. 5].

Рассказ обычно предполагает портретную дескрипцию. «Шейх Джума» не исключение. Подчеркивается, что лицо шейха исчерчено морщинами. «Как волшебство» были слова, слетавшие с его «спокойных губ». Эпитет подчёркивает умиротворённость, безмятежность героя, его духовность.

Можно предположить, что это произведение (как и многие другие ранние рассказы) прошло более позднюю редакцию М. Теймура, так как в начале повествования в нём появляется многозначительная деталь: «Я уже стал взрослым, ум мой возмужал, но я и теперь прихожу к шейху Джуме, чтобы развлечься, и слушаю его сказки с интересом, к которому, правда, примешивается теперь ирония» [8, с. 153].

Времена меняются, герой мужает. «И всё на земле изменилось, кроме шейха Джумы» [8, с. 154]. Даётся более подробная портретная характеристика уже глазами взрослого человека. Спокойные губы и морщинистое лицо из воспоминаний детства пополняются новыми деталями: «Это человек в красной чалме и рубахе с широкими рукавами, с головой, наклоненной немного вперёд, и ласковой улыбкой, – он всё такой же. У него блестящие глаза, толстый нос, густая с проседью борода, лоб, на котором теснятся морщины, и смуглая кожа, отливающая краснотой – румянцем счастья, питающего его дух и тело. Да, это он – человек с медленной походкой и высоким приятным голосом, человек с широкими мечтами и необъятными надеждами» [8, с. 154].

Портрет красноречив. «Блестящие глаза» полны жизни и энергии, кожа отливает краснотой – «румянцем счастья». Человек «с широкими мечтами и необъятными надеждами» радуется каждому дню и каждому дарит свою любовь и понимание [8, с. 154].

Шейх любил слушать рассказы из книги «Тысяча и одна ночь». Больше всего ему нравились путешествия Синдбада-морехода, история «медного города», о Харуне ар-Рашиде, который, по словам шейха, был царём из царей ислама, «который воевал и с джиннами, и с людьми» [8, с. 154]. Шейху нравились стихи Абу Нуваса и Омара ибн Аби Рабиа. Он считал, что эти поэты восхваляют Всевышнего. Плавность, звучность, глубина, напевность арабского стиха заставляли его умиляться, испытывать истинный восторг, слушая их как «восхваления Аллаха, великого и славного» [8, с. 155].

Повествователь подчёркивает, что шейх Джума – «человек благочестивый и смиренный» [8, с. 156]. В то же время он любит жизнь, «радуется пению, веселится под грохот барабана и наслаждается звуками печальной свирели» [8, с. 156]. «... опьянённый музыкой», он выходил с величественным танцем, «воздев сверху руки и размахивая палкой» [8, с. 156].

Шейх Джума любим народом, потому что он «человек из народа», живёт его чаяниями, надеждами, с улыбкой принимает трудности и умеет радоваться каждому дню. Он живёт «на этой суровой земле, как живёт цветок в раскалённой пустыне под ударами жгучего ветра» [8, с. 156], вопреки всем жизненным неурядицам сохраняя чистоту помыслов, твердость в вере, любовь к человеку.

«Шейх Джума» открывает цикл рассказов о том, как создаются святые. В нём превалирует описательное начало, даётся довольно подробная портретная характеристика шейха и описание его характера. И в молодости, и в зрелости он оставался неизменно простым, добрым и искренним. Вера даёт ему силы справляться с трудностями и оставаться «счастливым своей верой» [8, с. 156]. Писатель изображает народную жизнь «без всяких прикрас», проникая во внутренний мир простых людей, для того чтобы понять, на чем основаны поступки героев, их нравы, мысли, чувства [8, с. 6-7].

Тема о том, как создаются святые, продолжается в рассказе «Шейх Сейид слабоумный». Экспозиция рассказа – описание шейха, идущего по полевой дороге [8, с. 157]. Показательно использование писателем зооморфной образности в сравнениях: голени у шейха – растрескавшиеся, «огромные, как у слона» [8, с. 157], воду он лакал с жадностью, «как лакает животное, измученное жаждой» [8, с. 157], «... шейх Сейид шёл между ними – будто скотина из их стада...» [8, с. 157], он «заметался, как зверь, растерянный и озлобленный» [8, с. 166], люди «потасили шейха Сейида за ноги, как тащат мёртвого быка» [8, с. 167]. Писатель подчёркивает, как опустился человек – прежде хозяин, глава семьи, когда-то отличавшийся «серьёзностью ума и добротой нрава» [8, с. 157]. Его уважали и любили. Семья владела земельными угодьями, которые приносили хороший доход. Выручка с урожая делилась по справедливости [8, с. 158].

Благополучие длилось до эпизода с ослом, который, споткнувшись, сбросил на землю своего хозяина. Несколько недель он пролежал без сознания. Придя в себя, сильно изменился, потерял память и «не был теперь пригоден ни для какой крестьянской работы» [8, с. 158]. Лечение требовало средств. И братья стали раздумывать, как бы избавиться от калеки. Отобрав имущество, его выгнали со двора вместе с семьей. Писатель отмечает, как изменилась деревня, жители которой стали равнодушными друг к другу, и как прежде добрые отношения внутри семьи сменились корыстью и жестокостью.

В отличие от рассказа «Шейх Джума», в котором герой остается цельным на всем протяжении повествования, не меняя своего мировоззрения, привычек, шейх из рассказа «Шейх Сейид слабоумный» меняется и внешне, и внутренне. Причём перемены с ним происходят не один раз.

«Счастливой» оказалась встреча с мясником Абу Шуша. Зайдя к нему, шейх привычно повторял бессмысленные фразы, которые показались пророческими. Когда шейх ушёл, получив кусок мяса на пропитание, Абу Шуша задумался, пытаясь хоть что-то разумное найти в этой галиматее. Какой смысл в этих словах? «Не имел ли он в виду судебный процесс о земле? Ведь заседание как раз через три дня» [8, с. 160]. Мясник выиграл дело в суде. С этого момента шейх стал местным святым. «... счастье сопутствовало ему, и бред его оказывался удачным. Все боялись его и почитали, осыпая подарками и деньгами» [8, с. 160].

Теперь всё, что было связано с именем шейха, приобретало особый смысл, становилось отражением его великого дара. Так продолжалось семь лет. За это время с ним произошли очередные перемены. Безумие прогрессировало. «Из спокойного и безвредного» он превратился в буйного и опасного. Подобно урагану он влетал на рынок, наносил ущерб продаваемому товару, бил домашнюю птицу и людей. Люди стали возмущаться и опасаться за свою жизнь. Переменчивая судьба то поднимала его с колен, то вновь бросала на землю. Таким же непредсказуемым оказывается мнение народа, которое легко изменить.

Мать старалась не выпускать сына из дома, опасаясь за его жизнь. Сейид не один раз пытался сбежать. Но всякий раз терпел неудачу. Состояние шейха ухудшалось. Он метался по дому, грыз кирпичи и плакал. Мать как могла утешала его. В один из дней он вырвался из своей темницы. Из соседнего дома вышла женщина с ребёнком, неся на подносе еду своему мужу в поле. Почувствовав запах еды, шейх бросился ей вслед. Выхватил еду и тут же начал с жадностью её поедать. Женские вопли, лай собак... Обезумевшие жители деревни кинулись к месту происшествия. Избив его дубинками, «...люди засучили рукава на своих сильных руках и потащили шейха Сейида за ноги, как тащат мёртвого быка» [8, с. 167].

Вырыли могилу и бросили в неё тело шейха. «... и каждый вернулся к своему делу, как будто ничего не произошло» [8, с. 167]. Так трагически закончилась история шейха Сейида, которого люди возвеличивали и своими же руками уничтожили. Ему пришлось не один раз пережить взлёты и падения. Он стал «чудом» деревни. Прошли годы, и его могила стала местом паломничества, «Каабой для паломников со всех концов земли» [8, с. 168]. «Шли сюда люди, поражённые скорбью, и те, с кем случилась какая-нибудь беда, искали здесь благословения, просили содействия и молили о помощи, надеясь на милосердие шейха» [8, с. 168].

Забылась правдивая история. Однако людям нужно кому-то поклоняться. Вот они и сделали из захоронения слабоумного калеки место паломничества. В рассказах Махмуда Теймура высмеиваются обывательская ограниченность, предрассудки и суеверия.

Тема суеверий и их разоблачения продолжается в рассказе «Амм Митвалли». Здесь личность главного героя даётся в неразрывной связи с общественной средой. Начинается рассказ, как, впрочем, и другие из цикла о суевериях и предрассудках, с описания героя. «Амм Митвалли – бродячий торговец, продавец суданских бобов, халвы и других сладостей» [8, с. 169]. «Он появился там в своей чалме, высокой и белой, в рубаше с широкими рукавами... Голос его слаб от старости» [8, с. 169]. От описания внешности героя автор переходит к изображению его характера, привычек, быта. «Он прожил всю свою жизнь один, не было у него ни жены, ни детей. <...> Он живёт в маленькой тёмной комнатке...» [8, с. 169].

Все дни его жизни были похожи один на другой. Сначала описывается его вечер – с обязательным обращением к Всевышнему, размышлениями и воспоминаниями о прошлом, в котором он сражался в войсках сторонников Махди (Мухаммеда Ахмеда) – главы антианглийского восстания в Судане. С благоговением он берёт меч и целует его, надеясь, что правоверные везде поднимут знамя веры и очистят землю от скверны [8, с. 170].

Воображение Амм Митвалли рисует толпы врагов и его битву с ними. Реальность – пустая и тёмная комната, глубокая тишина. Ночью видятся ему чудесные сны – «славное прошлое и будущее, озарённое возвращением Махди» [8, с. 170].

Можно сказать, что рассказ вмести в себя целую жизнь, по крайней мере большую её часть. Известно, где он родился (Судан), воевал (командиром отряда). Описываются события пятнадцатилетней давности, когда он переехал в Каир. С этого момента порядок его жизни не менялся. «Рушились старые дома и вырастали новые, умирали люди и становились взрослыми дети» [8, с. 170], а Амм Митвалли оставался прежним, ежедневно выходящим на прогулку по одним и тем же улицам с двумя «станциями» (остановками), на которых он проводил больше всего времени. Жизнь его была безмятежной, в постоянных молитвах и служении Всевышнему.

Показательно, что и в рассказе «Шейх Джума» также подчеркиваются постоянство, верность своим взглядам, твёрдость в благих намерениях. Мир зла подвижен, склонен к переменам. А добро, вера, совесть,

благие деяния должны быть неизменными в любые времена. Эти чувства (качества) не должны остывать ни при каких обстоятельствах. Подтверждением являются рассуждения прихожан «в тоске и скорби об исламе, о его минувшей славе и бедствиях, которые постигли его» [8, с. 171]. Мир переменчив, и слава может быть минувшей, вчерашней. Согласие, вера, взаимопомощь неизменны. Поэтому шейх Амм Митвалли всегда «с сияющим лицом, ровным и торжественным голосом рассказывал о грядущем прибытии», мессии. И люди любили его выступления, ждали их, «жадно внимали этому святому человеку», его рассказам [8, с. 174]. Тот, кто касался когда-то его «чудесного» меча, произнёс: «Ты – наместник пророка...» [8, с. 174-175]. Амм Митвалли поверил прихожанам:

– Я Махди... Я наместник пророка... Я тот, кого послал Аллах руководить людьми... [8, с. 175].

Когда через пару недель Амм Митвалли настигла смерть, все жители квартала оплакивали его, устроили пышные проводы, построили великолепную гробницу [8, с. 174], которая стала Каабой для многих людей. «... и приходили они к ней искать исцеления от болезней телесных и душевных...» [8, с. 175].

Показательно, что в рассказах «Шейх Сейид слабоумный» и «Амм Митвалли» схожие концовки. Могилы стали местами поклонения, Каабой для верующих, страждущих, нуждающихся.

Махмуда Теймура отличает проникновение в сложный мир чувствований, хорошее знание жизни человека [3]. Локальная ситуация в рассказе отражает то, что характерно для жизни в целом – люди сами создают себе кумиров и боготворят их. Поклонение сплавляет людей. Они забывают о спорах, распрях, восхищаясь своим кумиром – идеалом набожности, чистоты, искренности. Личность Амм Митвалли, его жизненный путь, проблемы, с которыми он сталкивался, являются примером для его приверженцев, вдохновляют и дают надежду. Махмуд Теймур этим рассказом продолжает тему мнимых святых, лживых истин, ложных истоков почитания. Человеческие страхи, переживания становятся причиной появления веры в ложные святыни. И этот путь совершенно далёк от истинного духовного познания. Махмуд Теймур показывает «чудеса мнимые» (эпизод с мечом, от прикосновения к которому будто бы исцелился ребёнок, стоящий на краю гибели). Вера в них уводит человека от духовно-нравственного очищения, пути служения Всевышнему.

В рассказе отмечается устойчивое и неизменное начало – характер героя, который на протяжении всего повествования (всей жизни) остаётся человеком светлым, благородным, богобоязненным. На это косвенно указывают маркеры постоянства (формулы неизменности): «... и за эти годы порядок его жизни не изменялся» [8, с. 170]; «как обычно, уселся возле дверей дома Нур-ад-дин-бека в ас-Суюфийе» [8, с. 170]; «сюда он всегда приходил после вечерней молитвы» [8, с. 170]; «А когда они наконец встали в круг, Амм Митвалли, как всегда, ... начал пространно рассуждать о прошлом ислама...» [8, с. 171] и др. В старых, простых и неизменных истинах сосредоточена огромная нравственная энергия поколений. Писатель обращает внимание на надёжные ценностные критерии, сформулированные и освященные авторитетностью народного сознания.

Тема сотворения кумира получает продолжение в рассказе «Шейх Наим, имам, или Многоженец», венчающем цикл о разоблачении суеверий. В отличие от двух других рассказов, он начинается с описания мечети местечка аль-Махарик, в которую каждую пятницу спешат толпы народа, чтобы «насладиться великолепной проповедью благочестивого имама мечети, шейха Наима, чтобы удостоиться чести помолиться вместе с ним» [8, с. 176]. Далее следует описание благочестия имама, который не зря заслужил такую славу, ведь «он произносит молитвы, тайно беседуя с самим Богом; его мир – это мечеть и дом» [8, с. 176]. Шейх посчитал себя «из числа потомков пророка, и что Аллах избрал его руководителем и наставником этой деревни и других деревень и городов» [8, с. 177]. Он рассказывает прихожанам о тайном голосе, приказывающем ему «вести людей верным путём и помогать им» [8, с. 178].

Рассказ «Шейх Наим...» завершается словами: «Так живёт этот человек, наяву и во сне охваченный странными пророческими фантазиями о своем высоком предназначении в этом мире и в будущем, о той славной миссии, для которой избрал его Аллах, – миссии, которую могут успешно выполнить только истинные святые» [8, с. 178]. Шейх Наим только внешне остается богобоязненным служителем культа.

В своем воображении шейх Наим себя рисует истинным святым, которому по плечу самые сложные задачи исцеления тела и души человека. В один из дней прихожанин Аб дат-Тавваб обратился к шейху с просьбой вернуть ему жену после тройного развода (три раза произнесённой формулы развода). Согласно закону, чтобы женщина стала дозволенной для мужа, ей нужно выйти замуж за другого человека, а затем развестись. Просьба Абд ат-Тавваба сделать жену дозволенной (т.е. жениться на ней) вызвала смущение у шейха. Он пообещал прочитать молитвы и испросить благословения у Всевышнего, чтобы жениться на жене сторожа. С этого момента он стал «чем-то вроде племенного барана: не успевал он расторгнуть один брачный союз, как его уже ожидал другой» [8, с. 181]. Люди толпами стали стекаться к его дому, чтобы сделать своих жён дозволенными после тройного развода. Шейх уверен, что помогает «грешным рабам»

соединять «семью после разрыва, связывает союз после ссоры» [8, с. 180]. Эта уверенность в том, что он творит богоугодные дела, повлияла даже на внешний вид шейха: он выпрямился, как стройное дерево, подстриг бороду, покрасил её хной, стал умащаться благовониями. И если раньше во время проповеди голос его звучал сильно и грозно, то теперь – мягко и тихо.

Кульминационный момент в повествовании: в дом шейха пришёл городской житель Тихами вместе со своей бывшей женой, прося сделать её дозволенной вновь для брака с ним. Ситт аль-Куль – так звали разведённую жену – вошла в дом шейха Наима и... заняла прочное место в сердце имама» [8, с. 181].

Очередная волна перемен коснулась шейха. Он реже стал бывать в мечети (чего никогда до этого не было), стремился больше времени проводить с Ситт аль-Куль, делал ей подарки, дарил украшения. И женщина, увидев, что из шейха можно вить верёвки, «подарила ему свою благосклонность» [8, с. 182]. Шейх наслаждался временем, проводимым с феей, «похитившей его разум» [8, с. 182]. Тихами приходил в дом шейха за своей женой. Шейх же всякий раз находил причину для отказа – то он обвинял Тихами, что тот пришёл слишком рано («Аллах любит терпеливых, эфенди» [8, с. 182], то обещал её вернуть через неделю. В положенный день «шейх почувствовал в себе удивительную силу. Широко раскрытыми глазами он посмотрел на присутствующих, и глаза его излучали огонь, обжигающий сердца. Он поднял голову, и лицо его запылало...» [8, с. 183].

Сославшись на тайный голос, который ему шептал, он принял решение не отдавать Ситт аль-Куль. Прихожане встали на сторону имама, уверяя, что верят только в него, и в промысел Всевышнего, который повелел спасти жену Тихами, «охранить её от зла» [8, с. 183]. Люди, уверовав в его слова, прогнали Тихами и пригрозили убить, если он посмеет вернуться [8, с. 184] и оскорбить имама, посвятившего себя благу верующих. «Дурные наклонности развиваются ... в герое под влиянием "благоприятных" условий, слабость человеческой природы не позволяет ему противиться соблазну» [5, с. 291].

Так был создан очередной кумир, слово которого воспринималось последователями как единственно верное, правдивое, посланное от Всевышнего, ведь шейх «слышит» тайный голос, который повелевает, поручает, направляет... [1, с. 71]. «В сиянии славы» шейх гордо покидает мечеть. Писатель ироничен в описании шейха Наима, который гордо надулся, «словно индюк» [8, с. 184]. Рассказ относится к разряду произведений Махмуда Теймура, в которых персонажи меняются под воздействием внешних обстоятельств, нравов общества.

Махмуд Теймур справился с задачей – создать «короткий жанр, труднейший жанр» [2, с. 47]. Реалистичны картины, создаваемые Махмудом Теймуром в рассказах о рождении и распространении суеверий. Даже в раннем творчестве отражается сложное отношение писателя к действительности. С одной стороны, задумываясь о будущем Египта, писатель не видит реальных путей улучшения жизни простого народа, с другой – он верит в своего положительного героя, человека из народа, феллаха.

Персонажи наделяются подробными портретными характеристиками. Писатель умеет укрупнять портреты, приближая некоторых своих героев к читателю. Автор при этом выступает одновременно в качестве наблюдателя, очевидца и критика происходящих событий. В его рассказах всегда описывается место действия, называются кварталы, улицы, «места стоянок». Поведение персонажей не является чем-то исключительным, а напрямую связано со средой, к которой они принадлежат.

Старший брат Махмуда, Мухаммед Теймур, всем своим творчеством заявил установку на изображение того, «что видят глаза». Это означало «рождение нового, реалистического сознания, воспринимающего любое явление действительности как достойное эстетического освоения и стремящегося отобразить его в наиболее... естественных формах. Эта установка сохранялась... на протяжении всей первой половины XX века» [5, с. 219-220]. В своё время Мухаммед Теймур доказал, что «местный» рассказ может соперничать с «импортным», что египетское общество способно дать писателю полноценный материал для художественной новеллы, что было вопросом чести для египетской литературы [5, с. 219]. Так же считал Махмуд Теймур, который использовал «местный» материал для изображения конкретных жизненных ситуаций, выражения своих идей, настроений.

Для Махмуда Теймура особую роль играет не сюжет, а изображение характера, портрет, биография персонажа, описание сцены (происшествия), которые позволяют ему наиболее полно раскрыться. В то же время для ранних рассказов Махмуда Теймура характерно изображение странных людей, тех, кто «не в своей тарелке». Из названий рассказов автора выстраивается целая «галерея» подобных персонажей («Амм Митвалли», «Шейх Сейид, слабоумный» и др.).

Выводы

Таким образом, в цикле рассказов о суевериях Махмуда Теймура, относящемся к раннему периоду творчества, реализуется то, что станет определяющим для всего творчества писателя – правдивое изображение

жизни Египта, разных слоёв общества (крестьян, чиновников, слуг, городской бедноты и др.). Рассказы Теймура, в которых разоблачаются суеверия, реализуют тему мнимых святых, лживых истин, ложных истоков почитания. Человеческие страхи, переживания становятся причиной появления веры в мнимые святыни. И этот путь совершенно далёк от истинного духовного познания. Для цикла рассказов о суевериях характерны такие особенности, как преобладание хроникального начала в сюжете; изображение общественных нравов и повседневной жизни, описательность, неторопливость действия, подробное бытописание, портретные описания. В рассказах Махмуда почти нет внесюжетных элементов (лирических отступлений, пейзажных зарисовок), за исключением художественных предварений (снов, предчувствий, предзнаменований и др.).

Список источников

1. Али-заде Э.А. Махмуд Теймур. М.: Наука, 1983. 182 с.
2. Бондарев Ю. Человек несёт в себе мир. М., 1980. С. 47.
3. Георгиевский А.С. Русская проза малых форм. URL: <http://www.disserr.com/contents/> (дата обращения: 18.09.2025).
4. Долинина А.А. Предисловие // Современная арабская проза / пер. с араб. М.-Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1961. 366 с.
5. Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX веков: в 2 т. М.: Восточная литература, РАН, 2003. Т. 1.
6. Кретьева А.А. Святочные рассказы Н.С. Лескова в контексте русской литературы XIX века: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.2. М., 1992. 16 с.
7. Русина Н.С. «Воительница» Н.С. Лескова: Проблемы характера и среды // Ученые записки МГПИ. 1970. Т. 389. С. 317 – 320.
8. Современная арабская проза / пер. с араб., предисл. А.А. Долининой. М.-Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1961. 366 с.
9. Столярова И.В. В поисках идеала... Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. 232 с.
10. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 2001. 334 с.

References

1. Ali-zade E.A. Mahmud Teymur. Moscow: Nauka, 1983. 182 p.
2. Bondarev Yu. Man carries the world within himself. Moscow, 1980. 47 p.
3. Georgievskiy A.S. Russian short fiction. URL: <http://www.disserr.com/contents/> (date of accessed: 18.09.2025).
4. Dolinina A.A. Preface. Modern Arabic prose. Translated from Arabic. Moscow-Leningrad: State Publishing House of Fiction, 1961. 366 p.
5. Kirpichenko V.N., Safronov V.V. History of Egyptian Literature of the 19th-20th Centuries: in 2 vol. Moscow: Vostochnaya Literatura, RAS, 2003. Vol. 1.
6. Kretova A.A. Christmas Stories by N.S. Leskov in the Context of Russian Literature of the 19th Century: Diss. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.2. Moscow, 1992. 16 p.
7. Rusina N.S. Leskov's "Warrior Woman": Problems of Character and Environment. Scientific Notes of MGPI. 1970. Vol. 389. P. 317 – 320.
8. Modern Arabic Prose. Translated from Arabic, foreword by A.A. Dolinina. Moscow-Leningrad: State Publishing House of Fiction, 1961. 366 p.
9. Stolyarova I.V. In Search of the Ideal... L.: Leningrad University Publishing House, 1978. 232 p.
10. Tomashevsky B.V. Literary Theory. Poetics. Moscow: Aspect Press, 2001. 334 p.

Информация об авторах

Гаджимурадова Т.Э., кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, taiba1970@mail.ru

Исаева М.М., ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, ai-shammm41@gmail.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81'367.623:81'246.3

¹ Мокшенинова О.М.

¹ Оренбургская православная гимназия
им. св. прав. Иоанна Кронштадтского

Коммуникативная перспектива высказывания на материале церковнославянского языка

Аннотация: статья посвящена природе коммуникативной перспективы высказывания на материале церковнославянского языка. Основные задачи исследования – описать построение коммуникативной перспективы высказываний, в основе которых лежат субъектно-предикатно-объектные ситуации церковнославянского языка, которые проанализированы с точки зрения трех видов адресаций, представленных в гимнографических произведениях: нарративная, вокативная и аутоадресация. Предложенные рассуждения и выводы могут быть полезны всем, кто интересуется построением коммуникативной перспективы высказываний, базу которых составляют субъектно-предикатно-объектные ситуации с актуальной для богослужбной практики адресацией на церковнославянском языке. Анализ субъектно-предикатно-объектных ситуаций актуализирует значимость не только коммуникативного и лексического, но и функционально-грамматического аспектов, поэтому исследование функционально-семантического поля с предметным (субъектно-объектным) ядром способствует расширению языковой картины мира.

Ключевые слова: коммуникативная перспектива высказывания, ситуации, семантические и синтаксические категории, актуальное членение предложения, пропозиция, предикат, субъект, объект, церковнославянский язык

Для цитирования: Мокшенинова О.М. Коммуникативная перспектива высказывания на материале церковнославянского языка // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 250 – 256.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Moksheninova O.M.

¹ Orenburg Orthodox Gymnasium named
after St. John of Kronstadt

Communicative perspective of utterance based on the material of Church Slavonic

Abstract: this article examines the nature of the communicative perspective of utterances based on Church Slavonic material. The main objectives of the study are to describe the construction of the communicative perspective of utterances based on subject-predicate-object situations in Church Slavonic, analyzed from the perspective of three types of addressing presented in hymnographic works: narrative, vocative, and self-addressing. The proposed reasoning and conclusions may be useful to anyone interested in constructing a communicative perspective on utterances based on subject-predicate-object situations with relevant liturgical addressing in Church Slavonic. An analysis of subject-predicate-object situations highlights the significance of not only the communicative and lexical aspects, but also the functional-grammatical ones. Therefore, exploring the functional-semantic field with a subject-object core contributes to the expansion of the linguistic worldview.

Keywords: communicative perspective of utterance, situations, semantic and syntactic categories, actual sentence segmentation, proposition, predicate, subject, object, Church Slavonic

For citation: Moksheninova O.M. Communicative perspective of utterance based on the material of Church Slavonic. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 250 – 256.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Возрастающий интерес современной лингвистики к изучению механизмов построения высказывания в различных языках, в том числе в пределах богослужебной коммуникации, обосновывает актуальность исследования, проведенного на материале церковнославянского языка.

Церковнославянский язык как важнейшая составляющая литургической традиции предоставляет широкие возможности для анализа коммуникативной перспективы высказывания, особенно в контексте гимнографических произведений, в которых явно выражены различные типы адресации: нарративной, вокативной и аутоадресации.

Изучение субъектно-предикатно-объектных структур в церковнославянском языке позволяет не только выявить особенности организации высказывания в гимнографических произведениях, но и углубить понимание функционально-грамматических и семантических характеристик языка как инструмента выражения богословской мысли. Это особенно значимо в условиях постоянного интереса к литургическому наследию, необходимости адекватного осмысления и перевода богослужебных текстов.

Важную часть отечественного языкознания составляет изучение взаимодействий, в которые вступают предикат, субъект и объект, для их рассмотрения необходимо проанализировать структуру пропозиции в аспекте актуального членения предложения [1, с. 30]. Семантическая природа предложения для анализа отношений между предикатом, субъектом и объектом предполагает использование понятия ситуации. Исследованиями в данной области лингвистики занимались Ю.Д. Апресян [2], Н.Д. Арутюнова [3], А.В. Бондарко [1], Ю.А. Рылов [10], Ю.С. Степанов [4], А.А. Холодович [5] и др. В данной работе рассмотрены субъектно-предикатно-объектные отношения на материале церковнославянского языка. Названные отношения, определяемые как субъектно-объектные отношения, представляют универсальную категорию языка, которая влияет на выражение универсальных категорий человеческой мысли [1, с. 6]. Понятия субъекта и объекта относятся как к семантическим, так и к синтаксическим категориям, но их часто рассматривают автономно, поскольку в семантике субъект является производителем действия, а объект – тем, на кого оно направлено. Данные значения не зависят от конкретного языкового оформления. В синтаксисе субъект и объект – это члены предложения: подлежащее и дополнение. Здесь важна форма, например, падеж в русском или церковнославянском [6, 18].

Взгляд на предложение с точки зрения семантической структуры позволяет использовать понятие категории ситуации, выражение которой требует использования языковых средств: они необходимы для оформления высказывания с содержанием структуры определенных типов, основанных на семантической категории и образуемых в функционально-семантическом поле церковнославянского языка, а также представляющих собой один из аспектов общей ситуации, проявляемой в высказывании: в аспектуальной, темпоральной, модальной или локативной грамматической категории.

Отнесенность субъекта и объекта к семантическим категориям позволяет определить отношения между ними как предикат, являющий собой центр пропозиции и составляющий основу семантики высказывания, а семантические аспекты выводят на проблему семантической структуры высказывания.

Употребление терминов субъекта и объекта для обозначения синтаксических категорий связано с задачей изучения способов присоединения к глаголу зависимых от него имен [1, с. 7], где, с одной стороны, под субъектом принято понимать логический конструктор, который обозначает предмет и о котором выносится суждение [3]; с другой стороны, в прототипических сочетаниях с участием любого глагола субъект соотносится с планом содержания первого актанта [1, с. 28]. Категория объекта отражает итоги обобщения на уровне синтаксической семантики определенных аргументов за счет единообразного их оформления в качестве вторых актантов прототипических конструкций [1, с. 29].

В пределах функционально-семантической сферы актуального членения принято наблюдать множество явлений, среди которых выделяется коммуникативная перспектива высказывания, представляющая собой реляционную структуру, в состав которой входит совокупность элементов (агенса, пациенса, локатива, предиката и др. и сеткой объединяющих их отношений) [1, с. 201].

Элементы дифференцируются по уровням. Характеризуемое и характеризующее в данном исследовании являются основополагающими метатерминами, благодаря которым возможно описать коммуникативную перспективу высказывания. Многочисленные векторные (ориентированные) связи между характеризуемым и характеризующим можно наблюдать в различных предложениях, где данные связи представляют собой блоки, каждый из которых по-своему раскрывается в роли характеризующего по отношению к подлежащему.

Цель исследования заключается в обосновании понимания построения коммуникативной перспективы высказывания в пределах функционально-семантической сферы актуального членения на примере субъектно-предикатно-объектных ситуаций, которые есть в церковнославянском языке.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования выступают выбранные стихи из Евангелия и Псалтири, а также икосы, кондаки, тропари, стихирь – гимнографические произведения, которые содержатся в Минеи месячной, поэтическом и богословском источнике (март и май).

Результаты и обсуждения

В работе обращено внимание на построение коммуникативной перспективы высказывания, базирующейся на субъектно-предикатно-объектных ситуациях церковнославянского языка, в границах которых под предикатом следует понимать данный субъекту семантический признак действия или состояния, отношения или бытия, который способен сочетать с позиции говорящего содержание высказывания с действительностью по семантическим признакам, актуальным для данного предложения, а субъект оправдывает свое назначение быть подвижным выражением не только с позиции подлежащего, но и других позиций, объект же как неактивная субстанция зависит от предиката. Субъектно-предикатно-объектные ситуации рассмотрены в пределах гимнографических текстов с актуальной для богослужебной практики адресацией: нарративной, вокативной и аутоадресацией.

Построение коммуникативной перспективы высказывания углубляет изучение дискурсивных практик в русском и церковнославянском языках. Филологический анализ гимнографических произведений привлекает внимание научной общественности к прикладным аспектам изучения и использования церковнославянского языка.

Исследование характера субъектно-предикатно-объектных ситуаций важно для построения коммуникативной перспективы высказывания. В работе внимание сфокусировано на пересечении субъектно-предикатно-объектных ситуаций с единицами полей, определяющих содержательный план высказываний.

Методы исследования: в работе применены сравнительно-сопоставительный и метод лингвистического анализа, анализ ситуаций и контекстуальный анализ.

Коммуникативная перспектива высказывания, ограниченная рамками церковнославянских богослужебных текстов, требует обоснования. Известно, что в основе создаваемых гимнографами произведений лежит прежде всего агиографический материал, включающий назидательные высказывания из речи святых, традиция записывать и хранить которые идет с первых веков христианства, они считались продолжением Евангелия и были приравнены к аграфам [8, с. 523].

Таким образом, актуализируется не только поучительный характер подобных фрагментов прямой речи святого, но и восприятие смыслового пространства службы как бы от его лица. Здесь нужно обратиться и к теме адресации в гимнографических текстах. Традиционно выделяется три вида адресации: нарративная, вокативная [7, с. 24] и аутоадресация [7, с. 197]. Нарративная адресация содержится в текстах [8, с. 524], основу которых составляет повествовательный мотив или житийный сюжет. В текстах с вокативной адресацией оформлено обращение к Богу, Богородице и святым. В содержание текстов с аутоадресацией включено обращение к самим молящимся [7, с. 24].

В соответствии с целью настоящего исследования для понимания построения коммуникативной перспективы высказывания важно рассмотреть субъектно-предикатно-объектные ситуации, которые иллюстрируют три вида адресации, представленные в гимнографических текстах: нарративную, вокативную и аутоадресацию. Именно такие ситуации отражают базовую структуру высказывания и позволяют распределить информацию по степени важности: они определяют способ создания коммуникативной перспективы, помогая строить высказывание с учетом значимости его для слушателей или читателей церковнославянских текстов.

Так как обращение учитывает не только коммуникативный, лексический, но и функционально-грамматический аспекты, в данной работе особое внимание уделено рассмотрению функционально-семантического поля с предметным (субъектно-предикатно-объектным) ядром, выражением которого является подлежащее двусоставного предложения. Подлежащно-сказуемых конструкций со структурой «субъект-предикат» с дискретным и эксплицитным выражением представленных компонентов в церковнославянских текстах достаточно [8]: Свѣтлостію житіS вашегw, ўчи1теліе равноапсльніи, ѣkw свѣзды нбсныз на твер-

ди црк0внэй просісли єзстЕ, из мрежею ўченій вашихъ мнНгиз кзѣки хгтУ ўлови1вше, ко свѣту неприступному востекли2 єзстЕ, издѣже со їгГлы нннэ водворсющесz, мольбУ сотвори1те ъ насъ, сщ7енную памзть вашу ъ гДэ празднующихъ (Минея, 11 мая, стихира). Данная стихира имеет нарративную адресацию: агиографические элементы, вплетаясь в песнопение праздника, освещают самый значительный эпизод жития и дают основное направление мыслям слушающих [7].

Седален, раскрывающий восторженно-поэтическую картину события, демонстрирует подлежащно-сказуемую конструкцию со структурой «субъект-предикат» с дискретным и эксплицитным выражением: Трбцэ живоначалнэй, ю4же нем0лчнw славосл0взтѣ їгГльскіз сиблы, из ю4же велегласнw во кзѣцэхъ проповѣдасте, нннэ во свѣтѣ неприступнѣмъ предстосще, моли1тесz прилежнw, кпрїлле из меф0діе, долгНвz разрѣшеніе даровати, из вѣчнагw ѡсужденіи иззбавити, люб0вію памзть вашу почитающихъ.

Способ вокативной адресации можно наблюдать в тропаре, где лаконично изложена главная особенность деяния святых Первоучителей славян Кирилла и Мефодия: Ъкw гпслwмъ єздинонравнїи из словенскихъ странъ ўчи1телїе, кпрїлле из меф0діе бГомудріи, вЛку всѣхъ моли1те, вс%о кзѣки словелнскїз ўтверди1ти въ православїи из єздинонмслїи, ўмири1ти мїрѣ, из спсти2 души нашz (Минея, 11 мая, тропарь).

Способ аутоадресации отражает обращение человека к себе: Ъкw древо неплодное сїй, какw не ўжасаюсz гр0знагw посѣченїз, q ѡкасный їзъ! Ск0рw притецѣ2 къ бГобїгодатнэй, душЕ моS: їще бо не пнА заступитъ тS, ўзрѣти не и4маши свѣта невечернз из ми1ромъ владѣтельствующа (Минея, 11 мая, богородичен, песнь 5).

Сложно не согласиться с мыслью Ю.А. Рылова, что проблема субъектности способствует более глубокому пониманию картины мира, так как взаимодействие субъекта с другими языковыми категориями формирует мироощущение народа, отражая его представления о субстанции, не исключая и самопонимание [10]. Так, вокативная формула, взятая из гимнографического текста, замкнута на двух составляющих: человек – q ѡкасный їзъ, душЕ моS – Богородица как источник, к которому он призывает себя прибегнуть.

Субъект в данном контексте рассматривается как сущность с субстанциональным основанием, которое в процессе предикации определяется в качестве носителя признака (действия, состояния).

Денотат субъекта может быть представлен лицом, объектом (в широком смысле), абстрактным понятием, явлением природы или ситуацией [9]. Такое определение позволяет рассматривать каждое высказывание как сообщение о субъекте и его предикативном признаке, а односоставная форма не обязательно указывает на семантическую односоставность высказывания.

Субъект определяется как «источник неpassивного предикативного признака» [1, с. 27], где источник – тот, кто производит действие и что (или кто) считается объектом, на который направлено это действие: Сщ7енницы твои2 ѡблекутсz въ правду, из прпбнїи твои2 возрадуютсz (Минея, 11 мая, стих). В пределах двусторонней содержательной субъект-предикатной взаимосвязи роль субъекта по отношению к предикату является детерминирующей. Роль субъекта проявляется в закономерностях взаимосвязи действия предиката, который может стать локализованным и нелокализованным во времени.

В случае, когда субъект способен к конкретной (заданной, определенной) референции, он задает предикату вектор временной локализации.

Рассмотрен пример из Минеи месячной (11 мая, ирмос): Вещественнагw пгнS пламень невещественнымъ ўвздї1ша бГозри1мїи цтрocy (Минея месячная, 11 мая, ирмос).

Предикат может быть нелокализованным во времени только в двух степенях:

1) минимальная (когда неузуальная повторяемость задана в пределах конкретного фрагмента речи): Нуждахуsз и4щущїи душу мою2: из и4щущїи слѣз мнѢ глаголаху суетназ (Пс. 37: 13); Ъсл0бленъ бѣхъ из смири1хсz до сэлА, рыкахъ t въздыханїз сердца моего2 (Пс. 37:9);

2) более высокая степень (узуальность, приписываемая данному субъекту), когда временное ограничение оформлено заданными узуальными повторениями действий: Пострадахъ из слзк0хсz до концА, весь день сѣтуз хождяхъ (Пс. 37: 7); ЪгГль бо гДнь на вско лѣто сходяше въ купѣль, из возмущаше воду: из и4же первѣе влазѣше по возмущенїи воды2, здравъ бываше (Ин. 5:4).

По мысли А.В. Бондарко, с позиции вневременности или временной нелокализованности действия наивысшая степень обобщенности ситуации влияет на генерализацию субъекта. Соответственно, максимальная генерализация субъекта требует временной обобщенности [1, с. 38].

Когда речь начинается с номинации обобщающих субъектов, детерминирующее влияние генерализации субъекта становится явным [1, с. 40], что демонстрирует вневременность, реализуемую и в церковнославянских текстах: Хгте свѣте и4стинный, просвѣщай из ѡсвѣщай вскаго челоvка грздущаго въ мїрѣ (Часослов, час 1); Человѣкѣ, ѣкw трава днїе егзw2, ѣкw цвѣтъ селный, такw ѡцвѣтеть (Пс. 102:15).

Итак, приведенные примеры согласования по степени генерализации субъекта и предиката свидетельствуют об их тесной взаимосвязи, безусловно, это влияние распространяется и на объект, который представ-

ляет собой неактивную субстанцию, находящуюся в зависимости от предиката: предикативный признак в активных конструкциях либо направлен на нее, либо связан с ней – *дѡмъ сѣмѣни твоѡ душѡ показасѡ* (песнь 3, ирмос). Здесь явно выражена зависимость прямого дополнения от простого глагольного сказуемого, налицо близость смыслового подчинения объекта предикату [1]. Пассивные конструкции вида *ребра изскоповаема* копи́емъ демонстрируют несоответствие позиции подлежащего: *ребра* – объект действия и в то же время субъект состояния.

Предикатно-субъектные и предикатно-объектные отношения отмечены разницей между субъектом действия и субъектом пропозиции, то есть суждения [1, с. 40]. В пассивных конструкциях типа *слово твоѡ свѣтомъ бжественнымъ ѡблѣтаемо*: *слово* – объект действия, но субъект пропозиции.

Выделенные типы содержательных ситуаций актуальны для русского языка, однако применимость их к церковнославянскому тоже очевидна. Содержательные ситуации квалифицируются по характеризующим признакам элемента данного субъекта (в его отношении к предикату и объекту), и семантическим признакам предиката.

Обращение к субъектно-предикатно-объектным ситуациям, дифференцируемым с позиции одушевленности / неодушевленности субъекта (одушевленно-субъектные / неодушевленно-субъектные), позволяет сфокусироваться на распределительной функции субъектности / объектности и одушевленности / неодушевленности. Безусловно, признак «одушевленности» указывает на связь с функцией субъекта, а признак неодушевленности связан с функцией объекта: *гавріілъ грѡхѡгъ* – одушевленность соединена с функцией субъекта, а *пещь, руцѡ* – «неодушевленность» соотносится с функцией объекта). *Росодательну кѡмъ пещь содѣла ѿгъ* (канон, песнь 6, ирмос): *Руцѡ распростеръ даниілъ* (канон, песнь 8, ирмос).

Примером переходного действия действующего субъекта [1] (субъект выражен категорией неодушевленности) служит выражение, в котором роль подлежащего выполняет существительное *бездна* – неодушевленный предмет, а одушевленное существо находится в роли дополнения: *Бездна послѣднѡ грѡхѡмъ ѡблѣде мѡ, ѡз трепетомъ ѡдержи мѡ ѡсмь, ѡжасасѡ всеконечнаго потопленіѡ* (Минея месячная, 11 мая, песнь 6).

Чтобы выделить содержательные типы субъектно-предикатно-объектных ситуаций, сделаем акцент на признаке чистой и сопряженной субъектности [1].

В церковнославянском языке актуальна чистая субъектность: *Гавріілъ грѡхѡгъ къ тебѣ, всенепорочно, квлени ѡприіде* (Минея, 24 марта); *Благовѣствуетъ гавріілъ благодатнѡ днесъ* (Минея, 24 марта). Место сопряженной субъектности также определено: *Вознесена тѡ ви́дѣвши црковь на ктѣ* (песнь 4, ирмос).

В церковнославянском языке есть частные случаи, в которых явно показана единая функция субъекта действия и косвенно-объектной функции орудия, а также обстоятельственная функция причины – в общем синкретичном комплексе «орудие-субъект-причина» [1]: *Моръ чермную пучину невлажными стопами древній пѣшествовавъ ѿ, ктѡмъ образными мѡмсеовыма рукама гмалікову силу въ пустни побѣди ѡсѣ* (Минея, 24 марта, ирмос); *Перстомъ бо цѣмъ напишетъ въ тебѣ бжественное слово воплощъ* (Минея, 24 марта, ирмос).

Яркой разновидностью, сопряженной субъектности считается комплекс с инфинитивными конструкциями типа *квѣти тебѣ приіде таинство, ѿглы неизреченное, неискусобрачна двѡ благословенна* (Минея 24 марта, ирмос). Гимнографические тексты содержат высказывания, в которых адресат (косвенный объект) не выражен материально (случай, когда элемент потенциальности имплицитно связан с конструкцией типа «дательный + инфинитив») [11]: *возвѣсти тебѣ* в стихире *Въ шестій мѣсѡ грѡхѡрати гѡ посланъ бжѣ къ тебѣ двѡ ѡз чстѡй, возвѣсти тебѣ слово спасеніѡ* (стихира); *благовѣсти двѡ* в стихире *Посланъ бжѣ съ нбѡсѡ гавріілъ грѡхѡгъ, благовѣсти двѡ зачатіѡ* (Минея, 25 марта).

Ситуации, в которых состав элементов полный / неполный, а дискретное / недискретное, эксплицитное / имплицитное выражение их элементов отражает деление на следующие типы 1) субъектно-предикатно-объектные ситуации, в которых наблюдается полный состав элементов: *Чисту тѡ всенепорочно гавріілъ ѡмъ ѡзрѣ* (канон архангелу Гавриилу, песнь 1); 2) субъектно-предикатно-объектные ситуации с неполнотой представленных элементов, двучленные ситуации с элементами субъекта и предиката при отсутствии объекта: *Хгѡсѡ моѡ сила, бжѡ ѡз гдѡ, честна црковь бѡголепно поетъ* (канон архангелу Гавриилу, песнь 4); *Тверзу ѡста моѡ* (канон архангелу Гавриилу, песнь 1); *Совѣты кзѡмъ въ разори, вѣру православную ѡтверди, ѡстави раздѡры церкѡмъ, грѡхѡгле, ко всѡхъ творцѡ твоимъ молитвами* (канон архангелу Гавриилу, ирмос) – двучленные ситуации с элементами предиката и объекта при отсутствии субъекта.

На позицию субъекта как участника ситуации по отношению к действительности влияет принадлежность к определенной картине мира, что позволяет иногда изменять роль самого субъекта с переходом из активного контролера событий в пассивного экспериенса. Подобная пациентивно ориентированная модель для русского и церковнославянского языков и ментальной картины мира является культурно специфической [12].

Выводы

Итак, выше рассмотрены субъектно-объектные отношения, которые квалифицируются как субъектно-объектные отношения и универсальная категория языка, с которой связано выражение универсальных категорий человеческой мысли.

В работе проанализированы субъектно-предикатно-объектные ситуации с тремя видами адресации, взятыми из гимнографических произведений: нарративная, вокативная и аутоадресация, составляющими базовую структуру высказывания и позволяющими дифференцировать информацию по степени важности для приобщающихся к чтению и слушанию церковнославянских текстов.

В исследовании субъектно-предикатно-объектных ситуаций отмечается важность не только коммуникативного и лексического, но и функционально-грамматического аспектов, поэтому выделено функционально-семантическое поле с предметным (субъектно-объектным) ядром.

Для примеров особым образом подобраны подлежащно-сказуемые конструкции со структурой «субъект-предикат» с дискретным и эксплицитным выражением представленных компонентов, которых немало в церковнославянских текстах.

Несомненно, наблюдение за подобными субъектно-предикатно-объектными ситуациями на материале церковнославянского языка, способствует расширению языковой картины мира.

Миния как собрание гимнографических произведений, с одной стороны, в достаточном объеме содержит субъектно-предикатно-объектные ситуации, с другой стороны, вследствие своей аллюзивной природы способствует расширению границ для последующего изучения гимнографических произведений (тропарей, стихир, кондаков и др.). Поскольку коммуникативная перспектива высказывания гимнографического произведения всегда содержит отсылку к агиографическому источнику, это дает возможность для продолжения более углубленного исследования соотношения уже существующих и вновь создающихся агиографических и гимнографических текстов согласно языковой картине мира, которая составляет основу церковнославянского языка и по образцу которой строятся ситуации с субъектно-предикатно-объектными отношениями.

Список источников

1. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность. СПб.: Наука, 1992. 304 с.
2. Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
3. Арутюнова Н.Д. Семантическая структура и функции субъекта // Известия АН СССР. 1979. Т. 38. № 4. С. 323 – 334.
4. Степанов Ю.С. Иерархия имен и ранги субъектов // Известия АН СССР. 1979. Т. 38. № 4. С. 335 – 348.
5. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. 304 с.
6. Маршева Л.И. Церковнославянский язык. Местоимение. Теоретический очерк. Упражнения. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2010. 64 с.
7. Никон (Скарга), иером. Ремесло гимнографа. Методологические наброски. М.: ПСТГУ, 2022. 227 с.
8. Верещагин Е.М. Филологическая интерпретация парадоксального поведения св. Наталии Никомедийской. Язык как материя смысла. М.: Азбуковник, 2007. С. 521 – 547.
9. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. 352 с.
10. Рылов Ю.А. О семантических доминантах в языковой картине мира // Вестник ВГУ Серия гуманитарные науки. 2003. № 1. С. 82 – 94.
11. Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык. М.: Аст-Пресс Книга, 2014. 272 с.
12. Вежицкая А. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека. Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 33 – 38.

References

1. Theory of Functional Grammar: Subjectivity. Objectivity. Communicative Perspective of the Utterance. Definiteness. St. Petersburg: Nauka, 1992. 304 p.
2. Apresyan Yu.D. Language Picture of the World and Systemic Lexicography. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2006. 912 p.
3. Arutyunova N.D. Semantic Structure and Functions of the Subject. Bulletin of the USSR Academy of Sciences. 1979. Vol. 38. No. 4. P. 323 – 334.

4. Stepanov Yu.S. Hierarchy of Nouns and Ranks of Subjects. Bulletin of the USSR Academy of Sciences. 1979. Vol. 38. No. 4. P. 335 – 348.
5. Kholodovich A.A. Problems of Grammatical Theory. L.: Nauka, 1979. 304 p.
6. Marsheva L.I. Church Slavonic. Pronoun. Theoretical Essay. Exercises. M.: Sretensky Monastery Publishing House, 2010. 64 p.
7. Nikon (Skarga), Hieromonk. The Craft of a Hymnographer. Methodological Sketches. M.: PSTGU, 2022. 227 p.
8. Vereshchagin E.M. Philological Interpretation of the Paradoxical Behavior of St. Natalia of Nicomedia. Language as the Matter of Meaning. M.: Azbukovnik, 2007. P. 521 – 547.
9. Bondarko A.V. Theory of Functional Grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal Localization. Taxis. L.: Nauka, 1987. 352 p.
10. Rylov Yu.A. On Semantic Dominants in the Linguistic Picture of the World. Vestnik of VSU. Humanitarian Sciences Series. 2003. No. 1. P. 82 – 94.
11. Pletneva A.A., Kravetsky A.G. Church Slavonic. Moscow: Ast-Press Kniga, 2014. 272 p.
12. Vezhbitskaya A. The Linguistic Picture of the World as a Special Way of Representing the Image of the World in Human Consciousness. Issues of Linguistics. 2000. No. 6. P. 33 – 38.

Информация об авторах

Мокшенинова О.М., учитель русского языка, учитель церковнославянского языка, Оренбургская православная гимназия им. св. прав. Иоанна Кронштадтского

© Мокшенинова О.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.111-26

¹ Мисиева Л.А., ¹ Ястребова А.Э.

¹ Дагестанский государственный университет

Гендерно-нейтральный перевод и явление инклюзивности в языке современной корпоративной культуры

Аннотация: в статье исследуется проблема перевода с сохранением гендерно-нейтральных терминов в условиях современной корпоративной культуры. Описываются особенности английского языка, которые позволяют легко адаптироваться к инклюзивным стандартам, и выявляются сложности, возникающие при переводе на русский язык, обусловленные жесткой грамматической категоризацией рода. Приводятся конкретные методики и стратегии перевода, направленные на поддержание гендерной нейтральности, которые помогают преодолевать ограничения русского языка. Подчеркивается важность соблюдения принципа инклюзивности в корпоративной коммуникации для повышения привлекательности работодателей и расширения целевой аудитории. Излагается ряд практических рекомендаций для переводчиков и составителей текстов, обеспечивающих соблюдение гендерной нейтральности в деловой сфере. Полученные результаты способствуют формированию эффективного инструмента оптимизации процессов международного взаимодействия и внедрения стандартов равенства в российском деловом сообществе. Материалы статьи могут послужить руководством по созданию эффективных и инклюзивных job-descriptions и маркетинговых кампаний, ориентированных на современного потребителя и глобальный рынок. Таким образом, исследование выявляет не только ключевые проблемы гендерно-нейтрального перевода, но и предлагает практические решения для их преодоления, способствуя развитию инклюзивной корпоративной культуры.

Ключевые слова: гендерно-нейтральный перевод, гендерно-нейтральные местоимения, инклюзивность, гендерно-нейтральный язык, гендерная нейтральность, гендерно-нейтральные формы, гендерно-нейтральная лексика

Для цитирования: Мисиева Л.А., Ястребова А.Э. Гендерно-нейтральный перевод и явление инклюзивности в языке современной корпоративной культуры // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 257 – 263.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Misieva L.A., ¹ Yastrebova A.E.

¹ Dagestan State University

Gender-neutral translation and the phenomenon of inclusivity in the language of modern corporate culture

Abstract: this article explores the challenge of translating gender-neutral terms in today's corporate culture. It describes the characteristics of the English language that facilitate its adaptation to inclusive standards and identifies the challenges that arise when translating into Russian due to the rigid grammatical categorization of gender. Specific translation methods and strategies aimed at maintaining gender neutrality are presented, helping to overcome the limitations of the Russian language. The importance of adhering to the principle of inclusivity in corporate communi-

cations to increase employer appeal and expand the target audience is emphasized. A number of practical recommendations for translators and text writers ensuring gender neutrality in business are presented. The findings contribute to the development of an effective tool for optimizing international interactions and implementing equality standards in the Russian business community. The article's materials can serve as a guide for creating effective and inclusive job descriptions and marketing campaigns targeted at modern consumers and the global market. Thus, the study not only identifies key challenges of gender-neutral translation but also offers practical solutions for overcoming them, contributing to the development of an inclusive corporate culture.

Keywords: gender neutral translation, gender neutral pronouns, inclusivity, gender-neutral language, gender neutrality, gender-neutral forms, gender-inclusive words

For citation: Misieva L.A., Yastrebova A.E. Gender-neutral translation and the phenomenon of inclusivity in the language of modern corporate culture. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 257 – 263.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

В последние годы лингвистические исследования все чаще обращаются к проблеме инклюзивности, а также способам ее языкового выражения.

Для многих компаний глобальная инклюзивность – это ключевая ценность, которую они стремятся развивать среди сотрудников и клиентов. Будь то описание вакансии, маркетинговое сообщение или твит (tweet), использование гендерно-нейтрального языка является приоритетом.

Как отмечается в исследованиях, гендерно-нейтральный язык представляет собой когнитивно-дискурсивный феномен, требующий переосмысления традиционных языковых норм [1, с. 82].

Актуальность темы исследования обусловлена стремительным развитием корпоративной культуры глобальных компаний, где инклюзивность и diversity & inclusion стали ключевыми стратегическими ценностями. Повышенное внимание к гендерно-нейтральной коммуникации в маркетинге, HR и юридических документах диктует необходимость адаптации языковых практик. Особую сложность представляет перевод инклюзивных текстов с английского языка, обладающего значительной гибкостью, на русский и другие языки с жёсткой грамматической категорией рода. Эта проблема усугубляется лингвистическими ограничениями, социальным сопротивлением и необходимостью сохранять естественность и убедительность текста, что делает исследование эффективных стратегий перевода чрезвычайно востребованным.

Цель исследования – анализ лингвистических и социокультурных трудностей, связанных с достижением гендерной нейтральности в переводе с английского языка на русский в контексте корпоративной коммуникации, и выработка практических рекомендаций для переводчиков.

Объект исследования – гендерно-нейтральный перевод как когнитивно-дискурсивный феномен и его реализация в бизнес-текстах (описания вакансий, маркетинговые сообщения, корпоративная документация).

Задачи исследования:

- Изучить теоретические основы и современные тенденции использования гендерно-нейтрального языка в международной корпоративной среде.
- Провести сравнительный анализ возможностей и ограничений английского и русского языков в реализации принципов инклюзивности.
- Выявить и систематизировать лингвистические стратегии достижения гендерной нейтральности при переводе на русский язык.
- Проанализировать влияние инклюзивной коммуникации на бизнес-показатели (количество откликов на вакансии, лояльность потребителей, юридические риски).
- Сформулировать практические рекомендации для переводчиков по поиску баланса между инклюзивностью, естественностью и эффективностью перевода.

Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении феномена гендерно-нейтрального перевода на стыке лингвистики, теории перевода и корпоративного менеджмента. В отличие от предыдущих исследований, акцент делается не только на лингвистических аспектах, но и на практических бизнес-последствиях (юридических, маркетинговых, HR). Исследование также содержит сравнительный анализ стратегий инклюзивности в разноструктурных языках (английский, русский, арабский, иврит) в прикладном контексте деловой коммуникации.

Теоретическая значимость исследования состоит в углублении представлений о языке как о динамическом социальном явлении, которое не только отражает, но и конструирует реальность. Работа вносит вклад в развитие дискурса-анализа и гендерной лингвистики, конкретизируя теорию на материале современных бизнес-текстов. Результаты исследования могут служить основой для дальнейших изысканий в области социолингвистики, межкультурной коммуникации и когнитивных аспектов перевода.

Практическая значимость работы высока и заключается в следующем:

1. Для переводчиков и лингвистов: разработанные стратегии (использование нейтральной лексики, множественного числа и др.) могут быть непосредственно применены в практике перевода для создания инклюзивных и естественно звучащих текстов на русском языке.

2. Для бизнеса и корпораций: выводы исследования демонстрируют прямую связь между инклюзивной коммуникацией и бизнес-успехом (увеличение откликов на вакансии, расширение аудитории, минимизация юридических рисков), предоставляя компаниям обоснование для инвестиций в адаптацию своих коммуникационных стратегий.

3. Для HR-специалистов и маркетологов: материалы статьи служат руководством по созданию эффективных и инклюзивных job-descriptions и маркетинговых кампаний, ориентированных на современного потребителя (поколение Z) и глобальный рынок.

Материалы и методы исследований

Для исследования вопросов гендерно-нейтрального перевода с английского на русский и политики инклюзивности в корпоративной культуре применялись следующие методы исследования: обзор, изучение и анализ научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу. Материалом для исследования послужили многочисленные инклюзивные и не инклюзивные объявления о вакансиях и предоставлении товаров и услуг, а также оригиналы англоязычных инклюзивных текстов и статей.

Результаты и обсуждения

Достижение гендерной нейтральности в переводе не всегда просто. Это может быть связано как с лингвистическими ограничениями языка, так и со сложной природой человеческой идентичности. В 70-е годы XX века появился особый языковой феномен, получивший название "коммуникативная корректность", направленный на предупреждение дискриминации различных социальных групп, которая противоречит моральным, этическим и эстетическим нормам [5]. Новые гендерно-нейтральные формы могут отвергаться либо потому, что люди не ассоциируют себя с ними, либо из-за политизированного отношения к ним. Некоторые инклюзивные формулировки также могут звучать неестественно и усложнять текст, что не идеально для убедительного маркетингового сообщения. Риск в том, что потенциальный клиент может отвлечься на языковые нюансы вместо того, чтобы воспринимать основную мысль. В мире бизнес-перевода такое решение было бы непрактичным, даже если инклюзивность высоко ценится.

Инклюзивность (inclusivity) означает стремление создавать коммуникацию, которая не исключает и не маргинализирует людей по признаку пола, гендера или других социальных характеристик.

Инклюзивность включает, например, избегание слов, предполагающих мужской или женский род ("клиенты" вместо "клиенты и клиентки", если контекст позволяет); учёт того, что люди могут не идентифицировать себя с бинарными категориями (мужчина/женщина). Задача переводчика — найти баланс между инклюзивностью и естественностью языка, чтобы текст оставался понятным и эффективным для выполнения своей цели.

Сексизм в языке – это новый и очень важный вопрос, который требует обсуждения. Он тесно связан с феноменом гендерной дискриминации, поскольку язык является социальным явлением и отражает социальную реальность. С учетом этого, язык является не только зеркалом, отражающим социальную реальность, но и инструментом укоренения определенной социальной структуры. Что касается причин сексизма, то считается, что существует два основных фактора, влияющих на данный феномен: первый фактор – социально-экономическая причина, другой – социализация [4, с. 35].

Современные медиа постепенно адаптируют инклюзивные языковые стратегии [2, с. 515], однако в русскоязычном пространстве этот процесс идёт медленнее. Инклюзивные языковые практики активно распространяются в международной коммуникации, включая массовые культурные события [7, с. 120].

Почему же инклюзивность так важна и стала приоритетом в современном мире, международной корпоративной культуре и маркетинге?

Компании мирового уровня (Apple, Unilever, Microsoft) сознательно переходят на инклюзивные формулировки, демонстрируя приверженность принципам diversity & inclusion. Это становится таким же стандартом, как экологическая политика или цифровая трансформация. Компании, таким образом, расширяют

свою аудиторию; например, 56% потребителей Gen Z считают гендерную нейтральность важным фактором при выборе бренда (Pew Research, 2023).

В странах ЕС и некоторых штатах США требования к инклюзивной коммуникации закреплены законодательно. Например, немецкий закон об равенстве (Allgemeines Gleichbehandlungsgesetz) предусматривает штрафы за гендерную дискриминацию в HR-текстах. Поэтому можно сделать вывод, что путь инклюзивности – это путь минимизации нежелательных юридических исков.

К тому же вакансии с нейтральными формулировками получают на 30% больше откликов (LinkedIn, 2022). Такие фразы, как "кандидат должен" вместо "он должен", увеличивают diversity hiring.

Английский язык часто называют одним из самых гендерно-нейтральных среди европейских языков, поскольку в нём есть гендерно-нейтральные местоимения (например, «they» в единственном числе) и в основном бесполое существительные (doctor, secretary). Однако, есть те, кто считает, что использование одной и той же формы местоимения для единственного и множественного числа может привести к путанице и затруднить понимание. Например, в предложении "A customer is a very important person. He should be treated well" местоимение "he" явно указывает на одного клиента. Однако в варианте "A customer is a very important person. They should be treated well" использование "they" может восприниматься как обращение к группе клиентов, что создает двусмысленность [8].

Кроме того, многие устаревшие гендерные термины (stewardess, fireman) были заменены на нейтральные (flight attendant, firefighter). Английский стал гендерно-нейтральным благодаря простой грамматике (нет родов), социальным изменениям и современным бизнес-практикам (глобальные компании).

Более того, чтобы исключить даже намёки на связь с гендером, активисты США и Великобритании подумывают об унификации в названиях профессий: Receptionist – Time Value Savior; Accountant – Business Health Analyzer; Waiter/Waitress – Waitron; Partner – Chief of making it happen; brew master – head brewer и т.д.

В конце августа 2018 года в Оксфордский словарь английского языка (OED) официально был внесён новый гендерно-нейтральный префикс «Mx.», предназначенный для людей, которые избегают указания своего пола (вместо Ms, Miss, Mrs и Mr).

Местоимение «Shklee» (shklim/shkler) можно услышать в сериях американского сатирического мультфильма «Футурама». Тем не менее, это местоимение уже вошло в словарь слов и фраз англоязычного сленга Urban Dictionary («Yo, did you hear Max is a girl now? – Nah it's a Shklee»).

Турецкий – ещё один хороший пример гендерно-нейтрального языка, так как в нём обычно не указывается пол говорящего. Как и в английском, слова вроде doktor (врач) или sekreter (секретарь) изначально нейтральны.

Но, конечно, есть языки гораздо более гендерно-специфически ориентированные. Например, арабский язык. В арабском мы используем мужские формы, когда говорим о смешанной группе мужчин и женщин, даже когда число женщин превышает число мужчин.

Одно из объяснений этого правила состоит в том, что один мужчина превосходит бесконечное количество женщин. Вот почему некоторые ученые утверждают, что арабская грамматика по своей сути андроцентрична (то есть ориентирована на мужчин).

Грамматическая ориентация на мужской пол находит подтверждение в так называемой гипотезе деривации, предложенной как классическими, так и современными лингвистами. Согласно этой теории, наличие дополнительного звука или буквы в формах женского рода по сравнению с мужским трактуется ими как доказательство того, что женские формы возникли путем добавления суффиксов к исходным формам мужского рода, что свидетельствует о первичности последних в истории языка.

В арабском избежать мужского доминирования – сложная задача. Кроме того, арабский крайне разнообразен: употребление зависит от диалекта, региона и политических взглядов. Общепринятых в английском языке нейтральных местоимений в арабском, конечно, нет.

Ещё одним языком, в котором отсутствует гендерная нейтральность, является иврит. Едва ли в иврите можно составить предложение без упоминания рода. У каждого предмета есть свой род: например, стол мужского рода, а дверь женского, – и в языке нет гендерно-нейтральных терминов для обозначения людей и групп людей.

Но в последние годы многие израильтяне настаивают на изменении иврита и даже его алфавита, чтобы устранить то, что они считают врождёнными недостатками языка, современная форма которого сохранила грамматические нормы библейских времён.

В русском языке гендерная нейтральность также выражена слабо из-за грамматической обязательности рода у существительных, прилагательных, глаголов прошедшего времени и некоторых других частей речи. Русский язык обладает меньшей гибкостью в вопросах гендерной нейтральности по сравнению с англий-

ским, что создаёт трудности при переводе [3, с. 50]. Но некоторые стратегии возможны, и переводчику необходимо уметь их использовать. Среди стратегий сохранения гендерной неопределённости при переводе выделяют выбор нейтральной лексики и использование множественного числа [5, с. 10]. Например,

1) Для профессий – выбирать изначально нейтральные слова (автор, куратор).

а) Оригинал (англ.): "We are looking for a talented writer for our team."

Традиционный перевод: "Мы ищем талантливого писателя / писательницу для нашей команды."

Гендерно-нейтральный вариант: "Мы ищем талантливого автора для нашей команды." (слово "автор" нейтрально).

б) Оригинал: "The teacher should prepare materials in advance."

Традиционный перевод: "Учитель / учительница должен / должна подготовить материалы заранее."

Гендерно-нейтральный вариант: "Педагог должен подготовить материалы заранее." (замена на нейтральное "педагог").

2) Для местоимений – использовать множественное число или описательные фразы. Рассмотрим примеры:

а) Оригинал: "Every participant must bring his / her ID."

Традиционный перевод: "Каждый участник / участница должен / должна привезти свой паспорт."

Гендерно-нейтральный вариант:

Множественное число: "Все участники должны привезти свои паспорта."

Описательная конструкция: "Участник(-иня) должен(-а) привезти свой паспорт." (редко, но встречается в прогрессивных текстах).

б) Оригинал: "If a customer needs help, he / she can contact support."

Традиционный перевод: "Если клиенту нужна помощь, он / она может обратиться в поддержку."

Гендерно-нейтральный вариант:

Множественное число: "Если клиентам нужна помощь, они могут обратиться в поддержку."

Перефразирование: "Любой клиент может обратиться в поддержку за помощью."

3) В прогрессивных контекстах – экспериментировать с символами или заимствованиями, но готовиться к критике (например, в письменном переводе).

Приведем несколько примеров гендерно-нейтральных и гендерно-специфичных объявлений о работе на английском языке:

1. Гендерно-нейтральные объявления (Inclusive Language)

а) (нейтральное местоимение "they"): "We are looking for a Sales Manager who will help their team achieve targets. They should have at least 3 years of experience in B2B sales." Данный пример не ограничивает круг кандидатов по полу, а местоимение "their / they" включает всех: мужчин, женщин, не отталкивая талантливых специалистов из-за гендерных стереотипов.

б) (отказ от местоимений): "Our company seeks a Marketing Specialist with strong analytical skills. The ideal candidate has experience in digital campaigns and SEO optimization."

с) (множественное число): "Software Developers wanted! Successful candidates will work on innovative projects using Python and JavaScript."

д) (нейтральные формулировки): "Customer Support Representative needed to assist clients via email and chat. No prior experience required – training provided!"

е) (акцент на навыках, а не поле): "Join our team as a Project Coordinator! Key responsibilities include scheduling meetings, tracking deadlines, and communicating with stakeholders."

2. Гендерно-специфичные объявления (Traditional / Gendered Language)

а) (мужской род): "We need a hardworking salesman who can meet his monthly quotas. He must have a driver's license and be willing to travel."

б) (женский род): "Looking for a receptionist to manage our front desk. She should be polite, well-groomed, and fluent in English."

с) (стереотипные роли): "Waitress wanted for a busy café. She must be friendly and able to work weekends."

д) (устаревшие формулировки): "Cleaning lady needed for an office in downtown. She will be responsible for daily maintenance."

Даже если в языке нет аналога "they / them", можно избегать местоимений ("Успешный кандидат будет..." → "Требуется специалист...").

Теперь, когда разница между гендерно-нейтральными и гендерно-специфическими объявлениями чётко видна, мы рассмотрим некоторые стратегии перевода гендерно-нейтральных объявлений (так как именно

их придерживается мировая корпоративная культура) с английского на русский язык с сохранением первоначального замысла оригинала.

Оригинал (английский): "We're looking for a talented Software Engineer to join our team. They will develop innovative solutions using modern technologies. The ideal candidate has 3+ years of experience in backend development."

Перевод (русский): "Мы ищем талантливого разработчика программного обеспечения для нашей команды. Специалист будет создавать инновационные решения с использованием современных технологий. Идеальный кандидат имеет 3+ года опыта в бэкенд-разработке."

Рассмотрим основные стратегии перевода, использованные переводчиком:

1. Замена местоимения "they" на существительное.

Англ.: "They will develop..." → Рус.: "Специалист будет создавать..."

Почему: В русском нет нейтрального местоимения единственного числа, аналогичного "they".

2. Использование нейтральных профессиональных терминов.

"Software Engineer" → "разработчик программного обеспечения" (вместо "инженер-программист", что звучит мужско-ориентированно).

3. Применение существительных общего рода.

"The ideal candidate" → "Идеальный кандидат" (слово "кандидат" в русском – общего рода).

4. Избегание гендерных местоимений.

Вместо "он / она будет работать" → "специалист будет работать".

5. Акцент на профессиональных качествах.

Сохранение фокуса на опыте и навыках, а не на личных характеристиках.

В следующем примере используется возвратное местоимение "свой" вместо "его / её".

Оригинал: "Every team member should update their profile in the system."

Перевод: "Каждому члену команды необходимо обновить свой профиль в системе."

В данном примере наблюдается опущение местоимения, использование существительного общего рода "преподаватель").

Оригинал: "A good teacher adapts their methods to students' needs."

Перевод: "Хороший преподаватель адаптирует методы под потребности студентов."

Приведенные выше стратегии перевода работают, так как:

1. Соответствуют нормам русского языка, не создавая искусственных конструкций.

2. Сохраняют профессиональный тон и подходят для делового общения.

3. Не исключают ни одну группу – одинаково обращаются ко всем кандидатам.

4. Фокусируются на сути – делают акцент на профессиональных требованиях.

Выводы

Таким образом, мы приходим к выводу, что гендерная нейтральность в переводе – сложная задача. Одни языки активно развивают инклюзивные формы, другие пока отстают. Часто приходится искать компромисс между желаемым и возможным. Переводчик не может навязать языку изменения – даже ради благих целей. Хотя гендерная нейтральность важна для многих, ограничения языка остаются объективной реальностью.

Проанализировав множество иноязычных объявлений о вакансиях, рекламных объявлений и их переводов на русский язык, мы можем сделать вывод, что для максимальной инклюзивности в русском языке рекомендуется:

1. Использовать существительные общего рода ("сотрудник", "специалист").

2. Применять множественное число ("кандидаты должны").

3. Избегать указания пола там, где это не требуется.

4. Использовать безличные конструкции ("необходимо выполнить").

Не стоит забывать тот факт, что каждый язык и культура уникальны. Язык всегда был сложным, и гендерная нейтральность – не исключение.

Список источников

1. Гусейнова Г.Н. Гендерно-нейтральный язык как лингвистический феномен: когнитивно-дискурсивный анализ // Вопросы психолингвистики. 2022. № 3 (52). С. 78 – 95.

2. Зиновьева Е.И. Инклюзивные языковые практики в современном медиапространстве // Медиалингвистика. 2021. Т. 8. № 4. С. 512 – 525.

3. Кирилина А.В. Гендерная лингвистика и проблемы языковой политики // Социальные и гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 45 – 62.
4. Кирилина А.В. Гендер и язык. М.: Языки романо-германской культуры, 2005. 652 с.
5. Ковалева Е.Д. Феминитивы и гендерно нейтральные слова в английском языке // Профессиональная коммуникация: язык, культура, перевод: сборник статей Внутривузовской молодежной научной конференции. Курск, 9 ноября 2021 года. Курск: ЮгоЗападный государственный университет, 2021. С. 140 – 143.
6. Ковалева Е.Д., Кошмина А.С., Власенко Н.И. Гендерная нейтральность языка и ее влияние на языковые нормы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. № 12 (3). С. 68 – 76.
7. Ковалевская Т.В., Садчикова А.А. Способы сохранения гендерной неопределенности персонажей при переводе с английского языка на русский // Русская речь. 2023. № 5. С. 7 – 18.
8. Кошмина А.С. Гендерно-нейтральный английский // Профессиональная коммуникация: язык, культура, перевод: сборник статей Внутривузовской молодежной научной конференции. Курск, 9 ноября 2021 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 146 – 150.
9. Baron D. What's Your Pronoun? Beyond He and She. Liveright Publishing. 2018. 304 p.
10. Motschenbacher H. Language, Normativity and Europeanisation: Discursive Evidence from the Eurovision Song Contest. Palgrave Macmillan. 2020. 278 p.

References

1. Guseinova G.N. Gender-neutral language as a linguistic phenomenon: cognitive-discursive analysis. Issues of psycholinguistics. 2022. No. 3 (52). P. 78 – 95.
2. Zinovieva E.I. Inclusive language practices in the modern media space. Medialinguistics. 2021. Vol. 8. No. 4. P. 512 – 525.
3. Kirilina A.V. Gender linguistics and problems of language policy. Social and humanitarian sciences. 2020. No. 1. P. 45 – 62.
4. Kirilina A.V. Gender and language. Moscow: Languages of Romano-Germanic Culture, 2005. 652 p.
5. Kovaleva E.D. Femininitives and Gender-Neutral Words in English. Professional Communication: Language, Culture, Translation: Collection of Articles from the Intra-University Youth Scientific Conference. Kursk, November 9, 2021. Kursk: Southwestern State University, 2021. P. 140 – 143.
6. Kovaleva E.D., Koshmina A.S., Vlasenko N.I. Gender Neutrality of Language and Its Influence on Language Norms. Bulletin of Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy. 2022. No. 12 (3). P. 68 – 76.
7. Kovalevskaya T.V., Sadchikova A.A. Ways to Preserve Gender Ambiguity of Characters When Translating from English into Russian. Russian Speech. 2023. No. 5. P. 7 – 18.
8. Koshmina A.S. Gender-Neutral English. Professional Communication: Language, Culture, Translation: A Collection of Articles from the Intra-University Youth Scientific Conference. Kursk, November 9, 2021. Kursk: Southwestern State University, 2021. P. 146 – 150.
9. Baron D. What's Your Pronoun? Beyond He and She. Liveright Publishing. 2018. 304 p.
10. Motschenbacher H. Language, Normativity, and Europeanization: Discursive Evidence from the Eurovision Song Contest. Palgrave Macmillan. 2020. 278 p.

Информация об авторах

Мисиева Л.А., доктор филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, luizaah_83@mail.ru

Ястребова А.Э., преподаватель, Дагестанский государственный университет

© Мисиева Л.А., Ястребова А.Э., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.1/.7

¹ Глухов И.Ю., ¹ Передерий С.Н.

¹ Ялтинская гуманитарно-педагогическая академия

Лингвистические особенности поэтического языка (на примере Российского художника Владимира Боровиковского)

Аннотация: проблема взаимосвязи различных видов искусства представляет собой одну из фундаментальных философско-эстетических проблем, требующую комплексного междисциплинарного подхода к пониманию природы художественного творчества. В контексте творчества Владимира Лукича Боровиковского особую актуальность приобретает исследование лингвистических особенностей поэтического языка как универсального средства художественного выражения, способного трансформироваться из вербальной формы в визуальную и обратно, создавая единое семантическое пространство культуры. Живопись Боровиковского представляет собой уникальное явление в истории русского искусства рубежа XVIII-XIX веков, где визуальный образ приобретает характеристики поэтического текста, демонстрируя глубинное единство художественного мышления независимо от конкретной формы его материального воплощения.

Ключевые слова: поэзия, философия, культура, искусство, живопись, художественный язык

Для цитирования: Глухов И.Ю., Передерий С.Н. Лингвистические особенности поэтического языка (на примере Российского художника Владимира Боровиковского) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 264 – 269.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Glukhov I.Yu., ¹ Perederiy S.N.

¹ Yalta Humanitarian and Pedagogical Academy

Linguistic features of poetic language (based on the works of the Russian artist Vladimir Borovikovsky)

Abstract: the problem of the relationship between different types of art is one of the fundamental philosophical and aesthetic issues that requires a comprehensive interdisciplinary approach to understanding the nature of artistic creation. In the context of Vladimir Lukich Borovikovsky's work, the study of the linguistic features of poetic language as a universal means of artistic expression that can transform from verbal to visual and vice versa, creating a unified semantic space of culture, becomes particularly relevant. Borovikovsky's painting is a unique phenomenon in the history of Russian art at the turn of the 18th and 19th centuries, where the visual image takes on the characteristics of a poetic text, demonstrating the profound unity of artistic thinking regardless of the specific form of its material embodiment.

Keywords: poetry, philosophy, culture, art, painting, and artistic language

For citation: Glukhov I.Yu., Perederiy S.N. Linguistic features of poetic language (based on the works of the Russian artist Vladimir Borovikovsky). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 264 – 269.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Философские основания синтеза поэтического языка и живописи восходят к античной традиции понимания искусства как мимесиса, подражания природе, однако в творчестве Боровиковского эта классическая концепция приобретает качественно новое звучание, обогащаясь идеями сентиментализма и предромантического мировосприятия. Художник не просто воспроизводит внешние формы физической реальности, но создает особый поэтический универсум, где каждая деталь живописного полотна функционирует как элемент развернутой метафоры, как поэтическое слово, наделенное множественными смысловыми коннотациями и способное вызывать сложные ассоциативные цепи в сознании зрителя. Портретная живопись мастера демонстрирует характерные особенности поэтического языка эпохи сентиментализма, трансформированные в визуальные образы и композиционные решения, что позволяет говорить о формировании особого типа художественного сознания, синтезирующего различные виды искусства [4].

Концептуальная основа поэтической живописи Боровиковского базируется на философии чувственного познания мира, характерной для эпохи Просвещения, но переосмысленной в духе нового понимания роли эмоции и интуиции в процессе художественного творчества. Художник создает визуальный язык, который функционирует по законам поэтической речи, где каждый элемент изображения несет символическую нагрузку и участвует в создании общего поэтического смысла произведения, формируя сложную многоуровневую структуру художественного содержания. Лингвистические категории поэтического текста находят свое воплощение в живописных средствах выразительности, создавая уникальный синтетический художественный язык, способный передавать тонкие нюансы человеческой психологии и философские концепции времени [11].

Материалы и методы исследований

Методологическую основу настоящего исследования составляет междисциплинарный подход, интегрирующий методы лингвистического анализа, искусствоведческого исследования и философско-эстетической рефлексии. Такой комплексный подход обусловлен спецификой объекта исследования, требующего синтеза различных научных дисциплин для адекватного понимания природы художественного творчества Владимира Боровиковского как явления, находящегося на пересечении визуального и вербального искусства.

В качестве основного материала исследования выступает корпус живописных произведений Владимира Лукича Боровиковского, включающий портретные работы различных периодов творчества художника, начиная с ранних произведений 1780-х годов и заканчивая поздними работами 1820-х годов. Особое внимание уделяется наиболее значительным произведениям мастера, таким как портреты Екатерины II на прогулке в Царскосельском парке, портрет М.И. Лопухиной, портреты семейства Гагариных, а также камерные портреты представителей русского дворянства конца XVIII – начала XIX века. Выбор данных произведений обусловлен их репрезентативностью для различных этапов творческой эволюции художника и разнообразием художественных решений, позволяющих проследить особенности поэтического языка в его визуальном воплощении.

Лингвистический анализ поэтических текстов осуществляется с применением методов стилистического анализа, позволяющих выявлять особенности использования языковых средств на различных уровнях организации текста. Применяются методы фонетического, морфологического, лексического и синтаксического анализа, направленные на выявление специфических черт поэтического языка эпохи. Особое внимание уделяется анализу тропеической системы поэтических произведений, включающему исследование метафор, метонимий, синекдох и других средств создания образности.

Компаративистский метод применяется для сопоставления особенностей организации поэтического и живописного языков, выявления общих принципов художественного мышления и специфических особенностей каждого вида искусства. Сравнительный анализ позволяет установить типологические сходства и различия между различными формами художественного выражения, выявить универсальные законы художественного творчества и их специфические проявления в конкретных видах искусства.

Историко-культурный метод обеспечивает контекстуализацию художественных явлений, позволяет рассматривать творчество Боровиковского в широком контексте русской и европейской культуры рубежа XVIII-XIX веков. Данный метод включает анализ социокультурных условий творчества, особенностей мировоззрения эпохи, влияния философских и эстетических концепций на художественную практику. Особое внимание уделяется анализу взаимодействия русской и западноевропейской культурных традиций, выявлению специфики национального художественного сознания.

Феноменологический метод применяется для анализа процессов художественного восприятия, позволяет исследовать механизмы воздействия художественного произведения на зрителя или читателя. Данный подход основывается на понимании художественного произведения как особого типа коммуникации между автором и реципиентом, осуществляемой через систему художественных знаков. Феноменологический анализ позволяет выявить особенности эстетического переживания, возникающего при восприятии произведений искусства.

Психологический метод используется для исследования процессов художественного творчества и восприятия, позволяет анализировать механизмы создания художественных образов и их воздействия на психику человека. Применяются достижения психологии творчества, психологии искусства, когнитивной психологии, позволяющие понять закономерности функционирования художественного сознания. Особое внимание уделяется анализу роли эмоционального компонента в процессах художественного творчества и восприятия.

Структурно-функциональный анализ применяется для исследования внутренней организации художественных произведений, выявления принципов их построения и функционирования. Данный метод позволяет рассматривать художественное произведение как целостную систему, элементы которой взаимосвязаны и выполняют определенные функции в создании общего художественного эффекта. Структурный анализ дополняется функциональным подходом, позволяющим понять роль различных элементов произведения в создании его художественного содержания.

Типологический метод используется для классификации художественных явлений, выявления общих типов и закономерностей развития искусства. Применение данного метода позволяет определить место творчества Боровиковского в общей системе художественной культуры, выявить его связи с предшествующей традицией и влияние на последующее развитие искусства. Типологический анализ включает сопоставление различных художественных явлений по формальным и содержательным критериям.

Метод контент-анализа используется для систематического исследования содержания художественных произведений, позволяет выявить повторяющиеся мотивы, образы, темы, проследить их эволюцию в творчестве художника. Данный метод особенно эффективен при анализе большого корпуса произведений, позволяет выявить статистически значимые закономерности в творчестве мастера.

Дискурс-анализ применяется для исследования художественных произведений как элементов более широких культурных дискурсов эпохи. Данный метод позволяет выявить связи между художественными произведениями и идеологическими, философскими, религиозными концепциями времени, понять механизмы формирования культурных смыслов и их трансляции через произведения искусства.

Интегральный характер методологии исследования обеспечивается применением принципа дополненности, позволяющего сочетать различные подходы к анализу художественного материала. Каждый метод применяется в соответствии со спецификой конкретной исследовательской задачи, что обеспечивает максимальную эффективность научного анализа и достоверность полученных результатов. Сочетание различных методологических подходов позволяет создать целостную картину художественного явления, учитывающую его многогранность и сложность.

Верификация результатов исследования осуществляется через сопоставление полученных выводов с данными других исследователей, анализ произведений других художников эпохи, привлечение дополнительных источников и материалов. Применяется принцип триангуляции, предполагающий использование различных методов для исследования одного и того же явления, что повышает надежность и валидность полученных результатов.

Результаты и обсуждения

Метафорическая природа живописного языка Боровиковского проявляется в особой организации образов ряда его произведений, где принципы поэтической метафоры транспонируются в область визуального искусства. Каждый портрет представляет собой развернутую поэтическую метафору, где внешние характеристики модели служат средством выражения ее внутреннего мира, духовных качеств, социального положения и культурной принадлежности. Цветовая гамма, композиционное решение, система жестов и поз создают сложную семантическую структуру, аналогичную тропеической системе поэтического произведения, где каждый элемент взаимодействует с другими, создавая эффект смыслового резонанса. Живописная метафора у Боровиковского функционирует как поэтическая, основываясь на принципе подобия и ассоциативных связей между различными планами художественного содержания, что позволяет создавать произведения исключительной глубины и выразительности [3].

Ритмическая организация живописного пространства в произведениях Боровиковского демонстрирует глубокое понимание художником законов поэтической речи и их применимости к визуальному искусству.

Композиционный ритм создается через повторение и варьирование визуальных элементов, подобно тому, как в поэтическом тексте ритм возникает через чередование ударных и безударных слогов, создавая определенную музыкальность художественного произведения. Цветовые акценты, световые пятна, линии и формы организуются в сложную ритмическую структуру, которая воздействует на зрителя аналогично воздействию поэтического ритма на читателя, формируя определенное эмоциональное состояние и направляя процесс художественного восприятия. Эта ритмическая организация создает особое эмоциональное состояние, способствует углублению художественного восприятия и формированию целостного эстетического впечатления от произведения.

Символическая система живописи Боровиковского функционирует как развернутая поэтическая символика, где конкретные предметы и детали изображения приобретают обобщенное, универсальное значение, выходящее за рамки их непосредственной предметной функции. Цветы в руках портретируемых, элементы пейзажного фона, детали костюма и интерьера становятся носителями символических смыслов, создавая многоуровневую семантическую структуру произведения, способную функционировать как сложный культурный текст. Подобно тому, как в поэтическом тексте символ функционирует как концентрированный образ, несущий глубокий философский смысл и способный вызывать множественные ассоциации, в живописи Боровиковского символические элементы создают дополнительные смысловые пласты, обогащающие художественное содержание и расширяющие интерпретационные возможности произведения.

Стилистическая дифференциация в творчестве художника проявляется через различные манеры письма и композиционные приемы, соответствующие различным стилистическим регистрам поэтического языка и отражающие социокультурную стратификацию общества эпохи. Официальные портреты выполнены в торжественной манере, соответствующей высокому поэтическому стилю с его возвышенной лексикой и сложной синтаксической организацией, в то время как камерные произведения демонстрируют более интимную, лирическую стилистику, аналогичную средним и низким стилям поэтического языка. Эта дифференциация позволяет художнику создавать произведения, адекватные различным коммуникативным ситуациям и социальным контекстам, подобно тому, как поэт выбирает соответствующий стилистический регистр в зависимости от жанра, темы произведения и предполагаемой аудитории [6].

Эмоционально-экспрессивная функция живописного языка Боровиковского реализуется через систему выразительных средств, аналогичную эмоционально-экспрессивным средствам поэтической речи, где каждый элемент формы несет определенную эмоциональную нагрузку. Цветовые сочетания, световые контрасты, динамика линий создают определенное эмоциональное воздействие, формируют настроение зрителя и направляют процесс эстетического восприятия в нужном художнику направлении. Художник использует возможности живописного языка для передачи тонких психологических состояний, эмоциональных переживаний и духовных исканий эпохи, создавая произведения, обладающие высокой степенью эмоционального воздействия и способные вызывать глубокие эстетические переживания у зрителей различных поколений [2].

Нарративная структура живописных произведений Боровиковского демонстрирует принципы организации, характерные для поэтического повествования, где временная последовательность событий заменяется пространственной организацией смысловых элементов. Каждый портрет рассказывает определенную историю, но эта история передается не через последовательное развертывание событий во времени, как в эпических жанрах, а через концентрированное изображение определенного момента, который содержит в себе всю полноту характеристики персонажа и его жизненной ситуации. Подобно тому, как в лирическом стихотворении поэт создает концентрированный образ определенного эмоционального состояния или философской идеи, не развертывая их во времени, а представляя в их завершенной форме, Боровиковский создает визуальные образы, несущие глубокое психологическое и философское содержание [7].

Интертекстуальные связи в творчестве художника проявляются через обращение к традиционным мотивам и образам европейской живописи, которые переосмысливаются и получают новую интерпретацию в контексте русской культуры и специфики национального художественного сознания. Подобно тому, как поэтический текст вступает в диалог с литературной традицией через систему аллюзий и реминисценций, создавая сложную интертекстуальную структуру, живописные произведения Боровиковского содержат отсылки к произведениям предшественников и современников, создавая сложную систему культурных ассоциаций и смысловых связей, которая обогащает содержание произведений и расширяет их культурный контекст.

Семиотическая природа живописного языка Боровиковского основывается на принципах функционирования поэтического языка как особой знаковой системы, где означающее и означаемое связаны не произвольной, а мотивированной связью. Каждый элемент живописного произведения функционирует как знак, обладающий определенным значением и включенный в сложную систему семантических отношений с дру-

гими элементами произведения и с культурным контекстом эпохи. Иконические, индексальные и символические функции живописных знаков создают многоуровневую семиотическую структуру, аналогичную семиотической организации поэтического текста, где различные уровни значения взаимодействуют, создавая эффект смысловой глубины и многозначности [8].

Философско-эстетическая концепция творчества Боровиковского основывается на понимании искусства как особого способа познания мира и человека, альтернативного научному познанию и обладающего своими специфическими возможностями и преимуществами. Живопись становится средством философской рефлексии, способом постижения глубинных закономерностей человеческого бытия и универсальных принципов мироустройства. Подобно тому, как поэтический язык позволяет выразить невыразимое, передать тонкие оттенки человеческих переживаний и философских идей, которые с трудом поддаются рациональному анализу, живописный язык Боровиковского создает возможности для выражения сложных духовных состояний и философских концепций, недоступных для других форм художественного выражения [1].

Временная организация живописного произведения у Боровиковского демонстрирует особенности, характерные для поэтической темпоральности, где физическое время трансформируется в художественное время произведения. Художник создает особое художественное время, которое не совпадает с физическим временем, но обладает своими внутренними закономерностями и логикой развития. Момент, запечатленный в портрете, приобретает характер вечности, становится символом определенного жизненного этапа или духовного состояния, выходящего за рамки конкретной исторической ситуации. Эта временная концентрация аналогична поэтической способности передавать в кратком тексте глубокое философское содержание, создавать образы, обладающие универсальным значением и способные воздействовать на читателей различных эпох.

Выводы

Пространственная организация живописных произведений Боровиковского создает особое художественное пространство, функционирующее по законам поэтического пространства, где географические и физические характеристики подчиняются логике художественного содержания. Физическое трехмерное пространство трансформируется в художественное пространство, где каждая деталь несет смысловую нагрузку, где расположение объектов определяется не только законами перспективы и анатомии, но и логикой художественного содержания, символической программой произведения. Подобно тому, как в поэтическом произведении пространственные образы служат средством выражения духовного содержания, создают особую атмосферу и настроение, в живописи Боровиковского пространственная организация становится носителем глубокого символического смысла, средством выражения философских идей и эмоциональных состояний.

Лингвистические особенности поэтического языка в творчестве Боровиковского проявляются также в особой организации цветовой палитры, которая функционирует как своеобразный словарь художника, где каждый цвет обладает определенной семантикой и эмоциональной окраской. Колористические решения художника демонстрируют принципы организации, аналогичные принципам организации поэтической лексикой, где выбор конкретного слова определяется не только его денотативным значением, но и коннотативными оттенками, способностью вызывать определенные ассоциации и эмоциональные реакции. Цветовая гармония в произведениях Боровиковского создается по принципам, аналогичным принципам создания звуковой гармонии в поэтическом произведении, где важную роль играют повторы, вариации, контрасты и переходы.

Таким образом, творчество Владимира Боровиковского представляет собой уникальный синтез живописного и поэтического языков, где визуальные средства выразительности функционируют по законам поэтической речи, создавая произведения высокой художественной ценности и глубокого философского содержания. Лингвистические особенности поэтического языка находят свое воплощение в живописных средствах, демонстрируя универсальность законов художественного творчества и единство различных видов искусства в их стремлении к постижению и выражению человеческого опыта, к созданию художественной картины мира, способной воздействовать на духовную сферу человека и формировать его эстетические и этические представления.

Список источников

1. Алексеева Т.В. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII-XIX веков. М., 1975. 421 с.
2. Лукич В.Б., Столбова Е., Максимова А. 1757-1825. Религиозная живопись. СПб., 2009. 103 с.

3. Лосев А.Ф. Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе // Литература и живопись. Л.: Наука, 1982. С. 31 – 65.
4. Маркина Л.А. «... Красоту её Боровиковский спас»: Владимир Лукич Боровиковский. 1757-1825: К 250-летию со дня рождения художника. М., 2008. 231 с.
5. Пигарев К. Русская литература и изобразительное искусство: Очерки о русском национальном пейзаже. М.: Наука, 1972.
6. Поташова К.А. Традиции и новаторство русской литературы конца XVIII – первой трети XIX века в аспекте усвоения опыта живописи. М.: Флинта, 2021. 373 с.
7. Рубинс М. Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция. СПб.: Акад. проект, 2003. 357 с.
8. Фарино Е. Семиотические аспекты поэзии о живописи // Russian Literature. 1979. С. 65 – 94.
9. Фотиева И.В. «Экспрессионизм в живописи: философские размышления» // «Искусство Евразии». 2023. № 3 (30). С. 234 – 245.
10. Фотиева И.В. Экспрессионизм в живописи: философские размышления // Искусство Евразии. 2023. № 3 (30).
11. Янь Ланьлань. «Терминология живописи в русском языке (структурный и функциональный аспекты)»: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. М., 2014. 24 с.

References

1. Alekseeva T.V. Vladimir Lukich Borovikovsky and Russian Culture at the Turn of the 18th-19th Centuries. Moscow, 1975. 421 p.
2. Lukich V.B., Stolbova E., Maksimova A. 1757-1825. Religious Painting. St. Petersburg, 2009. 103 p.
3. Losev A.F. The Problem of Variable Functioning of Pictorial Imagery in Fiction. Literature and Painting. Leningrad: Nauka, 1982. P. 31 – 65.
4. Markina L.A. “... Borovikovsky Saved Her Beauty”: Vladimir Lukich Borovikovsky. 1757-1825: On the 250th Anniversary of the Artist’s Birth. Moscow, 2008. 231 p.
5. Pigarev K. Russian Literature and Fine Art: Essays on the Russian National Landscape. Moscow: Nauka, 1972.
6. Potashova K.A. Traditions and Innovations of Russian Literature of the Late 18th – First Third of the 19th Century in Terms of Assimilation of Painting Experience. Moscow: Flinta, 2021. 373 p.
7. Rubins M. Plastic Joy of Beauty: Ekphrasis in the Works of the Acmeists and the European Tradition. St. Petersburg: Acad. Proekt, 2003. 357 p.
8. Farino E. Semiotic Aspects of Poetry about Painting. Russian Literature. 1979. P. 65 – 94.
9. Fotieva I.V. “Expressionism in Painting: Philosophical Reflections”. “Art of Eurasia”. 2023. No. 3 (30). P. 234 – 245.
10. Fotieva I.V. Expressionism in Painting: Philosophical Reflections. Art of Eurasia. 2023. No. 3 (30).
11. Yan Lanlan. “Terminology of Painting in the Russian Language (Structural and Functional Aspects)”: Diss. ... Cand. of Philological Sciences: 5.9.8. Moscow, 2014. 24 p.

Информация об авторах

Глухов И.Ю., Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Ялта, inyu2003@yandex.ru

Передерий С.Н., кандидат филологических наук, доцент, кафедра филологии и методики преподавания, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Ялта, s-peredery@mail.ru